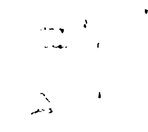
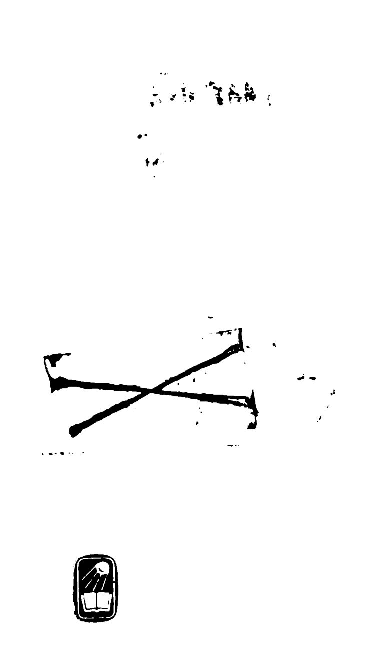
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЭТИМОЛОГИЯ
1980

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1982

Очередной том ежегодника объединяет статьи по русской, славянской и индоевропейской этимологии. Ряд статей посвящен этимологизации заимствований. Специально рассматриваются также вопросы славянского словообразования. В критико-библиографический отдел входят рецензии на новые публикации, существенные для этимологических исследований.

Этимология
1980

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства Т. М. Дривинг. Художественный редактор Т. П. Поленова
Технический редактор А. М. Сатарова
Корректор В. А. Березина

ИБ № 25057

Сдано в набор 11.09.81. Подписано к печати 08.02.82. Формат 60×90 1/16. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,5. Усл. кр. отт. 12,7. Уч.-изд. л. 15,4. Тираж 2550 экз. Тип. зак. 715. Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

Э $\frac{4602000000-093}{042 (02)-82}$ 495-82.

СТАТЬИ

О. Н. Трубачев

ИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ПРАСЛАВЯНСКОМУ СЛОВООБРАЗОВАНИЮ: ГЕНЕЗИС МОДЕЛИ НА *-ěninъ*, **-janinъ*

Рассматриваемые ниже вопросы весьма сложны, так как затрагивают лексику, словообразование, морфологию, т. е. грамматику, а также лексическую и функциональную семантику и разные уровни употребления слов — апеллативный и ономастический. Естественно, что все это тесно связано в конечном счете с этимологией. Если добавить, что данная категория, характеризующаяся теперь бесконечностью, в начале своего развития отличалась не только конечностью, но и единичностью, то это представит интерес также для наблюдений над общей эволюцией языка. В неменьшей степени побудила заняться изучением вопроса противоречивость существующих в литературе высказываний и анализов, которые способны затемнить сущность важного вопроса, заслуживающего монографии, а не только краткого и вынужденно неполного очерка.

Производные имена с формантом *-ěninъ*, **-janinъ* в славянских языках представляют собой открытый ряд и, можно сказать, неисчислимы теперь по своей продуктивности. От мысли дать подробный перечень их в краткой статье мы заранее отказываемся, но это едва ли выполнимо и для специальной монографии. Определенное представление дает материал, собранный у Миклошича (графика сохраняется)[1]: ст.-слав. *efesêninъ*, *efešaninъ*, *farisêjaninъ*, *galilejaninъ*, *izrailьtêninъ*, *kirinêjaninъ*, *kritêninъ*, *krištaninъ*, *midêninъ*, *nazarêninъ*, *nazarjaninъ*, *rimljaninъ*, *rumêninъ*, *samarêninъ*, *samarjaninъ*, *slovêninъ*, *graždaninъ*, *selêninъ*, *seljaninъ*, *mirêninъ*, *zemljaninъ*; словен. *dobrovčanin*, (без *-in*:) *deželan*, *dvoran*, *gorčan* < *goričan*, *krajnščan*, *meščan*, *rimljan*, *seljan*, *veščan*; болг. *гражданин*; сербохорв. *aradjanin*, *banaćanin*, *bečanin*, *bošnjanin*, *brdjanin*, *budljanin*, *vinkovčanin*, *gračanin*, *grbljanin*, *dobroćanin*, *podunavljanin*, *carigradjanin*, *carogradjanin*, *banjanin*, *dubrovčanin*, *varošanin*, *goranin*, *gradjanin*, *kućanin*, *mještanin*, *ostrvljanin*, *seljanin*, *pučanin*; укр. *дворянин*, *крилошанин*, *міщанин*, *селянин*, *галичанин*, *львовянин*, *римлянин*; рус. (у Микло-

---

[1] *Miklosich F.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd. II. Stammbildungslehre. Wien, 1875, S. 129 и сл.

шича — вместе с др.-рус.) *крилошанинъ*, *изборчанинъ*, *олончанинъ*, *полянинъ*, *римлянинъ*, *селянинъ*, *поселянинъ*, *сельчанинъ*, *огнищанинъ*, *москвитянинъ*, *островитянинъ*, *островлянинъ*, *семьянинъ*, *чужанинъ*; чеш. *dvořenín*, *dvořan*, *krajenín*, *krajan*, *měštěnín*, *měšťan*, *řiměnín*, *říman*; польск. *dworzanin*, *grodzanin*, *grodzianin*, *mieszczanin*, *młodzianin*, *młodzian*, *włościanin*, *ziemianin*, *lipszczanin*, *rzymianin*, *warszawianin*; в.-луж. *dol'an*, *hořan*, *pol'an*, *zemjan*; н.-луж. *kšajan*.

Совершенно ясно, что материалы Миклошича, опубликованные более ста лет назад, могут иметь только иллюстративное значение, но не отражают практически для всех славянских языков ни полного состава, ни нынешних тенденций (взять хотя бы современную популярность форманта *-чане* в русском[2]). Большинство слов на *-ěninъ*, *-janinъ* — оттопонимические образования либо целиком принадлежат этнонимии. Вообще значительный пласт этих имен вдается в ономастику, в чем убеждает хотя бы знакомство с русскими фамилиями *Устюжанинов*, *Трубчанинов*, *Гречанинов*, *Волчанинов*, *Зерчанинов*, *Турчанинов*, *Лучанинов*, *Ельчанинов*, *Вельчанинов*, *Мещанинов*, *Зеренинов*, *Персиянинов*, *Селянинов*, *Полянинов*, *Армянинов*, *Мирянинов*, *Дворянинов*, *Горянинов*, *Обольянинов*, *Смольянинов*, *Сурьянинов*[3]. Кроме фамилий от известных или прозрачных имен на *-анин*, *-янин* здесь есть и образованные от неизвестных или темных апеллативов: **зерчанин* (**озерчанин*?), **обольянин*. Из истории славянства известно довольно много племенных названий с этим суффиксом (ср. в унифицированной праславянской транскрипции): **beržane*, **bužane*, **bobr'ane* **čerzpěněne*, **dědošane*, **dervjane*, **dokšane*, **lędjane*, **lǫčane*, **milьčane*, **moravjane*, **pol'ane*, **pomor'ane*, **pъšev(j)ane*, **rěčane*, **sěver'ane*, **slověne*, **smolěne*, **sьlęžane*, **sprev(j)ane*, **stodor'ane*, **strumjane*, **terbovjane*, **vislěne*, **vъkr'ane*, **velyn'ane*[4]. Еще больше известно этниконов (названий жителей) с этим формантом, ср. например на балканском Юге, по материалам большой работы Заимова: *Дечани*, *Дивляни*, *Иваняне*, *Кривогащани*, *Неволяне*, *Пиране*, *Пищане*, *Поибрене*, *Селене*, *Селяни*, *Сиряни* и многие другие на славянских (Болгария, Македония) и неславянских (Греция, Румыния) территориях[5].

В сравнительных и исторических грамматиках и специальных исследованиях по славянскому словообразованию уделяется достаточно внимания производным с суф. *-ěninъ*, *-janinъ*. Не претендуя на полноту, приведем ряд характеристик. Вондрак предпочитает говорить отдельно о суф. *-janinъ* < *-iōn-* (ср. лит. *kie-*

---

[2] *Супрун В. И.* Суффикс *-анин* в славянской этнонимии. — В кн.: Вопросы филологии, вып. VII. Л., 1978, с. 47 (с дальнейшей литературой).

[3] *Vascenco V.* Nume de familie şi prenume ruseşti. Dicţionar invers. Bucureşti, 1975, с. 96.

[4] *Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. — ВЯ 1974, № 6, с. 55.

[5] *Заимов Й.* Заселване на българските славяни на Балканския полуостров. София, 1967.

mionis 'деревенский житель', *Tilžionìs* 'житель г. Тильзита', греч. οὐρανίων, этнонимы вроде *Suessiōnes*), а также о суф. *-ěninъ*, ср. (вслед. за Зубатым) лат. *Tibrēnus*, *Alfēnus*, *aliēnus*; для последнего суффикса Вондрак допускает влияние прилагательных на *-ěno-*[6]. Мейе кратко характеризует имена на *-an-* как основы на согласный, тематизация которых осуществляется с помощью суф. *-inъ* (*гражданинъ*), соответствующего лит. *-ynas*, др.-инд. *-īna-*, греч. -ῖνος, лат. *-īnus*[7]. Вайян очень обстоятельно изучал эту модель с морфологической и словообразовательной стороны, ср. его объяснение атематического дат. и тв. пп. мн. ч. на **-jēn-m* > *-ję̄m-* > *-jěm-* / *-jam-* — др.-рус. *Полями*, *Критями*, т. е. 'полянами', 'критянами', словен. *Goričam* 'горцам', откуда аналогически — локатив на *-(j)axъ*, стар. *-(j)asъ*: ст.-чеш. *Dol'as*, *v Polas*, др.-рус. *Поляхъ* 'полянах'. Ср. атематический дат. мн. основ на *-n-* в германском: гот. *attam* 'отцам' < **attan-m*. Таким образом, имена на *-jan-* сохраняли во множественном числе атематические формы основ на согласный. Суф. *-jan-* Вайян сближает с лит. *-ėnas* (*Tilžėnas*, *kalnėnas* 'горец'), лтш. *-ēns*, отмечая, правда, что балтийский здесь не обнаруживает следов атематической флексии. Для балто-славянского Вайян реконструирует исход **-ēn*, который якобы «добавлялся» в славянском к *-j-* подобно греч. οὐρανίων. Балтийскому неизвестно сингулятивное *-inъ*, присоединяемое к слав. *-jan-*; это *-inъ* не связано с *inъ* 'один', но соответствует лит. *-ýnas* в производных *kaimýnas* 'сосед' и др. Весьма существенны отмеченные Вайяном колебания вариантов суф. *-ěn-*, *-jan-*, *-an-* в зависимости от предшествующих звуков: *Galilěaninŭ*, *Izdrailěninŭ*, но *Italjan-*, *seljan-* (Амартол), *Agarěn-*, *Jerusalimlěn-*, *Rimlěn-*, *Etiopěn-* (вар. *-plěn-*), *Soluněn-*, *Egvpten*, *Indjan-* (Амартол), *Persěninŭ*, но *Peloponišan-*, *Afrikjan-*, но *Fračaninŭ*, *Frugěne*[8]. Кипарский очень суммарно рассматривает модель на *-анин*, *-янин* в русском, толкуя этот формант как результат слияния двух индоевропейских суффиксов: лат. *-iānus* и *-ēnus*, лит. *(j)onis* и *-ėnas*, лтш. *-āns* и *-ēns*. По фонетическим причинам (*ě* после шипящих и мягких исходов > *'a*) вариант *-jan-* возобладал. Сингулятивный суф. *-inъ* тождественен *inъ* 'один'[9]. Отрембский, со своей стороны, генетически разграничивал *-ěn-* и *-jan-*, судя по его отождествлению славянского этнонима **slověne* и литовского названия деревни *Šlavěnai* на реке *Šlavê*[10]; суф. *-jan-* этот ученый объяснял как образование от основ на *-ja*

---

6 *Vondrák W.* Vergleichende slavische Grammatik. Bd. I. Göttingen, 1906, S. 422.

7 *Meillet A.* Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. 2 partie. Paris, 1905, p. 312, 448—449; *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951, с. 294, 338.

8 *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves, t. II, part. 1. Lyon—Paris, p. 188—189, 216—217, 308—311; t. IV, Paris, 1974, p. 337—338.

9 *Kiparsky V.* Russische historische Grammatik. Bd. III. Heidelberg, 1975, S. 187.

10 *Otrębski J.* Die Herkunft der Bezeichnung *Slověne*. — LP 1958, 7, с. 263 и сл.

(с и.-е. *ā*, а не *ō*, почему сближение с греческим типом Οὐρανίωνες 'небожители' отпадает), ср. отношение *земля → земляне*[11]. Бернштейн упоминает тип **gordjēninъ* как сформировавшийся на базе согласных основ типа **rudmen-*, **molden-*, но без характеристики дефектной парадигмы на *-(j)aninъ* и самого форманта[12]. В «Очерке праславянского словообразования» *-ěn-*, *-jan-* характеризуются как форманты основ на согласный, сохранивших консонантную флексию только во множественном числе, с «точными соответствиями» в литовском *-ėnas*, *-ionis*; *-jan-* сближается еще с исходом греч. οὐρανίων, хотя вслед за этим говорится о первичности *-ěn-* и вторичном обобщении *-jan-*[13]. В общем распространенная точка зрения «от Лескина до наших дней» о близости образования др.-болг. *солоунѣн-инъ* и лит. *Tilžēnas* как «типичной балто-славянской формации» отражена у Дуриданова[14]. Айцетмюллер, сообщая известные сведения об остатках консонантного склонения у имен на *-'an/i̯an-*, обращает вместе с тем внимание и на некоторые проблематичные моменты. Генезис и взаимоотношение *-ěn-*, и *-jan-* для него неясны и лишь напоминают греч. Ἕλληνες — Οὐρανίωνες, однако в греческом ι принадлежит основе, что для славянского невероятно; лит. *-ion-* в *Tilžionis* представляет собой лишь имитацию слав. *-jan-*[15]. Бошкович, анализируя имена типа **gordjaninъ*, считает исходной форму **gordjanъ* как первую тематизацию на *-ъ* < *-o-s*, а форму **gordjan-inъ* называет второй тематизацией, причем суф. *-inъ* предохраняет от деформации первоначально атематическую основу[16]. Последний по времени известный нам исследователь проблемы — В. И. Супрун — вычленяет в составе суф. *-анин* сингулятивное *-ин*, производя его от и.-е. **oin-* 'один', соотношение *-jan-* и *-ěn-* считает не выясненным, сближая *-ěn-* вслед за предыдущими исследователями с греч. -ην-, а *-jan-* возводя к и.-е. **-iōn-*; имена на *-анин* отличает «специфическая флексия» во множественном числе. Исходной формой Супрун называет *-jan-*[17].

На основании этих исследований затруднительно составить себе единое представление об этой словообразовательной модели имен. Изложенные выше суждения на редкость противоречивы и неполны, не все авторы вспоминают даже о том, что перед

---

[11] *Otrębski J.* Kirchenslavisches *vъ Vislěchъ.* — In: Symbolae linguisticae in honorem G. Kuryłowicz. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965, с. 223—226.

[12] *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974, с. 167.

[13] Słownik prasłowiański, t. I, 1974, с. 119, 129; t. III, 1979, с. 17.

[14] *Дуриданов И.* Към стратиграфията на именните типове в славянските и балтийските езици. — В кн.: Славянска филология, т. XII. София, 1973, с. 31.

[15] *Aitzetmüller R.* Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft. Freiburg i. Br. 1978, S. 104—105.

[16] *Бошковић Р.* Развитак суфикса у јужнословенској језичкој заједници. — В кн.: *Бошковић Р.* Одабрани чланци и расправе. Титоград, 1978, с. 96—98.

[17] *Супрун В. И.* Указ. соч., с. 41 и сл.

нами представители парадигмы склонения на согласный, причем в ретроспективе надо говорить не о дефектной парадигме (сохранение остатков консонантной флексии во множественном числе), а о полной консонантной парадигме на *-en* (ед. ч.) — *-ene* (мн. ч.). Эволюция склонения на согласный складывалась естественным путем — в направлении деконсонантизации, которую вовсе не обязательно понимать узко в рамках действия славянского закона открытого слога. Здесь имела место довольно универсальная тенденция, как свидетельствуют проявления деконсонантизации в языках, совершенно не затронутых упомянутым законом, напр. в литовском, где так же, как в славянском, консонантная флексия на *-n-* сменяется в ряде случаев склонением на *-i-*[18]. Перестройка исхода основы наметилась прежде всего в именительном падеже единственного числа, как наиболее слабой позиции, подверженной изменениям и «не прикрытой» (у консонантных основ) флексией. Говоря о перестройке в этой позиции, важно обратить внимание и на другую ее сторону, превратно освещавшуюся либо вовсе не освещавшуюся раньше: вокализм форманта. Дело в том, что за первоначальный вид изучаемого форманта следует принять *-en*, а долгота гласного, так или иначе отличающая известные варианты *-ěn(inъ)*, *-jan(inъ)*, — это характеристика, которая должна получить объяснение. Природа этой долготы — продление, восходящее в принципе еще к индоевропейской эпохе. Условия происхождения долготы гласного коренятся в парадигме склонения, которая рано вызвала появление того, что названо у Бругмана «doppelte Vokalquantität», в данном случае *-ĕn*. Бругман обратил внимание на отношение греч. φρήν, -ένες, αὐχήν, -ένες и высказал наблюдение: «Во всех формантах на *-n-* (*-en-*, *-i̯en-*, *-u̯en-* и *-men-*...) в большинстве языковых групп обнаруживается в сильных падежах родовых имен двойное количество гласного (*-ŏn-*: *-ōn-*), которое должно быть унаследовано с древности»[19]. Смысл продления вокализма форманта в именах типа греч. ποιμήν (основа косвенных падежей — ποιμεν-) 'пастух' заключается в дополнительном различении равнооформленных падежей — прежде всего именительного и звательного, причем инновация (продление) обычно закрепляется за именительным. Таким образом, вокализм славянского форманта *-ěn(inъ)*, *-jan(inъ)* имеет еще индоевропейские истоки.

Попутно заметим, что этим путем — из индоевропейского парадигматического функционирования — лучше объясняются славянские формы вроде *korěnь* (в сербохорватском, древнерусском), для которых Вайян предполагал деназализацию вторичного носового гласного, а критиковавший его Бошкович — древние огласовки

---

[18] *Stang Chr. S.* Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo—Bergen—Tromsø, 1966, S. 219; *Brugmann K.* Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. II, Teil 1. Strassburg, 1906, S. 286.

[19] *Brugmann K.* Op. cit., S. 293.

korē(n)*, **kamē(n)*[20], что, конечно, еще не является объяснением. Напрашивающаяся обычно мысль о связи нашего форманта *-ěn(inъ)* и суффикса прилагательных *-ěnъ* встречает возражение, что для второго суффикса исходные условия были все-таки иные, так как имеющаяся там долгота возникла как словообразовательное продление (врддхи) в производном — *kaměnъ* 'каменный' от *kamen-* 'камень', цслав. мождANЪ 'мозговой' (mozgēno-*) от можденн вин. мн. 'мозг, мозги', в то время как продление в нашем *-ěn* > *-ěn(inъ)*, *-jan(inъ)*, как выяснилось, — парадигматического, морфологического характера. В связи с этим важно констатировать, что славянские консонантные основы отражают сохранение не только индоевропейского типа ἄκμων — **katy*, но и индоевропейского типа ποιμήν. Наши компаративисты обычно отдают предпочтение первому из них, реконструируя — видимо, излишне прямолинейно — именительные падежи единственного числа **pъrsty*, **pręsly*, **strъgy*, **bredy*, **plety*, **gnety*[21]. Но, по-видимому, корректнее оперировать формами номинатива **elenь*, **sъršenь*, **stepenь*, **sęženь*, **pъrstenь*, **pręslenь*, **stъrženь*, **pletenь*[22], не смущая себя идеей их аккузативного происхождения; это лишь вторичная омонимия первоначально разных флексий им. п. ед. чис. м. р. **-en-ĭ* (перевод в *-i-* основы) — вин. п. **-en-m̥*. Деконсонантизация основ мужского рода на *-en* осуществлялась через включение их в основы на *-i-*.

Таким образом, мы подходим к вопросу о способе тематизации первоначально консонантных основ типа праслав. **gordjaninъ*: основа на согласный **gordjan-* стала *-i-*основой **gordjanь* (**gordjanĭ*), ср. аналогичную судьбу других названий лиц с основой на согласный — **gospodь* (и.-е. **ghost-pot-*), имен на *-tel-* → *-telj-*. Ошибочны поэтому утверждения, что первой тематизацией имен типа **gordjan-* был перевод их в основы на *-o-* **gordjanъ* (Бошкович, выше). Вторичность форм чеш. *krajan*, польск. *Krakowian* была понятна еще для Миклошича. Именно признание промежуточной формы на *-i-* **gordjanь* (ср. в этом смысле лит. *palikuonìs* 'потомок' и под.) помогает правильно понять дальнейшую суффиксацию **gordjan-inъ* как наложение родственной морфемы *-inъ* на *-i-*исход, ср. полную аналогию **gospodь* — **gospodinъ*.

Эволюция раннепраславянского исхода **-ēni-* в направлении к засвидетельствованным *-ěninъ*, **-janinъ* ознаменовалась смягчением предшествующих согласных (после I палатализации задненебных), а также, видимо, своеобразной антеципацией мягкости *-anĭ-* → *-jan-*, межслоговой ассимиляцией по мягкости, что особенно проявилось в случаях вроде **gordjaninъ*, вместо ожидавшегося **gorděninъ*, а это было также возможным результатом,

---

[20] *Бошковић Р.* Српскохрватско *korěnъ*. — В кн.: *Бошковић Р.* Одабрани чланци и расправе, с. 399 и сл.

[21] *Бернштейн С. Б.* Указ. соч., с. 169 и сл.

[22] Вайян, например, избегает реконструкции номинативов типа **pъrsty*, неоправданно предполагающих **-ō(n)*, см.: *Vaillant A.* Grammaire comparée. . ., t. II, part. 1, p. 197 и сл.

ср. четкую рефлексацию праслав. *slověninъ при полном отсутствии *slovjaninъ, которое дало бы в ряде славянских языков l' epentheticum. Колебания, отмеченные Вайяном (выше) и другие соображения, в частности, уже указанная другими исследователями невозможность возведения слав. *-jan-inъ* к индоевропейскому *-i̯-ano-*, *-i̯-on-* и т. д. — все вместе взятое (включая растущую продуктивность именно варианта *-jan-*) говорит в наших глазах о вторичном, более позднем характере этого варианта суффикса, о том, что это продукт славянского фонетического развития, а не элемент древнего словообразования. Изначальным было только *-ěn* → *-ěni-*.

Пересмотр истоков и эволюции славянского именного форманта *-ěn-(-jan-)* оказывается весьма радикальным по своим результатам, затрагивающим природу, относительную хронологию и связи этого форманта. Возникают новые проблемы. Вскрываемый, с одной стороны, еще индоевропейский характер долготы суффиксального гласного (продление в падежной парадигме склонения на согласный) вступает, с другой стороны, как бы в противоречие с трактовкой этой долготы в собственно славянском вплоть до исторически недавнего времени, до современных живых языков. Мы располагаем важными данными о первоначальной безударности *-ěn(inъ)*, *-jan(inъ)*, а это может свидетельствовать о древней краткости либо, скорее всего, о циркумфлексной интонации слога *-ěn-(-jan-)*. К сожалению, мне неизвестны специальные исследования об этом суффиксе в плане славянской и индоевропейской акцентологии. Имеющиеся на этот счет высказывания в более общей литературе, кажется, проходят мимо существа дела. Кипарский в книге об ударении в русском литературном языке относит, например, ударение *гражданйн* — *гра́ждане* к колебаниям, в остальном конструкция «старое постоянное ударение на суффиксе» (*египтя́нин*, *израильтя́нин*, *поселя́нин*, *прихожа́нин*, *россия́нин*), но ср., впрочем, *ри́млянин*, *филисти́млянин* и «явно старшее ударение» *христиани́н*[23]. Эта характеристика неудовлетворительна исторически. Более адекватно наблюдение того же автора в его русской исторической грамматике: «Старому типу ударения с сохранением места ударения производящего слова (*во́логжанин* 1755 г.), противостоит более поздний тип с ударением суффикса *-jan-* (*вологжа́нин* 1960 г.), а в единственном числе единично также и сингулятивного суффикса (напр. *христиани́н*), ср. Görner 1967, 66 (имеется в виду работа: *Görner F.* Das slavische Suffix *-jān-*, Sg.-jān-īn in russ. Ethnika. — Die Welt der Slaven XII, 1967, S. 59—66. — *О. Т.*)»[24]. Но в конечном счете придется признать неудовлетворительной и эту характеристику (старое постоянное накоренное ударение). В этом отношении красноречивые

---

[23] *Kiparsky V.* Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962, S. 152—153.
[24] *Kiparsky V.* Russische historische Grammatik. Bd. III. Heidelberg, 1975, S. 187.

показания дает ономастика, ср. преобладающее ударение в русских фамилиях *Трубчани́нов*, *Гречани́нов*, *Зерчани́нов*, *Турчани́нов*, *Селяни́нов*, *Смольяни́нов*[25], сюда же былинное отчество *Микула Селяни́нович*, далее — ударение в апеллативах *дворяни́н*, *мещани́н*. С другой стороны, полного внимания заслуживает остаточная акцентная парадигма рус. *граждани́н* — мн. *гра́ждане* (при собственно русском акцентно инновационном *горожа́нин* — *горожа́не*), которую следует признать безусловно старой, а не относить к «колебаниям» непонятно какого происхождения (Кипарский, выше). Все это говорит о безударности суффиксального элемента *-ĕn-*(*-jan-*) в праславянском. Если учесть, что следующий за ним сингулятивный суф. *-inъ*, видимо, обладал древней акутовой долготой (ср. индоевропейские соответствия выше, а также доказательства подударности *-inъ* в языках с подвижным ударением), мы получаем возможность говорить здесь о переносе ударения с предшествующего циркумфлексного слога на акутовый в духе закона Фортунатова — де Соссюра. Циркумфлексная долгота слав. *-ĕn-*(*-jan-*) < и.-е. *-ē̆n* вынуждает внести коррективы в индоевропейские реконструкции, к которым иногда прибегают, предполагая в ст.-слав. граждане наряду с лит. *pirmuo* 'первенец', мн. *pirmuones*, авест. (Гаты) *mąθrān-* 'пророк, проповедник' суффикс с ларингальным **-hn-*[26]. Это было бы равнозначно признанию здесь старой акутовой интонации, но в литовском исход *-uo* характеризуется как раз циркумфлексной интонацией, о том же говорят и наши данные о модели **gordjaninъ* в славянском. Здесь не было старой долготы, поэтому наметившееся выше противоречие между индоевропейским и славянским снимается. Такое утверждение имеет далеко идущие последствия, потому что тем самым снимается и «точное соответствие в балтийском» — акутированное лит. *-ė̃nas*, принимаемое многими исследователями, несмотря на отмечавшиеся другие его несоответствия славянскому консонантному, нетематическому *-ĕn-*. Балтийские соответствия не удовлетворяют пересмотру: *-ionis* сохраняет значение лишь как слепок со слав. *-jan-* (см. выше Айцетмюллер), слепок тем более поучительный, что он отразил и факт перевода в *-i-* основы, не всегда легко прослеживаемый в самом славянском; этнонимы на *-en-* в балтийском красноречиво отсутствуют, за вычетом др.-прусск. *Pomesani* (**po-medi̯an-*), *Pogesani* (**po-gudi̯an-*), словообразовательное оформление которых обязано, конечно, сильному периферийному польскому влиянию, ср. и польскую фонетическую черту *u* > *e* в *Pogesani*.

Парадокс славянской словообразовательной модели на *-ĕninъ*, *-janinъ* состоит в ее возрастающей продуктивности, точнее сказать, в том, что эта древняя модель словопроизводства с доказан-

---

[25] *Vascenco V.* Op. cit., с. 96.
[26] *Jasanoff J. H.* The nominative singular of *n*-stems in Germanic. — In: Indo-European studies, III, edited by C. Watkins. Cambridge, Massachusetts, 1977, p. 157.

ным индоевропейским происхождением представлена почти исключительно славянскими новообразованиями, среди которых ни одно не имеет соответствий за пределами славянского. Их состав по-прежнему заслуживает внимательного изучения по той причине, что кажется все еще недостаточно исследованным. Наибольшим вниманием традиционно пользуются производные на *-ěne*, *-jane* в функции этнонимов, племенных названий, названий жителей. Более полная инвентаризация производных и рассмотрение производящих основ и семантики приводит к уточнениям и в этой области. Что касается древнерусского материала, он представлен в удобной форме в известном обратном словаре к «Материалам» И. И. Срезневского, который имеет смысл привести здесь почти целиком: *гражданинъ*, *гражанинъ*, *посажанинъ*, *побережанинъ*, *слобожанинъ*, *горожанинъ*, *тържанинъ*, *бѣжанинъ*, *люжанинъ*, *кличанинъ*, *уличанинъ*, *пълчанинъ*, *коньчанинъ*, *волочанинъ*, *слободъчанинъ*, *вълъчанинъ*, *ловьчанинъ*, *городьчанинъ*, *сельчанинъ*, *дворьчанинъ*, *межурѣчанинъ*, *крилошанинъ*, *клирошанинъ*, *посошанинъ*, *городищанинъ*, *огнищанинъ*, *мѣщанинъ*, *словѣнинъ*, *гражєнинъ*, *землꙗнинъ*, *дворꙗнинъ*, *скитѣнинъ*, *сѣмиꙗнинъ*, *островлꙗнинъ*, *бѣглꙗнинъ*, *поселꙗнинъ*, *бѣжлꙗнинъ*, *мирꙗнинъ*, *морꙗнинъ*, *вьсꙗнинъ*, *селѧнинъ*, *украинѧнинъ*, *пирѧнинъ*, *соборѧнинъ*; *бережане*, *мукобрꙗне*, *поморꙗне*.

Кроме названий жителей и племенных названий с этим формантом (*горожанинъ*, *посажанинъ*, *слобожанинъ*, *уличанинъ*, *коньчанинъ*, *сельчанинъ*, *межурѣчанинъ*, *селѧнинъ*, *словѣнинъ*, *бережане*, *поморꙗне* и др.), которых, действительно, много и всегда было много по данным письменности, в приведенном выше списке могут быть указаны также примеры отличной функции и семантики: *бѣглꙗнинъ* 'беглец' (Изъ иныхъ волостей много бѣглянъ вбѣжаша въ городъ. Соф. I л. 6894 г. Срезневский I, 213; СлРЯ XI—XVII вв. 1, 86); *бѣжанинъ* 'беглец' (Срезневский I, 216; СлРЯ XI—XVII вв. 1, 90: 'беженец'. 1382 г.: А въ градѣ въ Москвѣ тогда затворилъся князь Остѣи, внукъ Олгѣрдовъ, съ множествомъ народа, съ тѣми елико осталося гражанъ и елико бѣжанъ съ волостей збѣжалося. Рог. лет., 144); *кличанинъ* 'пугающий на охоте зверей криком или шумом' (В се же лѣто быⷭ Всеволоду ловы дѣющю звѣрины за Вышегородомъ, заметавшимъ тенета и кличаномъ кликнувшимъ, спаде превеликъ змии ѿ н҃бсе. Пов. вр. л. 6599 г. Срезневский I, 1222); *ловьчанинъ* (Потомъ волостели мои не въѣзжають, ни чяшници мои, ни ключници, ни поѣздове, ни ямникъ, ни боровникъ; а ловчане мои въ Тишь не въѣзжають. Жал. гр. в. к. Ряз. Ол. Ив. д. 1402 г. Срезневский II, 40); *люжанинъ* 'мирянин' (Ефр. крм. Апл. 24; Уст. крм.: простъ людинъ. Срезневский II, 95); *пирѧнинъ* 'участник пира' (Егда алчьни бꙋдꙋть пирѧне, съ многою сластью ѧдать. Златостр. 48. Срезневский II, 934)[27]; *пълчанинъ*, *полчанинъ* 'воин' (Благовѣр-

[27] Здесь следует обратить внимание на южнославянское местное название *Пиране*, ст.-серб. *Пираны* (XIV в.), которое Заимов толкует от названия пырея (*Заимов Й*. Указ. соч., с. 159).

ный царь... со всѣми своими государевыми полчаны поиде... Пов. о прих. ц. Ив. Вас. в Новг. 7078 г. Срезневский II, 1752)[28]; *сѣмиꙗнинъ* 'домочадец, слуга' (Ни азъ, ни семьянинъ мои, ни дѣтищь мои, ни коуря мое. Прол. XV в. Срезневский III, 893); *тържанинъ*, *торжанинъ*, 'торговец' (Блаженъ члвкъ, иже купуѥть млти даже ся не разидуть торжане (πρὶν λυθῇ ἡ πανήγυρις). Ефр. Сир. XIV в. Срезневский III, 1055).

Эти примеры содержат указание не на территориальное происхождение или принадлежность к месту, а на связь с сословием (*люжанинъ*,), группой людей (*сѣмиꙗнинъ*), предприятием (*пиранинъ*, *тържанинъ*), занятием (*ловьчанинъ*), характерным действием (*бѣглꙗнинъ*, *бѣжанинъ*, *кличанинъ*). Последние замечательны своей четкой соотнесенностью с глаголами, ср. контексты: елико бѣжанъ... збѣжалося; кличаномъ кликнувшимъ (выше). Продемонстрированная широкая мотивация имен на *-ěninъ*, *-janinъ* подтверждает возможность пересмотра и даже окончательного решения проблемы некоторых производных с этим суффиксом, традиционно толкуемых от местных и водных названий. Это касается названия славянских племен и народов — **slověne*, **slověninъ*. Прежде всего из предыдущей части нашей работы довольно ясно следует, что тождество **slověne* — лит. *Šlavěnai* (Отрембский) не может быть сохранено. Думается, что такая же судьба ожидает концепцию, согласно которой **Slověne* образовано от названия реки **Slova*[29].

На основании рассмотренных аналогий отглагольных др.-рус. *бѣжанинъ*, *кличанинъ* наиболее перспективной сейчас представляется этимология Якобсона[30], только в усиленном глагольным варианте — не от имени **slovo* (основа **sloves-*!), а от глагола **slovǫ*, **sluti* '(понятно) говорить' ~ (мед.) 'быть громко окликаемым', ср. др.-рус., рус.-цслав. *слꙋти*, *словꙋ* 'считаться', 'называться', 'славиться'. Можно предположить, что базой для

---

[28] Ср. сюда с.-хорв. *pučanin* 'civis': *puk* 'populus', уже приведенное выше, по Миклошичу.

[29] См. *Фасмер* III, с. 664—665 (с литературой); *Moszyński K.* Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego. Wrocław—Kraków, 1957, с. 138 и сл. В последнее время ср. еще: *Kronsteiner O.* Sind die *slověne* «die Redenden» und die *němьci* «die Stummen»? Zwei neue Etymologien zum Namen der Slaven und der Deutschen. — In: Sprache und Name in Österreich. Festschrift für W. Steinhauser zum 95. Geburtstag. Wien, 1980, S. 339 и сл. Автор возвращается к той точке зрения, что имя *славяне* — от гидронимов *Славута*, *Славка* и др. на *Слав-*; при этом «говорящими» оказываются не славяне, а реки. Это последнее новшество интерпретации, а также отнесение сюда же названия птицы — *соловей* (праслав. **solvьjь*!), что маловероятно фонетически, едва ли может быть принято.

[30] *Jakobson R.* Marginalia to Vasmer's Russian Etymological Dictionary (Р—Я). — International journal of Slavic linguistics and poetics, 1959, 1/2, p. 271; здесь впервые обращается внимание на аналогию *словѣне* — *кличане* и на оппозицию *словѣне* — *нѣмци*.

такого наименования послужила figura etymologica типа **словѣномъ словущимъ* 'так как славяне ясно говорят' или — медиальный вариант — 'поскольку славяне (так) кличутся'. В общем эта этимология приобретает новых сторонников в современной литературе, а также дополнительную аргументацию. Как нередко бывает, вновь обретают вероятие сближения и объяснения, казалось бы, навсегда отвергнутые наукой. Так, изложенная отглагольная этимология имени **slověne* < **slovǫ*, **sluti* неизбежно включает в круг родственных форм **slava* 'слава, устная, громкая молва'. Автор этих строк обращал уже внимание на близость **slověne* и Σταυανοί, названия народа между галиндами-судинами и аланами (Ptol. Geogr. III, V, 9) причем последнее читается как индоиран. **stavana-* 'хвалимый' и заодно — как перевод-калька славянского **slověne*[31]. Славянами достаточно рано называлась не только вся совокупность родственных славянских племен (или бóльшая их часть, если сделать реальное допущение о вторичной славянизации некоторых инородных этносов), славянами назывались и отдельные, в том числе небольшие племена и народности, поэтому тезис об этнониме **slověne* как самоназвании, автоэтнониме остается непоколебленным.

Первые упоминания имени **slověne* надо датировать не VI, а II в. н. э. Сюда относится уже называвшееся Σταυανοί, прошедшее индоиранскую языковую адаптацию, сюда же принадлежит и название народа Σουοβηνοί, в общем вполне сносно и более непосредственно отражающее слав. **slověne*, хотя и относимое в описании Птолемея слишком далеко на восток. Разумеется, упоминание, письменная фиксация не однозначно с появлением, образованием имени, которое произошло, вероятно, значительно раньше. Важно лишь отметить факт существования этнонима **slověne* и функционирования суффиксальной модели на *-ěninъ*, *-ěne* уже во II в. н. э. Интересно, однако, отметить, что и это древнейшее абсолютно датируемое славянское производное с суф- *-ěninъ* не имеет соответствий за пределами славянских языков, в принципе не отличаясь в этом от всех практически остальных производных этой словообразовательной модели. Кроме одного. Дело в том, что в плане относительной хронологии **slověne*

---

[31] *Трубачев О. Н.* «Старая Скифия» (Ἀρχαίη Σκυθίη) Геродота (IV, 99) и славяне. Лингвистический аспект. — ВЯ, 1979, № 4, с. 41—42. Близкое понимание **slověne* — **slovo*, правда, без признания отглагольности **slověne*, но с верным отрицанием его генезиса из nomen originis (название от географического объекта) уже выдвигалось в литературе, см. подробнее *Трубачев О. Н.* Там же. Однако прочие допущения цитируемого там автора излишни или ошибочны в свете нашего анализа. Так, теперь мы знаем, что суффикс *-ěninъ* образует не только производные от географических объектов (см. выше), поэтому (а также по другим соображениям развития форм, выше) излишне предположение здесь особого суффикса *-ěno-s*, якобы типа *bratěnъ*, *sestrěnъ*. Мы знаем, что реконструировать следует **slověnь* с наложением сингулятивного *-inъ*, иначе необъяснима консонантность основы и ее замена.

оказывается не самым древним образованием на *-ěninъ*, *-ěne*. Индоевропейские связи, свидетельствующие о более отдаленной глубине и древности образования, обнаруживаются у праслав. **sędl'aninъ*, **sedl'ane*. Так мы реконструируем праславянскую форму для ст.-слав. селѧнинъ γεωργός, agricola (Supr., Miklosich Lexicon 837), болг. *се́лянин* 'крестьянин', с.-хорв. *сељанин* 'деревенский житель' (Караджић), словен. *selján* 'деревенский житель, крестьянин', др.-рус. *селянинъ* 'житель, сельский житель, земледелец' (Срезневский III, 331), рус. *селяни́н*, укр. *селяни́н* 'поселянин, крестьянин', блр. *селянін* 'крестьянин'. Только отсутствием прямых западнославянских соответствий можно оправдать реконструкцию **selěninъ*, **sel'aninъ*, которая оказывается неверной, как только мы обратим внимание на звуковой состав родственных западнославянских форм, которые вторично вытеснили форму **sedl'aninъ*: чеш. *sedlák* 'крестьянин', словац. *sedliak*, польск. *siodłak* то же. В основе лежит слово, которое можно идентифицировать как праслав. **sedlo* (отличное от **sedъlo* 'седло'), которое Махек определяет как 'земледельческое хозяйство с домом', откуда ст.-слав. село, рус. *село* и др., и на базе которого было образовано старое производное с суф. *-jan-*[32]. В дальнейшей реконструкции мы расходимся с Махеком, поскольку производим это праслав. **sedlo* от и.-е. **sedlom*, родственного лат. *sella* 'сидение' < **sedlā*.

Праслав. **sedl'an(inъ)* представляет собой типично славянское производное **sedl-ěn-* (дополнительная мягкость *l'* и связанное с ней изменение в **sedl'an-* вызваны, скорее всего, вторичным морфологическим воспроизводством в условиях прозрачности целого), замечательное, однако, тем, что у него есть индоевропейское соответствие или параллель, на которую мне приходилось указывать и ранее[33]: греч. Ἕλλην, мн. Ἕλληνες, самоназвание греков, первоначально — название одного племени в Фессалии. Греческий этноним, нередко признаваемый этимологически неясным, был поставлен Георгиевым в этимологическую связь с Ἕλλα, названием храма Зевса в Додоне, из и.-е. **sedlā*, ср, лат. *sella* 'сидение, стул'[34].

История имени Ἕλληνες была сложной. Эту форму принято считать ионической, поскольку указывают дорическое Ἕλλᾱνες. Однако убедительность родства Ἕλληνες и Ἕλλα и — далее — наличие апеллативного ἔλλα 'сиденье' в лаконском (ἔλλα· καθέδρα. Λάκωνες. Hesych.) вызывает вероятие «доризма» Ἕλληνες и этимологического, не «ионического» η < **ē* в нем. К этому следует добавить отмеченное в той же Додоне название Σέλλοί (вар.

---

32 *Machek*², с. 539.

33 См.: Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи. М., 1963, с. 77.

34 *Georgiev V.* La toponymie ancienne de la péninsule balkanique et la thèse méditerranéenne. — LB, 1961, III, fasc. 1, p. 18 (без славянского соответствия).

'Ελλοί), с которым тоже уже сближали "Ελληνες[35] и соответствие сохраненного и.-е. *s* регулярному греческому spiritus asper, что, в свою очередь, возводимо к особому этническому компоненту в греческом, лишь впоследствии подвергнутому «ионизации». Дорический, в частности лаконский на Пелопоннесе, определенно связан с палеобалканскими индоевропейскими языками. И.-е. **sedl-ēn-*, которое можно реконструировать для "Ελληνες, оказывается догреческим в описанном выше смысле (для неиндоевропейского происхождения нет данных). Следы ведут к фракийскому, поскольку производные на *-ēn-* : *-ian-* были характерны больше всего для фракийской этнонимии: Γετηνοί, Βεσσοπαρηνοι, Καρπιανοί *Moriseni*, *Petoporiani*. Значит, по-видимому, можно заключить о существовании догреческо- (дорийско-, палеобалканско-, фракийско-) славянской словообразовательно-лексической параллели или изоглоссы *sedlĕne-s* → "Ελληνες, **sedl'ane*. Полезно отметить соответствие консонантного характера основ греческого и славянского слов и общий рисунок фонетики и словообразования.

Очевидно, мы можем считать праслав. **sedl'aninъ* древнейшим производным этой модели. Разрыв во времени образования между ним и прочими на *-ěninъ* (выше) мог быть значительным, но, во-первых, словообразовательная модель, представленная одним словом, вполне возможна[36], а во-вторых, если это слово было столь емко семантически и социально необходимо для развивающегося славянства как **sedl'aninъ*, селꙗнинъ, *селянин*, соответствующая модель имела все шансы на длительную продуктивность в будущем.

[35] *Frisk I*, S. 498—499; *Chantraine*, 1—2, p. 340—341.

[36] Ср.: *Urbutis V.* Žodžių darybos teorija. Vilnius, 1978, c. 139: о ситуации в словообразовании, когда корень употребляется и как самостоятельная основа, а аффикс уникален.

Л. В. Куркина

ЛЕКСИЧЕСКИЕ АРХАИЗМЫ РОДОПСКОГО ДИАЛЕКТА

Родопский диалект представляет собой весьма своеобразную, замкнутую группу говоров в юго-восточной Болгарии (средние Родопы). Исследователь родопского диалекта Л. Милетич полагает, что различие говоров в родопском крае выросло из единого древнерупского диалекта, основу которого составляло древнеболгарское племя Смолѣне и родственные ему племена[1]. Горный ландшафт и особые культурно-исторические условия определили некоторую обособленность, автономность в развитии и способствовали консервации ряда существенных особенностей в культурной и языковой жизни. Родопский край отличает архаичность всего жизненного уклада[2], здесь еще живы поверья, заговоры, обряды, связанные с различными праздниками крестьянского календаря[3]. Родопский диалект характеризуется устойчивыми архаичными чертами в области звукового строя, морфологии, словообразования. К таким выразительным явлениям, отличительно характеризующим родопский диалект, следует отнести тройной местоименный член, сохранение старых падежных форм[4], более широкое функционирование старых суффиксов (ср. суф. *-мо* в составе *варзмо̀*, веᵃзмо̀[5]). Юго-восточные говоры сохраняют в ряде случаев назальный элемент (ср. *гренда̀* 'идти' < **gręsti*), также выявляются следы произношения *ы* без типичного для

---

[1] *Miletič Lj.* Die Rhodopemundarten. Wien, 1912, S. 5. Место родопского диалекта в кругу юго-восточных говоров Болгарии определяется по-разному. Л. Милетич полагал, что в составе рупской группы, которая охватывает все южные говоры Болгарии, родопские и юго-восточные македонские говоры образуют западную часть. Ст. Стойков (Българска диалектология. София, 1955) делит юго-восточные говоры на две большие группы: рупскую (восточную) и родопскую (западную). В 1962 г. Ст. Стойков возвращается к взглядам Л. Милетича и делит рупские говоры на восточнорупские, родопские, западнорупские. С. Б. Бернштейн и Е. В. Чешко относят к рупским говорам лишь говоры Странджи и старый фракийский диалект; в их состав, а точнее в западнорупскую часть, включаются восточнородопские говоры, которые по многим своим признакам ближе к странджанским говорам, чем к центральнородопским. См.: *Бернштейн С. Б., Чешко Е. В* Классификация юго-восточных говоров Болгарии. — Изв. АН СССР, серия литературы и языка, 1963, т. XXII, 4, с. 289—299.

[2] *Примовски А.* Бит и култура на родопските българи. Материална култура. — СбНУ LIV. София, 1973; *Шишков Ст.* Материалы за веществената култура из Средните Родопи. — Родопски напредък, 1945, III/4, с. 213.

[3] *Шишков Ст.* Следи от култа на слънцето в Родопите. — Родопски напредък, 1910, VII/1, с. 2; *Он же.* Следи от култа на огъня в Родопите. — Родопски напредък, 1910, VII/5, с. 115.

[4] *Miletič Lj.* Op. cit., S. 99—168; *Стойков Ст.* Българска диалектология. София, 1954, с. 76—79, 113—114.

[5] Słownik prasłowiański, II, с. 14; *Стойчев Т.* Родопски речник. — БД II, с. 136; *Шишков Ст.* Из източните склонове на Родопите. — Родопски напредък, 1909, VI/5—6, с. 91.

южных славян изменения *ы* $>$ *и*[6]. Но полнее всего самобытность родопского диалекта проявляется в словаре.

Наиболее полное представление о лексическом составе родопского диалекта дают материалы, опубликованные в недавнее время Т. Стойчевым в двух томах «Болгарской диалектологии» (т. II и т. V). Много ценного и поучительного материала содержит словарь говора с. Момчиловци (Смолянско) в исследовании Ст. Кабасанова[7]. Небольшие списки слов помещены в журналах, сборниках, книгах, посвященных родопскому краю[8].

Изучение болгарской лексики в плане ее географического распределения показывает, что родопский диалект лишь частично участвует в установленной Ст. Стойковым лексической противопоставленности болгарских диалектов в направлении северо-запад — юго-восток, а западнее от Пазарджика — запад — восток[9]. Существующая граница между зонами распространения *нога/крак*, *риза/кошу́л'а*, *разбой/стан*, *жѐжък/горешт*, *йарѐм/хомо̀т*, *чувам* 'слушать' /*чувам* 'сохранять' достаточно близко подходит к ятевой границе, которая одновременно является границей этнографических и языковых явлений самого различного характера[10]. В родопском диалекте, расположенном как бы на границе этих двух областей, большей частью снимается лексическое противопоставление: лексемы *нога* и *крак*, *стан* и *разбой*, *риза* и *кошул'а* достаточно широко представлены на родопской территории. Более определенно выражено участие родопского диалекта в изолексе *йарем/хомот*, *горешт/жежък*, *чувам* 'слушать'/*чувам* 'сохранять'. По известным нам источникам родопский диалект вместе с юго-восточными говорами содержит слова *омо̀т*, *умо̀т* 'хомут' (БД II, 226, 286), *жештина̀* 'сильная жара' (БД V, 169), *чувам* 'сохранять' (БД II, 302), но лексемы *йарем*, *горешт*, *чувам* 'слушать' отсутствуют в этой области.

Родопский словарь отличают существенные особенности, которые выявляются при сравнении родопского диалекта с другими болгарскими диалектами, литературным языком и языком старо-болгарским. В литературе уже отмечались некоторые из лексико-семантических архаизмов родопских говоров: ср. *клет* 'комната,

---

[6] *Мирчев К.* Следи от стб. *ы* в говора на село Калапот, Зъхненско. — В кн.: Сб. в чест на проф. Л. Милетич. София, 1933, с. 56—59; *Кабасанов Ст.* За някои характерни старинни черти на тихомирския говор, Кърджалийско. — Език и литература, 1963, XVIII/1, с. 11—26.

[7] *Кабасанов Ст.* Говорът на с. Момчиловци, Смолянско. — Изв. на Института за български език. София, 1956, IV, с. 66—89.

[8] Родопски напредък, т. I—XII. Пловдив, 1903—1912; Сб. Широка Лъка. Просветно огнище в Родопите. София, 1947, с. 311 и далее.

[9] *Стойков Ст.* Българска диалектология. София, 1968, с. 150—152, 161—162; *Он же.* Основното диалектно деление на български език. — В кн.: Славянская филология, III. София, 1963, с. 111 и далее.

[10] *Младенов М. Сл.* Об одной древней лексической изоглоссе в болгарском языке (названия ярма в болгарских говорах). — В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971, с. 346—369; *Он же.* Роль лексических данных в диалектном членении болгарского языка. — В кн.: Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978, с. 66—71.

в которой хранят одежду', *дймн'а* 'маленькое оконце над огнем', *тȍлчник* 'орудие, с помощью которого очищают зерна от шелухи', *сȍха* 'вилообразная подпорка у плетня', *жȍрда* 'прут', *крỳх* 'кусок, комок, маленькая частица', *врах* 'количество снопов' обмолачиваемое за один раз', *вȍбел* 'источник', *кỳзн'а* 'кузница', *карчѐк* 'ведро', *ȍблак* 'передняя доска в приспособлении для перевозки груза на спине' и т. п.[11] Отмеченные диалектизмы частично известны и другим болгарским диалектам: ср. *жерда*, *соха*, *облак* в странджанском диалекте (БД I, 84, 140, 118), сев.-вост. *ỳбел*, *ъ̀бел*[12] и др. Замечено, что родопский диалект в большей степени, чем остальные болгарские говоры, сохранил староболгарские слова. Так в соответствии со ст.-болг. которыи находим в родопских говорах *катрѝ*, *катрà*, *катрȍ* (БД II, 183), *кътрȍ* (БД V, 183), *кутро*[13]; при ст.-болг. пазнегъть, пазногъть в родоп. *пàзнехте* мн. 'когти хищного зверя (медведя, волка)' (БД II, 230), причем в других южнославянских языках не находим подтверждений этой основы[14]. Южнородопский говор с. Тихомира сохраняет в функции относительного местоимения *ажйт*, *ъжйт* при ст.-болг. иже, ꙗже, ѥже, глагол *вели* 'сказал' при ст.-болг. велѣти 'рассказывать, желать, хотеть'[15].

Некоторая архаичность духовной культуры, мифологические представления находят отражение в особом семантическом наполнении отдельных общеупотребительных славянских слов. Народные поверья о насыле болезни нечистой силой, изгоняемой с помощью обрядов, заговоров, делают понятным употребление слов *вѐтêр* в значении 'ревматизм' (БД II, 138), *напрàто* в значении 'заноза' (ср. *напратàвам* гл. несв., *напрат'а* 'изгонять с помощью магии', БД V, 190). На правах культового термина выступает гл. *напоѐвам* 'совершать магический обряд с помощью специально приготовленного питья из растений' (БД II, 217: с пометой «устарев.»).

Родопский диалект, являясь своеобразной областью лексической консервации, дает немало ценного материала для изучения болгарской лексики в плане ее исторического развития и диалектного распределения, но для нас особенно важен другой аспект — отражение древнего праславянского наследия в лексическом составе родопских говоров. Выделение этого слоя лексики является важной составной частью общих исследований, направленных на определение состава праславянских лексических диалектизмов в их географическом распределении. В ряде случаев родопский диалект и соседние с ним говоры являются единственной областью на южнославянской территории, где сохраняются старые праславянские основы. Примером тому может служить родоп.

---

[11] *Кабасанов Ст.* Указ. соч., с. 66.
[12] Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971, с. 444—449.
[13] Родопски напредък, 1910, VIII/2, с. 62.
[14] *Младенов*, с. 408; *Фасмер* III, с. 186; *Machek²*, с. 439.
[15] В памет на проф. Ст. Стойков (1912—1969). Езиковедски изследвания. София, 1974, с. 268.

сор 'куча зерна вместе с сорняком' (БД V, 209), а также гюмюрдж. *сор* 'куча' (БД VI, 86), продолжающие праслав. **sorъ* (ср. рус. *сор*), связанное чередованием с **sъrati*. В родоп. *въжек* 'вид серой неядовитой змеи' (БД II, 141) можно усматривать едва ли не единственное свидетельство основы **ǫžь* на территории болгарского языка[16]. Несколько расширяет представление об ареале основы **čilъjь*[17] родоп. *по-чил-ен* 'заостренный', перен. 'сварливый, задиристый' (БД II, 246), гюмюрдж. *пучѝлен* 'заостренный' (БД VI, 70). Славянская лексема **gvozdъ*, известная болгарским говорам преимущественно в значении 'гвоздь', сохраняет в родоп. *при-гозинка* 'пень, ствол срезанного дерева' (БД V, 202), следы старого значения 'лес'[18]. Праслав. **glut-* отражают словен. *glûta*, *glúta* 'шишка, желвак, опухоль' и, видимо, родоп. *ǫ-глу̀тка* 'огрызок'[19]. К реликтовым локальным образованиям следует отнести родоп. *красат*, *красаф* 'кисловатый на вкус' (ср. еще разлож. *красат*, макед. *красат*, костур. *красат*), объясняемое на основе и.-е. **(s)ker-* 'резать'[20]. Родоп. *смилѐло гǫ йе* 'ломит, дерет' (БД V, 269) вместе с словен. *miljâva* 'горящие угли' и блр. диал. *засмилети* 'загореться' являются диалектным отражением апофонического варианта праслав. **smel-*/**smola* в глаголе (ср. ю.-слав. название растения **smilь*)[21].

Список лексических архаизмов родопского диалекта, ранее не привлекавших внимания исследователей, может быть пополнен следующими образованиями.

Родоп. ***варду̀не*** мн. 'двуколка для спуска бревен, деревьев и т. п.', *вурду̀не* мн. 'крепкие колья (обычно два), заменяющие задние колеса у двуколки; эти колья служат для спуска бревен и одновременно являются тормозом' (БД II, 136, 141). Оба слова с корневой частью **vъrd-* (+ суф. *-und*) родственны русским существительным с полной ступенью корневого гласного **vord-*: тул. *вороду́н* 'одноколка', *воро́дня* 'бревно, которое кладется в воду у борта барки и предохраняет ее от столкновения с другой баркой'[22]. Интересная русско-болгарская (родопская) изолекса обнаруживает продолжение на балтийской территории в лит. *vìrdis* 'шест в сарае, поперечная балка', лтш. *vãrde*, *vards* 'балка на крыше, подвешенные шесты для хранения одежды'. Лескин связывает балтийские слова с лит. *vérti*, лтш. *vẽrt* 'продевать нитку,

---

[16] В словарях Фасмера и Махека болгарское соответствие отсутствует. См.: *Фасмер* IV, с. 150—151; *Machek*², с. 673.
[17] ЭССЯ 4, с. 112.
[18] ЭССЯ 7, с. 185.
[19] ЭССЯ 6, с. 155.
[20] БЕР II, с. 718 со ссылками на Младенова и Бернара, см.: *Младенов*, с. 255; *Bernard R.* Le vocabulaire du dialecte de Razlog. — БЕз 1962, IV, с. 88—89 (сближает со ст.-слав. красьнъ 'красивый'). Из последних работ на эту тему см.: *Петлева И. П.* Этимологические заметки по славянской лексике. VII. — В кн.: Этимология. 1976. М., 1978, с. 45—48.
[21] *Куркина Л. В.* Праславянские лексические диалектизмы южнославянских языков. — В кн.: Этимология, 1979. М., 1981, с. 22.
[22] *Филин 5*, с. 109.

открывать, запирать'[23]. В таком случае балто-славянский лексический диалектизм *vord-/*vъrd- представляет расширение основы *ver- элементом d (ср. рус. *верать* 'совать, вкладывать, прятать', *завор* 'жердь, закрывающая проезд'[24]).

Отмеченное на болгарской территории лишь в родопском диалекте слово **во̀же** (БД V, 169) в специфическом значении 'плацента' (ср. Майката роди̇̀ и *во̀жето* па̀дна) не нашло отражения в «Болгарском этимологическом словаре». Есть основания думать, что это довольно старое слово примыкает к ряду если не синонимичных, то семантически близких образований с основой *vǫz- (~ *vęz-). Для славянской основы *vǫz- с очень широким составом производных прослеживается особая линия семантического развития, закрепившая за этой основой обозначение не просто связи, соединения, а связующего состава, связующего основания. Полнее всего эта семантика проявилась в сфере бортничества, где с основой *vǫza/*vǫzъ связывается обозначение пчелиного клея, воска, пчелиных сот. Именно в этой функции выступают рус. диал. *узá*, *ýза* 'вощинка, которая выступает плоскими колечками по суставам ножек пчелы (а не мед, который у нее в зобу); восковой клей из почек березы и других дерев; сотовая сушь, без меда; вощина из-под сотов', *уз* 'исподнее дно улья'[25], блр. диал. *вуза* 'пчелиные соты'[26]. По существу тот же семантический признак лежит в основе укр. *узá*, *узи́* 'жирный налет на воде' (т. е. жир как связующее начало)[27]. Из других славянских языков, по нашим наблюдениям, лишь польский знает примеры использования основы *vǫz- в сфере бортничества: *wiąz*, *wąz woskowy* 'воск, клей, которым пчелы покрывают стены улья', *wąza* 'pierwsze więzanie pszczelne w ulu, commosis', *węza*, *wiąz* 'соты'. В строительной терминологии сочетания *więzy ścienne*, *więzy poziome*, *więzy pionowe* обозначают связующее основание стен, фундамент[28]. В этом же ряду становится понятным и словацкое производное с суф. *-or* *úzor* 'основание ствола от пня'[29].

В родоп. *во̀же* 'плацента', т. е. орган связи зародыша с телом матери в период внутриутробного развития, представлено с некоторыми видоизменениями основное, опорное значение 'связующий состав, связующее основание'. В этом случае, как и во многих других, родопский диалект оказывается областью сохранения архаичных лексем, не засвидетельствованных на остальной южнославянской территории.

Для родоп. **жѐлдѐ ме** безл. 'колет, режет; вызывает внутреннее беспокойство' (БД II, 159; Славеино, Виево, Кутела, Река, Влахово, Смолянско) едва ли можно признать убедительным

---

23 *Fraenkel*, S. 1259.
24 *Фасмер* II, с. 72.
25 *Даль*² IV, с. 478; *Фасмер* IV, с. 152.
26 *Бялькевіч*, с. 113.
27 *Гринченко* IV, с. 323.
28 Варшавский словарь VII, с. 527, 541.
29 *Habovštiak A*. Oravské nárečia. Bratislava, 1965, с. 159.

предлагаемое «Болгарским этимологическим словарем» объяснение на основе контаминации *жёли*=*жили* и *бодѐ*[30]. Болг. *жёлдѐ* еще не было предметом этимологического изучения, а между тем это слово представляет несомненный интерес, так как открывает новые аспекты в изучении целой группы слов. Болгарское слово этимологически родственно слав. **želěti*, **žalь*, **žędlo* (последнее по диссимиляции из **geldlo*), и, следовательно, отражает старую основу **žel-*<**g^u̯el-*, ср. лит. *gélti* 'болеть, жалить', лтш. *dzeĩt* 'колоть'[31]. По своей структуре родоп. *жёлдѐ* представляет сочетание расширителя *-d* с корневой морфемой в ступени редукции **žьl-*. Тождественную основу **žьld-* отражают рус. диал. *желдь* ж. р. 'Ilex aquifolium, водожелдь, вязожелдь, острокровь, остролист, птичий клей, падуб', стар. *желды* мн. ч., а также *жéледь* 'тростник, из которого делают желейку, дудку'[32]. По мнению Ф. Безлая, с рус. *желдь* без больших фонетических трудностей сопоставимо словен. *žulj* ж. р., являющееся общим обозначением всех колючих растений, *pažulek* м. р. 'Pinus cembra' (ср. *ožuliti* 'колоть')[33]. Таким образом, основа **žьld-*, локально ограниченная восточно- и южнославянскими диалектами, расширяет состав этимологического гнезда с корнем **žel-* и вместе с тем указывает на ранее диалектное функционирование этого корня в сочетании с расширителем *-d*.

Родоп. ***ко̣нàдêм*** 'повреждать, разрушать, ломать', 'дразнить, подстрекать' (БД II, 189), не имеющее тождественных по структуре соответствий в болгарском и шире — славянских языках, может быть истолковано как сложение архаичной приставки *ko-* и основы, восходящей к сочетанию приставки *na-* и корня *dě-*< **dhē-* 'ставить, класть' ~ 'делать'[34]. В тех же родопских говорах отмечен гл. *надѐвам* в значении 'колоть, прокалывать', который вместе с плевен. *дѐйам* 'обтесывать', польск. *dziać* 'ткать', стар. 'долбить', н.-луж. *źaś* 'вышивать, стегать, ткать' вполне определенно указывает на семантическое ответвление в направлении 'колоть, прокалывать'. Родопский глагол *ко̣нàдêм* закрепил семантический переход 'колоть'>'повреждать, ломать' и 'дразнить'. С родопским словом может быть сопоставлено с.-хорв. *knaditi* (*pjesmu*) 'составлять, складывать текст народной песни' (Босния, Герцеговина), которые в словаре Миклошича толкуется как образование аналогичной структуры: корень *nadй-* (<*na-*+*dě-*) в сочетании с приставкой *k-*, по всей видимости, развившейся из *ko-*[35]. Родоп. *ко̣нàдêм* и с.-хорв. *knaditi* со всеми признаками ар-

---

[30] БЕР I, с. 532.
[31] *Фасмер* II, с. 34, 55; *Fraenkel*, S. 145—146; *Pokorny* I, S. 470—471.
[32] *Даль*[3] I, стб. 1358; *Фасмер* II, с. 41.
[33] *Bezlaj F.* Eseji, с. 135; *Ludvik D.* Dopolnila k imenom zdravilnih rastlin. — SR 1972, t. 20, N 4, с. 423.
[34] ЭССЯ 4, с. 229—230.
[35] *Skok* II, с. 108; *Miklosich*, S. 152.

хаичной структуры сложились, можно думать, в эпоху диалектного развития праславянского, когда приставка *ko-* еще сохраняла некоторую продуктивность.

Родоп. *лу̀пка* 'углубление, выемка между плечом и горлом' (БД V, 185), соотносительное с *луп* в значении 'широкий деревянный обруч на сите, решете', 'черепок' (БД II, 201), является диалектным образованием, обозначением части тела по признаку выпуклой изогнутой формы. В западной части южнославянских языков выделяются в качестве особой изолексы однокоренные образования со значением 'череп': с.-хорв. *лу̀бина*, сев.-зап. *lùbânja*, словен. *lubánja*[36]. Исходная для них основа **lub-* (< и.-е. **leubh-* 'лущить, снимать кору') связана чередованием с **lъbъ* (ср. рус. *лоб*) и **lyb-* (ср. рус. диал. *лы́бонь* 'верхняя часть голени животного' и *улыбаться*) и родственна лит. *lúobas* 'еловая или липовая кора', *lubà* 'доска', лтш. *luôbît* 'лупить', *luba* 'луб' с нерегулярным отношением слав. *u* ~ балт. *ō* (= лит., лтш. *uo*) вместо ожидаемого балт. *au*[37]. В составе этимологического гнезда среди широкого круга образований с опорным значением 'кора' ~ 'выпуклость' (ср. с.-хорв. *lȕba* 'опухоль железы', *lubeníca* 'дыня', болг. *лубени́ца* то же и т. п.) родоп. *лупка*, с.-хорв., словен. *lubanja* занимают особое место. Являясь обозначением части тела, они вполне определенно отграничены от других семантических филиаций этой основы.

Родоп. **парчѐсва** несв., **парчѐса** св. 'развиваться (о стебле)' вместе с приставочными образованиями *испо̀рчва са*, *испо̀рче са* 'всходить, появляться о стеблях, которые еще дадут цвет и семена' (БД V, 175, 195), *запа̀рчвам* 'остановиться в развитии'[38] продолжают праслав. **pъrkati*, которое характеризует два ряда значений: 'рыть, разгребать, копать' и 'колоть, бить, ударять'[39]. Родопский диалектизм, являясь семантически производным ('колоть, бить' > 'пробиваться, всходить, появляться на свет'), не изолирован в составе данного этимологического гнезда, напротив, для него обнаруживаются семантические соответствия, в число которых следует включить оставленное Скоком без объяснения с.-хорв. *pr̃cati*, *-âm* (Дубровник) 'прорастать, идти в рост', отглаг. *pr̃ca* 'нарост'[40], а также болг. диал. *пръкнувам се* 'появляться на белый свет, рождаться', *пръкнъ* (*съ*) то же из диалектов, территориально близких родопскому[41]. В этом же ряду может

---

[36] *Skok* II, с. 322.

[37] *Фасмер* II, с. 526—527; 539; *Буга К.* Славяно-балтийские этимологии. — РФВ 1914, LXXI, с. 468—469.

[38] Материал за българския речник от Вратца и околностьта му. Записал Бешовишки Д. — СбНУ 1897, XIV, с. 198.

[39] *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VII. — В кн.: Этимология. 1977. М., 1979, с. 21.

[40] *Skok* III, с. 28, со ссылкой на Вука.

[41] *Горов Г.* Странджанският говор; *Попгеоргиев П.* Из лексиката на с. Чешнегирово, Пловдивско. — БД I, с. 132, 214; *Бояджиев Т.* Речник на говора на с. Съчанли, Гюмюрджинско. — БД VI, с. 74.

быть понято и чакав. *isprãrčit* (*se*) 'вытягиваться, выставлять, выдаваться, выступать' (ср. Čä *si isprãrči* tȋ debȅli tarbüh, Хвар)[42]. Этимологически тождественны им, видимо, образования с приставкой *pa*-: с.-хорв. *pàprčina* 'стебель'[43], словац. *paprčok* 'копыто коровы', *paprčka*, *paprča* 'нижняя часть рога у копытных'[44]. Как видим, в отдельных славянских диалектах вполне определенно выражено одно из направлений семантической дифференциации слав. **pъrkati*, наметившейся, как можно полагать, в эпоху диалектного развития праславянского языка.

Родоп. ***партлѐвêм са*** 1. 'прийти в себя, оправиться, подняться (о больном)', 'таращиться, таращить глаза', 2. 'медлить без причины', *опартлѐвêм са* 'оправиться', 'перестать медлить, поторопиться' (БД II, 232, 226). Некоторая расплывчатость семантики наводит на мысль, что родопские глаголы отражают вторичное состояние, переосмысление и развитие в разных направлениях изначально подвижного и емкого значения. Семантика родопских глаголов строится вокруг основного и опорного значения 'упереться', 'столкнуться', 'встретить помеху'. Родоп. *партлѐвêм*, имеющее структуру отыменного образования с корневой частью *парт*- (< *пърт*-), осложненной суф. -*л*- и -*ава*- (< **пъртл'ав*-), можно соотнести с некоторыми славянскими глаголами, в составе которых выделяется приставка *ko*- и корень **pert*-, **pyrt*- 'толкать, спотыкаться': польск. *pertać* 'толкать', *wypyrtać* 'вытолкнуть', *kopertać*, *kopyrtać* 'опрокидывать, кувыркаться', *(wy)kopertnąć* 'умереть', *skopernąć*, *skopyrtnąć* то же, чеш. морав. *koprtnút'* 'споткнуться'[45], сюда же относятся кашуб. *pёrtac są* 'крутиться, вертеться', 'быть помехой', *kópёrčёc są* 'о досках: прогибаться', словин. *pёrt-noga* 'самокат'[46]. В связи с этой группой слов Фасмер рассматривает рус. юж. *скопердин* 'игра, при которой состязаются в метании дугообразной палки', а также укр. *шкопердáти* = *шкопиртати* 'бросать палку так, чтобы она шла колесом, ударяясь о землю то одним, то другим концом', *шкопи́ртка* 'палка, которую шкопиртають'[47]. При этом Фасмер не делает никаких этимологических выводов, отрицая лишь возможность заимствования греч. σκαπέρδα 'игра юношей во время дионисий' на на том основании, что это слово отсутствует в новогреческом. Между тем из факта сопоставления с западно-славянскими словами вытекает истолкование приводимых Фасмером слов как образований сложных, включающих приставку **sko*- (> *ско*- > *шко*-) и корневую морфему **pirt*- с продлением ступени редукции в корне.

---

[42] *Hraste M.*, *Šimunović P.*, *Olesch R.* Čakavisch-deutsches Lexikon. Teil I (= Slavistische Forschungen herausgegeben von R. Olesch. B. 25/I) Köln — Wien, 1979, стб. 312.
[43] RJA IX, 41, с. 631 (со ссылкой на Вука): postańe tamno.
[44] SSJ III, с. 25; *Matejčík J.* Slovník východonovohradského nárečia. Banská Bystrica, 1972, с. 487.
[45] Варшавский словарь VI, с. 162.
[46] *St.* gwar kaszub., II, с. 205; IV, с. 59; *Lorentz* Sl. Wb. I, S. 624.
[47] *Фасмер* III, с. 649—650; *Гринченко* IV, с. 503.

Поэтому оправдан опыт расширения гнезда с корнем **pert-*, с предположением фонетического преобразования этого корня в чеш. диал. *koprcati se*, словац. *koprcat'* (*sa*) 'падать, кувыркаться', с.-хорв. *koprcati se* 'биться, трепетать', 'отбиваться, вырываться', словен. *kopȑcati* 'спотыкаться'. Правда, Махек иначе подходит к истолкованию этих слов. В словац. *kopŕcat'* (*sa*) он видит интенсив на *-s* от гл. *kobŕtat' sa*, который в первом издании словаря объясняется из **ko-obrtati* < **vert-*, а во втором соотносится с *kotrmelec* < **ko-trbati* < *brt-ati* и далее сближается с лит. *tãbalus mùšti* 'бить в бубны' [48]. Нерегулярность фонетических изменений и связанная с этим разнонаправленность поисков исходной основы сильно ослабляют доказательную силу предлагаемого Махеком объяснения. Это обстоятельство и побуждает нас отдать предпочтение указанной выше этимологии, свободной от подобных трудностей фонетического и семантического характера.

Реконструируемое таким образом праслав. **pert-* представляет расширение элементом *-t* основы, родственной слав. **perti*, **pьrǫ* (ср. рус. *упереть*, ст.-слав. прѣти, пьрѫ 'ссорить') [49]. Родопский материал позволяет продлить изоглоссу на южнославянскую территорию и связать болгарские диалекты с лехитской языковой группой.

Родоп. ***пд̀тара*** 'обшаривание, поиск' (с пометой «устаревшее») связано чередованием с гл. *терам* 'искать' (БД II, 245, 278) и этимологически тождественно слав. **ter-* с характерным для него синкретизмом значений 'тереть' и 'гнать, бежать' [50]. Для гл. **terati*, производного от **terti*, следует признать обычным значение 'гнать, бежать' (ср. словен. *terjati* 'гнать', в.-луж. *ćerić* 'ловить', др.-чеш. *potěřiti*, *vtěřiti* 'persequi'), значение 'искать' отмечено лишь для болг. диал. *терам* [51] и кайк. *terjati* [52]. Родоп. *пд̀тара* должно иметь в качестве производящей основы глагол на *-iti* **toriti* с корневым *о*, но этот глагол в славянских языках характеризует иное значение — 'торить, прокладывать дорогу': ср. укр. *торити*, рус. *торить* 'прокладывать путь, протаптывать тропу и т. п.', чеш. *tořiti* 'идти' и т. д. Семантически обособлено родопское слово и среди соответствующих славянских именных образований с долгим гласным в корне, сохраняющих живые связи с основным значением 'тереть': польск. диал. *otara* 'пустые обмолоченные колосья', словен. *otâra* 'трепало', кашуб. *tar* 'торная дорога', с.-хорв. *târ* 'размельченная солома' [53]. По всей ви-

---

48 *Machek¹*, с. 210: s. v. *kobrtati; Machek²*, с. 264, 283.

49 *Фасмер* III, с. 240.

50 *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции количественных чередований в некоторых славянских этимологических гнездах. — В кн.: Этимология. 1970. М., 1972, с. 60.

51 *Младенов М. Сл.* Распространение некоторых карпатизмов в болгарских говорах. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975, с. 230.

52 RJA XVIII, 76, с. 373—381.

53 *Варбот Ж. Ж.* Указ. соч., с. 59.

димости, родоп. *пòтара* ʽобшаривание, поиск' отражает ту линию семантического развития, которую полнее всего выявляют славянские глаголы на *-ati* с продлением гласного в корне — **tarati*: словен. *tárati* ʽмучить, терзать', ʽмедленно работать или идти' при *trę̑ti*, *tarem* (*térem*) ʽтереть, дробить' и ʽугнетать', ʽбиться, неутомимо трудиться'[54], польск. *tarać* ʽболтать'[55], словац. и морав. *tarati* ʽболтать', ʽбесцельно бродить, ходить', словац. *š-tarat'* (*sa*) ʽрыться', ʽходить, прохаживаться и притом все около себя высматривать', ʽшарить', ʽколоть, тыкать', ʽскрести, царапать'[56], чеш. *stárati* ʽсмотреть, следить, рыться, шарить', ʽколоть'[57]. Болгарский диалектизм и соответствующие глаголы на *-ati* показывают, что значение ʽискать, шарить' в конечном счете восходит к синкретизму значений ʽтереть' и ʽгнать, идти' через промежуточные ступени ʽтереться, обтираться', ʽрыться' и ʽобхаживать, прохаживаться, бродить'.

В круг продолжений слав. **usnьje* < **us-mnьje* (с суф. *-men-* в нулевой ступени) из болгарского материала обычно включается производное *уснар* ʽкожевник', между тем как родопские и соседствующие с ним говоры сохраняют более архаичные лексемы, еще не привлекавшие внимания этимологов. Это — родоп. ***осм'анка*** ʽбрюшная часть у борова с очень тонким слоем жира' (БД V, 194), пловдив. *усм'анка̣* ʽчасть горловины и брюшины, с которых начинается разделка туши, предварительно опаленной на огне' (БД I, 216), пирдоп. *вѝсминка* ʽмясо брюшной части у свиньи' (БД IV, 93), тетов. *висманца* ʽчистое мясо, предназначенное для копчения'[58]. Болгарские диалектизмы, производные от прил. **ustěnъ* (ср. др.-рус. *усмѣнъ* ʽкожаный'), несут в себе следы древней семантики, указывающей на первоначальное использование этой основы для обозначения чистой кожи с минимальным волосяным покровом. Такими природными свойствами обладала кожа брюшины, и именно из этой кожи изготовлялась обувь — *опинци*, о чем свидетельствует одно из диалектных описаний: обувь из свиной или говяжьей недубленой кожи забитого в доме скота[59]. По всей видимости, **ustěnъ* — это обозначение брюшины и шире — кожи, полученной путем опаливания шкуры на огне. Как видим, в болгарских диалектизмах еще жива соотнесенность с конкретными особенностями обозначаемой ими реалии. По одной из этимологических версий слав. **usnьje* сближается с тем рядом индоевропейских слов, который характеризует значение ʽжечь': греч. εὕω ʽжгу' < **eusō*, лат. *ūrō*, *ussī*, *ustum* ʽжечь, сушить', др.-инд. *ṓṣati* ʽжжет', др.-исл. *usli* ʽогонь'[60]. Современные славянские

---

54 *Pleteršnik* II, S. 656.
55 Варшавский словарь VII, с. 21.
56 *Kott* IV, с. 28: morav., slov.; III, с. 943; SSJ IV, с. 448; *Matejčík J.* Op. cit., с. 487.
57 PSJČ V, с. 679.
58 *Тасевски J.* Зборови от тетовскиот говор. — MJ 1952, III, с. 170.
59 *Захариев И.* Каменица. — СбНУ 1935, XL, с. 153.
60 *Фасмер* IV, с. 171.

языки и диалекты, утратив представления о древней специализации таких названий, как *koža, *kъrzno, *usnьje, закрепили за словом *usnьje обозначение выделанной, дубленой кожи: ср. рус. *усма́* 'выделанная кожа', с.-хорв. *у̏смина* 'голенище', чеш. *usně* 'кожа (дубленая)', болг. тетов. *усàм* 'выработанная кожа, сафьян' [61].

Родоп. ***хо̀ўпка, о̀л'пка*** 'клок шерсти, хлопка, льна, конопли', *òапак* 'кусок хлеба' (БД V, 192—193, 216), *хо̀лпка* 'катаракта' (БД II, 296), а также, видимо, *воᵃпка, во́ᵃпа, -и* 'осевшее место, где естественным путем задерживается вода' [62] и *во̀па* 'углубление, котловина' и как местное название [63] (с выпадением начального *х-* и развитием протезы *в-*) при всех своих семантических различиях исторически представляют, видимо, одно слово, которое может быть реконструировано в форме *хъlpa, *хъlpъka. В специальной литературе болгарские слова не рассматривались, не учтены они и этимологическими словарями. На всей южнославянской территории, за пределами родопского края, соответствующие образования как будто бы отсутствуют. Если обратиться к данным северославянских языков, то нетрудно заметить, что родопские слова не являются специфически местными образованиями, они входят в определенный ряд славянских соответствий и могут считаться архаичным свидетельством основы, которую «Этимологический словарь славянских языков» [64] реконструирует в форме *хъlpъ / *xlъpъ. В славянских языках из продолжений основы *хъlpъ болгарским диалектизмам формально и семантически ближе всего словац. *chlp*, выступающее в следующих значениях: 'волосы, шерсть на коже животного, а также у человека', 'волосяной покров (пушок) у некоторых растений', 'пучок, связка, щепоть', 'узел на нити', 'клочок, клок (волос, травы и т. п.)', 'кучка (людей)', 'облако (дыма)', разг. 'малость, мелочь' [65]. Семантически более однородна основа *xlъpъ: чеш. *chlup* 'волос', 'ворсинка, шерстинка', *chup* (*chłup*) 'заросший мужчина', польск. диал. *chłupy* мн. ч. 'волосы, патлы', рус. диал. *хлоп* 'костра, отходы и т. п.' В качестве названия рельефа родопскому *воᵃпка, во́ᵃпа* соответствует укр. диал. *ховп* 'небольшая отлогая горка, холм' [66], карп. *хо́ўпы* 'пропущенные полосы при косьбе' [67], блр. *хоўп* 'островок в лесу' [68], а также в.-луж. *khołp* 'верхушка горы' [69].

---

[61] *Стойчев Кр.* Тетевенски говор. — СбНУ, 1915, XXXI, с. 350.
[62] *Шишков Ст.* Географските названия в централния родопски говор. — Родопски напредък, 1909, VII/2, с. 37.
[63] *Кабасанов Ст.* Указ. соч., с. 71.
[64] ЭССЯ 8, с. 41.
[65] *Machek*², с. 209.
[66] *Марусенко Т. А.* Материалы к словарю украинских географических апеллативов (названия рельефов). — В кн.: Полесье. М., 1968, с. 253.
[67] *Решко М. В.* Говірка с. Ключарки Мукачівського району. Ужгород, 1951, с. 100 (Дипломна работа).
[68] Народная лексіка. Мінск, 1977, с. 88.
[69] *Pfuhl*, S. 316.

Как видим, семантическое содержание слав. **xъlpъ* /**xlъpъ* составляют два ряда значений: 1. 'волос, шерстинка', 'клок, пучок' и 2. 'некоторая неровность на поверхности земли'. Вопрос о происхождении этой основы не имеет определенного решения. У Фасмера рус. *хлопок* и его соответствия идут с пометой «неясно» [70]. «Этимологический словарь славянских языков» относит слав. **xъlpъ* /**xlъpъ* к экспрессивному слою лексики и сближает с слав. **xlupъ* (ср. рус. *хлуп*, *хлупь* 'кончик крестца у птицы, хвостец' и т. п.), **xlupati sę*. Последнее рассматривается как экспрессивное образование, сопоставимое с **xlopati*, **xlapati*, а также с **lupati* при условии подвижного начального *x*-.

Махек разграничивает основы **xъlpъ* и **xlъpъ* и дает им разное этимологическое истолкование. Слав. **xlъpъ* сближается с лит. *pláukas* 'волос' через серию фонетических изменений *p—k* > *k — p* и *k* > *ch* [71], что едва ли возможно хотя бы потому, что лит. *pláukas* — производное регулярного типа от гл. *plaũkti* 'плыть' [72]. Проводя расслоение западнославянских продолжений основы **xъlpъ*, Махек предполагает возможность частичной контаминации с основой **xlъpъ* и допускает для словац. *chlp* в значении 'клок', 'куча, толпа' влияние фонетически близкого *klb* (*kloub*) 'сустав', 'громада', 'пучок'. В результате вычленяемое как наиболее раннее значение 'узел, петля' служит семантическим основанием для сближения словац. *chlp* с лит. *kìlpa* 'петля', *kìlpinė* 'спутанное, взъерошенное место', *kìlpoti* 'делать узлы', лтш. *cìlpa* 'петля, узел в ткани', *cìlpuôt* 'делать петли, вязать крючком' (отношение *ъ* — *i* как в слав. **mъrgati* — лит. *mirgḗti*). Славянско-балтийское соответствие предстает как своеобразный термин ткачества, претерпевший семантические изменения прежде всего на славянской почве. Хотя само по себе сопоставление балтийских и славянских слов можно считать вполне приемлемым с точки зрения формы и некоторой общности в содержании, все же нельзя не признать, что ориентация на значение 'узел, петля' не позволяет связать воедино в семантическом отношении всю группу родственных слов с корнем **xъlp*-. Выбор исходного значения Махеком сделан без достаточно полного учета всех составных частей этимологического гнезда. Более внимательное рассмотрение всего относящегося сюда материала показывает иную иерархию значений, в которой значение 'петля, узел', принимаемое Махеком за изначальное, является производным, вторично сложившимся на базе переосмысления основного значения, полнее и определеннее всего представляемого славянскими языками. На славянской почве именно значение 'клок, клочок', отводимое Махеком как вторичное, и составляет более ранний семантический слой, являясь как бы обозначением результата действия, характер и содержание которого передают отмеченные выше существительные со значе-

---

[70] *Фасмер* IV, с. 245.
[71] *Machek*[1], с. 158; *Machek*[2], с. 200.
[72] ЭССЯ, 8, с. 41.

нием 'кусок хлеба', 'клок', а также родственные им глагольные образования типа словац. *chlpit'* 'драть, лохматить', *chlpit' sa* 'ссориться, пререкаться, драться', морав.-словац. *chlupat se* 'драться'. За исходную базу семантического развития следует, по всей видимости, принять значение 'рвать, царапать, разрушать', именно от него в ходе дальнейшего развития ответвились значения 'клок, пучок', 'отходы', 'спутанное место; петля'. Значение 'катаракта', свойственное родоп. *хълпка*, как известно, сосуществует со значениями 'кожица, пленка', 'чешуя', 'осколок' [73]. Самостоятельную линию образует отношение 'рвать' → 'ров, углубление, неровность'. Что касается балтийских примеров, то и здесь использование основы **kilp-* в сфере текстильной терминологии следует отнести к семантическим новообразованиям. Допустимо считать семантически производными от изначального, основного значения 'рвать, разрушать' балтийские однокоренные образования, связанные чередованием с лит. *kìlpa*, а именно: лит. *kálpa* 'мозоль на ноге лошади', 'поперечная балка, на которой держится санный кузов', прусск. *kalpus* 'опора' [74] ('рвать' → 'нарыв', 'разрушать, ломать' → 'острие', 'палка').

В поисках индоевропейского этимона, опираясь на семантическую реконструкцию, мы приходим к и.-е. корню **skelp-* (< **(s)kel-p-*), продолжениями которого, по данным словаря Покорного [75], являются следующие образования: греч. σκάλοψ 'крот' (т. е. 'роющий землю'), σκόλοψ 'палка с острым концом', лат. *scalpō, -ere* 'царапать, скрести, рыться; резать острым предметом', др.-в.-нем. *scelifa*, ср.-в.-нем., нов.-в.-нем. диал. *schelfe* 'кожура', ср.-в.-нем. *schelver* 'оторванный кусок', др.-исл. *skjǫlf* 'скамья', англосакс. *scielfe* 'сени, этаж, ярус, дощатая перегородка', *scielf* 'вершина скалы', ср.-н.-нем. *schelf* 'деревянный помост, полка'. Без начального *s-* этот корень в гот. *halbs*, др.-в.-нем., н.-в.-нем. *halb* (т. е. 'geteilt'), англ.-сакс. *hielfe* 'стержень, рукоять' и т. д. В число родственных образований включаются лит. *kàlpa*, *kìlpa* и *sklempiù*, *sklem̃pti* 'гладко обрубать, обтесывать' (с назальным элементом в корне). В словаре Френкеля [76] *sklem̃pti* считается тождественным *sklem̃bti* 'гладко строгать, обрубать, резать, скашивать (углы), заострять'. В плане семантики для нас наибольший интерес представляют производные *sklim̃bas* 'отрезанный кусок хлеба', *sklim̃bis* 'обломок', 'обвал, размыв, разрушение; склон скалы', *sklim̃stis* 'ком земли, куча земли'. Как видим, семантическое содержание индоевропейских соответствий составляет сходный набор значений, а именно: 1. 'отрезанный кусок', 'ком', 'кожура'; 2. 'стержень, балка'; 3. 'вершина горы, острие'. Нам представляется, что славянские языки в большей степени, чем балтийские, сохраняют и.-е. основу **skelp-* в ее прямом, изна-

[73] *Петлева И. П.* Этимологические заметки по славянской лексике. I. — В кн.: Этимология. 1972. М., 1974, с. 81—90.
[74] *Fraenkel*, S. 210, 253—254.
[75] *Pokorny* I, S. 926.
[76] *Fraenkel*, S. 810—811.

чальном содержании (ср. значения 'клочок', 'кусок', 'лохматить', 'неровность').

Слав. **xъlpъ* отражает основу **skelp-* в ступени редукции с обычным переходом *sk*>*x* (ср. слав. **xorbrъ* ~ лтш. *skarbs*, **xręda* < **skręda* и т. п.)[77]. Вариант **xlъpъ* позволяет говорить об иной исходной структуре — **sklъpъ*. Славянские языки представляют основу **skelp-* с гласным в полной ступени, видимо, в рус. диал. *щёлеп* 'челюсть, нижняя скула' (наряду со *скелеп*), укр. *щéлепа* 'челюсть', а также *щолопóк* 'верхушка, макушка'[78]. Восточнославянские образования, можно думать в полном соответствии с требованиями фонетики продолжают старую основу **skelp-* и являются, таким образом, наследием древней праславянской эпохи. Такой подход к объяснению восточнославянских слов, оправданный с точки зрения формы и содержания, заставляет усомниться в справедливости выдвинутого Фасмером[79] предположения о том, что рус. *щёлеп*, возможно, произведено от *щель*, т. е. является поздним образованием, продуктом не совсем ясного словообразовательного акта с участием, видимо, наращения *-еп-*. Есть все основания видеть в восточнославянском **ščelp-* отражение праславянского диалектизма ограниченного распространения.

Родопский диалект сохраняет след еще одной старой основы. В небольшом словарике, помещенном Т. Стойчевым на страницах журнала «Родопи», находим глагол ***нащерва са*** в значении 'науськивать, натравливать'[80]. Этот глагол, видимо, с некоторым семантическим видоизменением продолжает слав. **ščeriti* 'скалить зубы': рус. *щерить*, *ощерить(ся)* 'сильно рассердиться', чеш. *štěřiti*, *štířiti*, польск. *szczerzyć zęby*, в.-луж. *šćerić* и т. д.[81] В южнославянских языках этот глагол известен лишь в форме **cěriti*: ср. болг. *оцарвам*, *оцеря* (*зъби*), *церим се* 'ухмыляться', 'скалить зубы', с.-хорв. *cjȅriti*, например *cjeriti zube* 'скалить зубы', *cjeriti se* 'ухмыляться' и т. п.[82] Болгарский диалектизм как раз интересен сохранением старой основы **ščeriti*. В западных диалектах болгарского языка находим еще одно свидетельство этой основы — костур. *ишчàрвам* несв., *ишчàра* св. 'жечься (о крапиве)'[83]. В той же области в с. Бобошево словари фиксируют интересное слово с тем же корнем — *нèщер* 'ножичек, которым срезают для вакцины кожу, пораженную оспой'[84].

По одной из этимологических версий, принимаемых Миклошичем, Бернекером, Фасмером, слав. **ščeriti* и **cěriti* восходит

---

[77] ЭССЯ 8, с. 41.
[78] *Даль²* IV, с. 653; *Гринченко* IV, с. 524, 529.
[79] *Фасмер* IV, с. 500.
[80] *Стойчев Т.* Родопски речник. — Родопи, 1975, № 12, с. 35.
[81] *Фасмер* IV, с. 504.
[82] ЭССЯ 3, с. 188.
[83] *Шклифов Б.* Речник на костурския говор. — БД VII, с. 248.
[84] *Кепов Ив.* Народописни, животописни и езикови материали от с. Бобошево, Дупнишко. — СбНУ 1936, XLII, с. 269.

к и.-е. *(s)ker- 'резать' и связано чередованием с *skora [85]. Праслав. *ščeriti на южнославянской территории имеет своим ареалом западную часть Болгарии и Родопы.

Особенность родопского словаря в том, что он содержит в своем составе древние праславянские лексемы, слабо засвидетельствованные славянскими языками. Родопский материал уточняет, дополняет и расширяет представления о некоторых фрагментах славянской лексики: ср. *smil- (родоп. *смилѐло го̧ йе*), *vǫza / *vǫzъ (родоп. *во̀же*), *pъrkati (родоп. *парчѐсва, парчêса*), *pert- / *pьrt- (родоп. *партлѐвêм са*), *xъlpъ (родоп. *хоўпка*), *konaděti (родоп. *конадем*). На южнославянской территории лишь родопский диалект представляет слово *vъrdunъ (~ рус. *вородун*). Примером лексико-семантической связи родопского диалекта и словенского языка может служить *žьld-. Много нового и интересного открывают в плане семантики родоп. *лупка*, *потара*, *осм'анка*.

Ж. Ж. Варбот

К РЕКОНСТРУКЦИИ И ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ПРАСЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ И ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН. IX

(*zoriti/*zariti II, *obsogъ и *obsožiti, *syknǫti, *rъvъnъ и *ruja, *guzlo)

*zoriti/*zariti II

В польской лексике обособленное положение занимает диалектизм *zarki* 'ломкий, легко рвущийся' (например, *zielsko zarkie* 'сорняк, который при полке не вырывается с корнем, а обрывается') [1]. Соответствие значения слова ('способный к действию') известной словообразовательной модели прилагательных с суф. -ъk- [2] позволяет предполагать и в польск. *zarki* соединение суф. -ъk- с корнем *zar-* (возможно, глагольным). В поисках возможностей отождествления этого корня привлекает внимание русский диалектизм *зáрить* 'разорять, вводить в убытки', 'убивать', *зáриться* перм. 'разоряться' и псков. 'отцеплять с трудом от чего-либо (зацепившийся невод)' [3]. Последнее, наиболее материальное, конкретное значение представляется достаточно близким к потенциальному значению корня *zar-* в польском слове (*'драть', 'рвать').

[85] *Miklosich*, S. 299; *Berneker* I, S. 126. ЭССЯ 3, с. 188 трактует это слово как отражение и.-е. *skoi-, расширенного суффиксальным элементом -r.

[1] Варшавский словарь VIII, с. 248.

[2] См. *Troubetzkoy N.* Les adjectifs slaves en -ъkъ. — BSL, 1923, t. 24, f. 1, p. 130—137; *Откупщиков Ю. В.* Литовский язык и праславянские реконструкции. — Baltistica, 1974, t. X, 1, с. 15—19.

[3] *Филин* 10, с. 383—384.

Рус. *зáрить(ся)* в значении 'разорять(ся)' явно связано с *зорить(ся)* 'разорять(ся)' и *зорить* 'донимать, беспокоить кого-либо'. Этот глагол с огласовкой корня **o* обычно толкуется как следствие переразложения в префиксальных формах глагола **oriti* 'разрушать'[4]. Следует, однако, обратить внимание на разветвленность аблаутного ряда в корне **zor-*, неизвестную славянскому **or-*: помимо *зорить* и *зарить*, представлено еще рус. урал. *зирáть* 'разорять, грабить'[5]. В семантическом плане существенно наличие рефлексов значения 'рвать', 'драть': см. выше псков. *зáриться*, польск. *zarki*; одноплановым семантически образованием с корневым **o* является, вероятно, иркут., забайкал. *зóрка* 'стержень птичьего пера (который отбрасывается, когда щиплют перья или пух)'[6]. Это позволяет поставить вопрос о возможности генетической обособленности гнезда рус. *зорить(ся)*, *зарить(ся)* от слав. **oriti* или, во всяком случае, гетерогенности, двойственности его истоков. Влияние гнезда **oriti* в формировании *зорить(ся)* и т. п. несомненно. Но собственно источником этой группы с корнем **zor-* представляется и.-е. **g'her-* 'скрести, царапать, рыться', к которому восходят, например, лит. *žeñti*, *žeriù* 'царапать, рыться' (и далее *žarstýti* 'грести, разбрасывать') и греч. *χαράσσω* 'острить, зазубривать', 'бороздить, царапать', 'вырезать', *χαράδρα* 'рытвина, канава', *χάραξ* 'жердь, кол, тычина' и т. п.[7] Примечательно сходство именных значений в греческом и славянских языках: ср. греч. *χάραξ* 'жердь, кол' и рус. *зóрка* 'стержень птичьего пера'. Из славянских лексем с реконструируемым корнем **zor-/*zar-* наибольшую близость к исходной семантике сохранили, вероятно, именно это русское производное существительное и польское прилагательное *zarki*, тогда как в глаголах возобладало (под влиянием смешения с гнездом **oriti*?) значение 'разорять'.

Структурным соответствием для рус. *зорить* является лит. *žãryti* 'хлестать (о дожде)', 'жадно есть', 'что-либо ловко делать (косить, рубить')[8] (ср. *žeñti* plãčią prãdalgę косить широкий покос'[9]).

Принятие для рус. *зорить*, *зарить* указанного индоевропейского родства означает допущение реконструкции **zoriti* / **zariti* 'рвать', 'драть' как праславянского итератива с вариантным вокализмом корня. Правомерность отнесения этого глагола к праславянскому лексическому фонду подтверждается существованием производных от него, помимо русского языка, также в польской лексике: наряду с рассмотренным выше польск. *zarki* как производное от **zoriti* / **zariti* может быть объяснено польск. диал. *nazorliwy* 'норовистый'[10] — ср. рус. *зорить* 'донимать, беспокоить'.

---

[4] *Фасмер* II, с. 104.
[5] *Филин* 11, с. 284.
[6] Там же, с. 341.
[7] *Pokorny* I, S. 441.
[8] *Niedermann — Senn — Brender — Salys* V, S. 393.
[9] Там же, с. 412 (*žeñti*).
[10] Варшавский словарь III, с. 236.

Вариантность вокализма в корне праславянских итеративов на *-iti* — достаточно распространенное явление: ср. **moriti* / **mariti*, **voditi* / **vaditi*, **zoriti* / **zariti* 'смотреть'[11]. Таким образом, предполагается праславянская омонимия гетерогенных основ: **zoriti* / **zariti* I 'смотреть' (к **zьrěti*) и **zoriti* / **zariti* II 'рвать', 'драть'.

**obsogъ* и **obsožiti*

Миклошич включил в свой «Этимологический словарь славянских языков» статью с заглавным *sogъ*, под которым привел словац. *osoh* 'польза', *osožit'*, *osohovat'* 'приносить пользу', сопоставив эту группу с др.-в.-нем. *gesuoch* 'приобретение'[12]. Другое толкование словац. *osoh* — как тюркизма (ср. уйгур. *asïγ* 'польза') — предложено Мелихом[13]. Семантическая и формальная близость (особенно в последней версии) весьма впечатляюща. Однако в этимологической практике всегда было правилом не пренебрегать поисками объяснения гипотетического заимствования на его родной почве. И в данном случае толкование словац. *osoh* как заимствования вряд ли является единственно возможным этимологическим решением. Следует считаться с тем, что в исконной славянской лексике древнейшей поры был корень **sog-*. Имеется в виду гнездо праслав. **sęg-* 'достигать, касаться', восходящее к и.-е. **seg-*. В славянских языках получила наиболее широкое распространение назализованная форма этого корня, но в лексике, связанной с бракосочетанием (часто сохраняющей архаичные элементы), представлен тот же корень без инфикса, с огласовкой **ō*: ц.-слав- посагъ 'nuptiae', др.-рус. *посагъ* 'бракосочетание', серб.-ц.-слав. посагати 'nubere', чеш. *posah* 'приданое', польск. *posag*, укр. *пóсаг*, блр. *посáг*, *посáга* то же, рус. *посáг* твер. 'свадьба', зап. 'приданое' и т. д.[14]. Семантика этой группы — 'бракосочетание', 'приданое' — близка к сфере значения 'приобретение', как можно толковать и исходное значение словац. *osoh* 'польза'. Это согласуется с семантикой и.-е. **seg-* > слав. **sęg-*. Ср., например, **dosǫgъ* — 'время, полученное, уделенное для чего-то'. Ср. также рус. *ощутимая, осязаемая польза* — и значения слав. **sęg-* 'касаться, щупать', словац. *osoh* 'польза'. С другой стороны, наличие в этимологическом гнезде и.-е. **seg-* > слав. **sęg-* ступени огласовки **ō* (слав. **posagъ*) свидетельствует о реальности для этого гнезда также форм с огласовкой **o*. Это является формальным основанием (дополняющим семантические данные) для отнесения словац. *osoh*, *osožit'* (ср. и морав. *osoh*, *osožit* 'приносить

---

[11] См. об этом типе вариантности: *Kuryłowicz J.* L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956, p. 297; а также *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции количественных чередований в некоторых славянских этимологических гнездах. — В кн.: Этимология. 1970. М., 1972, с. 56—59.

[12] *Miklosich*, S. 312—313.

[13] *Melich J.* Etymologien. — ZfslPh, 1925, B. II, S. 35.

[14] *Фасмер* III, с. 338; *Machek*[2], с. 473 (правда, Махек отрицает связь чеш. *posah* с *sahati* (**sęg-*), хотя и возводит чеш. *posah* к и.-е. **seg-*).

пользу', *osožný* 'полезный, прибыльный'[15]) к гнезду слав. **sęg-* как рефлексов праслав. **obsogъ*, **obsožiti*.

Еще одним случаем сохранения огласовки **o* в этом этимологическом гнезде может быть словац. диал. *zasogat'it'i* 'налететь на кого-либо, толкнуть кого-либо'[16]. Отсутствие изменения праслав. **g* > словац. *h* нередко в словах с экспрессивным оттенком значения.

**syknǫti*

В некоторых русских говорах зафиксирован глагол *сыкнуться* (с префиксом или без него): псков. *сыкну́ться* 'кинуться, сунуться, броситься', *посыкну́ться* 'попытаться, нерешительно подаваться на что'[17], иркут. *посы́кнуться* 'вознамериться, попытаться'[18]. Структура корня однозначно определяет направление поисков этимологического источника этого глагола — это гнездо слав. **sъk-/*suk-/*syk-* 'скручивать', 'катать, валять' (< и.-е. **seuk-*, от **seu-* 'сгибать, поворачивать, приводить в движение'). Объяснения требуют, очевидно, не структурные отношения (ср. ту же ступень корневого вокализма, что и в *сыкнуться*, — в рус. *сыка́ть* 'крутить'[19]), а семантические: в славянских глаголах **sъkati*, **sukati*, **sykati* решительно преобладают значения 'крутить, скручивать, сучить', 'катать, валять'. Эта семантика соответствует исходной семантике индоевропейского корня, но в индоевропейском гнезде на периферии исходного значения 'сгибать', 'крутить' возможно развитие иных значений семантического поля движения. Ср., например, лтш. *sukt* 'убегать'[20]. Развитие значения в направлении 'сгибать' → 'двигать(ся)' известно в славянском гнезде **gъb-*: ср. чеш. *hnouti* 'двинуть'. Для гнезда **sъk-/*suk-/*syk-* Махек отметил возможность обозначения движения не прямого и быстрого, а постепенного, вращательного, например: чеш. *soukati se* na strom 'влезать', kouř *se souka* vzhůru 'подниматься', *vysoukati si* rukavy na koho, *soukati* ze sebe slova, *soukati* do sebe jídlo[21]. К этой группе употреблений чеш. *soukati* близко рус. диал. *подсыкаться* 'подбираться': Батюшка, . . . мне теперь здесь жить невозможно! Сейчас народ на берегу собравшись, так все к моей морде и *подсыкаются* (Лесков. Соборяне, ч. 3, гл. 22). Но рус. *сыкнуться* 'кинуться', 'сунуться', 'попытаться' скорее соответствует по семантическому развитию чешскому *hnouti* 'двинуть' (← 'согнуть'), так как *сыкнуться* обозначает движение быстрое и прямое.

И еще один аспект значения этого этимологического гнезда получил отражение в русских глаголах с корнем **syk-*. Для и.-е.

---

15 *Bartoš*, с. 268.
16 *Matejčík J.* Slovník východonovohradského nárečia. Banská Bystrica, 1972 (ротапринт), с. 544.
17 *Даль*² IV, с. 375.
18 Иркут. словарь II, с. 176.
19 Фасмер III, с. 817.
20 *Mühlenbach — Endzelin* XXXV, S. 1118.
21 *Machek*², с. 545.

seu-*, лежащего в основе и.-е. **seuk-* > слав. **sъk-*/suk-*/**syk-*, реконструируется значение 'приводить в движение': ср. др.-инд. *suvati* 'побуждать, подстрекать'[22]. Славянской аналогией этого развития значения являются рус. диал. *посыкать*, *посыкнуть*, *подсыкать* 'науськивать, натравливать, дразнить'[23].

Рус. *-сыкать* 'натравливать' и 'подбираться' является, как и *сыкать* 'крутить', регулярным итеративом, производным от **sъkati*, **sъkǫ*. Что же касается основы на *-ну-* с тем же корневым вокализмом в ступени удлинения редукции — *сыкнуть*(*ся*), то подобные славянские основы могут быть как производными от итеративов, так и независимыми от них, древними образованиями[24]. Учитывая семантическую обособленность от *-сыкать* глагола *сыкнуться* 'броситься, кинуться', представляется возможным толковать последний как продолжение праслав. **syknǫti*.

**rъvьnь* и *ruja

В славянской этимологии утвердилось мнение о родстве группы рус.-ц.-слав. ръвьнь 'усердие', ст.-слав, ръвьникъ 'ревнитель', серб.-ц.-слав. ръвение 'соперничество', болг. *ревнив*, чеш. *řevnivý* 'ревнивый' и т. д. с группой польск. *ruja* 'течка', ст.-чеш. *řújě*, чеш. *říje* 'течка', др.-рус. *рюенъ* 'сентябрь', с.-хорв. *pȳјан* то же и т. д. и их общем происхождении от глагола **r'uti*, **revǫ* 'реветь'[25]. Другое толкование группы **rьvьnь* — как родственного с лат. *rīvālis* (и **rīvīnus*) 'соперник'[26] — вызвало возражение вследствие отсутствия формы **rīvīnus*[27]. При этом и сторонники сближения слав. **rьvьnь* с лат. *rīvālis* относили группу **ruja* 'течка' к гнезду **r'uti*, **revǫ*[28].

Близкое родство слав. **rьvьnь* с лат. *rīvālis* представляется сомнительным главным образом по фонетическим соображениям: в славянском слове наиболее вероятен корень с дифтонгом на *-u-*. Тем не менее, поиски иных, вне связи с **r'uti*, путей истолкования группы слав. **rьvьnь* вполне оправданы, так как семантическая сторона этой преобладающей этимологии не может не вызвать сомнений. Более того, именно семантический аспект мотивирует обращение к тому индоевропейскому гнезду, к которому в конечном счете возводится и лат. *rīvālis*, — к гнезду и.-е. **er-*/**or-* 'приводить в движение, возбуждать'. Помимо основы **erei-* (откуда *rīvālis*) от этого корня производится и основа **ereu-*. К ней восходят, например, др.-инд. *árvan-* 'бегущий, спешащий', 'быстрый', греч. ὀρούω 'устремиться, ринуться', лат. *ruō* 'устрем-

---

22 *Pokorny* I, S. 914.
23 *Даль*² III, с. 350.
24 См.: *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves, t. III. Paris, 1966, p. 242—244; *Kuryłowicz J.* Op. cit., p. 291.
25 См.: *Преображенский* II, с. 192; *Фасмер* III, с. 455, 532; *Brückner*, с. 476.
26 *Pokorny* I, S. 330; *Machek*², с. 531; *Skok* III, с. 133.
27 *Фасмер* III, с. 455.
28 *Pokorny* I, S. 867; *Machek*², с. 532; *Skok* III, 133.

ляться, спешить', ср.-ирл. *rūathar* 'натиск', др.-ирл. *rū(a)e* 'герой', др.-сакс. *aru*, англосакс. *earu* 'прыткий, готовый на что-либо', *rēow* 'взволнованный, бурный, дикий'[29]. Семантическая сфера этих образований — 'быстрое движение', 'спешка', 'устремление', 'готовность к действию' — характеризует основу и.-е. **ereu-* как вполне реальный источник слав. **rьvьnь* 'усердие' (и связанных с ним образований типа **rьvьnivъjь*). Но в группе слав. **rьvьnь* присутствуют значения 'ревность', 'соперничество', что побуждает воздержаться от этимологического разделения **rьvьnь* и группы **ruja* 'течка'. Соответственно следует рассмотреть возможность связи слав. **ruja* 'течка' с и.-е. **ereu-*. Оказывается, что, с одной стороны, в группе слав. **ruja* обнаруживается более общее значение беспокойного, буйного, взволнованного поведения: ср. с.-хорв. *uzrújati se* 'возбудиться, встревожиться, забеспокоиться'; этот аспект естествен и может быть даже первичным в семантике всей группы, поскольку период течки в жизни животных особенно характеризуется бурным, беспокойным, агрессивным поведением. С другой стороны, в гнезде и.-е. **ereu-* представлены производные со значениями 'устремляться', 'натиск', 'герой', 'взволнованный', 'бурный, дикий'. Следовательно, есть основания для сближения и слав. **ruja* с и.-е. **ereu-*.

Таким образом, группы славянских образований, объединяющихся вокруг слав. **rьvьnь* 'усердие' и **ruja* 'течка', могут быть производными от одного и того же корня, восходящего к и.-е. **ereu-* 'устремляться'.

*guzlo

В подмосковных говорах отмечено слово *гу́зло* 'буйство': Этъ кагда чиловек пьяный какой ругаицца, вот, гъварят, нъпадёт на ниво *гузлъ*, вот он и бесицца[30]. Значение слова препятствует его этимологическому отождествлению с рус. казан. *гузло́* 'ко́нец снопа'[31], производным от слав. **gǫzъ*. Более вероятно родство рассматриваемого подмосковного диалектизма со славянским глаголом **gъziti*, который представлен, например, чешским диал. ляш. *gźić śe* 'пугаться (о лошади)', полаб. *gåzě* 3 л. ед. ч. наст. 'гоняется (о скоте)', польск. *gzić się* 'бегать (от укусов оводов)', 'гоняться (в период течки)', словин. *gzăc są* 'носиться, бегать (от укусов оводов)'[32]. И в семантическом, и в структурном плане (в суффиксальной части) это предположение подтверждается существованием производного от **gъziti* имени — кашуб.-словин. *gzël*, которое, наряду с 'насекомое' и 'гоняющаяся корова', имеет также значение 'помешательство'[33].

Существенной особенностью имени *гузло* является, однако, корневой вокализм **u*: в славянских языках не зафиксирован

[29] *Pokorny* I, S. 331—332.
[30] *Иванова*. Подмоск., с. 100.
[31] *Филин* 7, с. 208.
[32] ЭССЯ 7, с. 215.
[33] *Lorentz*. Pomor. I, S. 240; Sł. gwar kaszub. I, c. 397.

глагол гнезда *gъz- с такой огласовкой; с другой стороны, в отглагольных именах с суф. -lo как правило сохраняется корневой вокализм глаголов. Этимологический источник слав. *gъziti не выяснен окончательно[34]. Наличие итеративного *gyžati (блр. диал. гіжáць 'кишеть')[35] не расширяет, в сравнении с *gъziti, круг данных для реконструкции исходного аблаутного ряда корня *gъz-: равно возможны и ряд e (с ъ в качестве ступени редукции), и ряд eu (где ъ также представляет ступень редукции). Принятие родства *гузло* с *gъziti, следовательно, возможно. Одновременно с принятием исконности аблаутного ряда eu, толкование *гузло* как родственного с *gъziti влечет за собою следующие допущения: при отсутствии в русском языке глагола **гузити*, рус. *гузло* должно восходить к праслав. *guzlo; для праславянского языка приходится считаться с возможностью существования на определенном этапе глагола *guziti.

И. П. Петлева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ. XI*. КОНТИНУАНТЫ *rǫd- (к *rędʼ-)

В Дополнении к Опыту областного великорусского словаря зафиксированы диалектные (псков., твер.) примеры *нипорýда* 'бестолковый, беспорядочный и капризный человек' и *порýда* 'беззаботный человек; также и ротозей'[1], в Словаре Даля псков., твер. *нипорýда* приведено со значением 'человек, с коим не сладишь, не сговоришь', а *порýда* 'беззаботный ротозей'[2] помещено со знаком вопроса. Кроме псковского и тверского ареалов, лексема *непорýда* отмечена в русских говорах Среднего Урала с семантикой 'неряха, грязнуля' и 'несговорчивый человек'[3]. Эти территориально ограниченные примеры до сих пор как будто не получили этимологического истолкования, хотя представляют несомненный интерес и заслуживают самого пристального внимания.

Что касается формальной стороны дела, то по отсечении префиксов *не-*(*ни-*) и *по-* в слове *не(ни)поруда* выделяется корневая часть *руд-*, которая может реконструироваться как *rǫd- или *rud-

[34] См.: ЭССЯ 7, с. 215.
[35] Там же, с. 224.

* Статьи I—X этой серии помещены в томах ежегодника «Этимология» за 1972—1979 гг. и в сборниках «Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования».
[1] Дополнение к Опыту, с. 145, 201.
[2] *Даль*[3] II, стб. 1419, III, стб. 844.
[3] Сл. Сред. Урала II, с. 202—203.

(в зависимости от ее дальнейшей этимологической интерпретации). Учитывая наличие префикса отрицания в составе слова *не(ни)-поруда* и исходя из основных значений данной лексемы ('неряха, беспорядочный, бестолковый, беззаботный, ротозей' и 'несговорчивый, капризный человек'), естественно считать, что *поруда* должно было иметь противоположную семантику 'опрятный, любящий порядок', 'заботливый и сговорчивый' (в отношении же отмечаемого для *поруда* значения 'беззаботный ротозей' можно думать, что оно неисконно и поддерживается семантикой существительного *непоруда* на почве неясности этимологической природы обоих). Принимая во внимание сказанное о предполагаемой семантике рассматриваемого слова и возможную реконструкцию его корня в виде **rǫd-*, в поисках дальнейших родственных существительному (*не*)*поруда* образований логично обратиться к славянскому гнезду **ręd-* 'ряд, порядок', в составе которого отмечаются многочисленные лексемы со значениями, разительно близкими реконструируемым для *поруда* ('аккуратный, соблюдающий 'порядок', 'сговорчивый, согласный'). Это, например, такие известные, в частности, в тех же (псковском и тверском) говорах лексемы, как *обря́дный* 'чистоплотный', 'заботливый, наблюдающий порядок', *обря́дица* 'порядок, известное распределение работ', *ря́да* 'порядок', 'согласие', *ряди́ть* 'настраивать, уговаривать', *уря́дица* 'согласие', 'приведение кого-л. в порядок', *непорядная* 'худой распорядок в доме'[4], см. еще в уральских говорах *непоря́дно* 'неаккуратно'[5], а также в других ареалах: иркут. *обря́дный* 'опрятный, аккуратный'[6], обск. *вы́рядить* 'договориться о цене'[7], олон. *ря́да* 'уговор, условие', *обряди́ть* 'спрятать, привести в порядок, прибрать'[8] и др.

Итак, учитывая все вышеизложенное, очевидно, есть основание констатировать в русских говорах примеры (*непоруда*, *поруда*), восходящие к корню в значении 'порядок, договор' **rǫd-*, чередующемуся далее с **ręd-*. До сих пор считалось, что ступень **rǫd-* в славянских языках представлена лишь в составе лексемы **orǫdьje*[9] (и связанных с ней *орудовать*, *соорудить* и т. п.), которая известна в русском только как церковнославянское заимствование с характерным окончанием на *-ие* (правда, сразу же следует оговориться, что, например, в Вологодской области она зафиксирована с русской, а не с церковнославянской огласовкой окончания *-ье*: *орудье* 'какое-н. дело, нужда, потребность')[10]. Однако, если лексема **orǫdьje* не является безусловным свидетельством наличия в славянском ступени **rǫd-* (к **ręd-*) в связи

---

[4] Дополнение к Опыту, с. 152, 235, 281, 143.
[5] Сл. Сред. Урала II, с. 203.
[6] Иркут. словарь II, с. 80.
[7] Словарь Оби. Дополнение I, с. 84.
[8] *Куликовский*, с. 103.
[9] *Фасмер* III, с. 154 (с литературой).
[10] *Шайтанов*. Особенности говора Кадниковского у. Вологодской губ. — Ж. Ст., год пятый, 1895, вып. III, с. 394.

с тем, что некоторые исследователи (Хирт, Уленбек, Миклошич, а в последнее время Вайян[11]) считают это слово заимствованным, то рассмотренные выше русские диалектные примеры *непоруда*, *поруда*, по-видимому, достаточно показательны. Ступень **rǫd-*, очевидно, обнаруживается и в укр. диал. *напорудúти* 'научить, наставить': ср. аналогичное значение у глагола в ступени **rę̨d-*, приведенное, в частности, в Словаре Срезневского, *нарѧдити* 'настаивать, научить'[12]. Сюда, как будто, примыкают и некоторые чешские диалектные лексемы со значением 'говорить', для которых Махек считает вероятной связь с чеш. *řaditi* (слав. **rę̨diti*), указывая на близость их значения с *vyříditi* 'передать (сообщение, поручение)': это наряду с *řadit'*, *řadžyč*, также *řondit'*, *řundit'* 'говорить', *řundný* 'разговорчивый', *vyřundný* 'красноречивый'[13]. См. еще с близкой семантикой рус. *ря́ды* 'толки, пересуды' (*у бабы только суды да ряды*)[14].

Кроме того, ступень **rǫd-*, помимо указанных примеров, относящихся к абстрактному слою лексики ('порядок', 'согласие, договор', 'учить, наставлять', 'говорить, сообщать'), обнаруживается в составе лексем, имеющих материальное, предметное значение. Это прежде всего рус. новгор. *пору́дина* 'толстый холст', которое зафиксировано в Дополнении к Опыту областного великорусского словаря, а в Словаре Даля приведено со знаком вопроса[15]. Слово не нашло отражения в этимологической литературе и нуждается в интерпретации. Показательно, что в русском языке известна целая группа лексем с корнем *ряд-* или *рѣд-* в том же значении, что и *порудина*. Это *рядно́* (*рѣдно*) 'грубый деревенский холст', *ряднина* (*рѣднина*) то же, *рѣдовина* то же[16], псков. твер. *порѣ́дина* 'толстая холстина', твер. *изрядина* (*изрѣдина*) то же, а также 'простыня из толстой холстины', псков. твер. *рѣдни́к* 'мешок из толстой холстины', *рѣдю́га* 'платье, сшитое из грубого сукна'[17], новосиб. *рядю́га* 'толстый холст из пеньковой или грубой льняной пряжи, рядно', *редю́га* 'домотканый холст из пеньковой или грубой льняной пряжи, дерюга', *ря́дной* 'грубый холст, вытканный при переплетении четырех нитей основы одним утком', *рядно́е* 'домотканое льняное полотно'[18] и т. д. *Рядно* и его производные, известные и в других восточнославянских языках, одни исследователи связывали с корнем **rěd-* ('редкий'), а другие — с **rę̨d-* ('ряд')[19]. В последнее время вторую версию убедительно обосновала Ю. П. Чумакова, исходя из способа получения такой

---

11 *Вайян А.* Этимологические заметки. — В кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971, с. 85—86.
12 *Срезневский* II, стб. 326.
13 *Machek*², с. 529.
14 *Даль*² III, с. 125.
15 Дополнение к Опыту, с. 201; *Даль*³ III, стб. 844.
16 *Даль*² IV, с. 120.
17 Дополнение к Опыту, с. 201, 72, 234.
18 Новосиб. словарь, с. 480, 466, 479.
19 *Фасмер* III, с. 537.

ткани и ее внешнего вида, структуры: *Редной холст* он патолшы, ткецца ф чатыря цапка, р е д о ч к и м и абразуицца[20]. Что касается перебивки в написании *я — ѣ*, то, по справедливому мнению Ю. П. Чумаковой, она, очевидно, вызвана смешением двух разнокорневых (**rę̨d-* и **rěd-*) групп лексем с близкой семантикой (названия разных типов кустарных тканей)[21]. Существование многочисленных примеров с корнем **rę̨d-* в значении 'толстый холст', по-видимому, дает возможность интерпретировать синонимичную лексему *порудина* как родственную им и демонстрирующую другую ступень того же корня — **rǫd-*, тем более, что наблюдается словообразовательно-семантический параллелизм двух слов, отличающихся только корневой гласной (*ę/ǫ*): *порѣ́дина* (< *поря́дина*) — *пору́дина* 'толстый холст'.

Ступень **rǫd-* представлена также в составе диалектного (вологодского) глагола *обруди́ть* 'обшить'. Ср. семантически близкий ему пример в ступени **rę̨d-*: новосиб. *ряди́ть* 'украшать, делать бахрому на скатерти, полотенце и т. п.' (Скатерки *рядили* — о б ш и в а л и, кисточки выдергивали да о б ш и в а л и)[22]. Известны и другие лексемы, восходящие к **rę̨d-* и демонстрирующие близкое значение — собственно 'украшать, отделывать окончательно, начисто; отделка': *хозяин дом обряжает* 'отделывает, снабжает', *наряд избы* 'вся чистая плотницкая отделка изнутри', *нарядить избу* 'сделать весь наряд, отделать ее начисто'[23].

И еще одно чрезвычайно интересное слово единичной фиксации, по-видимому, следует рассматривать в кругу примеров, возводимых к **rǫd-*. Это зарегистрированное в Словаре русских народных говоров куйбыш. *арутка* 'одежда'[24]. Лексема уникальная, отсутствующая не только в этимологической литературе, но и в известных диалектных словарях. Учитывая тот факт, что в основу написания слова *арутка* был, очевидно, положен фонетический принцип, можно предполагать, что *т* появилось в результате оглушения *д* перед глухим согласным *к*, а *а* восходит к *о* в акающем произношении (см. аналогичную запись примеров с *а* начальным, восходящим к *о*: *аси́литься* — см. *оси́литься*, *асо́сок* — см. *осо́сок*, *ата́пок* — см. *ота́пок*, *ащепка* — см. *ощепка*[25] и др.). Следовательно, с учетом фонетической записи слово *арутка* допустимо интерпретировать как **o-rǫd-ъk-a*, относя его тем самым также к ступени **rǫd-*, чередующейся с **rę̨d-* 'ряд, порядок'. Наша версия поддерживается, с одной стороны, указанным выше глаголом *обруди́ть* 'обшить' (к **rǫd-*) а, с другой, — многочисленными примерами с корнем **rę̨d-*, означающими одежду, наряды. Это прежде всего севск. курск. *обря́д* и *обря́да* 'наряд женский,

---

[20] *Чумакова Ю. П.* Замечания к географии и этимологии слов *рядно, ряднина.* — В кн.: Этимология, 1968. М., 1971, с. 171—175.
[21] Указ. соч., с. 172.
[22] Новосиб. словарь, с. 479.
[23] *Даль*² II, с. 618, 645.
[24] *Филин* I, с. 280.
[25] Там же, с. 284, 286, 289, 300.

всякая женская праздничная одежда'[26], псков. *обря́да* 'платье, уборы женские'[27], новосиб. *обря́д*, *обря́да* 'одежда'[28], олон. *обряд* 'платье, преимущественно праздничное, нарядное'[29], а также *наря́д* 'убор, красивая одежда, платье или вещи, надеваемые для украсы'[30]. См. еще *ряди́ть* 'наряжать, одевать нарядно, украшать'[31], арханг. *ряди́ны* 'щегольство в одежде'[32], олон. *рядный* 'форсистый'[33], твер. *изряжо́ха* 'щеголиха' и *изря́дный* 'наряжающийся на сколько позволяет состояние'[34] и многие другие примеры, относящиеся к семантической сфере 'одежда, одеваться, франтить'. Итак, будучи интерпретированной как **o-rǫd-ъka*, сущ. *арутка* объединяется с обширной группой слов со значением 'одежда, одевать(ся)', восходящих к корню **rę̨d-*, с чередующейся ступенью **rǫd-*, к которой и возводится исследуемая лексема. Показательно префиксальное сходство, наблюдаемое у синонимичных слов *обряда* и *арутка* (**o-rǫd-ъka*). Правда, в первом случае отмечается *об-*, а во втором *о-*, но вероятность наличия дублетов в составе лексем одного корня подкрепляется аналогичными случаями, когда в одной и той же позиции (перед *р*) наблюдаются оба префиксальных варианта (*об-* и *о-*): так и в Словаре Срезневского встречаем *оросити* 'слегка полить, увлажнить' (XI в.) и *обросити* 'оросить'[35]. Кроме того, если принять исконное происхождение лексемы **orǫdьje*, то эта лексема также могла бы служить подтверждением возможности существования в составе гнезда **rę̨d-/*rǫd-* примеров с *о* префиксальным.

Слово *арутка* как будто допускает и иное истолкование. Если исходить из праформы **o-rut-ъka*, его можно попытаться сопоставить со славянскими примерами, восходящими к **ruta* (ст.-слав. ру́та 'одежда', болг. *рутище* 'одежда, платье', словен. *rúta* то же, с.-хорв. диал. *ру̏та* 'кромки, края одежды')[36] и объединяемыми с семантически близкими **runo*, **ruxo* и др., затем **ruti*, **ryti*, **rъvati*, далее — к и.-е. **reu-*, **reu̯ə-*: **rŭ-* 'рвать, разрывать'[37]. При такой интерпретации лексема *арутка* оказывается в окружении многочисленных славянских соответствий с корнем **rut-*[38], но на русской почве она выглядит несколько изолированно, так как в качестве продолжений этого корня здесь известны лишь, по-видимому, отыменные глаголы *рути́ть* 'ронять, разливать' (диал.) и связанный с ним *рюти́ть* 'толкать, бросать'[39] (см. аналогичные

26 *Даль*² II, с. 619.
27 Опыт, с. 135.
28 Новосиб. словарь, с. 344.
29 *Куликовский*, с. 68.
30 *Даль*² II, с. 465.
31 *Даль*² III, с. 125.
32 *Подвысоцкий*, с. 151.
33 *Куликовский*, с. 103.
34 Дополнение к Опыту, с. 72.
35 *Срезневский* II, стб. 707.
36 *Skok* III, с. 176—177.
37 *Pokorny* I, S. 868—871; *Miklosich*, S. 283—284.
38 *Срезневский* II, стб. 1225.
39 *Фасмер* III, с. 523, 533; *Даль*² IV, с. 123.

глагольные пары уже в древнерусском: *порѹшитисѧ* и *порюшитисѧ*, *порѹчитисѧ* и *порючитисѧ*, *порѹтити* и *порютити*[40], а также, возможно, существительное единичной фиксации енис. *урýт* 'отчаянная драка', см. еще сомнительное (Даль приводит его со знаком вопроса) пенз. *рутка* 'отрезок или полоса стекла' и 'папуша табаку'?[41]. Однако, хотя первое объяснение слова *арутка* (как **orǫdъka*) кажется нам более приемлемым, второе также представляется возможным.

Подытоживая наши наблюдения, можно отметить следующее. Корень **rę̨d-* 'ряд, порядок' представлен в славянском также в ступени **rǫd-*. Если до сих пор единственным представителем ее считалась лексема **orǫdьje* (и связанные с ней *орудовать* и др.), относительно исконного или заимствованного характера которой до сих пор идут споры, то теперь, очевидно, можно с уверенностью говорить о ее разнообразных континуантах прежде всего в русских говорах. Показательно, что они демонстрируют самые различные значения, отмечаемые также у слов в ступени **rę̨d-*. Это и абстрактная семантика ('опрятный, любящий порядок, заботливый', 'сговорчивый') и семантика более конкретного, предметного характера ('грубый холст', 'обшить', возможно, 'одежда'). Исходя из структуры выявленных примеров и известных словообразовательных моделей, можно, видимо, реконструировать лексемы, на базе которых эти примеры были образованы. Так на основе (*не*)*поруда* и *порудина* восстанавливается **порудити* (**porǫditi*) (ср. приведенный выше украинский глагол *напорудити* 'научить, наставить'), а на базе *порудити* и *обрудити* — глагол ***рудити* (***rǫditi*), по всей вероятности, отыменный, образованный от ***rǫdъ* (аналогично тому, как **rę̨diti* образован от **rę̨dъ*).

А. Е. Аникин

О ПРАСЛАВ. **pelz-*/**polz-*/**pъlz-*

Праслав. **pelz-*/**polz-*/**pъlz-* (возможно, с допущением дублетного **pъlg-* на основании польск. *pełgać*[1]) 'скользить, ползти', ср. рус. *ползти*, *полоз* в разных значениях, реконструируется на значительном общеславянском материале[2], причем, в качестве индоевропейских соответствий этого, несомненно, древнего[3] этимо-

[40] *Фасмер* IV, с. 169.
[41] *Даль*[2] IV, с. 115.

[1] *Brückner*, с. 402.
[2] О дистрибуции по отдельным славянским языкам см.: Základní všeslovanská slovní zásoba. Brno, 1964, с. 329, 353.
[3] См.: *Shevelov G.* A prehistory of Slavic. The historical phonology of common Slavic. New York, 1965, p. 108—109, 116, а также указание Р. Траутмана: «Аблаут доказывает значительную древность гнезда» (*Trautmann*, S. 218).

логического гнезда приводятся, как правило, предложенные еще Видеманном англосакс. *felg*, др.-в.-нем. *felga*, нем. *Felge*, англ. *felly* и проч.[4]

Поскольку семантическую базу упомянутых германских слов составляют признаки 'изогнутость', 'способность к вращению, поворачиванию'[5], определяющие, кстати, их этимологизацию[6], считается, что аналогичный «sens fondamental» присущ и дериватам праслав. **pelz-*/**polz-*/**pъlz-*, что, на первый взгляд, допустимо, например, для рус. *полоз* 'санный обод'. Тем самым допускается, что семантическое развитие лексики в рамках праславянского гнезда описывается моделью вида 'изогнутый' > 'полоз, санный обод' > 'скользить'[7].

Традиционное объяснение обнаруживает, однако, свою полную несостоятельность при рассмотрении славянских образований, не менее древних, чем рус. *полоз* в указанном значении, но не имеющих в своей семантике никаких признаков образа 'кривизны, изгиба'[8]. Сюда относится, например, лексика, близкая словен. *plâz* (< праслав. **polzъ*), обозначающая нижнюю часть сохи, плуга — подошву, на которой закрепляется лемех[9]; важнейшим признаком этого элемента плуга является скольжение в борозде[10]

---

[4] Так, с некоторыми различиями: *Brückner*, с. 402, 420, 422; *Преображенский*, II, с. 92—93; *Фасмер* III, с. 309, 314—315; *Skok* III, с. 83—85; *Holub — Kopečný*, с. 277, 279, а также: *Trautmann*. Op. cit., S. 218, *Pokorny* I, S. 850.

[5] См. хотя бы толкование значения нем. *Felge*: 'колесный обод, дуга', 'вид бороны', в двух значениях, которые объединяет образ 'изогнутого, искривленного' (*Grimm* DW, Bd. III, стб. 1493), или англосакс. *felg* 'дуга, часть колесного обода' (*Bosworth — Toller*, p. 275 с примерами, в которых отчетливо выступает тесная связь рассматриваемых германских слов с идеей вращения, ср., в частности: Ðaet hweól hwerfþ ymbûton and sió nafa, nêhst đaere eaxe, sió faerþ micle faestlîcor and orsorglîcor đonne đa *felgan* dôn — 'колесо вращается, и втулка, будучи ближайшей к оси, движется гораздо более твердо и надежно, чем части обода'). См. также: *Schade*, S. 176 и *Franck-van Wijk*, p. 728.

[6] Обычно к герм. **felgō* 'колесный обод', **falgiz* то же, далее, возможно, связанным с герм. **falgō* 'поле под паром' (о нем ниже). См.: *Franck-van Wijk*, p. 728; *Klein* I, p. 572, 582; *Kluge — Mitzka*[21], S. 191—192, а также *Pokorny* I, S. 850.

[7] Это видно, например, в объяснении значения русск. *полоз* 'змея' как результата развития 'санный обод' > 'пресмыкающееся' > 'змея', см. *Stang Ch. S.* Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slawischen, Baltischen und Germanischen. Oslo — Bergen — Tromsø, 1972, S. 43 (со ссылкой на *Vasmer* II, S. 396).

[8] Возможность сблизить рус. *полоз*, и, далее, праслав. **polzъ* с др.-в.-нем. *felga* и др. и противоречащий этому факт отсутствия семантической общности с ним у большинства продолжений **pelz-*/**polz-*/**pъlz-* даже заставили Х. Станга усомниться в родстве **pelžǫ* и **polzъ* (*Stang Ch. S.* Op. cit., S. 43).

[9] Например, чеш. *plaz*, морав. *zplaz* (*Machek*[2], с. 456), макед. *плаз*, с.-хорв. *плâз*, болг. *плаз*, болг. диал. *плъзѝца* (*Младенов М.* Лексиката на ихтиманския говор. — БД III, с. 136), *плъзѝцъ* (*Китипов П.* Речник на говора на с. Енина, Казанлъшко. — БД, V, с. 134).

[10] См., в частности, об этом в книге, посвященной типологическому описанию плуга и сохи: «Подошва плуга, на которой закрепляется лемех. . . скользит по земле в глубине борозды». (*Haudricourt A. — Delamarre M.* L'homme et la charrue à travers le monde. Paris, 1955, p. 15).

без проникновения в землю, осуществляемого лемехом, что объясняет наименование тем же словом (*plâz*) брака при вспашке (например, из-за камней в почве), устраняемого с помощью мотыги[11].

Признак постоянного прилегания движущегося тела к поверхности, рельефно выступающий в словен. *plâz* 'подошва плуга' и близких славянских образованиях, безусловно, не имеющий ничего общего с признаком 'кривизна', 'изогнутость' в семье герм. **felgō* 'колесный обод', легко обнаруживается в значительном большинстве других продолжений праслав. **pelz-/*polz-/*pъlz-* (ср. особенно толкования соответствующих глаголов в словарях[12]), а также в характерных ботанических и зоологических употреблениях[13].

Обозначение такого специфического вида передвижения, как скольжение, ползание, предполагает возможность обозначения и некоторых сопутствующих ему факторов, в частности, спуска, желоба, крутизны: ср. словен. *plâz* в значениях 'крутой пригорок', 'откос', 'лесоспуск', 'оползень', где Ф. Безлай усматривает, как будто, без достаточных оснований, смешение разных основ[14],

---

[11] *Orel B.* Ralo na slovenskem. — Slovenski etnograf, 1955, VIII, с. 31—69; 1961, XIV, с. 15—40, см. особенно VIII, с. 54; далее, материалы словаря Плетершника: словен. *plâz*, в частности, 'подошва плуга, окованная железом', а также 'место, по которому плуг скользит, не вспахивая его' — plug naredi *plaz* (*oplazi*) kadar ga kamen izpodrine, da pusti celine za seboj (*Pleteršnik* II, S. 53—54). Сходная образность, несомнѐнно, отразилась в польск. *puścić płazem* 'оставить безнаказанным, прощать' и, далее, в польск. *płaza* 'плита, слой', словен. *plâz* 'пласт', где, видимо, излишне искать отражения и.-е. **pelə-*, **pelā-*, **plā-* с детерминативом *-g'-* и привлекать словен. *pléka*, *spljáka* 'плоский камень' и проч. (подробней о таком объяснении см.: *Bezlaj F.* Etyma slovenica. — Slovenska Akademija znanosti in umetnosti. Razred za filološke in literarne vede. Razprave — Dissertationes, 1970, VII/4, с. 156—157). Огласовка *a* в польск. *płaza*, *płaz*, *płazić* может объясняться влиянием *płaski* (*Brückner*, с. 420) или контаминацией с *łazić* (*Otrębski J.* Życie wyrazów w języku polskim. Poznań, 1948, с. 327(81)—328(82), но в целом принадлежность этих слов, а также словен. *plâz* в указанном значении к семье **pelz-/*polz-/*pъlz-* 'ползти, скользить' вряд ли вызывает сомнения.

[12] Например, рус. *ползать*: 'двигаться по поверхности (всем телом или на коротких ножках). . . припадая к ней туловищем и перебирая по ней конечностями' (ССРЛЯ X, стб. 178, 180).

[13] Ср., в частности, имена со значениями 'ползучее растение', 'улитка', 'ящерица' и проч. (см. словари славянских языков), в основном обозначающие существа коротконогие или лишенные конечностей, прилегающие при передвижении к земле телом, особенно 'змея', ср. рус. загадку *без рук, без ног, а в гору ползет* (об этом круге образов см.: *Toporov V. N.* Parallels to ancient Indo-Iranian social and mythological concepts. — In: Pratidānam. Indian, Iranian and Indo-European. — Studies presented to F. B. Kuiper on his sixtieth birthday. Ed. by J. C. Heesterman. The Hague—Paris, 1968, p. 117) или пример: Do węża bóg mówił: płazić się będziesz na piersiach twoich (*Linde* 4, с. 732), что свидетельствует о непосредственной мотивировке **polzъ* 'вид змеи' без участия **polzъ* 'санный обод' (о таком объяснении см. выше: *Stang Ch.* Op. cit., S. 43).

[14] См.: *Bezlaj F.* Op. cit., с. 158.

в то время как речь идет, видимо, о продолжениях одного праслав. **polzъ* в разных значениях на базе первичного признака 'скользить, ползти'[15].

Отметим, далее, бесспорную принадлежность к семье **pelz-/ *polz-/*pъlz-* также слов со значением 'высовывать язык'[16] (возможно, праслав.), что видно уже по одному контексту из словаря Юнгмана: *Plzkýt' jest jazyk*[17], дающему ключ не только к мотивировке слов, обозначающих движения языка, но и таких его наименований, как чеш. *plajzák*, с.-хорв. *plȁzilo* 'средняя часть языка', а также *пла̏зило* 'язык', вполне соответствующих некоторым «онтологическим» свойствам языка ('скользкость', 'клейкость', 'плоская форма', 'подвижность')[18].

Сказанное выше о семантике дериватов праслав. **pelz-/*polz-/ *pъlz-* исключает, на наш взгляд, возможность родства с герм. **felgō*, **falgiz* 'колесный обод'[19], но, вместе с тем, не означает

---

[15] Ср. англ. *slide* 'скольжение', но также и 'спускной желоб', (америк.) 'деревянный лесоспуск', 'канал' (для сплава леса), 'салазки', 'оползень' или франц. *rampe* 'скат', 'откос', 'уклон' (ср. *ramper* 'ползать, скользить'); франц. *glissoire* 'наклонная плоскость для спуска грузов' (ср. *glisser* 'скользить'). Аналогично болг. диал. *плазей* 'русло пересохшего потока на крутом лесистом склоне' (*Илчев Ст.* Към ботевградската лексика. — БД I, с. 198: Сечѐм дръва и ги смакѝнаме по *пла̀зейа*), болг. диал. *плъзнѝк* 'крутой желоб в лесу, по которому спускают дрова' (*Китипов П.* Речник на говора на с. Енина, Казанлъшко. — БД V, с. 134). См. также болг. диал. *плас*, *пла̀зове* (*Стойчев Т.* Родопски речник. — БД V, с. 197), *плас* (*Кънчев И.* Говорът на с. Смолко, Пирдопско. — БД IV, с. 131).

[16] Например, макед. *плази* (*плази јазик*) (*Конески* II, с. 173), болг. *плезя* (*се*), болг. диал. *плѐза се* (*Младенов М.* Лексиката на ихтиманския говор. — БД III, с. 135), *плезим се* (*Шапкарев И. К.* и *Близнев Л.* Речник на самоковския градски говор. — БД III, с. 259), *плѐза съ* (*Евстатиева Д.* Лексиката на говора в с. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, с. 208), с.-хорв. *plȁziti* (*jezik*) (RJA X, с. 31), а также чеш. *plaziti*, словац. *plazit'*, сближаемых В. Махеком, видимо, совершенно неубедительно, с греч. πλίσσομαι 'ступаю', в то время как омонимичное, по мнению автора словаря, чеш. *plaziti se* 'ползти' не имеет соответствия за пределами славянского (*Machek*², с. 456).

[17] *Jungmann* III, с. 131.

[18] К семантическим параллелям подобной образности ср. хотя бы греч. ὀλισθάνω 'скольжу' как предикат к ἡ γλῶττα 'язык', в частности, в контексте: Ὅτι δὲ ὀλισθάνει μάλιστα ἐν τῷ λ ἡ γλῶττα κατιδών, ἀφομοιῶν ὠνόμασε τά τε λεῖα καὶ αὐτὸ τὸ ὀλισθάνειν . . . 'а так как при произнесении λ язык очень сильно скользит, опускаясь вниз, то, пользуясь уподоблением, он так дал имена гладкому, скользящему . . . '(*Plato.* Cratylus, 427в, перевод приводится по изданию: *Платон.* Сочинения. В 3-х т., т. 1. М., 1968, с. 472) (о других случаях параллелизма дериватов праслав. **pelz/-*polz-/*pъlz-* и и.-е. **(s)leidh-/*(s)loidh-/*(s)lidh-* 'скользить, ползти', куда греч. ὀλισθάνω и англ. *slide*, упоминавшееся ранее, см. ниже). Типологически сходно, далее, наименование языка по признаку 'лижущий', например, рус. диал. *лизень* 'язык животного', укр. *лизень* то же, чеш. *lizák* 'язык оленя' (*Berneker*, S. 725—726). См. также: *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. l—3. М., 1976, с. 36—37.

[19] Тем более, нет ничего общего между **pel'z-/*polz/-*pъlz-* и герм. **falgō* 'поле под паром' (откуда, в частности, омонимичное нем. *Felge*, англ. *fallow* и др.), упоминавшимся выше: они скорее противоположны, чем сходны по значению, ср., например, словен. *opláziti* (о плуге) 'скользнуть по

отсутствия у него германских и других индоевропейских соответствий.

Отправным моментом поисков этих соответствий, как представляется, может послужить тот факт, что значение ʻползти, скользитьʼ праслав. **pelz-/*polz-/*pъlz-*, основным компонентом которого является прилегание к поверхности, движение без отрыва от этой поверхности в различных вариациях (кроме всего прочего ʻволочение по землеʼ, ʻлазаниеʼ, ʻкарабканиеʼ[20] и т. д.), хорошо согласуется с понятием следа, прежде всего, следа тянущегося, как бы следа-полосы, следа-ленты (в траве, на земле и проч.), оставляемого каким-либо объектом при соответствующем передвижении[21], но также, далее, и прерывистого, «дискретного» следа (например, следа ноги). Косвенное подтверждение правильности такого направления поисков, кажется, дает болг. диал. *плезмина* ʻрод, племя, породаʼ[22], которое, видимо, объясняется как производное на *-ina* от незасвидетельствованного (и потому проблематичного) **pelzm-*, о деталях оформления которого здесь говорить затруднительно, связанного, далее, с **pelz-*, с возможной реконструкцией утраченного звена семантической эволюции ʻследʼ, ср. др.-серб. *трагъ* ʻпотомки, posteriʼ[23] наряду с с.-хорв.

земле, не вспахивая ееʼ и нем. диал. (форарльбергск.) *falgen* ʻвзрыхлять землю с помощью мотыгиʼ (*Jutz L.* Vorarlbergisches Wörterbuch. Wien, 1958, Lief. 5, S. 764). В то же время, родство герм. **falgō* и праслав. **polsā* (> рус. *полоса* и др.), видимо, вполне достоверно (*Фасмер* III, с. 315), что обесценивает высказывавшееся утверждение об исключительно кельтско-германском распространении индоевропейского сельскохозяйственного термина, отраженного, наряду с герм. **falgō*, в галльск. *olcā* ʻземля, годная под пашнюʼ, см.: *Marstrander C.* A Celtic-Germanic Correspondence of Vocabulary. — NTS, 1934, Bd. VII, p. 349.

[20] Ср. особенно значения болг. чеплезжся ʻкарабкаться, лазатьʼ, диал. *чеплези* ʻвзбираться, карабкаться вверхʼ, продолжающих праслав. **čepelzti sę* (образованного с помощью экспрессивной приставки **če-* от основы **pelz-*) — ЭССЯ 4, с. 55.

[21] Ср. блр. *полозі́цьца*, букв. ʻползать или прокладывать след подобно полозуʼ: Чего ты тут *полозишся*, ци тобѣ нема другого *слѣду*? (*Носович*, 462); ср. лит. *čiuožas* ʻследʼ (в траве, посеве): *čiū̃žėti* ʻползать, топтать, растаптыватьʼ (*Каралюнас С.* К этимологии лит. *júodas* ʻчерчыйʼ. — В кн.: Этимология, 1975. М., 1977, с. 131) или польск. *smuga* ʻчерта, полоса, линияʼ, словен. *smuga* ʻлиния, черта, рус. диал. *смуга* ʻполосаʼ и др.: словен. *smuknuti* ʻскользить, шмыгнутьʼ (Подробно см.: *Bernard R.* Études de quelques racines slaves d'après le témoignage des dialectes bulgares. — RÉS, 1964, t. 40, p. 34—35); другие параллели семантического развития ʻскользить, ползтиʼ > ʻследʼ, ʻполосаʼ см. ниже. В связи со вторичностью значения ʻполосаʼ отпадает необходимость видеть в словен. *plâz* ʻполосаʼ, *pláza* то же, *plázast* ʻполосатыйʼ отражения звонкого варианта упоминавшегося праслав. **polsā* (о таком объяснении см.: *Bezlaj F.* Op. cit., с. 157), как представляется, никак не связанного с **pelz-/*polz-/*pъlz-* ʻползти, скользитьʼ, континуантами которого являются указанные словенские образования.

[22] *Геров* 4, с. 47; *Младенов*, с. 428.

[23] *Miklosich* LP, S. 999 и, особенно, *Daničić Đ.* Rječnik iz kniževnich starina srpskich, III. Graz, 1962, с. 303 с примерами: кнезȣ покоиномȣ и вьсемȣ *трагȣ* неговȣ; ни аловиза ни нѥговъ *траагъ*.

trâg 'след', но также и 'потомки', с.-хорв. *trȁga* 'след, порода, племя' [24].

Правдоподобность развития семантики 'след' от исходного 'ползать, скользить' (в том числе, возможно, и в рамках праслав. **pelz-*, /**polz-*/**pъlz-*), а также типологические данные, характеризующие дальнейшие связи слов с таким значением, а именно, развитие на их основе значений типа 'sequi, suivre, следовать' [25], позволяют с определенной долей уверенности перейти на более глубокий синхронный срез реконструкции и указать возможные индоевропейские соответствия рассматриваемого славянского лексического гнезда. Нам кажется наиболее правдоподобной реконструкция и.-е. **pelg'h-*/**polg'h-*/**pl̥g'h-* 'скользить, ползти' (с сохранением в праслав. **pelz-*/**polz-*/**pъlz-* исходной семантики и всех ступеней вокализма индоевропейского корня), откуда далее, герм. **fulg-* следовать [26] (< и.-е. **pl̥g'h-*, ср. праслав. **pъlz-*) с последующими закономерными трансформациями вокализма в германских языках (значение 'следовать', в соответствии со

---

[24] К типологии эволюции 'след, полоса, линия' > 'потомство' см. еще: *Skok* III, с. 487—488; с.-хорв. *trâg*, где приводится романская параллель (лат. *līnea*: франц. *lignage*), а также *Абаев* I, с. 427 (осет. *fæd* 'след': *ævæd* 'бесследный'; 'не имеющий потомства'; ср. еще скиф. *pada* 'след', 'потомство'. — *Абаев В. И.* Скифо-сарматские наречия. — В кн.: Основы иранского языкознания. М., 1979, с. 297). (Ввиду близости значений 'ползти, волочиться, тянуться' не следует, впрочем, забывать и о несколько иной возможности: 'род, племя, порода' < 'нечто тянущееся, волокущееся' (без посредства понятия 'след'), ср. с.-хорв. *pȁsmina*, болг. *пасмина* 'порода, племя' наряду с с.-хорв. *pȁsmo*, болг. *пасмо* 'моток пряжи', что близко к таким случаям семантической эволюции, как 'потомство' > 'нить, веревка', см.: *Топоров В. Н.* О двух праславянских терминах из области древнего права в связи с индоевропейскими соответствиями. — В кн.: Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973, с. 127—129). При анализе болг. *плезмина* следует иметь в виду, далее, слав. **plęgti* 'плодить(ся), вырастать' и **plex-*/**plox-* 'род, порода' (см. *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VIII. — В кн.: Этимология 1978. М., 1980, с. 23—25; указанием на эти факты автор обязан Ж. Ж. Варбот), что требует отдельного рассмотрения.

[25] См.: *Buck*, p. 698—699; число приведенных там примеров можно намного увеличить, хотя бы за счет близкого 'след' > 'идти по следу', 'выслеживать', 'искать', ср. англ. *trace*: *to trace*, чеш. *stopa*: *stopovati*, греч. ἴχνος: ἰχνεύω,, с.-хорв. *trâg* (о нем см. выше): *trážiti* и проч., см. *Buck*, p. 763—764 ('*seek*'), а также *Schröpfer J.* Probeartikel 'suchen' zum Slavischen Parallel- und Begriffswörterbuch: Stichwortteile I+II. — Semantische Hefte, 1975, Bd. II, S. 229a—229b (к приводимому там болг. *диря* 'искать, следить', ср. праслав. **diriti*, ЭССЯ 5, с. 31). Все это вплотную подводит к интереснейшей проблематике семантических закономерностей языка охоты, о чем здесь к сожалению, нет возможности говорить подробно.

[26] Сюда, в частности, относятся следующие глаголы (подробнее о значении, производных и употреблении см. соответствующие словари): англосакс. *folgian*, *fylgan* 'следовать, двигаться позади' (*Bosworth — Toller*, p. 300); семантически сходны др.-норв., *fylgja* (*Baetke W.* Wörterbuch zur altnordischen Prosaliteratur, Bd. I. Berlin, 1965, S. 169; *Cleasby R. — Vygfusson G.* Icelandic- English dictionary. Oxford, 1957, p. 179), др.-в.-нем.

сказанным, видимо, из 'идти по следу' < 'след' < 'ползти, скользить'[27]) и более проблематичное кельт. (бритт.) *olg(os) 'след, идти по следу' (ср. и.-е. *polg'h(os) и праслав. *polz-), продолжениями которого, возможно, являются, в частности, др.-брет. (глоссовое) (ol), морфема со значением 'следовать, быть сзади', 'след'; н.-брет. heul 'следствие, продолжение', heulia 'следовать'[28]; др.-брет. (глоссовое) a olguo 'посредством разыскивания, поисков'[29], кимр. ol 'след, тыл', olaf 'последний'[30], корн. ol 'след'.

---

folgên (*Graff E.* Althochdeutsches Sprachschatz oder Wörterbuch der althochdeutschen Sprache, III. Berlin, стб. 507—513), др.-фризск. *folgia*, *fulgia* (*Richthofen K.* Altfriesisches Wörterbuch. Göttingen, 1840, S. 748—749), англ. *follow*, нем. *folgen*.

Частичная принадлежность перечисленных глаголов к группе древних непроизводных на *-ē-* (в др.-англ., др.-фризск., др.-сакс. относятся к основам на *-oja*, см.: Сравнительная грамматика германских языков, т. IV. М., 1966, с. 183—188 с литературой; там же указываются характерные генетические связи германских глаголов на *-ē-*, в числе которых отметим славянские и кельтские) обусловливает возможность реконструкции герм. **fulgē-* (к отсутствию рефлекса последнего в готском ср. гот. laistjan 'следовать' < *laists* 'след' и предполагаемое для **fulgē-* семантическое развитие, см.: *Kluge-Mitzka*[21], S. 435; *Pokorny* I, S. 671). Отметим еще заимствование ср.-в.-нем. *folgen* в в.-луж. *folgować* (ср. в.-луж. *pjelsnyć* 'стать скользким', *pjelski* 'скользкий', см. *Trofimowič K. K.* Hornjoserbsko-ruski słownik. Budyšin — M., 1974, с. 171), н.-луж. *folgowaś* и др. Немецкое слово представлено также в польск. *folgować*, чеш. *folkovati* и др. (см.: *Schuster-Šewc* 4, S. 214—215).

27 Не следует упускать из вида и возможность семантического развития 'ползти, двигаться, прижиматься к поверхности' > 'следовать', ср. др.-ирл. *lenaid*, перф. *rolil* 'следовать' (собственно, 'приклеиваться к кому'), возводимое к и.-е. **lei-* 'скользкий, клейкий' (о почве); 'поскользнуться' (см.: *Pokorny* I, S. 662); эта возможность, однако, кажется нам менее вероятной, чем излагаемая выше.

28 См.: *Fleuriot*, p. 276, где повторяется, как нам кажется, не слишком убедительное сближение др.-брет. *ol* с др.-ирл. *ol* 'по ту сторону, за' и '*quod*'. Начальное *h-* н.-брет. *heul* объясняется контаминацией *ol* и **hol* (ср. кимр. *hawl* 'иск, ходатайство') — *Henry*, p. 162. О др.-брет. *ol* см. еще: *Loth J.* Vocabulaire vieux-bréton. Paris, 1884, p. 198.

29 См.: *Loth J.* Op. cit., p. 199. Сложное объяснение этой формы предлагает Флерио (см.: *Fleuriot*, p. 68—69, оспаривающий связь с нем. *folgen* и др. вследствие неясности происхождения германских слов, на наш взгляд, мнимой): родство с и.-е. **selg'-* 'спускать, освобождать', ср. брет. *emolch*, *emolc'h* 'охотиться' (< **ambi-solg*) и предположение об утрате начального *h-* (< **s-*); это объяснение принимается и в недавней работе, рассматривающей древнейшую лексику бриттских языков: *Elsie R.* The position of Brittonic. A synchronic and diachronic analysis of genetic relationships in the basic vocabulary of Brittonic Celtic. Bonn, 1979, p. 105. Связь приведенных выше кельтских слов с и.-е. **pelg'h-*/**polg'h-*/**pl̥g'h-* представляется нам более простой и правдоподобной, вследствие чего эти слова, видимо, могут быть отнесены к слою древней кельтской лексики с утратой индоевропейского начального **p-* (см. об этом в связи с кельтско-германскими соответствиями: *Polomé E.* Germanic and other Indo-European Languages. — In: Toward a Grammar of Proto-Germanic. Ed. by F. van Coetsem, H. L. Kufner. Tübingen, 1972, p. 64, а также сказанное выше о галльск. *olcā*).

30 Подробнее о кимрских формах см.: *Spurrell W.* Dictionary of the Welsh language. New York, 1861, p. 242; а также: *Richards M.* Rhai enwau lleoedd. — BBCS, 1961, v. XIX, с. 98—99.

Реконструкция и.-е. *pelg'h-/*polg'h-/*pḷg'h- со значением 'ползти, скользить' и принимаемая для отдельных индоевропейских языков дальнейшая семантическая эволюция ('ползти, скользить' > 'след'; 'след' > 'идти по следу', 'следовать') находят надежную параллель в семье слов, группируемых вокруг и.-е. *(s)leidh-/*(s)loidh-/*(s)lidh- 'скользить'. Выше уже говорилось о сходстве праслав. *polziti (j)ęzykъ: ἡ γλῶττα ὀλισθάνει[31]. Однако наиболее важен факт совмещения в рамках и.-е. *(s)leidh-/ *(s)loidh- / *(s)lidh- значений 'скользить' (ср., в частности, лит. slýstu, slýsti 'скользить', лтш. slists, slīst, slîdēt 'то же', упоминавшееся греч. ὀλισθάνω 'скольжу' и др.) и 'след, идти по следу', ср. праслав. *slědъ, *slěditi, *slědovati[32]. Параллелизм и.-е. *(s)leidh-: и.-е. *pelg'h- между прочим позволяет построить пропорцию и.-е. *(s)leidh- 'скользить' ~ праслав. *slědъ ~ праслав. *poslědьnьjь: и.-е. *pelg'h- 'скользить, ползти' ~ кельт. (бритт.) *olgos 'след' (> кимр. ol 'след', 'тыл' и др., см. выше) ~ кимр. olaf 'последний'[33], что, видимо, свидетельствует в пользу этимологизации греч. λοῖσθος 'последний' в связи с и.-е. *(s)leidh- / *(s)loidh- / *(s)lidh- 'скользить'[34]. Связь рус. 'след': 'послед' (с наиме-

[31] Здесь отметим еще, в связи со славянскими обозначениями части плуга, скользящей в борозде, продолжающими, в частности, праслав. *polz- (словен. plâz и др., см. выше), лит. диал. slìde 'pačiūža, plūgo dalis, šliaužanti vaga'. *Grinaveckienė E.* Mūšōs upyno tarmių leksika. — В кн.: Lietuvių kalbotyros klausimai. Leksikos tyrinėjimai. Vilnius, 1972, XIII, с. 69.

[32] См.: *Pokorny* I, S. 960—961; ср. еще, например, лтш. sliêde 'след, ход, оставленный живым существом в траве, посеве' (*Fraenkel*, S. 830) от того же корня. Любопытна тесная связь 'следа', 'движения по следу, преследования' и, косвенно, 'скольжения' в следующем фрагменте «Илиады» (Ψ, 763—764; 774): ὣς Ὀδυσεὺς θέεν ἐγγύθεν, αὐτὰρ ὄπισθεν/ἴχνια τύπτε πόδεσσι πάρος κόνιν ἀμφιχυθῆναι и, далее, ... Αἴας μὲν ὄλισθε θέων — βλάψεν γὰρ Ἀθήνη — (Одиссей бежит за Аяксом, «ударяя» в его следы — ἴχνια; Аякс, вследствие вмешательства Афины, поскальзывается на бегу — ὄλισθε θέων ...). Ср. пример употребления кимр. ol (средневаллийский) в сцене охоты: *Osla Gyllelluawr yn redec yn ol y twrch...* — 'Осла Гиллеллваур бежит вслед за кабаном'... (*Strachan J.* An introduction to Early Welsh. Manchester, 1909, p. 206). Трудно сказать, насколько надежной параллелью к предполагаемым сближениям может служить не до конца для нас ясное сопоставление прус. rīpaiti 'folget', serrīpimai 'erfahren': лат. rēpere 'ползти' (*Lewy E.* Etymologiches. -- ZfslPh, 1932, Bd. IX, Doppelheft 3/4, S. 406, а также IF, 1913, Bd. 32, S. 163). Ясно, что латинское слово нельзя отрывать от его восточнобалтийских соответствий — лит. rėplióti, лтш. rāpât и др. (см.: *Fraenkel*, S. 720; *Ernout — Meillet*³, II, p. 1008). О прусских формах см.: *Trautmann R.* Die altpreussischen Sprachdenkmäler. Teil 2. Grammatik, Wörterbuch. Göttingen, 1910, S. 416, 425.

[33] К близости значений 'след', 'тыл', 'зад', 'последний' у кимр. ol, olaf ср. следующее употребление ol в валлийской пословице: Gwell blaen yr iyrchod nag ol yr hyddod — 'Better of roebucks to be first, Than amongst antler'd stags the worst' (*Vaughan H.* Welsh proverbs with English translations. Detroit, 1969, p. 10). Ср., далее, греч. λοῖσθος 'последний' (например: λοῖσθος ἀνὴρ ὥριστος ἐλαύνει... ἵππους 'последним муж лучший гонит ... коней', Ψ, 536) и нижеследующее.

[34] См.: *Scheftelowitz J.* Die verbalen und nominalen- sk'- und -sk- Stämme im Baltisch-Slawischen und Albanischen. — KZ, 1929, LVI, S. 179; а также: *Frisk*, S. 135.

нованием второго по принципу 'quod sequitur' на базе понятия 'след') подтверждает, далее, этимологическое единство др.-норв. *fylgja* 'свита, сопровождение' (от *fylgja* 'следовать' < герм. **fulgē-* < и.-е. **pl̥g'h-*, см. выше) и омонимичного *fylgja* 'послед, привидение', предлагаемое Я. де Фризом[35].

Сближение праслав. **pelz-* / **polz-* / **pъlz-*, герм. **fulg(ē)-*, кельт. (бритт.) **olg(os)*, предлагаемое в настоящей заметке, и ранее упоминалось в литературе (правда в гадательной и слишком конспективной форме или с допущением других, на наш взгляд, неприемлемых генетических связей)[36]; кроме того, оно осталось незамеченным в этимологических словарях славянских языков[37]. Если это сближение верно, то праслав. **pelz-* / **polz-*/ **pъlz-* должно быть изъято из балто-славянского словаря (кстати, его включение в известный словарь Траутмана более чем условно, ввиду отсутствия балтийских соответствий); напротив, возможные западно-европейские связи обеспечивают **pelz-* / **polz-* / **pъlz-* статус элемента праславянского словаря в духе «Анти-Траутмана», по выражению О. Н. Трубачева.

---

[35] *de Vries*, S. 147—148. Более сложно объяснение, исходящее из первоначальности значения 'послед, привидение' (с привлечением др.-норв. *fulga* 'кожа, покров', см. *Falk — Torp*, I, S. 285). К типологии 'послед' < 'следовать' см. еще лат. *secundae*, *secundīnae* 'послед, детское место' (ср. *secundus* 'следующий', *sequor* 'следовать').

[36] См. особенно: *Franck-van Wijk* (об этимологии голл. *volgen* 'следовать' = нем. *folgen*): «Возможно, родственно н.-брет. *heul*, кимр. *ol* 'след' (**polgho-* или **polg'ho-*), далее, ст.-слав. **plъzati*»; там же допускается, однако, связь с голл. *velg*, англ. *felly* 'дуга, часть колесного обода' и проч. (с. 755, 728), критиковавшаяся выше, а также (с. 755) сближение и.-е. **pelg'h-*, **polg'h-* с греч. πέλας 'рядом', 'вблизи', πίλναμαι (< и.-е. **pel-*, **pelə-*, **plā-* 'толкая или ударяя, привести в движение', 'гнать', см. *Pokorny* I, S. 801—802), видимо, излишнее. Далее см. цитировавшиеся выше работы Э. Леви (более подробно ZfslPh, 1932, IX, S. 406), где допускается, для объяснения соответствия *folgen*: *плъзати*, «Bedeutungszentrum» 'кривой', что невероятно (о параллельном, по мнению Леви, соответствии прус. *rīpaiti*: лат. *rēpo* см. выше). На работы Леви ссылается Э. Френкель (*Fraenkel*, S. 270); см. также: *Stang Ch.* Op. cit., S. 43, где предлагается сближение ст.-слав. *plъzati* (< праслав. **pъlz-*) с др.-в.-нем. *folgên*, др.-норв. *fylgja*, англосакс. *folgian*, в то время как для праслав. **polzъ* допускается особое этимологическое решение (см. выше).

[37] За исключением: *Sadnik — Aitzetmüller*. Handwörterbuch, S. 285, повторяющих *Franck-van Wijk*, S. 755. Сопоставление кимр. *ol* (и др. кельтских форм, см. выше): нем. *folgen* и проч. имеет еще более длительную традицию и принимается во многих этимологических словарях (так: *de Vries*, S. 147—148; *de Vries*. Etym. Woordenboek, с. 797; *Klein* 1, 608; *Kluge — Mitzka*[21], S. 211—212; *Henry*, p. 162). О других, видимо, не более убедительных возможностях этимологизации (критикуемых в только что упомянутых словарях) см.: *Jóhannesson*, S. 557—558; *Falk — Torp* I, S. 285, 291; *Hellqvist*[3] I, с. 248, 256; *Skeat*, p. 220, а также: *Fleuriot*, p. 68—69, 276. Словари *Duden*, S. 179 и Onions, p. 367 при этимологизации соответствующих слов ограничиваются указанием на отсутствие надежных связей за пределами германского.

М. Ф. Мурьянов

СИЛА (ПОНЯТИЕ И СЛОВО)

Общеславянское слово *сила*, одно из самых употребительных в древнейших памятниках письменности [1], но nejasného původu [2], не имеет признаков, которые позволили бы считать его заимствованием или продуктом словотворчества переводчиков греческих церковных текстов. Это дает основание отнести его в праславянский лексический фонд. Отчетливо видна его фонетическая непохожесть на смысловые эквиваленты в языках неславянских, новых и древних (эта констатация должна иметь оговорку о нестрогом применении понятия эквивалентности, причина станет ясной из дальнейшего рассуждения).

«Что такое сила? Интуитивно мы чувствуем, что именно обозначается этим термином. Это понятие возникает из усилия, которое мы производим при толчке, броске или тяге, из того мускульного ощущения, которое сопровождает все эти действия. Но обобщение этих понятий выходит далеко за пределы столь простых примеров. Мы можем думать о силе, даже не воображая себе лошадь, тянущую повозку» [3].

Возможно, что крылатый конь Пегас, на котором возносилась интуиция древних поэтов, получил имя от πηγός 'сильный', а впоследствии и 'белый' [4]. Этот диапазон разброса значений слова напоминает, что иногда «метод рассуждения, навязываемый интуицией, неверен и приводит к ложным идеям» [5].

Каждый этап естествознания не начинается с изгнания прежних терминов. Можно «использовать старые слова в традиционном смысле всякий раз, когда мы имеем дело с феноменами, которые не слишком далеки от повседневной жизни или от классической физики . . . Природа научила нас тому, что эти слова или понятия имеют только ограниченную сферу применимости. И когда мы выходим за пределы этой сферы, то в нашем распоряжении остаются довольно абстрактные понятия и математический язык, который может быть понят только специалистами, но не может быть недвусмысленно переведен на простые языки повседневной жизни» [6]. Эйнштейн подчеркивал, что, когда описывается явление, язык как система координат обнаруживает свою недостаточность [7].

---

1 *Цейтлин Р. М.* Лексика старославянского языка. М., 1977, с. 38—39.
2 *Machek*², с. 542—543.
3 *Эйнштейн А., Инфельд Л.* Эволюция физики. М., 1965, с. 13.
4 *Chantraine*, p. 894; *Garzya A.* Sull'accezione coloristica di alcuni termini greci. — Le Parole e le Idee, 1970/72, v. 12—14, с. 41—50.
5 *Эйнштейн А., Инфельд Л.* Указ. соч., с. 9.
6 *Гейзенберг В.* Развитие понятий в физике XX столетия. — Вопросы философии, 1975, № 1, с. 79.
7 *Bridgman P. W.* Einsteins Theorien vom methodologischen Gesichtspunkt. — In: Albert Einstein als Philosoph und Naturforscher. Hrsg. von P. A. Schilpp. Stuttgart, 1955, S. 236.

Какие представления связывались со словом *сила* на древнейшем этапе его существования, от которого не осталось ничего того, что для естествоиспытателя восполняет недостаточность языка? Этому периоду история механики отводит ничтожно мало места. Но механика существовала и тогда! Постройка мегалитических сооружений означала целесообразное перемещение многотонных глыб неизвестным нам способом. Это — о количественной стороне явления, об умении суммировать физические возможности множества участников трудового процесса, рассчитывать величину и направление огромной суммарной силы. А точность натяжения тетивы лука была такой, что с дальнего расстояния стрела поражала малую цель. Не только человек умел соразмерять свое мускульное усилие и его потребное действие. На этом держится вся гармония животного мира — ошибающийся, неуклюжий расплачивается жизнью. Отличие человека — способность к мыслительным операциям, конструирующим орудия труда: подкладной каток, рычаг, клин, веревку, а также потребность в словах, обозначающих понятия, применяемые в этих мыслительных операциях. Наиболее общим понятием при конструировании орудий труда, понятием абсолютно необходимым, как раз и является то, что мы называем *силой* — славянским словом, которое в эпоху первой письменной фиксации соответствовало не менее чем десятку дифференцированных терминов греческого языка, изощренного натурфилософской традицией, литературной обработкой [8]. История естествознания начинает отсчет времени для абстрагированного понятия силы от папируса Гарриса 500 (XIX династия Египта, 1350—1200 гг.), где фигурирует *nht* — слово, обозначающее объективированную, персонифицированную и обожествленную силу [9]. Эти признаки силы мало говорят о ней как о понятии физическом, употребляемом в инженерных расчетах. Скорее это категория религиозного мышления, а если так, то можно обратиться и к шумерологическому материалу, он древнее папируса Гарриса по меньшей мере на тысячелетие. Для истории архаических представлений о сущности языка небезынтересно, что шумеры считали средством проявления с и л ы богов творческое с л о в о: «Когда твое слово разразится по земле, растут деревья и травы» [10]. Центральное понятие шумерской религии, *me*, интерпретируется как божественная сила, numinose Macht, хотя и с оговоркой: «предварительный перевод» (vorläufige Übersetzung) [11].

---

[8] В Киевских листках X в., являющихся переводом латинских молитв, *сила* соответствует термину *virtus*. О нем см.: *Omme A. N. van*. Virtus: een semantiese Studie. Utrecht, 1946; *Lau D*. Der lateinische Begriff labor. *München*, 1975, S. 26—45, глава Das Verhältnis zwischen *labor* und *virtus*.

[9] *Jammer M*. Kraft. — In: Historisches Wörterbuch der Philosophie. Hrsg. von J. Ritter und K. Gründer. Bd. 4. Basel — Stuttgart, 1976, S. 1177—1180.

[10] *Dijk J. van*. Gott nach sumerischen Texten. — In: Reallexikon der Assyriologie, Bd. 3. Berlin, 1969, S. 534.

[11] *Oberhuber K*. Der numinose Begriff ME im Sumerischen. — Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft, 1963, Sonderheft 17; *Dijk J. van*. Einige Bemerkungen zu sumerischen religionsgeschichtlichen Problemen. — Ori-

Семантически с этим смыкается реконструированное методами ностратического языкознания *haju* 'жизненная сила'[12], этот условный перевод дал нежелательное совпадение с основным термином витализма, не столь уж древним. Понятие, обозначаемое через *haju*, ближе к магическим ритуалам для восстановления мужской силы[13], той, которая позже стала сюжетом тринадцатого подвига Геракла, или к представлениям каннибалов Полинезии, съедающим глаз убитого врага, чтобы его силу зрения присоединить к своей[14], чем к механике, по выражению Энгельса, — единственной науке, «в которой действительно знают, что означает слово «сила»»[15]. Эту мысль нельзя изолировать от всего контекста высказываний Энгельса в дискуссии о силе[16], перипетии которой компетентно изложены Т. И. Райновым[17]; затем «физики все больше и больше стали отдаляться от философских задач и даже стали культивировать пренебрежительное отношение к философии как схоластической, ненужной области знания. Грибоедовское «пофилософствуй — ум вскружится» стало лозунгом для очень многих физиков и естествоиспытателей вообще»[18].

Понятие силы закладывается в основу нашего мировоззрения в самом раннем возрасте и постепенно обрастает производными представлениями. Греки считали, что усвоенное в детстве, παιδεία — ядро личности, а все остальное представляет собой относительно непрочные слои сознания. В самом деле, школьное переучивание, внушающее нам мысль о килограмме как массе, а не силе, о лошадиной силе как не силе, а мощности, забывается вскоре после окончания курса наук[19], остается просто *сила*,

---

entalistische Literaturzeitung, 1967, Jg. 62; Heft 5/6, Sp. 229—244; *Fasciano D.* Numen. Réflexions sur sa nature et son rôle. — Rivista di cultura classica e medioevale, 1971, v. 13, p. 3—32.

[12] *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971, с. 242—243.

[13] *Biggs R. D.* ŠÀ, ZI. GA. Ancient Mesopotamian Potency Incantations. New York, 1967.

[14] *Bartholet A.* Dynamismus und Personalismus. Tübingen, 1930, S. 14.

[15] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 404.

[16] Авторская работа над основным материалом по этому вопросу, «Диалектикой природы» (1873—1886 гг.), завершена не была. Книга опубликована в 1925 г. в Советском Союзе.

[17] *Райнов Т. И.* К истории построения «механики без силы». — Социалистическая реконструкция и наука, 1933, № 1, с. 57—80.

[18] *Вавилов С. И.* Новая физика и диалектический материализм. — В кн.: «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина и современная физика. М., 1939, с. 73. Понятие силы «еще не стало предметом специального обсуждения в отечественной литературе по философским вопросам естествознания» (*Коньк Г. К.* Логика развития понятия «сила» в физике. — Вопросы философии, 1962, № 8, с. 108). Ср.: *Чусовитин А. Г.* К анализу понятия силы. — Научные труды Новосибирского госпединститута, 1969, т. 50, вып. 1.

[19] Закон сохранения энергии до 60-х годов XIX в. назывался законом сохранения *сил*. В. И. Ленин не находил это уточнение удачным: «. . .В понятии энергия есть субъективный момент, отсутствующий, например, в понятии движения. Или, вернее, в понятии или в словоупотреблении понятия энер-

с широким спектром переносного употребления и с объяснением у Даля (IV, с. 184): «Источник, начало, основная (неведомая) причина всякого действия, движенья, понужденья, всякой вещественной перемены в пространстве, или: начало изменяемости мировых явлений. *Хомяков*». Определение принадлежит А. С. Хомякову, одному из зачинателей славянофильства.

Славянофилами наиболее ценился тот способ философствования, когда оно происходит не в вольтеровском кресле, а стоя, при внимательном слушании православных литургических гимнов. Тема *силы* в них не редкость, один из ярких примеров — тропарь канона великому четвергу в старшем славянском списке XI—XII в., начинающийся словами: Неодържимою държащи·превыспрьнюю на въздоусѣ водѣ·и глоубины обоуздавающи·и мора въстазающи бжиа моудрость[20]. Здесь заложено философское представление глубочайшей древности, уже в индийской космологии вселенная удерживается как единое целое космическими шнурами — когда при наступлении конца света эти тяжи порвутся, мир распадется[21]. Лишь избранным видны они, факир способен подняться в небо по веревке (rope-trick). Связи-тяжи существуют не только в мироздании как целом[22], но и в мире духовном, огромном, как само мироздание, но по необъяснимым причинам вмещающемся в голове каждого отдельного человека. Эти связи духовного мира и представляют собой семантический каркас слова *religio*, головоломки для латинистов, тщетно пытавшихся объяснить причину и путь перехода от *religare* 'связывать', 'заплетать', 'впрягать' к производному «совестливость', 'благоговение'. Примером недоразумения является и русский текст ветхозаветных стихов Исх 29, 24.26, где жертву на алтарь приносят, «потрясая пред лицем Господним» (?!). В оригинале подразумевается t^{e}nūfāh — архаический ритуал, в котором священнодействующий жрец имитирует движения рук ткача, переплетая видимое с невидимым[23]. Тело человека пронизано волокнами мышц, сухожилиями, нервами. Греч. νεῦρον — это и мускул, и жила, и нерв, а в переносном значении — крепость, сила.

гия есть нечто, исключающее объективность» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 46). Остюда ленинская оценка термина *термодинамика*: «. . .Хотя это слово по своему этимологическому составу слишком узко для обозначаемого им содержания, оно имеет то преимущество, что устраняет возможность всех недоразумений, вызываемых многозначностью слова «энергетика»» (Там же, с. 486).

[20] ЦГАДА, фонд 381, № 138, л. 23 об.

[21] *Eliade M.* Mythes et symboles de la corde. — Eranos-Jahrbuch, 1961, Bd. 29, p. 109—137.

[22] Ср.: *Vonessen F.* Zur Idee des Weltgewebes im Platonismus. — In: Mythische Entwürfe. Hrsg. von Ph. Wolff-Windegg. Stuttgart, 1975. Слова *связь* и *зависимость* употребляются в самых разнообразных контекстах. Все *связано* со всем, одно *подвешено* к другому — такая же прозрачность внутренней формы наблюдается и в неславянских эквивалентах этих слов, имеющих частотность того же порядка.

[23] Lexikon zur Bibel. Hrsg. von F. Rienecker. Wuppertal, 1969, S. 1504—1505.

В одном из феотокионов славянской Триоди XI—XII в. материнство, сотворение плоти младенца дано в образе ткачества: оутрь къ чревѣ твоѥмь плъть съистъка сѧ [24]; в начале III в. Тертуллиан находил в феномене человека *ткань* тела и души, carnis animaeque texturam [25], а еще раньше философу-материалисту Лукрецию такая же структура мыслилась в строении вещества железа: ferrea texta.

Точка привязывания, узел имеет огромное значение в архаической символике [26]; этимологически лат. *nodus* 'узел', ирл. *naidm* 'действие привязывания; договор', санскр. *naddaḥ* 'привязанный' сходятся в и.-е. **nedh-* 'свивать, завязывать' [27]. Вещественные памятники этого рода — коллекция египетских веревок и изделий из них в антропологическом музее Калифорнийского университета, ее экспонаты берут свое начало от IV тыс. до н. э.[28] Веревка, шнур, нить, тетива, ремень тоже называются νεῦρον. Сделанные из волокнистого растительного сырья, кишок и сухожилий животного, они были необходимы, чтобы сшить одежду из шкур, изготовить лук, пращу, двигать волоком тяжести, оснастить якорем лодку, связать пленника, обуздать домашнее животное, сделать уду для рыбной ловли, поставить зверю силок. Слав. **silo* сопоставим с др.-в.-нем. *silo* 'ремень', или, на другой ступени аблаута — с герм. **saila* (> нем. *Seil* 'шнур'), реконструированным из готского глагола *insailjan* 'спускать (тяжесть) на веревках'. Такое сопоставление сразу освещает затемненную этимологию славянской параллели: *сила* есть материальный предмет, гибкий шнур, природный или рукотворный, предназначенный нести нагрузку, выдерживать натяжение, затем название передалось самому натяжению, физическому, но имеющему способность втягивать в метафизическое [29]. Родство между герм. **saila*

---

24 ЦГАДА, фонд 381, № 138, л. 25 об. О символизме темы см.: *Gasparini E.* Die singende Weberin. — Antaios, 1967, Bd. 8, S. 343. Мария была одной из отроковиц, ткущих завесу для Иерусалимского храма (апокрифическое Протоевангелие от Иакова 10, 2), в момент голгофской кончины Христа завеса разорвалась (Мф 27, 51), она отождествлена апостолом Павлом с плотью Христовой (*Young N. H.* Τοῦτ' ἔστιν τῆς σαρκὸς αὐτοῦ (Heb 10, 20): Apposition, Dependent or Explicative? — New Testament Studies, 1973, v. 20, p. 100—104) и символизируется в литургии завесой царских врат иконостаса.

25 Corpus Christianorum, series latina, t. 2. Turnhout, 1954, c. 965—966.

26 *Eliade M.* Les dieux lieurs et le symbolisme des noeuds. — Revue d'Histoire des Religions, 1947—1948, N 134, p. 5—36; *Zischka U.* Zur sakralen und profanen Anwendung des Knotenmotivs als magisches Mittel, Symbol oder Dekor. Eine vergleichend-volkskundliche Untersuchung. München, 1977.

27 *Vendryes J.* Lexique étymologique de l'Irlandais ancien. Paris, 1960, p. N-1—N-4, N-12.

28 *Domning D. P.* Some Examples of Ancient Egyptian Ropework. — Chronique d'Egypte, 1977, t. 52, N 103, p. 49—61.

29 Архаический человек относился к необычно тяжелому свинцу с настороженным вниманием: *Schmidt L.* Heiliges Blei in Amuletten, Votiven und anderen Gegenständen des Volksglaubens in Europa und im Orient. Wien, 1958. Реликт этого — наблюдаемое этнографами нежелание родителей

и слав. *сила* было подмечено давно [30], но недостаточная выясненность семантики препятствовала пониманию того, в чем же именно их сходство заключается. К тому же, германская параллель не стала развиваться в направлении, по которому эволюционировало славянское слово. Основной из немецких синонимов силы, *Kraft*, возводится через герм. **g*(*e*)*rep*- к и.-е. **ger*- 'вращать', 'навивать' [31]. Может быть, здесь нужно подразумевать свивание шнура? Во всяком случае, имеющееся объяснение, что это — от перекатывания мускулатуры при напряжении или от сплетения тел борцов (vom Zusammenkrampfen der Muskeln bei Anstrengungen und vom Sich-Winden beim Ringen) [32], объяснение очень картинное, ничем не аргументированно, оно продолжает экстралингвистическую традицию интерпретации силы, берущую начало от основоположника сенсуализма Э. де Кондильяка, который в «Трактате об ощущениях» (1754) первый определил силу как субъективно переживаемое мускульное напряжение. Факты истории многих языков говорят, что понятие силы находило свое вербальное выражение на иных семантических путях, можно освободить от сенсуалистского предубеждения и немецкую этимологию.

Первым специфически восточноевропейским результатом обобщения и абстрагирования понятия гибкого шнура, носителя силы, было украшение керамики изображением вьющегося шнура. Культура шнуровой керамики появилась на рубеже III—II тыс. до н. э., создавшие ее племена, возможно, являлись общими предками славян, германцев и балтов [33].

Последнее специфически славянское воплощение идеи силы, предшествующее переводам терминов византийской натурфилософии — это богатырский эпос о Святогоре, который попытался поднять такую тяжесть, что сам от напряжения погрузился в землю. Понятие силы здесь строго вычленено, кинематическая схема рывка правильна и гиперболизирована: эпическая «сумочка», приподнимаемая Святогором, наделена весом всей земли. Известны параллель в нартском эпосе и западный апокриф, согласно которому младенец Христос, когда его однажды несли на руках, вдруг стал тяжелым как весь мир [34], но компаративисты не заметили случай, когда мотив погружения в землю присутствует в славянском литургическом гимне, причем там, где греческий оригинал его не содержит, — а такого рода вольности очень необычны в церковной переводческой практике. Имеем в виду покаянную стихиру седьмого гласа Октоиха: *Виждь твоя пребез-*

взвешивать ребенка: «это может ему повредить» (*Alberti H.-J. von.* Mass und Gewicht. Berlin, 1957, S. 11).

30 *Feist*, S. 294.

31 *Kluge*[21], S. 398.

32 Там же.

33 *Roman P.* Das Problem der «schnurverzierten» Keramik in Südosteuropa. — Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte, Bd. 58. Berlin, 1974, S. 157—174.

34 *Mazon A.* Svjatogor. — Revue des Etudes Slaves, 1932, t. 12, p. 171.

законная дѣла, о душе моя, и почудися, како тя земляноситъ, како не разсѣдеся! [35] В оригинале: Βλέφον σου τὰ παράνομα ἔργα, ὦ ψυχή μου, καὶ θαύμασον, πῶς σε λῆ βαστάζει, καὶ σκηπτὸς οὐ φλέγει [36]. Для восприятия и сопереживания этот перевод был, видимо, доходчивей, чем, например, мало кому понятный в условиях древнего Новгорода образ в каноне Афанасию Александрийскому, ученом творении Феофана, где притягательная сила личности святителя сравнивается с действием магнита: ὡς μαγνῆτις εἵλκες ἅπαντας [37], акы магнитъ привлачаше вса [38]. Необъяснимая магнитная сила пленяла воображение, существовал кельтский фольклорный мотив магнитной горы, притягивающий к себе корабли [39], но в славянских текстах это — первый случай упоминания магнита, к тому же современный появлению компаса в морской практике.

В первые века славянской письменности, когда формировалась лексика семантического поля силы и определялось место своего, исконного слова *сила* в новой системе заимствованной натурфилософии или теологии, ст.-слав. сила имеет, подобно греч. δύναμις, и такое — не последнее по важности — значение как 'чудо' [40].

В. Э. Орел

К ГИПОТЕЗЕ О ФРАКИЙСКИХ РЕЛИКТАХ В БОЛГАРСКОЙ АПЕЛЛАТИВНОЙ ЛЕКСИКЕ

Послевоенные фракологические исследования (особенно интенсивные с конца 50-х годов) привели языковедов к вопросу о том, как и в каких формах отразился в болгарском языке контакт дакийских и фракийских племен с пришедшими на Балканский полуостров в VI в. носителями праславянских диалектов. В настоящей работе мы оставляем в стороне как те грамматические явления, которые могут так или иначе быть поставлены в связь (пусть даже косвенную) с этим языковым контактом [1], так и те многочисленные

[35] Октоих, ч. 2. Берлин, 1904, с. 638.
[36] *Follieri H.* Initia hymnorum, v. I. Città del Vaticano, 1960, с. 233.
[37] Μηναῖον τοῦ Ἰανουαρίου. Ἐν Ἀθήναις, 1904, с. 226.
[38] Януарская Минея XI/XII в. ЦГАДА, фонд 381, № 99, л. 71.
[39] *Haug W.* Vom Imram zur Aventiure-Fahrt. — In: Wolfram-Studien. Hrsg. von W. Schröder. Berlin, 1970, S. 297.
[40] О δύναμις обстоятелен филологический комментарий в кн.: Evangile de Pierre, par M. G. Mara. Paris, 1973, p. 132—140. Ср.: *Kolenkow Anitra Bingham.* A Problem of Power: How Miracle Doers Counter Charges of Magic in the Hellenistic World. — In: Society of Biblical Literature. Seminar Papers. Chicago, 1976, p. 105—110.

[1] К таким явлениям обычно причисляются те, которые имеют общебалканский характер (постпозитивный артикль), а также те, которые изолируют болгарский от других славянских языков (утрата именного склонения).

топонимы и гидронимы на территории Болгарии, фракийское происхождение которых было убедительно показано в ряде исследований [2], и обратимся только к одному, довольно скромному по объему, аспекту проблемы: к апеллативной лексике болгарского языка, имеющей предположительно фракийское происхождение.

Наличие в болгарской топонимике обширного фракийского слоя вообще говоря еще не означает логической необходимости апеллативных фракийских вкраплений в болгарском словаре. Это лишь одна из возможностей (ср. иллирийскую проблему), и ее проверка в конечном счете определяет приемлемые решения относительно характера лингвистических (и этнолингвистических) фрако-славянских (resp. болгарских) связей.

В первых монографических исследованиях В. Георгиева, посвященных этой проблематике [3], в качестве прямых фракийских заимствований в болгарский было приведено сравнительно много слов, в большинстве своем весьма уязвимых и заслуживающих критического отношения [4]. Ряд лексем из этого списка, в который входили болг. *балта*, *ватаф*, *газя*, *грив*, *гъна/гудя*, *заек*, *карпа*, *катерица/катеря се*, *кацна/кацвам*, *рид*, *рипам*, *рофея/руфя* [5], со временем получил иную, более убедительную интерпретацию. Так, скажем, для болг. диал. *заек* выявились несомненные преимущества старой этимологии (вторично от слав. **zajęcь*, ср. рус. *зайка*) [6] при том, что сравнивавшееся с ним фрак. ЛИ Ζαικα, Σαικοος, *Saecus*, *Zeces*, *Secus* [7] имеет иные связи

Однако говорить о прямой связи этих процессов с фракийским языковым влиянием едва ли возможно. В лучшем случае, следуя за С. Б. Бернштейном, здесь можно допустить косвенную связь (см. Доклады и сообщения Института языкознания. М., 1956, т. 9, с. 130 сл.), обусловленную, вероятно, тенденцией к интерференционному упрощению; ср. типологически сходную утрату инфинитива.

[2] Ср.: *Осъм* < фрак. *Asamus* < **ak̂(a)mo-*, *Янтра* < фрак. ''Αθρυς < **ētro-*, **ētru-*, *Тимок* < фрак. *Timachus* < **təm-akʷā* и многие другие примеры этого рода, итоговую сводку которых с комментарием см.: *Георгиев В.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, с. 116, 130 сл. (далее — *Георгиев.* Исследования); *Он же.* Траките и техният език. София, 1977, с. 244—252 (далее — *Георгиев.* Траките). Некоторые важные топонимы, однако, по-прежнему объясняются неудовлетворительно, ср. *Варна*, толковавшееся как фракизм **warna* < **wornā* 'черная' (*Георгиев В.* Въпроси на българската етимология. София, 1958, с. 37; далее — *Георгиев.* Въпроси) и как сохранение «ст.-болг. **varnъ*» (БЕР I, с. 121); ни то, ни другое, впрочем, никак не объясняет отсутствие метатезы плавных (ср. еще маловероятное объяснение, безупречное, однако, в формально-этимологическом плане: *Варна* < **varьna* от **variti*. — *Popović I.* Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960, S. 167).

[3] См.: *Георгиев.* Въпроси; *Он же.* Българска етимология и ономастика. София, 1960.

[4] Ошибочность ряда этимологий признал сам автор в своей итоговой работе (*Георгиев.* Траките, с. 253, прим. 1).

[5] Сюда же болг. *клюк*, которое Георгиев выводит из фрак. **klūk* < и.-е. **gl̥Hg-* ~ греч. γάλα и под. (см.: *Georgiev V.* Griech. γάλα, lat. *lac* und bulg. (thrak.) *kljuk* 'Milch'. — IF, 1976, Bd. 81, S. 67—69).

[6] См.: *Младенов С.* История на българския език. София, 1979, с. 154—155.

[7] См.: *Георгиев.* Исследования; с. 120, 132; *Он же.* Въпроси, с. 45.

в древнеевропейской языковой области [8]; для болг. *балта* и *карпа* определенно можно говорить о позднем заимствовании из албанского (алб. *baltë* и *karpë*, продолжающие и.-е. **bhol(ə)tā* [9] и* *korpā*) или, для первого из них, через посредство рум. *baltă* [10]; для болг. *газя* О. Н. Трубачевым предложена убедительная этимологическая трактовка, основанная на инославянских соответствиях (в частности, блр. *газ* 'брод') [11].

В своей последней работе [12] Георгиев продолжает отстаивать фракийское происхождение следующих болгарских слов: *грив*, *катеря се*, *катерица*, диал. *рофея*, *руфя*. Эти слова, имеющие утвердившуюся репутацию фракизмов, мы и подвергнем здесь подробному критическому рассмотрению.

I. Болг. *грив*

Болг. *грив* 'серый, пестрый' не стоит изолированно, но имеет соответствия в других балканских языках: рум. *griv* 'пестрый, с белыми пятнами', *grivă* 'собака с черными и белыми пятнами', алб. *grivë* 'пепельного цвета' (о животных) [13], новогреч. γρίβος 'сероватый', γρίβας 'конь серой масти'.

Согласно Георгиеву [14], это слово принадлежит к фракийскому субстрату и восходит к и.-е. **g^{w}hrēwos*, реконструируемому на

---

[8] См.: *Detschew D.* Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957, S. 172 (там же приводятся довольно сомнительные этрусские параллели: *secu(ne)*, *sectraś*). Ср. древнекельтские ЛИ *Saecillus*, *Sec(c)ius*, *Sec(c)us* (*Holder A.* Altceltischer Sprachschatz, Bd. 2. Graz, 1961, S. 1283, 1423—1425.

[9] Иногда алб. *baltë*, рум. *baltă* считаются (без достаточных оснований) ранними заимствованиями из славянского. Из последних работ в пользу этой точки зрения см.: *Duridanov I.* Zur Bestimmung der ältesten slavischen Entlehnungen im Albanischen. — Akten des internationalen albanologischen Kolloquiums. — Innsbruck, 1977, S. 688—696.

[10] См. верную трактовку *балта*: БЕР I, с. 54, где, однако, ошибочно считается, что *балта* может быть только из румынского, а не из албанского.

[11] См.: *Трубачев О. Н.* Наблюдения по этимологии лексических локализмов (Славянские этимологии 48—52). — Этимология. 1972. М., 1974, с. 22—27; ЭССЯ VI, с. 113. Уже Попович, считая предположение Георгиева фонетически безупречным, оговаривается, однако, что «по географическим соображениям оно маловероятно» (*Popović I.* Op. cit., S. 17). Лингвогеографические характеристики снижают вероятность и некоторых других фракийских этимологий Георгиева.

[12] *Георгиев.* Траките, с. 253—255.

[13] У Георгиева (*Георгиев.* Траките, с. 253) эта форма не учтена. Нельзя полностью исключать, что сюда относится и алб. *grifshë* 'сорока' (БЕР I, с. 280), которое, однако, сопоставляется и с романскими формами (франц. *grive* 'дрозд' и под., см. *Meyer*, S. 130). Исходя из внутриалбанских сопоставлений, но малоубедительно трактует это слово Чабей: *Çabej E.* Studime gjuhësore. Prishtinë, 1976, t. I, c. 214 сл. Один раз у этого слова засвидетельствовано значение 'гриф' (Краткий албанско-русский словарь. Сост. Кочи Р. Д., Косталлари А. и Скенди Д. И. М., 1951, с. 147). Если это значение не фиктивно, следует, отказавшись от приведенных выше толкований, выводить *grifshë* из лат. *gryps* 'гриф' (как *kofshë* 'бедро' < лат. *coxa* то же через стадию **kopsa*).

[14] *Георгиев.* Траките, с. 253; см. еще: БЕР I, с. 280—281. Впервые та же этимология — *Георгиев.* Въпроси, с. 37.

основе лат. *ravus* 'серый; серожелтый' (о животном — волке, льве) и герм. **grēwaz*: др.-исл. *grár*, д.-в.-н. *grāo*, *grāwer*, др.-фриз. *grē*, др.-англ. *grǣ* 'серый'[15]. Предполагаемый фракийский архетип **grēvos* в позднефракийском должен был, согласно Георгиеву, преобразоваться в **grivos*[16], откуда и засвидетельствованные в балканских языках формы.

Эта этимология не может не вызвать возражений, так как опирается на ряд недостоверных предположений («позднефракийское» развитие *ē* > *i*, отсутствие данного слова в глоссах и ономастике.) С другой стороны, эта этимология предложена в качестве альтернативы иного, на наш взгляд, более убедительного толкования, выводящего «балканское» *griv-* из восточногерм. (гот.) **griwā* 'серый', родственного указанным выше формам, продолжающим герм. **grēwaz*[17]. Можно возразить на это, указав, что и соответствующая германская форма не засвидетельствована, подобно фракийской. Дело, однако, в том, что в отличие от фракийской она восстанавливается на основе сопоставления родственных лексем одной языковой группы и с учетом реально фиксированного в готском (и шире — в восточногерманском) позднего перехода **ē* > *i* (параллельно с **ō* > *ū*): так уже у Вульфилы *birusjos* 'родители' (Luc. 2, 41) вместо *berusjos*. Однако едва ли не важнее в данном случае соображения семантического и историко-культурного характера.

Как известно, один из рефлексов (франкский) герм. **grēwaz* был заимствован в вульгарную латынь как наименование лошадиной масти (ту же функцию он выполнял и в германском); ср. франц., прованс., катал. *gris*[18], в ряду других названий мастей[19]. Весьма́ вероятно, что именно в этом специальном значении было заимствовано в балканские языки и восточногерманское слово, что полностью подтверждается, кстати, репертуаром значений балканских лексем, прежде всего, разумеется, новогреч. γρίβας

---

15 См. например: The Oxford Dictionary of English Etymology. Ed. by Onions C. T. Oxford, 1978, (далее — ODEE).

16 См.: *Георгиев*. Траките, с. 165, где тезис о переходе *ē* в *i* в позднефракийском подтверждается примерами ζίλαι, ζειλά=ζῆλας 'вино' и *Pulpudeva* > *Плъпдивъ*, что, конечно, никак не свидетельствует в пользу «позднего» *i* по сравнению с более «ранним» *ē* (η). Мену η~ει~ι в ξῆλας (есть и форма ζηλᾶς) правильнее объяснять закономерным неразличением в более поздних греческих передачах. Дакийск. Γρίβο сюда не относится, см.: *Duridanov I*. Die thrakisch- und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen. Sofia, 1969, S. 25—26.

17 *Младенов*, с. 110.

18 См. *Meyer-Lübke*³, N 3873.

19 Ср. (старо)франц., прованс. *blanc*, исп. *blanco*, португ. *branco*, итал. *bianco* 'белый' из герм. **blaŋkaz* (д.-в.-н. *blanc* 'белый', др.-англ. *blanca*, 'конь', др.-исл. *blakkr* 'серый (о лошади)' — ODEE, p. 98); франц., прованс. *brun*, итал. *bruno* 'коричневый', из герм. **brūnaz* (д.-в.-н. *brūn*, др.-фриз. *brūn*, др.-исл. *brúnn* 'коричневый, темный' — ODEE, p. 121); франц. *fauve*, итал. *falbo*, из герм. **falwaz* (д.-в.-н. *falo*, др.-англ., др.-сакс. *falu*, др.-исл. *fǫlr* 'рыжий, соломенный' — ODEE, p. 343). Подробно см.: *Brüch J*. Der Einfluß der germanischen Sprachen auf das Vulgärlatein. Heidelberg, 1913.

'конь серой масти'. Не меньшей доказательной силой обладают и другие слова этого ряда, относящиеся к окраске иных животных, поскольку ранние культурные заимствования на Балканах нередко испытывали своего рода «переключение» в новую культурно-семантическую (скотоводческую и/или пастушескую) сферу [20]. Таким образом, отказавшись от фракийской атрибуции болг. *грив*, надо вернуться к мысли о его заимствовании из восточногерм. **grīwa*, вероятно, через восточнороманское посредство (ср. другие германизмы, связанные с коневодством, в румынском: *nasture* 'пуговица; лука седла' < герм. **nastilô*, *strânut* 'с белой звездочкой' (о лошади) < герм. **sternô* 'звезда' и под.[21]), и рассматривать его в кругу других балканских германизмов [22].

II. Болг. *катерица, катеря се*

Болг. *катерица* 'белка', *катеря се* 'карабкаться' не имеет инославянских соответствий. На основе этих слов Георгиев восстанавливает ст.-слав. **катерь* (*resp.* праслав. **katerь*), в котором он видит продолжение фрак. (или дакомиз.) **kater-* 'белка' [23]. Независимым продолжением фрак. **kater-* считает Георгиев рум. *a se căţără* 'карабкаться' (попутно отвергая латинскую этимологию слова из вульг.-лат. *accaptiare*, с чем трудно не согласиться [24]). Сюда же Георгиев относит и алб. *kë(r)cej* 'прыгать, плясать', предполагая для него сложную эволюцию: контаминацию *këc(e)j* < **katj-* и *kërcej* < **katerj-*, якобы соответствующих болг. *кацам* и *катеря се* (*kërcej*, как считает автор этимологии, — это результат метатезы исходного **këcerj-*). Столь сложный путь развития, конечно, не может не вызвать недоверия.

Собственно, этимология фрак. **kater-* из **(s)kŏk-ter-* 'скачущее', на которую опирается Георгиев, предложена еще Младеновым [25].

Надо заметить, что некоторые опорные пункты в рассуждении Георгиева строятся на ошибочных этимологических реше-

---

[20] Ср. например, болг. *стопан*, сербохорв. *стопанин*, для которых убедительно восстанавливается значение 'praefectus pastoribus' (*Skok* III, с. 339), возводимые к иран. *asta-pān-* 'защитник, покровитель дома' (*Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений. — Этимология. 1965. М., 1967, с. 37). Из того же источника (но не через славянский!) и алб. *shtëpâ* 'сыродел'.

[21] См.: *Istoria* limbii române, v. II. Bucureşti, 1969, p. 368f.

[22] Альтернативное решение предложено в ЭССЯ VII, с. 130, где дается реконструкция слав. **grivъ(jь)*, основанная, помимо бол. *грив*, на укр. диал. *гривий*: *вівця грива* 'овца темной масти со светлой полоской на шее или светлая овца с более темной полоской на шее', и соотнесенная далее со слав. **glivъ(jь)*, **gliva*. Однако, как следует из контекста, для укр. *гривий* более вероятно предположить адъективацию слав. **griva* (ср. с полоской на ш е е). В этом случае предлагаемая в ЭССЯ праславянская реконструкция оказывается малоправдоподобной.

[23] См.: *Георгиев.* Въпроси, с. 41—42, *Георгиев.* Траките, с. 253—255. Осторожнее, но по сути своей в том же духе трактует это слово и БЕР II, с. 272.

[24] Так уже см.: *Meyer-Lübke*, N 1662.

[25] См.: *Младенов*, с. 233. Разумеется, сама и.-е. этимология имеет здесь, по необходимости, несколько схоластический характер.

ниях. Это прежде всего касается алб. *kërcej* 'прыгать, плясать', которое (вместе с отглагольным именем *kërcim* 'прыжок, танец, хоровод') нельзя отрывать от алб. *kërcú* 'пень, чурбан', убедительно возводимого к **kortio-* с весьма правдоподобной семантической мотивировкой [26], основанной на реконструкции балканского ритуала сжигания пня на рубеже нового года. Сопоставление *kërcej* с *kërcú* служит одновременно и этимологией [27], и коррективой того мнения, согласно которому в албанском словаре нет следов мифологического или ритуального значения этого слова [28].

Что касается рум. *a se cățără*, то это — несомненное заимствование из болг. *катеря се* (или, менее вероятно, из приводимого ниже албанского слова), сохранившее не только значение, но и некоторые грамматические признаки слова-источника [29]. Оно никак не связано с алб. *kërcej*. Кроме того, Георгиевым не учтено алб. *ketër*, *kitër* 'белка', имеющее первостепенное значение для объяснения болгарского слова [30]. Реконструкция раннеалб. **kōter-* позволяет автоматически решить и вопрос о направлении заимствования: если возможна славянская передача раннеалб. **kōter-* через позднее праслав. **kater-* и далее > болг. *катер-*, то в обратном случае ожидалось бы алб. *katër* или, в крайнем случае, *kotër* [31] из праслав. **kater- resp.* болг. *катер-*[32]. Дальнейшая этимология алб. *ketër* < раннеалб. **kōter-* может быть принята та же, что предлагалась ранее (< и.-е. **(s)kōk-ter-*). Таким образом, болг. *катерица*, *катеря се* являются раннеалбанскими заимствованиями [33].

---

[26] См.: *Çabej E.* Crăciun. — Studii și cercetari linguistice, XII, 1961; *Idem.* Studime gjuhësore. Prishtinë, 1976, t. I, c. 277—278; *Десницкая А. В.* К вопросу о балканизмах в лексике восточнославянских языков. — Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 145—171. — Некоторые детали и литературу см. также: *Топоров В. Н.* Πύθων, Ahi Budhnyà, бȁдњак и др. — Этимология. 1974. М., 1976 с. 3—15.

[27] Специально отметим, что *këcej* представляет собой вторичную диалектную форму *kërcej*.

[28] *Десницкая А. В.* Указ. соч., с. 169. На основе общих соображений о реконструируемом ритуале сюда же надо отнести и *kërcej* 'кричать' (ранее выводилось из слав. **kričati*, см. *Meyer*, S. 189).

[29] См. уже: *Meyer-Lübke*, N 1662.

[30] Форма албанского слова с *-i-* вторична. Что касается значения, то в диалектах слово обозначает и других мелких животных, например, соню (см.: *Mann S. E.* An historical Albanian-English dictionary. London—New York—Toronto, 1948, p. 191; *Çabej E.* Op. cit., c. 274).

[31] Последнее было бы возможно, если бы речь шла об очень раннем заимствовании с сохранением долготных противопоставлений в славянском, что, конечно, маловероятно.

[32] Неудачной и фонетически, и семантически представляется этимология Чабея (алб. *kitër* < болг. *кита* 'букет, пучок'); *Çabej E.* Op. cit., c. 274.

[33] Некоторые аспекты этой этимологии в связи с допускаемым нами отождествлением раннеалбанского с одним из фракийских диалектов (влекущим за собой признание болг. *катерица* фракийским реликтом, однако, на основаниях, существенно отличных от позиции Георгиева) будут рассмотрены в другой работе.

III. Болг. *рофея, руфя*

Болг. *рофея*, *руфя* 'молния' возводится Георгиевым, подобно двум предыдущим словам, к фракийскому источнику, хотя и с несколько большими сомнениями [34]: для *рофея*, *руфя* допускается и албанское происхождение — из алб. *rrufé* 'гром, молния'.

Помимо параллелей в современных балканских языках (алб. *rrufé*, новогреч. ῥομφαία 'большой, широкий меч'), слово засвидетельствовано также в греческих и римских передачах, где оно считается фракийским: ῥομφαία· Θρᾴκιον ἀμυντήριον, ἀκόντιον μακρόν (Hes). 'фракийское оборонительное оружие, длинный дротик', *rumpia* (Liv. XXXI, 39, 11) 'копье', *romphaea*, *romfea* 'меч'. Этимология фрак. ῥομφαία предложена еще В. Томашеком, который (безотносительно к лингвистической атрибуции этого слова) предложил две этимологические версии: к др.-инд. *rambhá* 'палка, подпорка', *rambhiṇī* 'копье; букв. имеющий палку, наделенный палкой', восходящим к *rábhate* 'хватать, ловить; начинать' и, с меньшей уверенностью, к и.-е. **ru(m)p-* (лат. *rumpo* 'рвать, ломать' и под., в частности, 'пронзать' — *ferro rumpere* 'пронзать мечом', др.-инд. *lumpáti* 'разрушать, повреждать' и т. п.) [35]

Однако собственно этимология фрак. ῥομφαία имеет для нас второстепенный интерес; важнее верно оценить его соотношение с болг. *рофея*, *руфя*. Вопреки Георгиеву ясно, что болгарские формы не могут продолжать фракийскую: в противном случае (в зависимости от времени заимствования) в болгарском имели бы в корне *-ъ(м)-* или *-ом-*. Речь, таким образом, может идти только о заимствовании в болгарский из албанского.

Фонетически алб. *rrufé* (> болг. *руфя*) также не может быть объяснено как исконно родственное фрак. ῥομφαία, поскольку и.-е. **-om-* давало в албанском иной рефлекс (ср. *dhëmb* 'зуб' < **ĝombho-*). Однако *rrufé* объяснимо как заимствование эпохи албано-восточнороманских контактов, когда (под влиянием аналогичного восточнороманского процесса) романские *resp.* романизированные слова в албанском переживали переход *-on-*, *-om-* в *-u-*, ср., например, алб. *kuvënd* 'заседание, речь, разговор, слово',

---

[34] *Георгиев.* Траките, с. 255.

[35] См.: *Tomaschek W.* Die alten Thraker. II, 1, S. 18 (=Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien, Bd. 130, H. 2, 1894). Вторая этимология (на которую опирается и Георгиев — Траките, с. 255) представляется нам предпочтительной, причем не только на основании фонетических доводов (и.-е. **bh*, согласно Георгиеву, не могло дать фрак. φ; здесь, впрочем, возможны и некоторые контраргументы), но и из семантических соображений. Глагольная семантика и.-е. **rump-* хорошо объясняет появление у производных значения 'меч, копье' и значения 'молния' (←'разрывающая небо'). Метафора 'стрела, рвущая небо' → 'молния', видимо, была не чужда для фрако-дакийской традиции: ср. истрорум. *šaeta* 'громыхать (о громе)' при итал. *saetta* 'стрела' (см. *Tomaschek W.* Op. cit.; ср. также известное место Herod. IV, 94, где говорится о фракийцах, в грозу пускающих стрелы в небо). Некоторые замечания по этимологии слова см. также: *Гиндин Л. А.* Проблемы античной балканистики. Лингвистический аспект. — ВЯ, 1973, № 1, с. 66—67; там же наблюдения общего характера.

рум. *cuvînt* то же из вульг.-лат. *conventum*. Источником алб. *rrufë*, следовательно, была романизированная форма, которая, по счастью, дошла до нас — ср. *romfea* 'меч'.

* * *

Подводя итоги, мы можем сказать, что ни одно из трех болгарских слов, сохранявших до настоящего времени фракийские этимологии, не является фракизмом в обычном, традиционном понимании (*грив* — германизм, попавший в болгарский через восточнороманский или албанский; *катерица* и *руфя* — албанские заимствования, последнее — неясного происхождения в албанском). Если не считать малоправдоподобных гипотез о фонетическом влиянии фракийского субстрата на болгарский звуковой строй, единственным следом пребывания фракийцев на нынешней территории обитания болгар (по данным болгарского языка) окажется в таком случае ономастика фракийского происхождения, ценная сама по себе, но неудовлетворительная как содержательное свидетельство фрако-славянского контакта в этнокультурном аспекте.

Однако в пользу отождествления раннеалбанского языкового состояния с одним из фракийских диалектов говорят, на наш взгляд, многочисленные данные, которые здесь, естественно, трудно перечислить во всей полноте [36]. Несомненно, важнее других факты восточнороманско-албанских контактов (общие фонетические изменения, общие грамматические инновации и словарный фонд, в том числе так называемые «автохтонные» слова в румынском, значительная доля которых объясняется как албанские заимствования) и апеллативные (ранне)албанские реликты в болгарском (при сравнительно более поздних и продвинутых в формальном плане заимствованиях в сербохорватском). Наконец, определенное значение имеют многочисленные фракийские параллели к албанским апеллативам (о чем — в другом месте).

Таким образом, выявленные в настоящей статье раннеалбанские заимствования в славянский и, с другой стороны, довольно большое количество ранних славянских заимствований в албанский могут трактоваться предположительно как последствия «фрако» (раннеалбанско)-славянского контакта [37]. Последний, впрочем, составляет предмет не отдельных этимологических этюдов, но этнолингвистического обобщения совокупности этимоло-

---

[36] Некоторые важные аргументы приведены в классической работе Вейганда, суммировавшей предшествовавшие исследования (*Weigand G.* Sind die Albaner Nachkommen der Illyrer oder der Thraker? — Balkanarchiv, 1927, Bd. 3, S. 277—289) и в ряде работ Йокля (см., в частности: *Jokl N.* Albaner. — In: Reallexikon der Vorgeschichte, 1924, Bd. 1, S. 84—94).

[37] О славянских проникновениях в албанский см., в частности: *Десницкая А. В.* Славянские заимствования в албанском языке. М., 1963.

гических данных, предполагающего, в частности, обязательное хронологическое расслоение наличного фонда албано-славянских лексических схождений [38].

В. Д. Бондалетов

ГРЕЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКИХ, УКРАИНСКИХ, БЕЛОРУССКИХ И ПОЛЬСКИХ АРГО

(К проблеме генезиса и контактирования социальных диалектов славянских языков)

Присутствие слов греческого происхождения в русских арго было замечено почти 200 лет назад, задолго до осмысления арго (условного языка) как особого типа социального диалекта [1]. В 1787 г. П. Паллас в предисловии к «Сравнительному словарю» писал: «Что касается до суздальского наречия, то оно есть смешанное частию из произвольных слов, частию из греческих в российские обращенных» [2]. Читатель «Сравнительного словаря» И. Потоцкий привел для примера четыре слова (*кирия* 'рука', *галимо* 'молоко', *гир* 'старик', *митес* 'нос'), которые звучат «как в новогреческом языке» [3].

Отдельные наблюдения над грецизмами в составе офенского языка (языка торговцев-офеней Владимирской и других губерний) в XIX в. оставили К. Тихонравов, Шотт, Л. Дифенбах, В. Ягич и некоторые другие.

В начале XX в. появился большой труд М. Р. Фасмера «Греко-славянские этюды» [4]. Из опубликованных к 1906—1909 гг. мате-

---

[38] См.: *Gindin L. A.*, *Kaluzhskaja I. A.*, *Orel V. E.* On the structure of substratum in the Carpathian—Balkan languages. — In: IV-ème Congrès International des Études du Sud-Est Européen. Abrégé des communications et des co-rapports. Ankara, 1979, p. 266.

[1] *Бондалетов В. Д.* Условные языки русских ремесленников и торговцев. Условные языки как особый тип социальных диалектов. С предисл. и под ред. члена-корр. АН СССР Ф. П. Филина. Рязань, 1974.

[2] *Паллас П.* Сравнительные словари всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенные, изд. 1. М., 1787, с. 5. Об арготических словах этого словаря см.: *Бондалетов В. Д.* Арготическая лексика в диалектологических словарях русского языка. — В кн.: Слово в русских народных говорах. Л., 1968; *Он же*: Из истории русских арго (по материалу Словаря П. Палласа). — Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы докладов и сообщений. Баку, 21—24 октября 1975 г. М., 1975;

[3] Путешествие графа Ивана Потоцкого в Астрахань и окрестные страны в 1797 г. — Северный архив (СПб), 1828, ч. 31, II, с. 84—85.

[4] *Фасмер М. Р.* Греко-славянские этюды. III. Греческие заимствования в русском языке. — ИОРЯС, 1909, т. LXXXVI, № 1, (далее — *Фасмер М.* Гр.-сл. эт.).

риалов по русским, украинским и белорусским арго Фасмер выбрал около семи десятков лексем (корней) греческого происхождения. Из русских источников взято около 60 офенизмов-грецизмов, многие из которых отмечены также в украинских и белорусских арго. Через полстолетие (в 1957 г.) проф. А. И. Попов снова коснулся слов греческого происхождения (в связи с анализом лексики жгонского арго Костромского края: *ёный* 'один', *троить* 'есть', *кемать* 'спать', *кремза* 'мясо', *карик* 'девица' и др.), подчеркнув, что все эти слова «в самых разнообразных формах присутствуют во всех условных языках РСФСР» [5].

К 1965 г. нам удалось примерно в 10 раз увеличить количество русского арготического материала (благодаря систематическому полевому обследованию сохранившихся арго, а также привлечению рукописных материалов из архивов Москвы, Ленинграда, Рязани, Ярославля и других городов [6]) и затем рассмотреть арготизмы греческого происхождения в специальной статье «Греческие элементы в условных языках русских торговцев и ремесленников» [7], где дается краткая история изучения грецизмов в русских арго, приводится фактический материал по арготизмам, восходящим к греческому источнику, рассматриваются ареалы распространения грецизмов, удельный вес слов греческого происхождения в вариантах («диалектах») арго, ставится вопрос о месте и путях заимствования греческих слов в русские арго, приводится перечень всех обследованных источников. К 1980 г. нами собраны дополнительные сведения по русским, а также белорусским и украинским арго, в которых, как и следовало ожидать, имеется материал и по арготизмам-грецизмам.

Белорусские арготизмы-грецизмы обратили на себя внимание С. П. Микуцкого [8], Ф. Ставровича [9], Е. Р. Романова [10], М. Фасмера [11], В. Д. Бондалетова [12], однако систематическому обследованию этот пласт слов не подвергнут, хотя необходимость в его изучении, особенно в связи с получением новых данных по белорусским арго, исключительно велика. Без белорусского материала

---

[5] *Попов А. И.* Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957, с. 104.

[6] *Бондалетов В. Д.* Условные языки. . ., с. 12.

[7] Этимологические исследования по русскому языку, вып. VII. М., 1972, с. 19—62 (далее — *Бондалетов В. Д.* Гр. эл.).

[8] *Микуцкий С. П.* Областные слова белорусских старцев. Материалы для сравнительного словаря. — ИОРЯС, 1854, т. II, тетрадь 3.

[9] *Ставрович Ф.* Лабори (Этнографический очерк). — В кн.: Виленский сборник, 1. Вильна, 1869.

[10] *Романов Е. Р.* Опыт словаря условных языков Белоруссии. С параллелями великорусскими, малорусскими и польскими. — В кн.: Белорусский сборник. Вильна, 1912.

[11] *Фасмер М.* Гр.-сл. эт.

[12] *Бондалетов В. Д.* Гр. эл.; *Он же.* Белорусско-украинские арготические изолексы. — В кн.: Беларуска-украінскія ізалексы. Мінск, 1971.

картина происхождения греческого элемента в восточнославянских арго окажется неполной.

Украинские арго начали изучаться позже, чем русские и белорусские. Первые записи арго украинских лирников (а также «невлей», «дедов», «жебраков») сделаны лишь в XIX в. — это словарики В. Иванова (1883 г.) [13], К. Студинского (Викторина) [14] — 1886 г., В. Боржковского (1889 г.) [15], В. Гнатюка (1896 г.) [16]. В начале XX в. к ним прибавились небольшие собрания А. Малинки (1903 г.) [17], П. Тиханова [18] и др., а в самое последнее время — в 60-70 годы — И. А. Дзендзелевского [19], А. С. Белой, В. Д. Бондалетова [20] и др. Грецизмы украинских арго были выявлены К. Студинским, М. Фасмером, В. В. Стартеном, И. А. Дзендзелевским и некоторыми другими исследователями. Наиболее полному разбору, правда, только по старым источникам, они подвергнуты О. Горбачем в статьях «Арго украïньских лірників» (Мюнхен, 1957), Lexikale und Wortbildungselemente des ukrainischen Argots (München, 1963), «Арго слобожанських сліпців («невлів») (Мюнхен, 1971). Новые записи украинских арго в плане систематического выявления источников арготической лексики пока не изучались.

Грецизмы польских арго («охвесницких» и «злодейских») указаны Ст. Гуркой (1901 г.), А. Куркой (1907 г.), Г. Улашиным (1915, 1951 гг.).

Уже первые исследователи арготической лексики заметили сходство восточнославянских (русских, украинских и белорусских), а также польских арго. Замечали, особенно М. Фасмер [21], В. Стратен [22], общность греческих слов в восточнославянских и польских арго. Однако систематическому анализу весь материал этих арго не подвергался: не приводился перечень всех слов греческого происхождения, не определялись ареалы распространения греческих лексем (корней, основ), степень насыщенности арго грецизмами, удельный вес общего для восточнославянских

---

[13] *Иванов В.* Невли. — Статистический листок, 1883, № 10.
[14] *Викторин К., Студинский К.* Дедовска (жебрацка) мова. — Зоря, (Львів), 1886, IV, ч. 13, 14.
[15] *Боржковский В.* Лирники. — Киевская старина, 1889, т. XXVI.
[16] *Гнатюк В.* Лирники. — Этнографічний сбірник, т. II. Львів, 1896.
[17] *Малинка А.* Кобзари и лирники. Чернигов, 1903.
[18] *Тиханов П.* Черниговские старцы (псалки и криптоглоссон). — Труды черниговской архивной комиссии за 1899—1900 г. Чернигов, 1900.
[19] *Дзендзелевский И. О.* Арго нововижвівських кожухарів на Волині. — Studia Slavica, 1977, XXIII.
[20] *Бондалетов В. Д.* Украинские арго в их отношении к арго других восточнославянских народов. — XIII республ. діалектол. нарада. Тези доп. Київ, 1969. — Фактический материал последних экспедиций А. С. Белой, В. Д. Бондалетова и др. не опубликован.
[21] *Фасмер.* Гр.-сл. эт.
[22] *Стратен В. В.* Арго и арготизмы. — В кн.: Труды комиссии по русскому языку, т. I, 1931.

арго фонда грецизмов, пути его происхождения. В лучшем случае авторы приводят отдельные сопоставления к рассматриваемому русскому (М. Фасмер и др.), украинскому (О. Горбач) и польскому материалу. Белорусские арготизмы не рассмотрены даже в такой мере.

Опираясь на опубликованные данные, а также на новые материалы, мы решили в данной статье сосредоточить внимание на лингвогеографическом аспекте слов греческого происхождения, в частности изучить состав и характер восточнославянских и западнославянских изоглосс грецизмов, надеясь тем самым приблизиться к решению проблемы более общей — генезиса славянских социальных диалектов. Объем публикации не позволяет привести весь фактический материал, подлежащий анализу и влияющий на формулируемые выводы. Главная задача настоящей статьи — дать общие сведения о зоне распространения слова-арготизма и, опираясь на всю совокупность рассмотренных изоглосс, определить основные пути формирования во многом сходной лексики, свойственной восточнославянским и западнославянским (польскому) арго. Подробные справки о греческих соответствиях (степени надежности этимологии, ее принадлежности тому или иному автору-предшественнику и др.) приводятся лишь в исключительных случаях. Для многих слов-арготизмов эти сведения можно найти в нашей прежней работе «Греческие элементы в условных языках русских торговцев и ремесленников» (см. прим. 7).

По широте представленности грецизмов в изучаемых языках все арготизмы греческого происхождения можно разделить на 4 основные группы.

1. Отмеченные в арго всех изучаемых языков (русском, украинском, белорусском, польском — в дальнейшем будем обозначать: рус., укр., блр., польск.).

2. Отмеченные в арго 3-х языков (здесь возможны 4 варианта-комбинации: 2.1. рус., укр., блр.; 2.2. рус., блр., польск.; 2.3. рус., укр., польск.; 2.4. блр., укр., польск.).

3. Отмеченные в арго 2-х языков (здесь теоретически возможно 6 вариантов-комбинаций: 3.1. рус. — блр.; 3.2. рус. — укр.; 3.3. рус. — польск.; 3.4. блр. —укр.; 3.5. блр. — польск.; 3.6. укр. — польск.).

4. Отмеченные в пределах одного из языков (здесь возможно 4 варианта): 4.1. только в русских арго; 4.2. только в белорусских арго; 4.3. только в украинских арго; 4.4. только в польских арго.

I. Грецизмы, отмеченные в арго всех изучаемых языков

Арготизмов, имеющих наиболее широкий ареал распространения (изоглосса захватывает 4 славянских языка!), — 39 лексем. Как правило, они представлены значительным числом производных слов и фонетико-морфологических вариантов. Не имея возможности дать исчерпывающий список слов на ту или иную рассматриваемую изоглоссу, мы тем не менее учитываем не только общий объем «гнезда», но и то, как широко распространены его производные в каждом из языков. Чаще всего (но далеко не всегда!) значительные (более длинные) ряды производных дает русский материал, что можно объяснить, очевидно, большим числом территориальных (и профессиональных) вариантов русского арго.

Однако у некоторых корневых лексем максимум производных и вариантов приходится на другие арго (белорусские, украинские, польские).

Перейдем к рассмотрению материала.

1. рус. *аласть*, блр. *галасть*, укр. *галуст*, польск. *sau̯ość* 'соль'; рус. *гáлостить*, блр. *галостить* 'солить'; рус. *ялýшный*, блр. *гáлосный* 'соленый', укр. *алюшник* 'сельдь'. Н.-греч. ἅλας, ἀλάτι 'соль'.

2. рус., блр., укр. *вóкса*, блр. *óксим*, укр. *вóксим*, польск. *oks* 'лес'; рус. *воксары* 'дрова', блр. *воксúмница* 'бревно', укр. *оксют* 'сад'. Н.-греч. ὀξία 'бук'.

3. рус., укр., блр. *гальмó* 'молоко'; рус. *гальмóшник* 'молочник'; блр. *галáмник* 'сыр'. Н.-греч. γάλα 'молоко'.

4. рус. *гиря́к* 'старик', 'старец', 'дед', 'отец', блр. *ярик* 'старик', *ерок* 'отец', польск. *i̯ary* 'старый', 'отец'; рус. *гирю́ха*, блр. *яруха*, укр. *йорýха* 'старуха', польск. *i̯uaruska* 'старуха', 'мать'. Греч. γέρος 'старик'.

5. рус., блр., укр. *дéкан*, польск. *dziakanos* 'десять'; рус. *дéканка* 'пятирублевка', блр. *дúканка* 'десять', 'десятка', укр. *дúканьшчик* 'урядник' (десятский), польск. *dziakonka* 'десятка'. Ср. греч. и н.-греч. δέκα 'десять'.

6. рус. *декáть*, блр. *дзикáть*, укр. *дикáты*, польск. *zakać* 'давать'. М. Фасмер возводил к греч. δείκνω, δεικνύω 'показывать', 'указывать'.

7. рус. *егурó*, блр., укр. *яврó*, польск. *i̯avro* 'яйцо'. Н.-греч. αὐγό 'яйцо'.

8. рус. *ен*, *еный*, *ёный*, укр. *јон*, *йоный* 'один', 'первый', польск. *i̯omny* 'один'. Др.-греч. εἷς, gen. ἕνος 'один', 'единый'. Н.-греч. ἕνας.

9. рус. *кáрец*, *каривóн*, *карибус*, блр. *карабóнька*, *карыбóна*, *карыга*, укр. *карабона*, *корыга*, польск. *karau̯na* 'девушка', 'девица' и др. Греч. κόρη 'девушка', 'дева', χαρίτσι 'девочка'.

10. рус. блр., укр. *кéрить*, польск. *k'ižyć* 'пить'; рус. *кéрный*, блр., укр. *кúрный*, польск. *kirny* 'пьяный', рус. *керó*, блр. *кéро* 'пиво', польск. *ki̯ra* 'водка'; рус., блр. *кéрник*, укр. *кырáка*

'пьяница', польск. *kiruśna* 'ресторан' и др. М. Фасмер возводил к греч. κερνῶ 'лить вино'.

11. рус., укр., блр. *кима́ть*, блр. *ке́мать*, укр. *кімати* 'спать', 'ночевать', польск. *k'îmać* 'спать'; рус. *ким* 'сон', *кимашник* 'постель', блр. *ки́мать*, *ки́мка* 'ночь', укр. *кима́ть*, *кимач*, польск. *kima* 'ночь'; рус. *кима́льница* 'кровать', блр. *паукимосць* 'север', 'полночь', польск. *kimaduo*, *kimka* 'постель'. Н.-греч. κοιμοῦμαι, κοιμᾶμαι, κοιμῶμαι 'сплю', ср. также κεῖμαι 'лежу'.

12. рус. *ки́рша*, блр., укр. *ке́рха*, польск. *k'erkut* 'свинья'; рус. *кире́й*, *киры́хино* 'сало', блр. *керхель* 'кабан', укр. *киршутина* 'солонина',. блр. *керхлёнок*, укр. *скерхвея* 'поросенок'. Н.-греч. χοίρος 'свинья'.

13. рус., блр. *клёво*, укр. *клево*, польск. *klavy* 'хорошо'; рус., блр. *клёвый*, укр. *клевый*, польск. *klavy* 'хороший'; рус., блр. *неклевый*, укр. *неклевий* 'плохой'; рус. *клевее*, блр. *клёве*, польск. *klafšy* 'лучше'. Н.-греч. καλά 'хорошо' *.

14. рус. *ко́сать* **, блр. *капса́ть*, укр. *копсати*, польск. *kopsać* 'бить'; рус. *ко́саться*, блр. *ко́псаться*, укр. *кохлыряться* 'драться'; рус. *ко́сальник* 'молоток', 'ружье' и др., блр. *копса́цель*, укр. *раскопса́нник* 'разбойник'; польск. *zakopsać* 'забить'. Греч. κόπτω 'бью'.

15. рус., блр., укр. *кре́со*, блр. *креа́со*, польск. *kryso* 'мясо'. Н.-греч. κρέας 'мясо'.

16. рус., блр., укр. *мана́тка*, *мона́тка*, польск. *mańiata* 'рубашка', 'сорочка'. Слово того же корня, что и *мантия*, греч. μαντύας. Слово встречается в просторечии (см.: Фасмер М. Гр.-сл. эт.).

17. рус. *мас* 'я', 'сам', 'человек', 'мужик', 'товарищ', 'друг', 'брат'; блр., укр. *мас* 'я'; блр. *масов* 'мой', *масовский* 'наш'; польск. *mansy*, *manus*, *mańki* 'я', *mancy*, *mance* 'мы'. Арготизм *мас* и др., а также, возможно, и польские формы восходят к греч. μᾶς, ἡμᾶς 'нас'; см.: *Бондалетов В. Д.* Гр. эл.

18. рус., блр. *ма́хор*, укр. *не́хер*, *махо́р*, польск. *maixer* 'нож'; блр. *махлы́чка* 'бритва', 'коса', 'серп'; *махли́чник* 'косарь', 'резак', *махо́рницы* 'ножницы' и др. Греч. μάχαιρα 'нож'.

19. рус., блр., укр. *ми́кро*, польск. *mikro* 'мало'; рус., блр., укр. *ми́крый*, укр. *мыкры*, польск. *mikry* 'малый', рус., блр. 'хлопец', 'мальчик', рус. *микрёнок* 'мальчик', 'поводырь', блр. *микре́ц* 'хлопец'; польск. *miksi* 'меньше'. Греч. (н.-греч.) μικρός 'малый', 'маленький'.

20. рус. *офе́ст* 'крест', *ахве́с* 'бог', блр. *ахвэс* 'Христос', 'икона', укр. *охве́с* 'образ', 'бог', *фез* 'бог', польск. *oxfest*, *oxfes* 'икона', 'образ', *oxfestnik* 'образник', 'торговец иконами'. Греч. θεός 'бог'.

---

* См. иначе М. Фасмер (*Фасмер* II, с. 245). — Прим. ред.

** По-другому об этом слове пишет М. Фасмер (*Фасмер* II, с. 345). — Прим. ред.

21. рус. *вомер*, *вондара* и под., блр. *охтынер*, *охтымра́*, *октымэра*, укр. *вохтымер*, *витимара*, польск. *oxtumera* 'восемь'. Н.-греч. ὀχτατήμερος 'восьмидневный'.

22. руск. *пёнда*, *пендер*, блр. *пента*, *пянж*, укр. *пяндж*, *пентза* (видимо, блр. и укр. *пянж* и под. не без цыганского влияния), польск. *péndra*, *píndra* 'пять'. Греч. πέντε 'пять'.

23. рус., блр., укр. *посо* 'много', рус. 'сильно', 'далеко', блр. 'сколько', 'слишком', укр. 'богато'; польск. *posy* 'очень', 'большой', *pośaxny* 'огромный'. Греч. πόσο, πόσα 'сколько'.

24. рус. *пнать*, блр., укр. *пнати*, польск. *pnaʻać* 'идти', *pnaʻka*, *knaʻka* 'нога' (В. Будзишевская). О. Горбач возводит (украинские примеры) к еврейскому источнику. Греч. πνέω, πνείω 'дуть', 'веять'.

25. рус. *псала*, рус., блр., укр. *псалка*, польск. *psuuka* 'рыба'. Из греч. ψάρι 'рыба'.

26. рус., блр. *псалить*, укр. *псалыты* 'петь', рус. 'петь духовные стихи', рус. *псалка* 'панихида'; блр. *псальник* 'дьякон', польск. *psulić* 'говорить', *psulofka* 'речь'. Греч. ψάλλω 'пою', 'славлю песнями', 'воспеваю'.

27. рус., блр., укр. *псул*, польск. *psuu* 'penis'. Греч. ψωλή 'penis'.

28. рус. *пулить*, блр. *упулить*, укр. *апулить*, польск. *opulić* 'купить', рус. *пропулить*, блр. *пропулять*, укр. *пропулять*, польск. *pšepulić* 'продать', 'продавать'; рус. *перепульщик*, блр. *пульщик*, польск. *opulač* 'купец'. Н.-греч. πουλῶ 'продаю'.

29. рус., блр. *севрать*, укр. *сиврати* 'знать', рус. 'понимать', 'учить', 'смотреть'; блр. *севра* 'мудрость', польск. *śivrać* 'понимать', *sivrany* 'мудрый'. Греч. ξεύρω 'понимаю', 'знаю' (подробнее см.: *Бондалетов В. Д.* Гр. эл.).

30. рус., блр., укр. *скил*, польск. *skeu* 'собака'; рус. *шкиль* 'замок', блр. *скильница* 'полиция' и др. Н.-греч. σκύλος, σκυλί 'собака'.

31. рус., блр., укр. *склаботать* 'работать', польск. *kuović* 'работать', 'ловить рыбу'; рус. *склавыга* 'слуга', блр. *склабота* 'работа', *склаута* 'дело', польск. *kuovana*, *kuovata* 'работа'. Греч. σκλάβος 'раб'.

32. рус. *стехать*, блр. *стычить*, укр. *сточити* 'стоять', польск. *styklać się* 'находиться', 'быть'. Греч. στέκω 'стою'.

33. рус., блр., укр. *суман* 'хлеб', рус., блр. 'тесто', рус. *сумашник* 'амбар', 'нищий', блр. *сумашница* 'квашня', укр. *сухмай* 'сухари', польск. *sumar*, *sumer* 'хлеб', *sumarnik* 'пекарь'. Н.-греч. ψωμί 'хлеб', ψωμάκι 'булочка'.

34. рус., блр., укр. *тробить* 'есть', рус., блр. 'кормить'; рус. *трой*, рус., блр. *тройка* 'еда', укр. *тройка*, *трійка* 'обед'; польск. *troʻić* 'есть', *truʻa* 'рот', *truʻofka* 'ложка'. Греч. τρῶγω 'ем', 'принимаю пищу'.

35. рус. *улеп*, блр. *липко* 'глаз', укр. *улепки* 'глаза', польск. *lipko*, *lypko* 'глаз', 'окно' и др.; рус. *улепать*, блр. *улепвать*, укр. *влипать*, польск. *l'ipovać* 'смотреть', 'глядеть'. Из греч. βλέπω 'гляжу'.

36. рус. *устрёка*, блр. *стpaкá*, укр. *вострóка*, *строка*, польск. *straga* 'дорога'. Н.-греч. στράτα 'дорога', 'путь'.

37. рус. *ухáлиться*, укр. *схáльтти* 'умереть', блр. *холéць* 'умирать', польск. *sxaleć* 'умереть', польск. *xalony* 'мертвый'. Греч. χαλῶ 'гибну', 'пропадаю'.

38. рус. *хéзать*, рус., блр. *хéзить*, укр. *хызати* 'испражняться'; рус. *хéзник*, блр. *хизня́к*, польск. *xyzńik* 'уборная'. Из греч. χέζω 'испражняюсь'.

39. рус. *хóйра*, *хорья*, блр. *хóро*, *хóра*, укр. *харо*, *хоро*, польск. *xora* 'село'. Н.-греч. χῶρος, χωρίο 'село', 'деревня'.

II. Грецизмы, отмеченные в арго трех языков

2.1. Грецизмы, встречающиеся в русских, белорусских и украинских арго.

В восточнославянских арго, помимо приведенных в первой группе 39 изолекс, находим еще 29 греческих лексем, объединяющих русские, белорусские и украинские арго в отличие от польских.

1. рус. *артимáс*, блр. *артимóн*, укр. *артемус*, *ахтимун* 'блин'; укр. *антимосы* 'сметана'. Греч. ἀρτυμή 'жирная пища'.

2. рус. *бéнить*, блр. *бэнить*, укр. *бенити* 'курить'. Греч. σβύνω 'тушу', 'гашу'.

3. рус., блр., укр. *варнáк*, укр. *арнак* 'петух', рус., блр., укр. *варнáтка* 'курица', блр. *барначиня́* 'цыпленок'. Греч. ὄρνιθα 'курица',

4. рус. *грахóн*, *грахýтка*, блр. *парахон*, *ракцiй*, укр. *рахiй*, *трухтей* 'дождь'. Греч. βροχή 'дождь'.

5. рус. *гремúда*, блр., укр. *морзýля* 'лук', укр. *крéмез*, *морзнúк* 'чеснок'. Греч. (н.-греч.) κρομμύδι 'лук'.

6. рус. *емéля*, рус., укр. *амéльяс*, блр. *омеля́с*, *мéлюс*, укр. *мелья́з* 'мед'; рус. *милья́сница* 'пчела'; укр. *омельясный* 'сладкий'; укр. *миля́снык* 'улей'. Из греч. (др.-греч. и н.-греч.) μέλι 'мед'.

7. рус. *éпéрить* 'брать', 'красть', блр. *заепэ́рить* 'взять', укр. *зяпéрыты*, *уяперыты* 'взять'. М. Фасмер в Гр.-сл. эт. приводил греч. ἐπαίρω 'беру', н.-греч. παίρνω 'беру'.

8. рус. *здю*, *здюга*, *здюмник* 'два', 'две', 'пара', блр. *ютный* 'второй', укр. *зютно* 'две', *дючéнних дукати* 'две копейки'. Греч. δυό, δύο 'два'.

9. рус. *зéтить* 'говорить', 'сказать', 'просить', 'кричать', 'требовать', 'читать', блр. *зéциць*, *зитать* 'просить', укр. *зэтать*, *зитáты* 'просить'. Н.-греч. ζητῶ 'прошу'.

10. рус. *кето*, блр., укр. *китó*, укр. *кiта* 'яйцо', укр. *китáрочка* 'курица'. О. Горбач (1957) сопоставляет с греч. κοιμάω 'лежу' (*кiта*, *кiты* первоначально 'яйца-подкладыши').

11. рус. *кетрус*, *кетря́й*, блр. *петрус*, *питрус*, укр. *пiтрус* 'камень'. Греч. πέτρα 'камень'.

12. рус., блр. *клим*, укр. *климач*, *климутник* 'вор'; рус., блр. *климать* 'воровать', 'красть', укр. *климута* 'воровство'. Греч. κλέπτης 'вор'.

13. рус., блр. *ковреей*, укр. *каврій* 'барин', 'пан', 'помещик', 'хозяин', рус. *каврыніша*, блр. *каврвйха*, укр. *коврійка* 'барыня', блр. 'чиновница'. Греч. κύριος 'господин', κύριε (при обращении).

14. рус. *костр*, *кострик*, блр. *кострык*, укр. *къспурник* (так!) 'город'. Греч. κάστρος 'крепость', 'город'. Подробнее см.: *Бондалетов В. Д.* Гр. эл.

15. рус. *кундяк*, *кундак* 'пирог', 'калач'; *кундёха*, *кундашница* 'пшеница'; блр. *кундій* 'булка', укр. пундій 'пирог'. Горбач счел возможным сопоставить с н.-греч. πουγγί 'кошелек'.

16. рус. *ласо* 'мало'; *ласенький* 'маленький', блр. *ласый* 'тонкий', укр. *люсый* 'хороший'. В основе *ласо* 'мало' и т. п., вероятно, греч. ἐλάχιστος 'меньший' (ср. ст. от ὀλίγος 'немногий', λίγο 'мало').

17. рус. *лыкус*, блр. *лыгус*, укр. *ликус* 'волк'; блр. *лыгачиха*, укр. *лиджиха* 'волчица'. Из греч. λύκος 'волк'.

18. рус., блр. *маница*, укр. *маныця* 'мать', рус. 'свекровь', 'мачеха', блр. 'теща'. Н.-греч. μάννα 'мать'.

19. рус. *мерух* 'месяц', *меруля*, *меруха* 'неделя', блр. *мируля* 'неделя', 'воскресенье', укр. *моргуля*, *мергуля* 'воскресенье'. Греч. μέρα, ἡμέρα 'день'.

20. рус. *оклюга* 'церковь', *оклюжница* 'колокольня', *клизиться* 'молиться', блр. *клиса*, *клюса* 'церковь', укр. *клюга*, *клюса* 'церковь', *клюсник* 'крест'. Н.-греч. ἐκκλησία, народная форма κλησία 'церковь'.

21. рус. *пленать*, *-ся*, блр. *пленить*, *-ся* 'мыть, мыться', укр. *плінчити* 'мыть', *пленчиться* 'купаться', 'мыться', рус., блр. *пленный*, укр. *плиный* 'белый'. Из греч. πλένω, πλύνω 'мою', πλένομαι 'моюсь'.

22. рус. *сабава* 'утро', блр. *сабатка*, *сабатюк*, укр. *сабатка* 'суббота'. Н.-греч. σάββατο 'суббота'.

23. рус. *сандал* 'сапог', рус. *шандалы*, блр., укр. *шандалы* 'лапти'. Греч. σανδάλιον, мн. σανδάλια 'сандалии'.

24. рус. *скитайла* 'кадь', блр. *скитла* 'чашка', 'тарелка', укр. *скитля* 'чашка', 'миска'. О. Горбач (1963) привел (к украинскому примеру) н.-греч. σκουτέλλι 'миска'.

25. рус. *тисера*, *тесур*, блр. *сэсар*, *цесаря*, укр. *тэсарь*, *сисара* 'четыре'. Греч. τέσσερα 'четыре'.

26. рус. *тряпез*, блр. *трапез*, укр. *трепез* 'стол', блр. *натрапезник* 'скатерть'. Н.-греч. τραπέζι 'стол'.

27. рус. *феденъ* 'парень', блр. *хведень* 'ребенок', укр. *хведня* 'ребенок', 'дитя', *хвыня* 'мальчик'. Н.-греч. παιδί 'ребенок'.

28. рус. *хирьга*, блр., укр. *хирка* 'рука'; рус. *нахиреэжницы*, блр. *нахвирницы*, укр. *махирницы* 'рукавицы'. Н.-греч. χέρι 'рука'.

29. рус. *ходара*, *ходарница*, блр. *ходырка*, укр. *ходарка*, *хвидёрка* и др. 'нога'. Греч. ποδάροι 'ноги', мн. от πόδι; арготизм освоен через контаминацию со словом *ходить*.

2.2. Русско-белорусско-польских арготизмов греческого происхождения не отмечено.

2. 3. Грецизмы, встречающиеся в русских, украинских и польских арго.

1. рус. *каплюжник* 'пьяница', укр. *капилья* 'корчма', 'шинок', 'трактир', польск. *kapela* 'корчма'. Греч. καπηλειόν 'трактир', 'корчма', κάπελας 'трактирщик'.

2. рус. *касул*, *касуль* 'рубль', укр. *косул* 'рубль', польск. *kośuta*, *kaćula* 'сто'. М. Фасмер в Гр.-сл. эт. арготизм *касул* связывал с греч. κασούλι 'платье'.

2.4. Грецизмы, встречающиеся в белорусских, украинских и польских арго.

1. блр., укр. *áндрус* 'брат', польск. *andrus* 'вор', блр. 'брат', 'товарищ'; блр., укр. *áндруска* 'сестра'; ср. также чеш. воровское *andrus* 'вор', болг. воровское *andre* 'криминальник'. Н.-греч. ἄνδρας, греч. ἀνδρός 'мужчина', 'муж'.

2. блр. *камёха*, блр., укр. *камýха*, укр. *камéха*, польск. *kańoųa*, *kańova* 'шапка'. Греч. καμιλάφκι, καπέλλο 'шапка'.

Русское арготическое *комлюха* и под. 'шапка' скорее всего восходит к общепольскому *kapelusz* 'шляпа', хотя отдельные варианты произношения, особенно в юго-западных арго, могли испытать воздействие и со стороны греческих по происхождению форм.

3. блр. *кумáт*, *кумáток* 'ломоть', укр. *кýматок*, *куматочек* 'кусок', польск. *kumat*, *kumet* 'большой кусок', *kumat kumataf* 'тысяча', *posy kumat* 'миллион'. Н.-греч. κομμάτι 'кусок', 'часть', κομματάκι 'кусочек'.

4. блр., укр. *пencamu*, польск. *grypśić*, *grypsovać*, *grypsolić* 'писать', блр. *репсáлка* 'книжка', блр. *репсáльник*, укр. *репсник* 'писарь', блр. *репсане* 'письмо', 'чтение', укр. *рéпсаня* 'книга', *pancamu* 'читать', польск. *gryps* 'письмо', 'документ', 'паспорт', *podgrypsovać* 'подписать'. Н.-греч. аористические формы от γράφω— ἔγραφσε, ἔγραψε.

5. блр. *тырень*, *тарáк*, *тырéй*, *отирéш*, укр. *тúрúнь*, *тырын* 'сыр', польск. *tyrok* 'сыр', 'творог'. Н.-греч. τυρί 'сыр'.

6. блр. *хвилять*, *-ся* 'целовать, -ся', укр. *халистáты*, польск. *filovać* 'целовать'. Ср. н.-греч. φιλῶ 'целовать', φιλιέμαι 'целоваться'.

III. Грецизмы, отмеченные в арго двух языков

3.1. Грецизмы встречающиеся в русских и белорусских арго. Сепаратные русско-белорусские связи представлены четырьмя изолексами.

1. рус. *аксиóсы*, *косиёсы* 'волосы'; сюда же относятся: *косей* 'поп', 'священник', *косúха* 'попадья', блр. *кисяёв* 'поп', *косей* 'священник'. Греч. ἄξιος 'достоин!' — слово, которое поется при посвящении в сан священника. Подробнее см.: *Бондалетов В. Д.* Гр. эл.

2. рус. *канáвка*, *кунáвка* 'конопля', блр. *канавка* 'пенька', 'конопля', *кунáвошница* 'пенька', *канáутник* 'олей', 'постное масло'. Н.-греч. καννάβι 'конопля'.

3. рус. *снóдить* 'идти', 'ходить', блр. *сноdить* 'ходить'. М. Фасмер (Гр.-сл. эт,) возводил этот арготизм к греч. σύνοδος 'синод'.

4. рус. *цапáть*, *цатáть*, блр. *сапать*, *сопиць*, *сóхциць* 'молчать'. Н.-греч. σιωπῶ σωπαίνω, 'молчу'.

3.2. Грецизмы, встречающиеся в русских и украинских арго. Среди слов греческого происхождения сепаратные русско-украинские связи представлены одной изолексой: рус. *еврáки*, укр. *ираки* 'брюки', рус. 'штаны', рус. *евраха* 'рубаха', *подъеврашник* 'юбка'. Н.-греч. βράκα, лат. *brācae* 'брюки', 'панталоны'.

3.3. Грецизмы, встречающиеся в русских и польских арго. Русско-польские сепаратные контакты представлены двумя грецизмами:

1. рус. *сак* 'нищий', *саки* 'нищие', польск. *sak* 'мешок'. Н.-греч. σακκί 'мешок'.

2. рус. *скры́ндик*, *скрындя́к* 'сундук', польск. *skirno* 'piwnica' М. Фасмер (Гр. сл. эт.) указывал в качестве соответствия греч. σκρίνα, σκρινίον. Подробнее см.: *Бондалетов В. Д.* Гр. эл.

3.4. Грецизмы, встречающиеся в белорусских и украинских арго.

Среди изоглосс третьей группы белорусско-украинские связи в сфере грецизмов наиболее активны.

1. блр. *áшпорка*, *я́шпорка*, укр. *яшкурница*, *яшнýрка* 'пшеница'; укр. *áшпурка* 'булка', 'булка пшеничная', 'кулич (пасха)', *яшпурка* 'булка'. Н.-греч. ἄσπρος 'белый'.

2. блр. *крым*, *крэм* 'грех', *крэ́мить* 'грешить', *крэ́мник* 'преступник', укр. *крим* 'грех', *кримúшний*, *кримоватый* 'грешный'. Н.-греч. κρῖμα 'грѣх'.

3. блр., укр. *кудóн* 'колокол', блр. *кудóмник*, *кудóр*, укр. *кудóвник* 'колокол'. Н.-греч. κώδων, κουδοῦνι 'звонок'.

4. блр. *курдзёмины* 'родины', *курдзёмиц*, *-ся*, 'родить, -ся', укр. *кирдимити* 'жить', *кирдимня* 'жизнь', *окырдéмывся* 'родился'. Возможно, из греч. καρδία 'сердце'. Ср. русские арготизмы: *курдюмый* 'злой', *курдюниться* 'сердиться'. Подробнее см.: *Бондалетов В. Д.* Гр. эл.

5. блр. *сипляга*, *сипяга*, укр. *сепля́га* 'свитка', блр. *сипля́жница* 'сукно' и под.; русское арготическое *сúпы* 'нитки', вероятно, иного происхождения. Горбач (1957) сближал с н.-греч. φοφάκι 'овечья шерсть', 'кожух'.

6. блр. *стáвер*, укр. *ставéр* 'крест', укр. 'Христос' и др. Н.-греч. σταυρός 'крест'.

7. блр. *хиря́не*, укр. *херане*, блр., укр. *хирани* 'люди', 'народ', блр. *фиренята* 'дети', *хвирья* 'семья', *хвиря́не* 'семейство', укр. *свирт* 'ребенок', укр. *пофирéситься* 'помириться'. Н.-греч. χωριάτης, χωρικός 'крестьянин'.

3.5. Белорусско-польских арготизмов, восходящих к греческому источнику, не зафиксировано.

3.6. Украинско-польских арготизмов, восходящих к греческому источнику, не обнаружено.

IV. Грецизмы, отмеченные в пределах одного из языков

4.1. Грецизмы, встретившиеся только в русских арго.

Грецизмы русских арго, в том числе и собственно русские арготизмы-грецизмы, имеют разное происхождение. Большая часть их получена непосредственно из греческого языка, меньшая — из общерусского. Поскольку русскому материалу посвящена специальная работа, здесь нет необходимости подробно останавливаться на всех деталях, связанных с характеристикой собственно русских греческих изоглосс. Ограничимся примерами-иллюстрациями и самыми сжатыми комментариями к ним.

1. *Але́й*, *олей*, *але́нь*, *олень*, *олюга*, *буле́й* и др. 'масло', *булейница* 'масленица' и др. Греч. ἔλαιον 'масло растительное'. Подробнее см.: *Бондалетов В. Д.* Гр. эл., с. 24.

2. *во́хра* 'кровь', *вохряной* 'кровяной'. Греч. ὤχρα 'желтая краска'. Слово попало в арго из общерусского. О путях его проникновения в русский язык (не в арго) см.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, т. I, с. 359.

3. *еписто́лия* 'книга', 'письмо'. Греч. ἐπιστολή 'письмо'. Арготизм возник, как и два предшествующих, на почве общерусского заимствования.

4. *кавка* 'водка', 'вино'. Ср. н.-греч. καυκί 'бокал' — см.: *Фасмер М.* Гр.-сл. эт.

5. *курдюмый* 'злой', *курдюниться* 'сердиться', 'злиться'. Возможно, от н.-греч. καρδία 'сердце'.

6. *ми́те́нь*, *ми́тель*, *мито́к*, *мите́с* 'нос'. Уже И. Потоцкий (1797 г.) верно указал греческое соответствие суздальскому *митес* — н.-греч. μύτη 'нос', мн. ч. μύτες.

7. *мона́шенка* 'блоха'. Греч. μοναχός 'монах'. См. Гр. эл.

8. *офе́ня* 'коробейник', 'разносчик', общее название торговцев-разносчиков, а также офеней-фабрикантов. Слово вошло в состав литературного языка, прилагательное — *офенский* (край), *офенская* (торговля). В статье «Греческие элементы. . .» нами рассмотрены все точки зрения на происхождение этого слова. Из собственно арготических однокоренных слов отметим *лифо́ня* 'офеня', полученное приемом механической зашифровки от широко известного *офеня*.

9. *па́рус* 'сукно'. Греч. φᾶρος. См. Гр. эл.

10. *руль*, *ру́льник*, *маруль* и др. 'нос'. Греческая этимология (γρύλλις, γρύλλιος 'свинья'), предложенная М. Фасмером, анализируется нами в Гр. эл.

11. *сара́нда* 'вино'. М. Фасмер приводил н.-греч. σαράντα 'сорок', но затруднялся «объяснить изменения значения» (см.: Гр.-сл. эт.).

12. *скаме́йка* 'лошадь'. Н.-греч. σκαμνί 'лавка', 'скамейка'. Подробнее (о возникновении арготизма) см.: *Бондалетов В. Д.* Гр. эл.

13. *фо́ка́, фо́шка* 'табак'. Пока принимаем, за неимением лучшей, этимологию М. Фасмера: φόκα 'горящий пепел'.

14. *хир* 'зверь', ср. также *хирмей* 'еврей'. Греч. θηρίο 'зверь'.

15. *хриза́га* 'нос'. В основе — др.-греч. ῥίς, ῥινός 'нос'. Обстоятельнее: *Бондалетов В. Д.* Гр. эл.

16. *хрима* 'обедня', 'служба', 'часовня', 'церковь'. Греч. χρῆμα.

17. *хру́нья́* 'свинья', *хрунда́к, хруня́к* 'боров'. Н.-греч. γουροῦνι 'свинья'.

4.2. Грецизмов, которые встретились бы только в белорусских арго, не выявлено.

4.3. Грецизмы, встретившиеся только в украинских арго.

1. *ма́глит* 'поляк'. О. Горбач (1957) сопоставил с н.-греч. μεγαλειότατος 'благородный', 'величавый'.

2. *птюха* 'хлеб'. Н.-греч. ψίχα 'хлебный мякиш'.

3. *стави́нчик* 'половинчик' (фляжка для водки). Горбач сопоставил с н.-греч. σταμνί.

4. *стеблю́к* 'ягода', *стеблю́шница* 'вишня'. Н.-греч. σταφυλή, σταφύλι 'гроздь винограда'.

5. *фератка, кверáтка* 'ложка'. Н.-греч. χουλιάρι 'ложка', χουλιαράκι 'ложечка'.

6. *хвiльный* 'зеленый'. Н.-греч. φύλλον 'лист'.

4.4. Грецизмы, встретившиеся только в польских арго.

1. *moįrex* 'страх', в воровском арго *mojra, mojruch* «в том же значении». Ср. н.-греч. μοῖρα.

2. *sikse* 'мёд'. Греч. σίκερα 'вино (фруктовое или хлебное)'.

Проведем некоторые статистические обобщения.

Общее число грецизмов, зафиксированных в исследуемых арго, — 115 лексем.

I группа включает в себя 39 лексем, т. е. более трети всех греческих корней.

II группа арготизмов, включающая 37 корневых слов, представлена очень неровно. 29 арготизмов свойственны всем восточнославянским языкам, 6 арготизмов объединяют белорусские, украинские и польские арго, 2 — русские, украинские и польские арго, не встретилось ни одного грецизма, общего для русских, белорусских и польских арго.

III группа, состоящая из 14 арготизмов-грецизмов, особенно отчетливо демонстрирует близость белорусских и украинских арго (7 сепаратных изолекс), а также русских и белорусских (4 сепаратные изолексы). Русско-польские связи представлены двумя сепаратными изоглоссами, а русско-украинские — одной.

Суммируя по отдельным языкам арготизмы-грецизмы, получаем следующую картину:

русские арго имеют общих грецизмов с белорусскими арго (39+29+4)=72; с украинскими (39+29+2+1)=71; с польскими (39+2+2)=43;

белорусские арго имеют общих грецизмов с русскими арго — 72; с украинскими (39+29+6+7)=81; с польскими (39+6)=45;

украинские арго имеют общих грецизмов с русскими арго — 71; с белорусскими (39+29+7+6)=81; с польскими (39+2+6)=47;

польские арго имеют общих грецизмов с русскими — 43, с белорусскими — 45, с украинскими — 47.

Наглядное представление о сказанном дает таблица.

Арго	рус.	блр.	укр.	польск.
рус.		72	71	43
блр.	72		81	45
укр.	71	81		47
польск.	43	45	47	

Следовательно, наибольшее число греческих изолекс связывает белорусские и украинские арго (81 лексема), затем идут связи русско-белорусские (72 общих грецизма), на третьем месте русско-украинские (71 изолекса). Связи между другими парами арго слабее: 43 изолексы между русскими и польскими арго, 45 — между белорусскими и польскими, 47 — между украинскими и польскими. По количеству грецизмов ближе друг к другу белорусские и украинские арго, дальше — русские и польские арго. Западнославянские (польские) арго ближе (и это вполне естественно) к украинским и белорусским арго.

Из общего восточно- и западнославянского фонда грецизмов (115 лексем) встретилось в русских арго — 94, или 81%, в белорусских — 85, более 73%, в украинских — 90, около 78%, в польских — 51, что составляет 44%. Итак, максимум грецизмов в русских, минимум в польских арго.

Отчетливо противопоставлены два арготических ареала: восточнославянский и западнославянский (польский). Для всех восточнославянских арго общих грецизмов 68 (39+29), что составляет 72% от общего числа русских арготизмов-грецизмов, около 80% белорусских и более 75% украинских грецизмов. Арготизмов, объединяющих польские условные языки со всеми восточнославянскими — 39 (при общем числе арготизмов-грецизмов в польском — 52). Фонд арготизмов-грецизмов в каждом из рассмотренных языков состоит на 3/4 (точнее — от 72% до 80%) из лексем, объединяющих данное арго с арго другого (или других) языков.

Во многом единый фонд грецизмов восточнославянских и польских арго мог возникнуть тремя основными путями:

1. общность грецизмов — от генетической общности русских, белорусских, украинских, а также польских арго;

2. общность грецизмов (как и других слов-арготизмов) — результат активных контактов между носителями арго;

3. общность грецизмов — следствие самостоятельного заимствования русскими, белорусскими, украинскими и польскими

арго из одного источника — из греческого языка (обычно заимствуются наиболее «нужные» слова — обозначения хлеба, соли, молока, мяса, рыбы и под.). О возможности самостоятельного приобретения каждым арго слов-варваризмов свидетельствует, в частности, и наличие «своих» грецизмов в русских (*кавка, курдюмый* и др.), украинских (*маглит, птюха*) и польских (*mo̯irex, sikse*) арго.

Есть основания допустить, что наши арго воспользовались всеми тремя путями-источниками для формирования своих словарей. Однако третий путь, судя по всему, был малорезультативный. Вряд ли только таким образом можно было создать столь значительную общность грецизмов. Остаются два других пути — первый и второй.

Подвижность носителей арго (торговцев, ремесленников-отходников, старцев-нищих, лирников-певцов и др.), их частые встречи, естественно, приводили к взаимообмену арготической лексикой. Именно таким контактам обязаны своим возникновением изолексы территориально смежных регионов. Так, западнорусские варианты арго (смоленские, брянские, калужские) обнаруживают больше общности с белорусскими и украинскими арго, чем, например, восточнорусские (северные, поволжские и др.) арго. Контакты могли породить и общность арготизмов-грецизмов.

Однако одни контакты, даже длительные и систематические, не могли бы сформировать поразительно сходный репертуар грецизмов. Скорее всего его общность является врожденной, т. е. приобретена в основном в период возникновения родственных арго. Применительно к восточнославянским условным языкам допустимо предположение об общем и в принципе одновременном возникновении наиболее древних вариантов условного языка — офенского, любецкого, либейского и др. Что касается польского арго, то, как подтверждают историко-этнографические и лингвистические данные, оно формировалось под влиянием восточнославянских арго. О том, что польское арго родственно «русскому» арго, свидетельствует не только сходный греческий пласт слов, но и другие арготизмы (славянского, финноугорского, тюркского и иного происхождения): *brutko* 'дерево', *dulec* 'папироса', *xaza* 'дом' и множество других. Сходны сравниваемые арго и в способах затаения общенародных слов (путем метафоризации, механической зашифровки и под.). Наконец, в польских арго немало слов русского происхождения (например, польск. *koleso* — рус. *колесо*, польск. *draka* — рус. *драка*, польск. *stany* — рус. *штаны*, польск. *szaraj* — рус. *сарай*, польск. *saxer* — рус. *сахар* и др.). Разумеется, и в русских (а также украинских и белорусских) арго есть польские заимствования (в русских арго: *бухар* 'стакан', *дéвент* 'девять', *дюкáта* 'копейка', *рýхло* 'скоро' и др.), но их меньше. Следовательно, более сильным направлением движения как арготизмов, так и общенародных слов было «от русского (восточнославянского) к польскому». Итак, не отрицая других источников и путей образования общего фонда грециз-

мов, основной причиной этой общности для анализируемых арго следует признать генетическое тождество, т. е. общность происхождения самих арго.

В специальной литературе находим различные мнения о путях, месте и времени заимствования греческих слов славянскими арго. Наиболее значительны расхождения в определении времени получения основной массы арготизмов в русские (восточнославянские) арго. Нами высказано мнение, что возникновение условной речи у восточных славян можно отнести к XIV—XV векам, поскольку в этот период Северо-Восточная Русь становится центром активных сношений с иностранными государствами, в том числе и с Византией. О. Горбач (1971) и другие отодвигают время греческих включений в русские арго (см. Горбач, 1971, с. 140) на два столетия позже. Думается, что есть необходимость четче различать вопросы о времени возникновения основного фонда грецизмов и времени их широкого распространения в составе арго на других территориях. Наиболее благоприятным периодом возникновения офенского языка («суздальского наречия») и его ближайших украинских и белорусских родственных арго был период XIV—XV вв. В это время могли быть получены основные грецизмы восточнославянских арго. Распространение раннего фонда грецизмов (как и других арготизмов) на новые арго (в том числе и польские) могло произойти в более поздние века.

Дальнейшее, более тщательное, исследование арготических изолекс в синхронном и диахроническом аспектах поможет решить вопросы, связанные с проблемой происхождения и контактирования социальных диалектов славянских языков.

В. И. Дегтярев

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТИПА ИМЕН СОБИРАТЕЛЬНЫХ НА -*AD* В СЕРБОХОРВАТСКОМ И СЛОВЕНСКОМ ЯЗЫКАХ

Актуальным направлением современной этимологии как отрасли сравнительно-исторического языкознания является этимологизация грамматических форм и словообразовательных типов. Задачи, выдвигаемые этим направлением, естественно побуждают исследователя к поискам такой методики этимологического анализа, которая была бы максимально приближена к свойствам исследуемых объектов, учитывала бы специфику грамматического абстрагирования, в частности, системно обусловленный, обобщенный и универсальный характер грамматических категорий, отличающий грамматические значения от лексических.

Наблюдения над диахроническими процессами в грамматике позволяют заключить, что образование новых грамматических

форм основывается на внутренних, системно-структурных связях (парадигматических отношениях) и в определенных конкретных случаях может быть результатом заполнения «пустующей клетки» — когда сложившаяся грамматическая функция находит в наличных средствах языка адекватное формальное выражение на основе существующей системы. На этом принципе может быть построена методика этимологического анализа грамматических форм. Применив правило заполнения «пустующей клетки» как механизма образования грамматической формы, попытаемся объяснить происхождение типа имен собирательных ж. р. на *-ad*, продуктивного в современном сербохорватском языке в функции формы мн. ч. от имен ср. р. на *-е* типа *ждрȇбе* 'жеребенок', род. п. *ждрȅбета — ждрȅба̄д* 'жеребята', *ја̏гње* 'ягненок', род. п. *-ета — ја̏гња̄д* 'ягнята', *ја̏ре* 'козленок', *-ета — ја̏ра̄д* 'козлята', *зе̏че* 'зайчонок', *-ета — зе̏ча̄д* 'зайчата', *ко̏зле* 'козленок', *-ета — ко̏зла̄д* 'козлята', *ла̀не* 'молодая серна, козочка, олененок', *-ета — ла̏на̄д* 'молодые серны, оленята', *па̀шче* 'щенок', *-ета — па̏шча̄д* 'щенята', *пи̏ле* 'цыпленок', *-ета — пи̏ла̄д* 'цыплята' и т. п. Имена собирательные на *-ad* употребляются также и в словенском языке, например: *jagnjad* 'ягнята' (*jagnje* 'ягненок'), *kurjad* 'домашняя птица' (*kure*), *otročad* 'детвора' (*otroče*), *perjad* 'птица', *prasad* 'поросята' (*prase*), *srnjad* 'детеныши серны, косули' (*srne*), *vnučad* 'внуки' (*vnuče*) и т. п., хотя в словенском языке они менее активны, чем в сербохорватском.

Производящими основами этого типа служат главным образом имена существительные, обозначающие молодые или мелкие живые существа — молодежь, детей, подростков, обобщенно характеризуемых по определенному признаку, качеству, состоянию, отношению, принадлежности, например с.-хорв. этнические имена собирательные: *а̀рапча̄д* 'молодые арабы' (*а̀рапче* 'молодой араб'), *гр̏ча̄д* 'молодые греки' (*гр̏че* 'молодой грек, ребенок'), *ла̀тинча̄д* 'молодые итальянцы' (*лати́нче* 'ребенок итальянец'), *ту̏ра̄д* 'молодые турки' (*ту̏ре* 'молодой турок') и т. п., ср. также *дѐво̄јча̄д* 'девчата' (*дѐво̄јче* 'девочка'), *мо̏мча̄д* 'ребята, парни' (*мо̀мче* 'мальчик'), *па̀стирча̄д* 'пастушки' (*пасти́рче* 'пастушок') и т. п.; молодых животных, детенышей (типичные примеры указаны выше); растения, например: *бу̏ја̄д* 'род папоротника', *па̏пра̄д* 'папоротниковые'; предметы, например: *бу̏ра̄д* 'бочки' (*бу̏ре*, *-ета* 'бочка'), *др̏вља̄д* 'дрова, поленья', *па̏рча̄д* 'куски, осколки, черепки' (*па́рче*, па̀рчета 'кусок, осколок') и т. п. На втором месте, значительно уступая по численности, стоят образования от основ прилагательных в субстантивных значениях, например: *ди̏вља̄д* 'дикие растения', *жи̏ва̄д* 'живность', в том же значении — собир. *живи̏на* и *жи́веж*, *ју̏на̄д* 'молодняк рогатого скота' (*ју́не*, *-ета* 'телушка или бычок', словен. (в обобщающе-собирательном смысле) *divjad*, *drobnjad*, *junad*, *kislad*, *starad*, *suchljad*, *zelenjad* и т. п. Реже собирательные на *-ad* образуются от основ глаголов, числительных, местоимений. Широкий словообразовательный диапазон этого типа отражает обобщенно-качественный характер собирательных

значений, собирательной множественности как общего типа предметно-логического содержания класса однородных образований.

Из статистической таблицы, которую приводит В. Франчич в своем описании словообразования имен собирательных в современном сербохорватском языке[1], следует, что основная масса существительных этого типа идет от субстантивных основ на *-e*, т. е. связана с деминутивами на **-ęt-*. Очевидно, эта связь является исконной и определяет природу этого типа.

Материальная близость современного суф. *-ad* праславянскому **-jadь*, представленному в общеславянском собир. **čeljadь* 'семейная задруга' ~ 'семья (исключая родителей, главу семьи), дети, дворовые, домочадцы, прислуга, работники' (ст.-слав. чєлѩдь θεραπεία familia, др.-рус. *челядь* 'рабы, слуги, домочадцы', ст.-серб. чєлѩдь, совр. *чѐља̄д* 'челядь, домочадцы, люди (слуги, работники)', словен. *čeljad* то же, болг. *челяд* 'дети, потомство', 'семья, домочадцы', 'семейная задруга' (ист.), макед. *челад* 'дети' (обычно о своих) и собир. *челадиjа* то же, чеш. *čeleď* 'прислуга, дворня, люди', зоол. 'род', бот. 'семейство', словац. *čel'ad'* то же, польск. *czeladź* 'слуги, домочадцы', 'работники', 'подмастерья и ученики у мастера', в.-луж. *čeledź* 'прислуга, челядь', н.-луж. *celaź* то же), не вызывает сомнения. Очевидно, по крайней мере для современного языкового сознания, тождество типа *-ad* в совр. с.-хорв. *чѐља̄д*, словен. *čeljad*, с одной стороны, и в приведенных именах собирательных, — с другой. Фактом, указывающим на парадигматическое единство типа, является наличие у собир. *чѐља̄д* корреляции с формой единичности *че̏ља́де*, *-ета* 'человеческое существо — лицо, член семьи'. Следовательно, собир. *чѐља̄д* вместе с остальными именами собирательными на *-ad* образует единый парадигматический класс имен существительных.

Но значит ли это, что сербохорватско-словенский тип на *-ad* является праславянским наследием? Такой вопрос вполне уместен, так как ни одному другому славянскому языку, кроме сербохорватского и словенского, современный суффикс собирательности *-ad* не известен. Что же касается собир. *челядь*, то оно относится к одному из древнейших типов собирательности праславянского языка и образовано от индоевропейской основы **q̑uel-* 'племя'[2], самостоятельно не употреблявшейся уже в праславянский период, но отраженной в производных *колѣно* «поколение, потомство, род» и *чловѣкъ*, др.-рус. *человѣкъ* < **čelověkъ* (сложение из **čel-* и **věkъ*, вторая часть этимологически менее ясна, наиболее вероятным кажется сближение с лит. *vaĩkas* 'дитя', жемайт. *vaĩkis* 'слуга, работник, батрак', отсюда возможное первоначальное значение 'член племени', 'принадлежащий семейной задруге', 'челядин'). Еще в праславянский период собир. **čeljadь* утратило характер

---

[1] См.: *Frančić V.* Budowa słowotwórcza serbskochorwackich kolektywów. Kraków, 1961, с. 24.

[2] Обобщающие данные об этимологии слова *чѐља̄д* и библиографию см.: *Skok* I, с. 305—306.

морфологической производности вследствие забвения производящей основы и непродуктивности суффикса *-ядь*. Во всех славянских языках это слово стоит особняком от других имен собирательных, представляя собой давно утраченный словообразовательный тип праславянской категории собирательности. Не только в современных, но и в древних славянских языках, можно назвать лишь единичные имена собирательные с суф. *-ядь*, напр., рус. *рухлядь* (от основы *рухл-*, ср. др.-рус. *рухло* 'движимое' (имущество), польск. *ruchliwy* 'подвижной', *ruch* 'движение'). Этимологически суффикс собирательности *-ядь* сближается с обобщающе-качественным суффиксом *-ядь* в таких отадъективных именах существительных, как рус. *мокрядь*, *пестрядь*, *чернядь* и под. Отвлеченные существительные этого типа, тоже редкие, есть в сербохорватском и словенском языках, например, с.-хорв. *дѝвљача̄д* 'дикость', словен. *gnilad* 'гниль, гнилье' (ср. рус. *гнилядь*), также обобщенно-собир. *zrelad* 'зрелое', *živad* 'скот' и т. п. Такое сближение допустимо, если принять во внимание то, что древнейшие суффиксы, специализированные в словообразовательной функции собирательности, первоначально характеризовались синкретизмом значений и совмещали идею качества, свойства, отношения, принадлежности или места с представлением о лицах или предметах, объединенных указанными признаками. Ср., например, суф. *-ин-а*, исконно выражавший общее значение отношения, принадлежности, причастности к чему-либо, но вместе с тем и отдельности, выделенности из целого. На основе этого общего, синкретичного значения как результат разрешения диалектического противоречия в семантике (отнесенность к целому и отделенность от него) развились конкретные и более частные значения: 1) из значения причастности, принадлежности и отнесенности — значения собирательности, например собир. *дружина* 'товарищи, спутники', и вещественности, например: *говядина*, *баранина*, *свинина*, ср. лат. *agnina* (caro) 'ягнятина' (*agnus* 'ягненок'), *arietina* (caro) 'козлятина', *ovina* (caro) 'баранина' (*ovis* 'овца') и т. п.; 2) из значения выделенности и отдельности развились значения единичности, например: *соломина*, *тернина*, аугментативности, например: *домина*, в сказах Бажова: *малахитина* 'монолит малахита', и на этой основе — значение пейоративности. Не менее убедительно этот процесс иллюстрируется более поздним типом вещественно-собирательных существительных на *-ник* (*-няк*) в русском языке. Праславянский суффикс **ьn-ikъ*, соединивший суффикс относительных прилагательных *-ьн-* и суффикс уменьшительности *-икъ*, выражал локально-собирательные значения типа 'место, поросшее растениями определенной породы, названной производящей основой', например, ст.-слав. и др.-рус. травьникъ 'луг', *цвѣтьникъ*, др.-рус. *хмѣльникъ* и т. п. В современных славянских языках это значение сохранилось, например, рус. *березник* — *березники*, *ельник* — *ельники*. Формы мн. ч. связаны с выражением локальности. Но особенность этого типа в русском языке состоит в том, что он развил наряду с указанным еще и вещественно-собирательное зна-

чение 'лес как поделочный материал', 'порода леса', 'дрова', например: *наломать ельнику*, *заготовить дубнику*, *нарубить березнику*. По данным диалектных словарей, этот тип весьма продуктивен в народной терминологии крестьянских промыслов.

Суффиксальный элемент *-d-*, опорный в суффиксе *-ядь*, этимологически вычленим и в некоторых других, праславянских по происхождению именах существительных, например в локально-собир. *стадо* (от корня **sta-*, ср. глагол *стати*), в слове **govędo*, которое, как можно предположить, обобщало значения единичности 'бык, корова' и собирательности 'стадо крупного рогатого скота', 'рогатый скот'; др.-рус. *говѧдо* 'бык', мн. ч. *говѧда* 'рогатый скот' и 'стадо крупного рогатого скота', болг. *говедо*, с.-хорв. *го̏ведо* 'голова крупного рогатого скота (корова, бык, буйвол)', мн. ч. *го̏веда* 'крупный рогатый скот', словен. *govedo* 'крупный рогатый скот', макед *говедо* то же, ср. лит. *gõvėda* 'стадо, толпа, стая' [3]. Первоначальная основа слова отчетливо сохранилась в тадж. *гов* 'корова, бык', ср. также др.-инд. *gāúṣ*, лтш. *gùovs* 'крупный рогатый скот' и др. Вероятно, и собир. *господа*, образованное, как предполагается, из **g(h)ostis* 'гость' и **potis* 'хозяин', ср. др.-инд. *pátis* 'господин, муж', греч. *πόσις* 'супруг', лат. *potis* 'могущий', лит. *pats* 'сам, супруг', лтш. *pats* то же, оформлено локально-собирательным суффиксом **-d-a*. Как можно судить на основе сравнительных данных, в этом слове первоначально совмещалось несколько значений: 1) локально-предметное 'кров, приют, дом хозяина'; 2) личное 'хозяин, господин' (приютивший гостей); 3) собир. 'господа, хозяева', хотя уже в старший письменный период эти значения дифференцированы. Ср. ст.-слав. господа 'кров, приют, гостиница', др.-рус. *господа* собир. 'господа', но также и 'господство, власть, гостеприимство', 'дом, кров', с.-хорв. *господа* собир. 'господа', словен. *gospoda* то же, ст.-чеш. *hospoda* 'хозяйский дом, приют, кров, корчма' и 'пан, господин', ст.-польск. *gospoda* 'кров, дом, подворье', ср. венг. *gazda*, заимствованное из южнославянского *gospoda* 'хозяин дома', 'зажиточный крестьянин'. Все это дает основание предположить, что суф. **-jadь* является одной из модификаций древнейшего праславянского суффикса собирательности с исконным локально-собирательным значением.

По-видимому, слав. **čeljadь* в старший праславянский период выражало идею общего числа, совмещая значения собирательной множественности и единичности. Об этом могут свидетельствовать венг. *család* 'семья' и *cseléd* 'семья', а также 'член семьи, слуга, работник, батрак' — варианты заимствованного у южных славян *čeljad*. С. Линде в словарной статье *czeladź* среди соответствий польскому в других славянских языках приводит хорв. собир. *chelyád*

[3] Это согласуется с определением О. Н. Трубачева: «. . .слав. **govędo* совмещало в себе значения общего названия без различия пола (архаическое) и собирательного». — *Трубачев О. Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, с. 37.

и указывает два значения этого слова: 'семья' и 'лицо' (persona). Здесь же названо дубровницкое *cegljad* в значениях persona, gens, natio [4]. Показательно также, что уже в древних памятниках письменности славянских языков это слово употребляется и во мн. ч., выражающем идею расчленяющей, раздельной множественности, например, др.-рус. О *челѧдѣхъ*: аже *челѧдинъ* съкрыѥтьсѧ... Рус. Прав. Яр. по Син. сп. [5], или подчеркнутой множественности, например, ст.-чеш. wzmodle ſye gemu wſieczky *czeledy* ludſke [6]. Образование мн. ч. возможно при соотносительности слова в ед. ч. с единичным денотатом.

Специальное исследование убеждает, что славянский материал дает возможность представить развитие грамматической категории числа, образуемой парадигмами форм ед. и мн. ч., от первоначального синкретичного понятия общего числа, которое выражалось не грамматическим, а лексическим, словообразовательным способом. Праязыковое значение общего числа можно предположить в ряде древнейших славянских типов имен собирательных, например в образованиях на *-ь* (< **-ĭ-*) типа **l'udь* 'люди' и 'человек', **dětь* 'дети' и 'дитя', ср. ст.-серб. собир. *дѣть* и чеш. морав. *dět'* 'дитя' [7]. Деминутивы типа ст.-слав. дѣтишть или дѣтѧ являются относительно поздними, хотя и праславянскими образованиями. Значение общего числа выражало слав. *дружина* 'товарищ', 'спутник' и 'товарищи, спутники', др.-рус. 'дружина князя'. В первом значении это слово менее известно, например, др.-рус.: Имѣꙗ подъ собою *дроужинъ*. л҃., с ними же разбои творяше. Прол. XIII в. 165 [8].

Дифференциация значений в процессе абстрагирования количественных представлений вызвала образование специальной сингулятивной формы: ст.-слав. и др.-рус. челꙗдинъ, ст.-серб. *челꙗдинь*, чак. *чеjадӣн*, ст.-чеш. *čeledín*, ст.-польск. *czeladzin* и т. п.

Возвращаясь вновь к поставленному ранее вопросу, приходится констатировать, что материальное тождество само по себе не объясняет действительной связи современного суффикса *-ad* с праславянским **-jadь*. Неясно прежде всего, можно ли считать эту связь генетической, означает ли тождество общность происхождения. А. Белич отрицал влияние собир. *чѐља̄д* на формирование типа собирательности *-ад* в сербохорватском языке ввиду его этимологической неясности и словообразовательной непрозрачности [9]. Ученые, утверждающие связь этих типов, никаких иных аргументов, кроме материальной общности, не называют. В целом вопрос остается нерешенным.

---

[4] *Linde* I, с. 362.
[5] *Срезневский* III, стб. 1496.
[6] Žaltář Wittenberský. K tisku připravil Dr. Jan Gebauer. V Praze, 1880, XXI, 28, l. 31b.
[7] *Bartoš* I, с. 56.
[8] *Срезневский* I, стб. 731.
[9] *Белић Ал.* Савремени српскохрватски књижевни језик, II део. Београд, 1950, с. 38.

Сербохорватско-словенский тип собирательности на *-ad* характеризуется рядом примечательных особенностей. Несомненно природу этого типа определяет соотнесенность с деминутивными формами на *-e* (< *-ę* < **-ent-*). В других славянских языках ему соответствуют формы мн. ч. на **-enta*: ст.-слав. жрѣбѧта, осьлѧта, телѧта, рус. *гусята*, *утята*, *ребята*, болг. *агнета*, *пилета*, *телета*, *прасета* (но наряду с ними также и формы мн. ч. от другой основы: *пилци*, *телци*, *агънци*, *прасци*), чеш. *kot'ata*, *vnoučata*, *telata*, *zvířata*, польск. *gąsięta*, *jagnięta*, *koźlęta*, *kurczęta*, *pisklęta*, *cielęta*. Хотя это формы мн. ч., они также исконно выражали собирательные понятия и характеризовались синтагматическими признаками имен собирательных — сочетаемостью с собирательными формами числительных в счетно-количественных значениях. Ср. *трое козлят*, но *три козленка*. То же свойство исконно отличает и собирательные ед. ч., например с.-хорв. *троје чељади*.

Собирательные существительные на *-ad* в современных сербохорватском и словенском языках выступают в роли выразителей множественности и, следовательно, непосредственно включены в грамматическую парадигму категории числа. У существительных *дéте*, *пи̏ле*, *jа̏гње*, *тѐле*, *ждрêбе* и др., — пишет М. Стеванович, — нет правильных форм мн. ч., в качестве мн. ч. к ним употребляются имена собирательные на *-а* и *-ад*: *дѐца*, *пи̏ла̄д*, *jа̏гња̄д* или формы мн. ч. муж. р. *пи̏лићи*, *jа̏га̄њци*, *тѐоци* и т. д.[10] В соответствии с указанной функцией имена собирательные на *-ад* в ряде говоров сербохорватского языка в дат., твор., и местн., а иногда также и в род. падежах принимают окончания форм мн. ч. и употребляются, таким образом, в ед. и во мн. ч. Ср., например: мн. ч. дат. п. *к својим јагњадима*, твор. п. *са својим јагњадима*, местн. п. *о својим јагњадима* и ед. ч.: *к својој јагњади*, *са својом јагњади*, *о својој јагњади*. А. Пецо, обобщивший диалектологические данные по штокавскому наречию, отмечает, что формы мн. ч. распространены большей частью в восточной и южной Черногории, а в поцерском и восточногерцеговинском говорах приняты также формы мн. ч. и в род. п. (наряду с формами ед. ч.), например поцерские *теля́дӣ*, *ждреба́дӣ*, восточногерцеговинские *jа̏ра̄дӣ*, *тѐла̄дӣ* и т. п.[11] Очевидно, что корреляция формы на *-е* в значении единичности и формы на *-ad* в значении собирательной множественности, составивших парадигматический ряд форм числа, вместе с указанной функцией этих имен собирательных способствовала распространению собирательного форманта *-ад* среди неодушевленных основ на *-е*, например: *бу̏ре* 'бочка' — *бу̏ра̄д*, *па́рче* 'осколок, черепок' — *па̏рча̄д*, *у̏же* 'веревка, канат' — *у̏жа̄д* и т. п. Это свидетельствует об

---

[10] *Стевановић М.* Савремени српскохрватски језик, I. Београд, 1970, с. 228.
[11] *Пецо А.* Облици колективних именица на *-ad*. — Наш језик, Нова серија (Београд), 1956, кн. VII. св. 7—10, с. 236—237.

универсализации типа собирательности в формально-грамматической функции форм мн. ч.

Важным аспектом проблемы является хронологизация образований на *-ад*. Все они позднего образования — в основном XVII—XVIII вв. Только единичные, например. *га̏ма̄д* 'пресмыкающиеся, гады', 'вредные насекомые, паразиты' (ср. глагол *га̀мзити* 'ползать'), отмечены в письменности XVI в. Фактически нет оснований относить формирование этого типа к более раннему времени. В XVI в. образуется сингулятив *чељáде*, род. п. *чељáдета*, ср. р., 'член семьи'[12], по отношению к которому собир. *че̏ља̄д* является формой мн. ч. Образцом для этого новообразования послужил деминутивный сингулятив *дéте*, род. п. *дѐтета* 'дитя', соотносительный с именем собирательным *дѐца* (из уменьш. собир. *дѣтьца*) в функции мн. ч. 'дети'. Ср. также уменьш. *чељáца* (< **čeljadьca*). Показательно, что основная масса имен собирательных на *-ад* связана с выражением понятия 'молодые живые существа'. Это составляет семантическое основание для аналогии. В праславянском языке, а затем и в период самостоятельного развития древних славянских языков имена собирательные функционировали как формы выражения мн. ч., восполняя тем самым недостаток в формализованных средствах. Особенность сербохорватского и словенского языков состоит в том, что эта функция имен собирательных сохранилась и в настоящее время наряду с развитой системой грамматических форм числа. С реализацией этой функции и связано развитие типа имен собирательных на *-ад*. Итак, формирование данного типа собирательности объясняется системно-структурными (парадигматическими) и семантическими связями, в которые включались, с одной стороны, собир. *че̏ља̄д*, получившее значение 'семья, дети', и образованный от него сингулятивный коррелят ед. ч. *чељáде*, а, с другой стороны, деминутивные формы на *-е* типа *дéте*, *пи̏ле*, *пра̂се*, *тѐле* и т. п. (тот же тип, что и *чељáде*), которые, как уже отмечено, не имели своей, морфологически правильной формы мн. ч. Парадигматическое отношение *че̏љад* — *чељáде* стало образцом для формирования нового ряда имен собирательных с функцией форм мн. ч. и находится у его основания. По аналогии к этой паре имена существительные на *-е* типа *ја̏гње*, *пи̏ле*, *тѐле* и т. п. образовали формы на *-ад*: *ја̏гњад*, *пи̏ла̄д*, *тѐла̄д*, тогда как формы мн. ч. муж. р. типа *ја̏га̄њци*, *тѐоци*, *пра̏сци* и т. п. в словообразовательном и формально-грамматическом отношении соотносительны с иными формами ед. ч.: *ја̏гањац*, *тéлац*, *пра́сац* и т. п. Парадигматические связи оказываются, таким образом, структурным фактором, регулирующим формообразование. Итак, тип собирательности *-ад* при генетической связи его с морфологической моделью, отраженной в праславянском собир. **čeljadь*, может быть определен как сербохорватско-словенское новообразование, сформи-

[12] См.: RJA I, с. 931.

ровавшееся в результате оживления, возрождения в системах данных языков древнейшего славянского суффикса собирательности *-jadь вследствие включения собирательных форм этого типа в парадигму числа на основе функции выражения множественности.

В. А. Меркулова

РУССКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. V

осетоватъся

В картотеке Печорского областного словаря имеется очень интересное слово *осе́товаться* 'поселиться'. Слово не отмечается в русских диалектных словарях и картотеках, нет сведений о таком слове и в этимологической литературе.

Если мы рассмотрим структуру глагола, то перед нами отыменное образование. В основе его должно лежать имя **осет* или **осеть* 'поселение'. Возможность того, что в основе лежит существительное женского рода, подтверждается отношениями *печаль — печаловаться*.

В этом случае ближайшим родственным образованием будет слово *осеть* 'сушильня для зерна, часть овина'. *Осеть* — белорусское слово, оно распространено на территории Белоруссии и в пограничных говорах польского, русского и украинского языков. Блр. *асе́ць* 'овин': *Асець* насадзили пшеницы; *Осеци* четыре будуць овса; *осётка* 'небольшой овин', *осётный* 'относящийся к овину': *осётные* снопы [1]; *садзиць асе́ць* — расставлять снопы «на цапки» в нагретой осети для просушивания перед молотьбой [2]; укр. *о́сить* 'сушильня для зернового хлеба' (Черн. у.) [3].

Даль дает слово *осеть* как западное, т. е. белорусское слово: *осе́ть* ж. 'овин, рига, клуня, пелевница'; *осе́ть* (псков.) 'озород, островина, островъ' [4]. В русском языке слово *осеть* зафиксировано в псковских, смоленских и частично тверских говорах: *асе́ть* 'овин', 'печь в овине' [5]; *асе́ть* 'часть овина, в которую кладут снопы для сушки' (смол.); 'ток' (калин.) [6].

Слово *осеть* не имеет общепринятой этимологии. Фасмер не принимает высказанные до него этимологии [7]; Брюкнер с сомнением предлагает сопоставление польского *osieć* со старославянскими словами сєтьнъ и посѣтити [8]. Ж. Ж. Варбот возводит слово

[1] *Носович*, с. 367.
[2] Нар. лекс., с. 136.
[3] *Гринченко* III, с. 66.
[4] *Даль*[3] II, стб. 1803.
[5] Смоленск. словарь 1, с. 87.
[6] *Филин* 1, с. 284.
[7] *Фасмер* III, с. 159.
[8] *Brückner*, с. 383.

осеть к индоевропейск му *-ăs-* 'жечь' [9]. Авторы Белорусского этимологического словаря связывают белорусское *асець* с латышским *sers* 'садиво, немолоченный хлеб, приготовленный для сушки' и *sēta* 'забор, двор' [10].

Возникает вопрос, связаны ли исторически и этимологически *осеть* 'часть овина' и *осе́товаться* 'поселиться'?

Сушильни для хлеба такие, как рига и овин, появились в определенный исторический период. На территории России такие сушильни встречались только на севере, что было вызвано климатическими условиями. На юге хлеб молотили сырым. До того, как появились специальные сооружения для просушивания хлеба с огнем в яме под колосниками, как в овине, или с печью, как в риге, снопы просушивались на воздухе. Для этого небольшие деревья с сучьями составлялись вершинами друг к другу в виде изгороди и на них накладывались снопы для просушки. Такие сооружения в псковских говорах и назывались *осетью*. Другие названия такой изгороди *озород*, *островина* или *островье*. «*Островье*, — пишет Даль, — срубленные нетолстые деревья с подсеченными сучьями, с остряками. . . из них ставят целую городьбу с прогоном, для просушки снопов перед укладкой и перед молотьбой (сыромолотный хлеб), выстраивая сушило, сушню, она же *остро́вье*, *о́сеть*, *озород*» [11].

Итак, первоначально *осеть* — это городьба из деревьев. Аналогичное развитие семантики мы наблюдаем у слова *заро́д*: рус. *зарод*, *озород* 'стог сена продолговатой формы' и блр. *азаро́да*, *азарод* 'переплет на столбах, сделанный из жердей для просушки хлебных снопов вроде лестницы' [12] при лит. *žárdas* 'сооружение для просушки головок льна, гороха', др.-прус. *sardis* 'забор'.

Наименования поселения и ограды, огороженного места семантически тесно связаны, ср. отношения слов **gordъ* и **gorda*, и.-е. **ghordhos* 'ограда, огороженное место' [13].

Таким образом, глагол *осе́товаться* может быть объяснен как производный от слова *осеть* 'ограда, изгородь'. На разных территориях это древнее слово получило различное семантическое развитие: изгородь' → 'изгородь для сушки снопов' → 'часть овина, где сушатся снопы' → 'овин'; 'изгородь' → 'огороженное место' → 'поселение'.

Существование глагола *осе́товаться* в печорских говорах подтверждает правильность этимологизации слова *осеть* в связи с балтийской лексикой. Ср. лтш. *sēta* 'забор, ограда', 'двор (при доме)', 'двор (крестьянский)'.

---

[9] *Варбот Ж. Ж.* Славянские этимологии. — Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1975. М., 1977, с. 129—131.

[10] Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978, 1, с. 167.

[11] *Даль*[3] II, стб. 1831.

[12] *Носович*, с. 3.

[13] ЭССЯ 7, с. 37.

Еще Буга связывал это латышское слово с лит. *siẽti* 'вязать, связывать' (ср. такие родственные образования в славянских языках, как **sitъ*, **sitьnъjь*, **sitьnikъ*, **sidlo*, **sětь* и др.).

Дополнительным подтверждением того, что слово *осеть* значило первоначально 'изгородь', служит белорусское слово *засётак* 'загородка (с двух сторон овина): Ставили снапы *ў засёткі* [14]

Существование в печорских говорах глагола *осе́товаться* заставляет нас иначе рассматривать историю слова *осеть*. Если первоначально мы видели только белорусское слово, распространившееся на смежные территории, и имеющее связь с балтийской лексикой, что для белорусского языка не удивительно, то теперь мы должны говорить о явлении более древнем, о существовании праславянского слова **obsětь* 'изгородь, городьба'.

оглобень

Материалы «Этимологического словаря славянских языков» показывают, что лексемы **glibъ* 'болото', **glibati* 'ходить по глубокому снегу, грязи' широко представлены в южнославянских языках, к этому же гнезду относится древнепольский глагол **glьbnǫti* 'вязнуть', ст.-слав., рус. -цслав. **glьb ti* 'вязнуть' [15]. В русском языке лексемы с этим корнем отсутствуют. В этом случае особый интерес представляет выявление дополнительных ресурсов этимологии, материалов ономастики, связанных основ, единичных образований. Таковыми, в данном случае, являются три слова: *о́глобень* ж. 'зыбь, волнение на море, когда стихнет ветер' (арх.): «Куды сунешься-то, глядь *о́глобень* кака ходит» [16]; *а́глень* 'прибой волны к берегу' [17]; *заглебать* 'попадать под ноги': Под ногами *заглебала* земля [18]. Следует обратить внимание на то, что все три лексемы распространены в архангельских и олонецких говорах.

Для слова *о́глобень* может быть предложено три реконструкции: **obglobьnь*, **obglъbьnь*, **obglьbьnь* с дальнейшим переходом ь > ъ, ср. др.-рус. *глъбѣти* наряду с *гльбѣти*, *изглъбнути*, *углъбнути*. Зыбь на море, по определению Даля, «волна на воде без ветра или несоразмерная с ним; гладкая волна без гребня; огромное круглое волнение, остающееся после бури, когда море расходилось, или пригонное, как вестник бури, или же образовавшееся от полосной бури, не достигшей места, куда дошла зыбь» [19]. Итак, зыбь — это вид волнения на море, колебания морской поверхности. Ср.: «На море *зыбит*», ходит или стоит зыбь, море раскачалось. Любопытно, что *зыбь* на поверхности воды

---

[14] Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны, с. 169. Формы с *ё* могут быть вторичными (ср. *звёздочка*).
[15] ЭССЯ 6, с. 161.
[16] *Подвысоцкий*, с. 107.
[17] *Даль*[3] I, стб. 11; *Филин* I, с. 201.
[18] *Барсов* I, с. VII; *Куликовский*, с. 25.
[19] *Даль*[3] I, стб. 1738.

можно сравнить с колебаниями поверхности топкого болота. Ср. названия такого болота в архангельских говорах: *зыбу́н*, *зыбу́ль*, *ходун*, *дыбун*, *дыбучее болото*[20].

Слово *а́глень* означает 'прибой (на море)'. В этом слове мы наблюдаем своеобразное явление, свойственное части архангельских говоров, переход *о* > *а* под ударением не в корне (как это имеет место в литературном языке), а в приставке. Для слова *а́глень* могут быть предложены следующие реконструкции: **obglenь*, **obglěnь*, **obglьnь* и **obglebnь*, **obglěbnь* и **obglьbnь*. Мне представляются наиболее правдоподобными две реконструкции: **obglebnь* и **obglьbnь*. Эта мысль основана на существовании родственного образования *о́глобень* < **obglobьnь* или **obglьbьnь*. Реконструкция **obglьbnь* находит подтверждение в др.-польск. **glьbnǫti*, ст.-слав. **uglьbnǫti* и т. д.

В сборнике Барсова мы встречаем глагол *заглебать* 'попадать под ноги'. Трактовка значения, даваемая Барсовым, вызывает сомнения. Приведенная цитата — «Под ногами *заглебала* земля» — значения не раскрывает, так как нет широкого контекста и неясно, о чем идет речь. Глагол может быть реконструирован как **zaglěbati* или **zaglebati*. Семантическая реконструкция позволяет предположить значение 'закачаться, заколебаться', но данные явно недостаточны.

Если мы примем реконструкции **obglьbnь*, **obglьbьnь*, **zaglěbati*, то мы должны сделать вывод, что этимологическое гнездо *glib-/glьb-/glěb-* 'трясина, топь, болото', 'вязнуть, тонуть' было представлено не только в южнославянских и западнославянских языках и в церковнославянских памятниках древнерусского языка но и в народном древнерусском языке, что нашло свое отражение в современной диалектной лексике.

Если же мы примем реконструкцию **obglobьnь*, **obglebnь*, то можно говорить об основе *gleb-/glob-* в праславянском для передачи тех же значений.

кречелы

В словарях XIX в. приводится слово *кречел* 'погребальный одр, с пометой «стар». Для языка XIX в. это слово было историзмом. Оно встречается в Житии Бориса и Глеба XV в. в следующей цитате: Посемь,埋 вземьши Глѣба в рацѣ каменѣ, и вставиша и на *кречелы*, имьши за ужа, влечаху (Ж. Бор. Глеб. — прол., 105, 1409 г.)[21].

Для того, чтобы понять, о каком предмете идет речь, следует учесть, что в Древней Руси, независимо от времени года, покойников возили на санях: Ночью же межю клѣтми проимавше помостъ, ѡбертѣвше в коверъ, и оужи свесиша на землю; възложьше ѝ на сани, везше, поставиша ѝ въ ст҃ѣи Бц҃и, юже бѣ създалъ самъ (Пов. вр. л. 6523 г.). Възложьше на сани, везоша

[20] *Подвысоцкий*, с. 57.
[21] СлРЯ XI—XVII вв. 8, с. 52.

й Кыеву, попове поюще обычныꙗ пѣсни, плакашасѧ по немь людье (Пов. вр. л. 6562 г.); И въставивше на сани на красны, ꙗже бѣша на то оучинены, стго Бориса, и с нимъ идѧше Володимеръ съ многомъ говѣниѥмь и съ смирениѥмь (Иак. Бор. Гл., 146); Престависѧ благоверный кнѧзь Михаилъ, зовемыи Стополкъ, мца априлѧ въ гі днь ... и привезоша й в лодьи Киеву, и спрѧтавше тѣло его и възложиша на санѣ (Ип. л. 6621 г.) [22].

Любопытно, что похороны Глеба в «Повести временных лет» описываются следующим образом: По сем же, вземше Глѣба в рацѣ каменѣ, вставиша на сани и, емше за оужа, везоша; и, ꙗко быша въ двере, ста рака и не иде (Пов. вр. л. 6580 г.) [23].

Мы видим, что перед нами два варианта текста, где в первом случае «вставиша на сани», во втором — «вставиша на кречелы». Иными словами, слово *кречелы* выступает как синоним слова *сани*. Перед нами древний обычай и, по-видимому, древнее слово. Мы можем восстановить праслав. **krečely* мн. ‘сани’. В современных языках слово не сохранилось. Очень близки и формально и семантически следующие слова: *крякла* и *кряклы* ‘санные отводы, не дающие саням падать на бок’, ‘решетка у передка, боков или спинки саней’ [24]. Слово распространено во всех севернорусских говорах, с тем же значением употребляются слова *крекву*, *кряквы*, *кроквы*. Итак, **krękъla* ‘отводы у саней’. Мы вправе предположить, что слово *кречелы* значило ‘сани с отводами’. Употребляя слово *кречелы* вместо *сани*, писец, по-видимому, хотел подчеркнуть, что это сани, которые не опрокидывались при езде.

Слово **krečelъ* содержит редкий суф. *-el-*, выделяемый в таких словах как **vъrtelъ*, **dętelъ*, **pelvelъ* и др. Корень слова относится к этимологическому гнезду **krek-*, *krok-*, *kręk-* ‘гнуть, изгибать’, в конечном счете к и.-е. *(*s*)*ker-* ‘гнуть’. Любопытно сопоставить слово *кречел* со словом *кроколъ* ‘вилка’ (Библ. Генн. 1499 г.) [25], где мы наблюдаем вариантность основы и суффикса. Суф. *-el-*, *-ol-* исключительно употребительны в данном этимологическом гнезде, ср. в.-луж., *kročel* ж. ‘шаг’, с.-хорв. *kȑčel* м. ‘клин на ярме’, рус. *кброколь* ‘развилка, сук’, *крокалй* ‘комья замерзшей земли’ и т. д.

аглеть

Префиксальные формы глаголов нередко сохраняют основы, не представленные в чистом виде. Таков, например, глагол *аглеть* ‘замерзать’, который мы находим в первом томе «Смоленского областного словаря». Этот глагол записан в четырех пунктах Дорогобужского р-на и в одном пункте Вяземского р-на, так что пример не является случайным и единичным. Тексты следующие: *аглевать* ‘замерзать’: Пъсиди-ка день такой. Паследний гот гусей дяржым.

---

[22] *Срезневский* III, стб. 258.
[23] Там же.
[24] *Филин* 15, с. 366.
[25] СлРЯ XI—XVII вв. 8, с. 58.

Досить мне *агливать* на холъди; *аглéть* 'замерзнуть'; *Аглела* саўсем, целый день на холъди [26].

В других говорах русского языка мы этого глагола не находим. В говорах белорусского языка есть глагол *азглéць* 'озябнуть, окоченеть'. Глагол приведен как областной в «Белорусско-русском словаре». В «Этимологическом словаре белорусского языка» глагол *азглецъ* практически остается без этимологии [27]. С моей точки зрения, это тот же глагол **глеть*, но со специфическим польским префиксом *oz-*, получившим широкое распространение как в белорусском языке, так и в соседних говорах русского языка. Ср. в русских брянских, псковских и смоленских говорах такие образования, как *аздевулить*, *азлунеть*, *азлунь*, *óзлунь*, *азгорода*, *озымать*, *ознадобиться* и др. В белорусском языке: *азвацца*, *аздаўляць*, *аздобіць*, *азмрочыцца*, *азнаёміць*, *азувацца* и т. д. Брюкнер писал, что в польском языке префикс *oz-* встречается уже в XV в. Не вдаваясь в историю этого префикса [28], мы должны обратить внимание на существование в двух славянских языках одного глагола с разными префиксами. И значение и форма говорят о том, что перед нами древнее праславянское образование, глагол **glěti* 'мерзнуть'. В словаре Покорного в статье об и.-е. **gel(ə)-* 'холод', 'замерзать' нет славянского материала. Там мы находим лат. *gelū-* 'мороз, стужа, лед', *gelidus* 'холодный', *gelo*, *-āvi*, *-ātum*, *-āre* 'замораживать', греч. γελανδρόν·ψυχρόν; др.-исл. *kala*, *kōl* 'быть холодным', гот. *kalds* 'холодный' [29].

Таким образом, смоленский диалектный материал позволяет нам обнаружить в праславянском продолжения древнего индоевропейского гнезда.

обетон

Восстанавливая древнерусскую судовую терминологию, мы обращаемся к материалам русских народных говоров. Там мы находим такие термины, как *дерево* 'мачта', *ветренный корабль* 'парусный корабль', *дýхи* или *збри ветра* 'порывы ветра', *противняк* или *встрéтной ветер* 'встречный ветер, левентик', *покóсный ветер* 'ветер с боку, бейдевинд', *пóветер*, *пóветерь*, *повéтерье*, *поветерьня* 'попутный ветер' [30]. Ветер, дующий с кормы, фордевинд, в поморских говорах носит название *обетон* [31]. Перед нами очень интересное слово. При совпадении рефлексов *ě* и *i* в архангельских говорах мы вправе реконструировать его как **obitonъ*. В этом случае слово входит в небольшую группу отглагольных

[26] Смоленск. словарь, 1, с. 63.
[27] Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978, 1, с. 96.
[28] Специально о префиксе *oz-* см.: *Трубачев О. Н.* Рец. на кн.: Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zajmena, Sv. 1. Praha, 1973. — Этимология. 1974. М., 1976, с. 177.
[29] *Pokorny*, S. 365.
[30] См. *Подвысоцкий*, с. 37, 28, 40, 48, 23 и др.
[31] Он же, с. 107.

имен с префиксом *obi-*: *obixodъ*, *obizorъ*, *obitokъ* [32]. Число глаголов с этим префиксом в древнерусском языке было значительно больше: *обизаряти*, *обизърѣти*, *обисиꙗти*, *обистѹпати*, *обиступити*, *обисѣсти*, *обитекати*, *обиходити*, *обихыщати*, *обиꙗти* [33].

Корень слова *обитон* — производный от глагола *обитять* 'обтягивать, оплетать, охватывать'. Ср. смоленское *обтя́ть* обнять': *Обтяў* дитёнык матку за шыю и ни разымиш ручык [34].

Слово *обитон* должно значить 'охват'. Ветер фордевинд назван так потому, что он как бы охватывает, обтекает судно с двух сторон, придавая ему самый быстрый ход, но и являясь самым опасным ветром, так как при небольшом изменении курса или направления может опрокинуть судно.

Архангельские говоры сохранили архаичное по своей структуре и семантике слово.

И. Г. Добродомов

О НАДЕЖНОСТИ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ЭТИМОЛОГИЙ (ГИДРОНИМ *ОВРАД* НА ЮГЕ УКРАИНЫ)

Топонимика с самого начала была дисциплиной исторической, и этимологическая проблематика занимала в этой отрасли языкознания ведущее место. Появившиеся в последнее время другие методы топонимических разысканий фактически не решают самостоятельных задач, а лишь подготавливают материал для его последующей этимологической интерпретации, так что топонимическое этимологизирование по-прежнему остается главнейшей, хотя подчас и весьма отдаленной целью топонимического исследования [1], которое теперь не ограничивается поспешным и в силу поспешности не всегда удачным этимологизированием, а тесно увязывает его с предварительной обработкой анализируемого материала в плане его детальной фонетической и полной морфологической характеристики с учетом конкретной истории соответствующего топонима в меняющейся языковой ситуации изучаемого региона.

---

[32] Имя **obitokъ* реконструировано О. Н. Трубачевым на основании ономастических данных. «О существовании этого несохранившегося слова типа *обиход*, образованного от *теку*, *течь*, в вост.-слав. яз. свидетельствуют топонимы: *Обиточная коса*, на сев.-зап. Азовского моря, и река *Обиточка* (запись, видимо, отразившая укр. произношение), прав. приток Псла, в бассейне Днепра; см. Маштаков, Днепр, с. 72». — *Фасмер* III, с. 101, Дополнение О. Н. Трубачева.

[33] *Срезневский* II, стб. 506—514.

[34] *Добровольский*, с. 514.

[1] Развитие методов топонимических исследований. М., 1970.

Топонимическое этимологизирование должно учитывать не только физико-географические и иные особенности обозначаемых топонимами географических объектов (это само собой разумеется), но и своеобразие этнографической характеристики того языкового коллектива, в недрах которого зародилось изучаемое географическое название. В последнем могли отразиться какие-нибудь архаические воззрения, которые потом оказались чужды тому же языковому коллективу, а также носителям сменивших его языков.

Вместе с тем для этимологизации топонимов, связанных с подобного рода этнографическими фактами, исследователь часто должен прибегать к использованию топонимическо-этнографических параллелей, известных у территориально отдаленных родственных народов. Привлечение отдаленных параллелей будет оправданным лишь тогда, когда на разделяющих эти сопоставляемые параллели территориях тоже обнаруживаются аналогичные факты, которые могут быть использованы в качестве показателей былого единства теперь территориально удаленных явлений.

Особо сложными для исследования представляются формы топонимов, которые оказываются зафиксированными в чрезвычайно малом количестве источников (особенно — одном). Такого рода топонимы фактически оказываются вне истории, их исследование особенно трудно. Прежде всего они требуют проверки по части достоверности их фиксации, а возможности этимологизации подобного рода топонимов вне фактической истории оказываются чрезвычайно широкими в связи с множественностью потенциальных принципов номинации, а также языковых источников, если таковых на рассматриваемой территории могло быть несколько. Простая декларация недостоверности зафиксированных форм в таких случаях обязательно должна сопровождаться наличием альтернативной достоверной формы из другого источника.

Фактически в массовых случаях обычного исследования топонимов, подтверждаемых множеством различных источников, вопрос о достоверности материала, как правило, и не ставится, а практическое решение этого всегда важного для исследования вопроса обычно базируется на механистическом выведении «усредненной формы» топонима, которая и анализируется исследователем. Достоверность форм единичной фиксации в источниках проверяется наличием аналогичных форм на соседних территориях, а также их конкретно-исторической этимологизируемостью, которая спасает редкую форму от напрасных подозрений.

Проблема доказательности тезисов о недостоверности отдельных форм топонимов всегда вызывает интерес и во многих отношениях бывает чрезвычайно поучительной.

В своем исследовании по гидронимам Правобережной Украины О. Н. Трубачев особое внимание уделил речному названию *Оврад-Девка* (правый приток Днестра в самых низовьях реки. *П. Л. Маштаков.* Список рек бассейнов Днестра и Буга (Южного).

Пг., 1917, с. 30), которое обнаруживает «связь с несколькими гидронимами причерноморских районов Украины: *Owrad Jasenowy*, п[равый] п[риток] Кодымы, бассейн Ю. Буга; *Owrad Strymbo*, п. п. Кодымы, там же; *Owrad Ternówka*, приток Ингула, бассейн Ю. Буга; *Owrad Mała Ternówka*, там же (*M. Vasmer*. Wörterbuch der russischen Gewässernamen, Bd. III. Berlin—Wiesbaden, 1965, S. 456; по материалам польского издания: Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Маштаковым в основном не отмечены). Компонент *Оврад* / *Owrad* ведет себя здесь как апеллативный по происхождению термин, очевидно, неславянского происхождения (неясно, относится ли сюда название *Авратынская высь* [2] — водораздел рек Припяти, Ю. Буга и Днестра, см.: *Столпянский Н*. Девять губерний Западно-русского края. СПб., 1866, с. VII; ср. далее: *Врадский Яр*, п. п. Оскола, бассейн Сев. Донца, *П. Л. Маштаков*. Список рек Донского бассейна. Л., 1934, с. 51; *M. Vasmer*. Wörterbuch der russischen Gewässernamen, Bd. I. Berlin — Wiesbaden, 1961, S. 387). Неславянская основа *Оврад*/*Owrad* сочетается в этих гидронимах низовьев Днестра и Ю. Буга со славянскими основами *Девка*, *Jasenowy*, (*Mała*) *Ternówka* кроме случая *Owrad Strymbo*». (Последнее связано с румынско-молдавским *strîmb* 'кривой'.) Далее к этому материалу было добавлено название реки в Среднем Поднепровье *Ховратка*/*Хаврадка*, «которое Соболевский — едва ли убедительно — толковал как иранизм в связи с др.-перс. *U-frāta* 'Евфрат' (*Соболевский А. И*. Новые русско-скифские этюды. — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. XXXI, 1926, с. 29)» [3].

Специально этим гидронимическим термином занялась известная украинская топонимистка Л. Т. Масенко, которая к материалам М. Р. Фасмера и О. Н. Трубачева на основании все того же конечного источника [4] добавила еще два речных названия с первым компонентом *Оврад*. Это *Owrad Tirtia*, приток уже упомянутого Оврада Ясенового в бассейне Кодымы — Южного Буга и *Owrad Kamienowatyj* в бассейне Ингула — Южного Буга.

К этому следовало бы добавить, что в том же польском географическом словаре дается и общая физико-географическая харак-

---

[2] Более позднюю попытку связать это название с рус. *обратный*, поскольку *Авратынская высь* «расположена с противоположной стороны от стока вод Южного Буга, Смотрича, Случи, Збруча и др.» (*Янко М. Т*. Топонімічний словник-довідник Української РСР. Київ, 1978, с. 13) нужно отнести к числу недоразумений и «этимологических каламбуров».

[3] *Трубачев О. Н*. Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968, с. 94, 126, 260. — Фактически П. Л. Маштаков в «Списке рек бассейнов Днестра и Буга (Южного)» (Пг., 1917, с. 30) упоминает *Оврад-Девку* по источнику: «Rzeki i jeziora. Tekst objaśniający do mapy hidrograficznéj dawnéj Słowiańszczyzny, części północno-zachodnej, przez W. K[entsziński]». Warszawa, 1883. Автор, вероятно, W. Kętrzyńsky?

[4] Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich, t. III. Warszawa, 1882, s. 291; t. IV, 1883, s. 242.

теристика Оврадов: «*Оврад* — название многих речек в Подольской губернии, протекающих среди полей в оврагах (parów) или балках (wądół), прорытых водами» [5]. Далее среди важнейших перечислены лишь все те же семь *Оврадов*, которые названы у Л. Т. Масенко. Эта словарная статья как бы подтверждает, что слово *оврад* является местным гидрографическим термином эндемичного характера, хотя источник этого своеобразного термина остается неясным, как и принципы номинации, здесь заключенные.

Особо обращая внимание на то, что все гидронимы с первым компонентом *Оврад* зафиксированы лишь одним источником — польским географическим словарем — и в другие списки попали оттуда (что не вполне точно), Л. Т. Масенко предположила, что термин *оврад*, вероятно, следует считать лишь польским транскрипционным искажением (какографічним варіантом) русского номенклатурного слова *овраг*, что у нее аргументируется следующим образом: «Все эти гидронимы находятся в южных районах Прибужья (один в южном Приднестровье), то есть на территории, которая, собственно говоря, не входила в состав прежнего Польского Королевства, и для ее географического описания в этом издании, вероятно, привлекались неполные материалы. На картах этой территории (с русской языковой основой этих карт) перед названиями многих рек указывается рус. *овраг*, *яр*, *долина*. В частности, на использованной нами в качестве источника материала «Подробной карте Подольской губернии в XIV листах», составленной штабс-капитаном Менде на русской языковой основе и изданной в Тульчине в 1825 году, некоторые притоки в южной части бассейна Южного Буга обозначены как «овраги», например: *Овраг Волова* — правый приток Переймы, правого притока Савранки, правого притока Южного Буга (в других источниках — просто река *Волова*), *Овраг Харсон* [. .]. Кроме того, много южных рек обозначено как «яр» и «долина», причем это касается прежде всего бассейна Кодымы, где отмечено три гидронима с компонентом *Оврад*. Так, Менде обозначает следующие притоки Кодымы: *Долина Клекучна*, *Долина Березовка*, *Долина Фернатия*, *Подоров Яр*, *Долгов Яр*, *яр Бакша*, *Гедзилов Яр*, *Яр Мазуров*, *Демков Яр*. Некоторые из этих названий известны и сейчас как украинские составные образования с компонентом *яр*: *Гедзилів Яр*, *Фарнатія* (*Яр Фарнатія*). В этих гидронимах отражаются географические особенности южных районов, где многие реки летом пересыхают и превращаются летом в балки, или овраги, поэтому далеко не во всех случаях можно четко различать эти два вида водных объектов. С такими фактами нам приходилось не раз иметь дело при записывании гидронимов в южных районах Прибужья, когда информатор не мог точно указать, является ли какой-то водный объект рекой или балкой. Следовательно, зафик-

---

[5] Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich, t. VII. Warszawa, 1886, s. 772.

сированные в польском источнике гидронимы бассейна Кодымы *Owrad Strymbo*, *Owrad Tirtia* и *Owrad Jasenowy* — это какографические варианты рус. *Овраг Стрымбо*, *Овраг Тиртия*, *Овраг Ясеновый*, которые, в свою очередь, можно считать переводами укр. *Яр Стримбо*, *Яр Тіртія*, *Яр Ясеновий*» [6].

Вероятно, эти соображения были руководящими для составителей капитального «Словника гідронімів України» (Київ, 1979), которые из семи украинских гидронимов с начальным компонентом *Оврад* включили в корпус словаря только *Owrad Diewka*, *Оврадъ-Дѣвка*, *Owrad Ternówka*, *Owrad Mała Ternówka* (с. 171, 560).

На первый взгляд, сомнения Л. Т. Масенко вполне оправданы: в латинской транскрипции русского термина *оврагъ* — *owrag* последняя буква вполне могла в скорописи показаться кому-то русской и быть «исправлена» на латинское *-d*. Но вызывает недоумение, что такая ошибка была сделана сразу в семи названиях, рассеянных на сравнительно большой территории Северного Причерноморья в бассейнах Южного Буга и Днестра, образуя, однако, своеобразный гидронимический регион.

Есть и еще одно соображение этимологического плана, которое позволяет отмести сомнения в достоверности гидронимов с термином *оврад*, причем основой для такого этимологического предположения служит особо отмеченный уже О. Н. Трубачевым гидроним нижнего Поднестровья *Оврад-Девка*, где два компонента должны рассматриваться как «разноязычные синонимы», подобные частям гидронима *Дон-река*, где первая часть восходит к скифскому нарицательному названию реки, отраженному в современном осетинском *дон* 'вода, река'.

Совершенно ясному второму компоненту названия *Оврад-Девка* хорошее семантическое соответствие обнаруживается на тюркской почве: гагауз. устар. *аврад* 'жена, женщина', тур. просторечн. *avrat*(*-dı*) 'баба; жена', азерб. *арвад* 'жена, женщина' (обычное слово); туркм. разгов. *арват* (обычно же *аял*) 'женщина; жена, супруга', узб. *аврат* разг. 'женщина'. Слово оказывается представленным преимущественно в так называемых огузских тюркских языках, составляющих юго-западную часть тюркского языкового ареала (если не считать узб. *аврат*).

На тюркской почве это нарицательное наименование женщины фиксируется уже Среднеазиатским тефсиром XII—XIII вв.: *'авpат* 'жена, женщина'; тюркско-арабским словарем 1245 г., изданным М. Т. Хаутсмой (как туркменское слово اورت *аврат* 'женщина'); у Абу Хайяна (1313 г.): أَوْرَطْ *аврат* 'женщина';

---

[6] *Масенко Л. Т.* Назви річок Інгуло-Бузького басейну. — В кн.: *Горпинич В. О.*, *Лобода В. В.*, *Масенко Л. Т.* Власні назви і відтопонімні утворення Інгуло-Бузького межиріччя. Київ, 1977, с. 173—174. Еще раньше эти соображения Л. Т. Масенко активно воспринял Ю. А. Карпенко, см.: *Карпенко Ю. О.* Актуальні проблеми вивчення топонімії Північного Причорномор'я. — В кн.: Питання ономастики Південної України. Київ, 1974, с. 12.

в словаре XIV в. «ат-Тухфа»: أَوْرَاتْ *аврāт* 'женщина'; в поэме Кутба «Хосрау и Ширин» (XIV в.): عورت *'аврат* 'женщина'[7].

Этимология этого тюркского названия женщины была ясна уже для анонимного лексикографа XIII в., который в упомянутом тюркско-арабском словаре, изданном М. Т. Хаутсмой, указал, что туркменское название женщины восходит к арабскому عورة *'авра(тун)* '1) слабость, недостаток; 2) слабое, незащищенное место; 3) половые органы' (мн. число عورات *'аврāтун*)[8].

В некоторых мусульманских тюркских языках это слово известно и в значениях, весьма близких к арабскому первоисточнику: (ново)уйгур. ئەۋرەت *эврэт* 'нагота; часть тела от пупка до колен', казах. диалект. *әурет* 'стыд': *әуретіңді жап* 'опусти ниже подол платья' (дословно: 'закрой свой стыд')[9]. В узбекском языке у слова *аврат* в разговорном стиле представлено значение 'женщина', при наличии у него и другого значения — 'часть тела, которую по шариату следовало закрывать (для мужчин — от пояса до колен, для женщин — от кистей рук до шеи и от шеи до ступней ног)'. В турецком языке даже намечена тенденция к формально-звуковой дифференциации разных значений: просторечному *avrat* (*-dı*) 'баба; жена' противопоставлено не имеющее в большом «Турецко-русском словаре» 1977 г. специальных стилистических помет *avret* (*-ti*) '1) наружные половые органы; срамные места'; 2) 'баба, жена', сохраняющее, однако, арабскую форму множественного числа *avrat* (*-ti*), что типично для книжных слов[10]. К тур. *avret* восходит с.-хорв. *ȁvret* 'stidna mjesta na čovječijem tijelu koja treba pokrivati'[11]. По сведениям Б. Г. Гафарова, в южном диалекте крымскотатарского языка слово *аврат* имело значение 'женщина, жена' (в степном ему соответствует *къатын*), а в степном — *аврат* имело значение 'стыд'.

В значении 'женщина' арабское слово عورة *'авра(т)'* проникло также в ряд иранских и индийских языков в связи с распространением ислама[12].

---

[7] *Боровков А. К.* Лексика Среднеазиатского тефсира XII—XIII вв. М., 1959, с. 35—36; *Houtsma M. Th.* Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894, S. 55, ٥٢; *Abû Hayyân.* Kitâb al-İdrâk li lisân al-Atrâk. İstanbul, 1931, s. 7, 25; Ettühfet-üz-Zekiyye fil-lûgat-it-Türkiyye. Çeviren B. Atalay. İstanbul, 1945, s. 6, 63; *Zajączkowski A.* Najstarsza wersja turecka *Husräv u Šīrīn* Qutba, cz. III, słownik. Warszawa, 1961, s. 16.

[8] *Houtsma M. Th.* Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894, ص. ٥٢.

[9] *Курышжанов А. К.* Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. — «Тюркско-арабского словаря». Алма-Ата, 1970, с. 76.

[10] *Çagatay S.* Die Bezlichnungen für Frau in Türkischen. — Ural-Altaische Jahrbücher, 1961, Bd. XXXIII, H. 1, Wiesbaden, s. 17—35.

[11] *Skaljić A.* Turcizmi u srpskohrvatskom-hrvatskosrpskom jeziku, 3 izd. Sarajevo, 1973, s. 106.

[12] *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd. III. Wiesbaden, 1967, S. 358—359.

На хронологию украинского речного названия не должно влиять отражение начального тюркского *а-* как *о-* на восточнославянской почве, поскольку лабиализация гласного *а* > *о* перед губными согласными наблюдается уже на тюркской почве [13], но ареалы этого явления в тюркском языковом ареале точно не обозначены.

Поскольку слово *аврад*, *аврат* в тюркских языках представляет собой арабизм, пришедший вместе с мусульманством [14], можно, опираясь на историю распространения этой религии и ее носителей в Северном Причерноморье, даже ставить вопрос о времени возникновения названия *Оврад* на базе тюрко-арабского апеллатива *ʿаврад*. Согласно разысканиям историков, ислам в Северном Причерноморье появился в период господства там Золотой Орды [15] при хане Узбеке (1312—1340 гг.). Следовательно, названия *Оврад* не могут быть старше XIV в. и должны связываться с причерноморскими ногайцами, роль которых в обогащении восточнославянских языков тюркизмами уже отмечалась в литературе [16].

Любопытно отметить, что принимаемая здесь нами первоначальная внутренняя форма у гидронима *Оврад* лучше и дольше всего сохранялась в самых низовьях Днестра, где к нему был добавлен славянский эквивалент-перевод *Девка*, поскольку этимологический смысл этого тюркского речного названия еще какое-то время был ясен для славянского населения. Что касается других *Оврадов*, то к ним были добавлены славянские или молдавские уточняющие определения без учета уже основательно забытой внутренней формы гидронима. Днестровский *Оврад-Девка* — в гораздо большей степени необычный для славянской гидронимии феномен, сравнительно с более обычными речными названиями, содержащими компонент *Оврад*, в бассейнах Южного Буга и Ингула: *Owrad Jasenowy*, *Owrad Ternówka*, *Owrad Mała Ternówka*, *Owrad Kamienowatyj*; *Owrad Strymbo*, *Owrad Tirtia*.

При этом важно иметь в виду, что у тюрков Северного Причерноморья в период принятия ислама, вероятно, еще сохранялся старинный языческий обычай давать эпитет со значением ʻсударыня; дама’ пользующимся уважением географическим объектам, как это отражено у якутов применительно к слову *хотун* ʻгоспожа; свекровь; супруга, жена; дама (в картах)’, которое прила-

---

13 *Рясянен М.* Материалы по историчской фонетике тюркских языков. М., 1955, с. 110—111; *Щербак А. М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, с. 40; Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. I. М., 1955, с. 18, 38.

14 В гагаузском языке это вторичное включение из турецкого источника, как и в сербскохорватском.

15 *Бартольд В. В.* ‹Ислам на Черном море›. — В кн.: *Бартольд В. В.* Сочинения, т. VI. М., 1966, с. 663—664.

16 *Одинцов Г. Ф.* Два ногайских заимствования в русском языке. — Этимология 1971. М., 1973, с. 195—204.

гается к топонимам, вызывающих особое чувство уважения [17]. Наличие речного названия *Катунь* (алт. *Кадын суу*) на Алтае говорит о былом распространении этого обычая и на других тюркских территориях. Есть все основания связывать с этим же тюркским апеллативом *қатун*, *қатын* и название правого притока Южного Буга *Кодыма*, в котором, однако, отражается булгаризованная форма названия с булгарским *-м* в соответствии с *-н* в прочих тюркских языках.

Вероятно, с этим же обычаем связано отмеченное «Древнетюркским словарем» [18] развитие у древнетюркского титула *tarïm* присоединяемого к именам женщин или детей ханского рода, омонимичного ему значения 'рукав, приток реки', как трактуются эти значения уже в источнике этого лексикографического труда — в словаре арабского тюрколога XI в. Махмуда Кашгарского. По-видимому, частое почтительное употребление социального термина *tarïm* применительно к речным объектам постепенно привело к выделению у этого слова гидрографического значения, которое после утраты этого ономасиологического обычая стало восприниматься уже как омонимичное и не связанное с титулом.

Махмуд Кашгарский также отмечает название местности *Usmï Tarïm* возле Кучи (كُچا) на уйгурской границе и добавляет, что и протекающая здесь река носит то же название [19].

Название реки *Тарим* в Синьцзяне отражает, вероятно, действие той же модели, входя в один ряд с другими «дамскими названиями» типа *Катунь — Кодыма* и *Оврад*(*-Девка*). Другие этимологии этого гидронима носят вторичный характер, отражая секундарные, уже переосмысленные связи названия реки с изменившимся словарным составом местного языка [20].

В Северном Причерноморье обнаруживается также точное соответствие центральноазиатскому *Тариму*, но уже в булгарской огласовке и с уменьшительным суффиксом — *Турунчук* (*Турунчак*, *Tarańczuk*) [21]. Первый слог названия демонстрирует типичный для булгарской почвы переход *а* > *о* > *у*, а в последующих слогах отражается губная гармония гласных. Изменение *-м*

---

17 *Убрятова Е. И.* Исследования по синтаксису якутского языка, I. М.—Л., 1950, с. 192—193; *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка, вып. 13. Л., 1930, стб. 3536.

18 Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 537, 617.

19 Маҳмуд Кошғарий. Туркий сўзлар девони, I т. Тошкент, 1960, с. 376.

20 Другие этимологии см.: *Мурзаев Э. М.* Очерки топонимики. М., 1974, с. 296, где предложенная «дамская этимология» представлена лишь заключительной частью: термин *tarïm* > гидроним *Тарим.* Этимология термина *tarïm* и проблема его огласовки с богатой литературой рассмотрены в кн.: *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd. II. Wiesbaden. 1965, S. 656—657.

21 На тюркское происхождение гидронима в общей форме уже указывалось: *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, с. 204, 266. Формы см.: Словник гідронімів України. Київ, 1979, с. 575. Форма *Tarańczuk*, возможно, объяснима вторичным сближением с названием рыбы *тарань.* См.: *Линберг Г. У.*, *Герд А. С.* Словарь названий пресноводных рыб СССР. Л., 1972, с. 190.

в *-н* в конце словообразовательной основы было обусловлено ассимилятивным воздействием соседнего *-ч-* в начале суффикса.

«Словник гідронімів України» (Київ, 1979, с. 570) отмечает в верховьях Тисы (бассейн Дуная) в Закарпатской области поток *Тóрунчик*, вливающийся в *Торунку* (*Торунську Річку*, *Торунчак*), что соблазнительно связывать с разобранными гидронимами.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что если старое тюркское название дамы, знатной женщины *хатун*, *қатын* и т.п. было перенесено на более или менее значительные реки Северного Причерноморья — *Кодыма* (форма отражает типичные черты булгарской фонетики: переход *а* > *о* в первом ударном слоге и соответствие *-м* общетюркскому *-н* в исходе слова) [22], то новое мусульманско-тюркское наименование женщины *аврад* с еще, по-видимому, чувствовавшейся первоначальной семантикой закрепилось за многими мелкими водными объектами, так что собственное название речки *Оврад* даже могло произвести впечатление местного гидрографического термина — географического апеллатива. Для микротопонимов характерна нерасчлененность их с соответствующими аппелативными терминами.

Вопрос об употреблении слова *оврад* в качестве географического термина остается пока открытым, да это и не столь уж важно, поскольку представляется возможным не только переход гидрографических терминов в гидронимы (весьма обычное явление), но и переход массовых гидронимов, обозначающих мелкие гидрообъекты, в своеобразные местные термины, как бы стоящие на грани между собственными и нарицательными именами. В однотипных массовых географических названиях легче выделяются принципы номинации, связанные с определенными физико-географическими свойствами объектов и этнографическими особенностями языковых коллективов, дающих наименования. Эта связь названия со свойством именуемого объекта ярче всего проявляется у нарицательных наименований, а обнаруживающие это свойство микрогидронимы приближаются к географическим терминам — апеллативам.

Несколько на другой основе в гидронимии Подонья возникли внешне похожие по своей внутренней форме речные названия типа *Старица*, *Старуха*, *Баба*, *Бабка*, а также *Девица*, связанные со старыми и новыми руслами реки. Аналогичные названия есть и в бассейнах Днепра и Оки. Любопытно наблюдение Е. С. Отина, отметившего, что и в бассейне Днепра, и в бассейне Дона речные названия *Девица* образуют своеобрáзные ареалы, причем ареал в Подонье, вслед за В. П. Загоровским, у Е.С. Отина считается перенесенным из Черниговской земли (бассейн Днепра) [23].

---

[22] См.: *Добродомов И. Г.* К выявлению булгарского пласта в речных названиях Украины. Кодыма (рукопись).

[23] *Отин Е. С.* Ареалы славянских гидрографических терминов в топонимии Подонья. — В кн.: Проблемы восточнославянской топонимии. М., 1979, с. 13—18; *Загоровский В. П.* О древнем Воронеже и слове «Воронеж». Воронеж, 1977, с. 64.

Приведенные примеры заставляют признать, что среди гидронимов разных территорий обнаруживается пласт речных названий, образованный от нарицательных существительных со значением 'женщина' и т. п. Правда, принципы их называния не всегда одинаковы, но они все-таки опровергают ходячее мнение о том, что «это не соответствует основным принципам называния рек» [24], что «эти этимологии не могут быть продуктивны в топонимике, они негеографичны» [25]. Негеографичность подобного рода названий обусловлена их этнографичностью.

Тезис о непродуктивности и негеографичности гидронимов от названий женщиин обычно подкреплялся привлечением древнетюркского слова *ķатын* со значением 'вода' или 'река', однако это слово связано с многократным повторением ошибки при записи желтоуйгурских слов бароном К. Г. Э. Маннергеймом, который, не зная тюркского языка, сделал при этом ряд ошибок, к числу которых следует отнести и запись *katÿng* 'water', т. е. 'вода', которая неоднократно повторялась разными доверчивыми исследователями и породила неправильное прочтение одной енисейской рунической надписи и топонимическую легенду о существовании древнего тюркского нарицательного названия реки *ķатын*, которое не имеет, однако, надежного подтверждения ни в одном тюркском или монгольском языке [26]. Записанное К. Г. Э. Маннергеймом слово поразительным образом похоже на древнетюркское слово *qatïŋ* 'сосуд, кувшин' [27].

Корректурное дополнение.

Судя по «Гідроніми Нижнього Подністров'я» (Київ — Одеса, 1981, с. 30), Ю. А. Карпенко в первой части гидронима *Оврад-Девка* по-прежнему видит искажение термина *овраг*, а вторую объясняет ad hoc от термина *дол:* **долъка* > укр. **ділка* > *дівка*, что, однако, не подкреплено аналогиями.

---

[24] *Воробьева И. А.* Язык земли. Новосибирск, 1973, с. 90.

[25] *Мурзаев Э. М.* Очерки топонимии. М., 1974, с. 190. И. А. Воробьева основывается на этой формулировке по более ранней публикации Э. М. Мурзаева в сборнике «Топонимика Востока» (М., 1964), с. 9.

[26] *Mannerheim C. G. E.* A Visit to the Sarö and Shera Yögurs. Helsingfors, 1911 (=Journal de la Société Finno-Ougrienne, XXVII. Helsinki, 1911—1912, N 2); *Руднев А. Д.* Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб., 1911, с. 141; *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, с. 19—20; *Батманов И. А.* Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959, с. 142—143, 202; *Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф.* Современная и древняя енисеика. Фрунзе, 1962, с. 224; *Мурзаев Э. М.* Центрально-азиатские топонимические миниатюры. — В кн.: Топонимика Востока. Новые исследования. М., 1964, с. 9—11. Ошибка из неточно понятого материала С. Е. Малова или из решительной формулировки Э. М. Мурзаева неоднократно повторялась у разных топонимистов. См., например: *Воробьева И. А., Малолетко А. М., Розен М. Ф.* Историческая картография и топонимия Алтая. Томск, 1980, с. 95.

[27] Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 435.

Т. В. Горячева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

брутуха

Е. В. Барсовым в «Причитаниях Северного края» приведено интересное слово *брутýха* 'кислица' [1]. Это слово еще не подвергалось этимологизации. Рассмотрим сначала значение; *кислица* может означать как 'щавель' так и 'заячья капуста', однако для нас важно то, что это растение с кислым вкусом.

Слово *брутýха* может восходить к незасвидетельствованному прилагательному **брутый* в значении 'кислый'. Ср., например, новгор.-тихв. *кислýха*, арханг. *кислýшка* ж. и *кислушки* 'растение щавель, дикий щавель, Rumex' [2], восходящие к *кислый*. (Ср. еще *желтый* → *желтуха*, *красный* → *краснуха* и т. д.).

В Словаре русских говоров Среднего Урала зафиксировано слово *брутовитый* 'брезгливый', которое можно связать с арханг. *брутýха* 'кислица'.

Связь значений 'брезговать' и 'кислый' вполне возможна. Так, праслав. **brězgati* 'брезговать' [др.-рус. *брѣзгати*, *брезгати*, *брѣзгаю* («И пьси *брѣзгаютъ* тобою» Жит. Андр. Юр. VI, 30, Срезневский I, 186), рус. *брéзгать*, *-аю* 'испытывать отвращение, гадливость (обычно о пище и напитках)', укр. *брéзкати*, *брéзгати* 'мерзить, гнушаться; иметь отвращение' (Білецький-Носенко 61)] объясняется в «Этимологическом словаре славянских языков» как глагол на *-ati*, соотнесенный с именем **brězgъ* I [3]. Ср. чеш. *břesk* м. р. 'терпкий вкус' [4], польск. *brzazg* то же [5], также рус.-цслав. *обрѣзгнути* 'прокиснуть' [6].

Возможно, к рус. диал. *брутовитый* 'брезгливый' можно отнести и др.-чеш. *brutavý* 'ворчливый, брюзгливый' [7]. Ср. рус. диал. псков., твер. *брезгá* 'мелочный человек', 'воркотун' [8], при ср.-урал. *брéзга* 'брезгливость' [9] (< праслав. **brězga* I — вариант женского рода к **brězgъ* I [10] (см. выше).

Ср.-урал. *брутовитый* 'брезгливый', возможно, указывает на то, что могло существовать существительное ***brutъ* в значении 'кислый вкус'(?).

Далее мы рассмотрим сербохорватские примеры, к которым, впрочем, надо отнестись с большой осторожностью. Это *bruta*

---

[1] Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым, ч. I. М., 1872, с. IV.
[2] *Даль*² II, с. 111.
[3] ЭССЯ 3, с. 18.
[4] *Kott* I, S. 95.
[5] Варшавский словарь I, с. 217.
[6] *Срезневский* II, стб. 554.
[7] *Jungmann* I, S. 192.
[8] Доп. к Опыту, с. 12.
[9] Сл. Сред. Урала I, с. 56.
[10] ЭССЯ 3, с. 18.

в значении ʻкакое-то яблоко', *brutica* то же, *brȕtika* ʻкакое-то яблоко', *brutna jabuka*, *brutnika* ʻкакое-то яблоко' [11]. Возможно, что эти слова родственны *брутýха* ʻкислица' и *брутовитый* ʻбрезгливый' и обозначают какой-то сорт кислых яблок.

Ср., например, болг. *кисѐлцъ* ʻкислая дикая яблоня' [12], *кѝсалица* ʻдерево и плод дикой горной яблони' [13], *кисилàш* ʻнечто очень кислое, зеленые плоды' [14], также рус. диал. арханг. *кúселица*, сиб. *кúслица*, *кúсленица* ʻкрасная смородина; яросл. *кúсленица* также ʻквашеная капуста'; ʻяблоня или яблоко дичек, резань' [15], забайкал. *кúсла* ʻкислая капуста' [16]; моск. *кислýха* ʻдикорастущая яблоня; плод такой яблони' [17].

Интересно также болгарское диалектное слово *брут* ʻсыпь по телу от большой жары' [18], которое О. Н. Трубачев помещает в «Этимологическом словаре славянских языков» в статье на **bru(k)tъ* с таким замечанием: «Не совсем ясно, относится ли сюда болг. диал. *брут* м. р. ʻсыпь по телу от большой жары' [19].

Известен семантический переход ʻкиснуть' → ʻпротухать, гнить, портиться'; ср. помор., арханг., колым. *кúснуть* ʻгнить, разлагаться, протухать (о мясе, рыбе)' [20], сиб. *кислый* ʻпротухший, испортившийся, загнивший, разлагающийся' [21]. Вероятно, можно сюда добавить еще одно семантическое звено, а именно: ʻпротухать, портиться' → ʻпокрываться плесенью, сыпью'?

Если это верно, то болг. диал. *брут* ʻсыпь по телу от большой жары' мы можем отнести к рассмотренным выше *брутýха*, *брутовитый*.

Итак, на основе приведенных выше славянских примеров мы восстанавливаем предположительно прилагательное ***brutъjь* в значении ʻкислый' и существительное **brutъ* в первоначальном значении ʻ*терпкий, кислый вкус' и, возможно, также ʻплесень, сыпь'.

Возникает вопрос, к какому и.-е. корню можно отнести эти лексемы? Известен семантический переход ʻрезкий' → ʻкислый'. Так, например, др.-рус., рус.-цслав. *бридъкыи* ʻтерпкий, острый, кислый, горький', δριμύς, αὐστηρός, acerbus (Изб. 1073 г. и др.) [22] реконструируется как **bridъkъjь* и объясняется как прилагательное от глагольной основы **bri-* (**briti*), а «праслав. **briti* продолжает и.-е. **bhr-ei-/*bhr-i-*, суффиксальное расширение ступени редукции корня **bher-* ʻрезать'»[23]. Болг. диал. *красáт*, *красáф*

[11] RJA I, с. 687.
[12] *Ковачев Ст.* Троянският говор. — БД IV, с. 206.
[13] *Илчев Ст.* Към ботевградската лексика. — БД I, с. 193.
[14] *Ковачев Ст.* Троянският говор. — БД IV, с. 207.
[15] *Даль*² II, с. 111.
[16] *Филин* 13, с. 229.
[17] Там же, с. 233.
[18] *Сакъов Д. Н.* Принос към речника на кукушкия говор. — БД III, с. 319.
[19] ЭССЯ 3, с. 53.
[20] *Филин* 13, с. 23.
[21] Там же, с. 235.
[22] ЭССЯ 3, с. 29.
[23] Там же, с. 31.

'кисловатый' интерпретируются И. П. Петлевой как восходящие к праслав. *kors < и.-е. *kort-s — к *(s)kert-s- от *(s)ker-t-, далее — к *(s)ker- 'резать' [24].

За пределами славянских языков ср. еще нем. *kratzen* 'царапать, скрести, чесать, скоблить', *kratzig* 'сварливый, брюзгливый', *Krätzer* m. 'кислое вино'. Если исходить из этой семантической модели, то **brutъjь 'кислый' и *brutъ 'кислый, терпкий вкус', 'плесень, сыпь' можно возвести к и.-е. *bhrĕu-, *bhrŭ- и, далее, к и.-е. *bher- 'резать острым орудием, соскабливать' [25], с расширителем -t-. Есть, однако, возможность для возведения этих лексем и к и.-е. *bh(e)reu-: *bh(e)rū- (< 2. *bher- 'кипеть') 'быстро двигаться, бурлить, кипеть, особенно о кипении при брожении, варке пива, и т. д.' [26]. Ср. восходящие к этой и.-е. базе арм. *bark* 'острый, кислый, жестокий', алб. *brum* m., *brumë* f. 'закваска'; фрак. βρῦτος, βρῦτον, βροῦτος 'сорт ячменного пива' (из фрак. *brūtiā (греч. βρύτια) происходит иллир. *brīsa* 'дробина, выжимки от вина'); новокимр. *brwd* 'горячий', новобрет. *broud* 'горячий, бродящий' [27].

Слав. *restiti

И. И. Срезневский приводит в «Материалах для словаря древнерусского языка» интересный глагол *изрестити* без значения, в следующем контексте: «Повелѣ дукс живу ему зрака *изрестити*» (compugni) (Муч. Викт. 6, XVI в.) [28]. В Словаре русского языка XI—XVII веков» значение глагола *изрестити* определено как 'выколоть (выкалывать)' (контекст тот же) [29].

В русских камчатских говорах глагол *рестить* представлен в значении 'ругать'. В «Словаре русского камчатского наречия» к глаголу *рестить* дается цитата из газеты «Полярная звезда» от 30 марта 1930 г.: «На собрании мильковские ребята говорили, что родители их «рестят» (ругают) за то, что они хотят записаться в пионерский отряд» [30]. Приведенное здесь *рестить* может быть, впрочем, и искажением *ерестить*. Ср. *ересть* в значении 'ругань, брань, сварливость, брюзгливость' [31].

В белорусских говорах мы встречаем *рэсціць* в значениях 'добить, доконать, сильно наказать' в таких контекстах: «Ну, ён цябе *ресціць*, на гэты раз ты ад яго не выкруцішся, хіба ў хату толькі ні прыходзь», «Добры касец з цябе. У гэты клін *рэсціў* так» [32], с приставкой *да-*, *дарэ́сьціць* в значении 'докончить':

---

[24] *Петлева И. П.* Этимологические заметки по славянской лексике. VII. — В кн.: Этимология, 1976. М., 1978, с. 46.
[25] *Pokorny*, S. 169.
[26] Там же, S. 143.
[27] Там же, S. 143—144.
[28] *Срезневский* I, стб. 1077.
[29] СлРЯ XI—XVII вв. 6, с. 204.
[30] Камчат. словарь, с. 150.
[31] *Филин* 9, с. 21.
[32] *Чыгрын J. П.* З лексікі вёскі Чамяры Слонімскага раёна. — В кн.: — Народная лексіка. Мінск, 1977, с. 57.

«Пака я была на агародзі, дак кот выцягнуў з варывенькі і *дарэсьціў* той кусок каўбасы» [33] и в значении ʽразрушить, разбить до основания' [34].

На основании этих данных русского и белорусского языка можно предположить, что существовал праслав. глагол **restiti* в значениях ʽколоть, бить', ʽсильно наказывать, ругать'.

В аргангельских говорах русского языка есть также глагол *áресить лес*?, который дается В. И. Далем с пометой арханг.-онеж., знаком вопроса и в значении ʽсочить, подсачивать, подрубать, подсекать лес на корню' [35]. Это слово еще не исследовалось этимологами.

Арханг. *áресить* можно, вероятно реконструировать как **ob-resiti*; ср., например, арханг. *áводить*? ʽзаговаривать, завораживать, налагать клятву' [36] < **ob-voditi*.

Глагол *áресить* очень близок формально и семантически реконструированному нами праслав. **restiti* и может быть связан со словен. *rę̂səḱ* ʽGänsedistel', которое возводится Покорным к и.-е. **eres-* ʽколоть, резать' и родственно др.-инд. *ṛṣáti* ʽтолкает, колет', *ṛṣṭís* ʽкопье', авест. *aršti* то же, лит. *erškė̃tis* ʽDornpflanze' [37]. Праслав. **restiti* ʽколоть, бить', возможно, представляет собой деноминатив от не засвидетельствованного ***restъ*(ь?), быть может в значении ʽколючка, острие, острый конец', как, например, **čьst'ǫ* **čьstiti* ʽчтить' < **čьstь* ʽчесть'; **gost'ǫ* **gostiti* ʽгостить' < **gostь* ʽгость' и т. д.[38].

склидка

В калининских говорах русского языка зафиксировано интересное слово *склидка* в значении ʽобломок битой посуды' в контексте: «Целый карман *склидок*. Выбрось, карман-то прорвётся» [39].

Это, насколько нам известно, единственная фиксация слова в русских говорах и вообще в славянских языках; оно до сих пор не этимологизировалось.

Этимологизация слова ввиду его изолированности представляется затруднительной. Можно предположить, что в славянских языках существовал глагол ***(s)klidě(i)ti* в значении ʽрезать, рвать, раскалывать' (к которому может восходить рус. калин. *склидка*, реконструируемое предположительно **sklidъka*), родственный лит. *skleidžiù*, *skleisti*, лтш. *skliẽst* ʽрасширять, перелистывать', лит. *sklaidaũ*, ~ *ýti* ʽтуда-сюда листать', возвр. ʽраз-

---

33 *Крамко Я. Я.* Мясцовыя словы адной Прынёманскай гаворкі (дзеяслоўная лексіка). — В кн.: Народнае слова. Мінск, 1976, с. 85.
34 *Сяцко П. У.* З роднай гаворкі. — В кн.: Жывое слова. Мінск, 1975, с. 141.
35 *Даль*[3] I, стб. 56.
36 *Даль*[2] I, с. 3.
37 *Pokorny*, S. 335.
38 Słownik prasłowiański, t. I. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1974, с. 57.
39 Словарь Калининской области, с. 237.

брасываться', *iš-sklaidýti* 'разбрасывать, разгонять', *sklį̇sti* 'растекаться', *sklaidùs* 'разбросанный', лтш. *sklaidus* 'бродяга, бездельник'; без *s* в анлауте *klaîdît* 'шататься, слоняться'; *klîstu klîdu*, *klîst* 'блуждать, слоняться', лит. *klystiũ*, *klýdau*, *klýsti* 'заблудиться'; др.-прус. *sclait*, *schlāit*, *schklait* 'особенно; без', *schklāits* adv. 'особенно, иначе', adj. 'скромный, простой' [40].

Эти балтийские примеры возводятся Покорным к и.-е. базе *(*s*)*klei-d* и далее к и.-е. *(*s*)*kel-* 'резать' [41]. Первоначальное значение литовских и латышских глаголов, приведенных выше и относящихся к и.-е. **sklei-d*, было, вероятно, 'резать, разрывать, отделять', а затем оно развилось в значения 'разбрасывать(ся)', 'шататься, блуждать'. На это первоначальное значение балтийских глаголов указывает, может быть, значение др.-прус. *schklāits* 'особенно'.

Интересна также семантика германских примеров, восходящих к и.-е. **sklei-*: др.-исл. *slita* 'разрывать, разрушать, уничтожать', англосакс. *slītan* 'разрывать', др.-сакс. *slītan* 'колоть, драть', др.-в.-нем. *slīzan* 'колоть, рвать, издерживать, израсходовать', н.-в.-нем. *verschleißen*, *schleißen*, др.-исл. *slit* 'разрез, трещина, истощение', англосакс. *geslit* 'растрескивание, разрыв', др.-в.-нем. *sliz*, н.-в.-нем. *Schlitz*, ср.-в.-нем. *sleize*, н.-в.-нем. *Schleiße* 'лучина' [42]

В качестве сравнения в семантическом плане с калин. *склидка* 'обломок битой посуды' можно привести твер. осташ. *шкритка* 'угловатый черепок', которое реконструируется В. А. Меркуловой как **skridъka* и возводится ею к и.-е. **skrei-d-* < *(*s*)*ker-* 'резать' [43]

бáтружье

В русских говорах В. И. Далем было записано интересное слово *бáтружье* [?] 'снега на ветвях деревьев, под тяжестью которых они прогибаются' (без указания места и со знаком вопроса к слову), а также: *бáтружить* 'налегать, наседать, давить, нагнетать слегаясь, напр. о снеге' (без указания места), *батружнóй* (?), *-áя*, *-óе* 'обильный снегом, снежный' (без указания места и со знаком вопроса к слову), *бáтруга* (?) 'обросшая мохом крутая сторона муравейника, обращенная на север' (со знаком вопроса к слову и пометой арханг.) [44].

Слово *бáтруга* еще не привлекало внимания этимологов. Если это не заимствование (а мы не располагаем данными о том, что это заимствование), то *бáтруга* может быть объяснено как префикс *ба-* и существительное *труга*. Префикс *ба* (и его варианты *бо*, *бе*, *бу*) не единично представлен в русской диалектной лексике,

---

[40] *Pokorny*, S. 926—927.
[41] Там же.
[42] *Pokorny*, S. 926—927.
[43] *Меркулова В. А.* Украинские этимологии I. — В кн.: Этимология 1973. М., 1975, с. 58.
[44] *Даль*³ I, стб. 136—137.

что мы попытаемся доказать на приведенных ниже примерах: так, его можно выделить в волж. *багру́жка* 'род грузового судна на Волге' (< *ба-гру́жка*; — к *груз*, *грузи́ть*)[45], иркут. *багры́за* 'название старого дряхлого животного и человека' [46], вероятно, можно проэтимологизировать как *ба-грыза* (к *гры́зть*), свердл. *багу́листый* 'холмистый' [47], возможно, *ба-гу́листый* (к *гуля* 'шишка, холм'), *бадерю́га* 1) собир. 'неубранные остатки конопли', 2. устар. 'одежда из грубого домотканого полотна', *бадерёга* 'грубая пеньковая или льняная ткань; употребляется для подстилки' [48] легко членится как *ба́* и *дерю(ё)га* то же; псков. *ба́дора* 'сильный ветер, буря, шторм'; «В нас на синем море Поднималась *ба́дора*, Уплыло три корабля» (свад. песня [49]; это слово можно проэтимологизировать как *ба-дора* (к *драть*; ср. *падора* [50]); арханг. *ба́луда* 'омут': «Это притон водяниц, алба́ст, варьков и прочей челяди водяного» [51]. М. Фасмер дает следующее объяснение: «Возможно, из междометия *ба* и *луда* 'каменная глыба, каменное русло'» [52], вост.-сиб. *бата́рчина пото́рчина*? 'дубина, кол, рассоха' [53], возможно, из *ба* и *тарчина* (к *торчать*?); *баторчина*, иркут. также 'торчащий конец дерева' [54], перм., кург. *бато́рить* 'разговаривать, беседовать', ср. *буто́рить* [55]. Можно объяснить как *ба* и *то́рить*. Ср. у Фасмера: «*торить* 'наставлять, внушать' арханг. (Подв.), ср. лит. *tarýti*, *tarañ* 'говорить, молвить', *tar̃ti*, *tariù* — то же, далее см. *су́торить*, *тороторить*'» [56]; симб. *бату́рить* 'нести, тащить что-либо тяжелое или громоздкое'; ряз. 'упрямиться ломаться' [57], на наш взгляд, можно проэтимологизировать как *ба-* и *турить*. Ср. близкое *натури́ть*, *нату́ривать* 'пригонять и нагонять, особ. в количестве'[58] и курск. *нату́рить* 'неволить, силовать',*-ся* 'упрямиться' [59]. М. Фасмер, впрочем, объясняет так слово *батура́* 'упрямец' ряз., перм.: «обычно связывается с *абату́р* и производится из тюрк. *bahadyr* 'смелый'. Можно было бы, однако, объяснить это слово как исконнослав., если исходить из значения 'дубинка' и связывать *батура́* с *бат* 'дубинка', куда относится также укр. *бату́ра* 'кнут'» [60]. В волог., арханг., олон.,

---

[45] *Филин* 2, с. 35.
[46] Там же.
[47] Там же, с. 36.
[48] Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР. Учебное пособие по русской диалектологии. I. Саранск, 1979, с. 24.
[49] *Филин* 2, с. 40.
[50] *Фасмер* III, с. 183.
[51] *Филин* 2, с. 86.
[52] *Фасмер* I, с. 118.
[53] *Даль²* I, с. 54.
[54] Иркут. словарь I, с. 32.
[55] *Филин* 2, с. 146.
[56] *Фасмер* IV, с. 83.
[57] *Филин* 2, с. 147.
[58] *Даль²* II, с. 486.
[59] Там же.
[60] *Фасмер* I, с. 135.

сев.-двин., вят., влад., новгор., перм. *бахвáлить* 1. 'хвастаться, бахвалиться'; волог., костр. 'хвастаясь, смеяться над другими людьми'; костр. 'хвастаясь, зазнаваться', 2. влад. 'шутить'; 3. яросл., костр., олон., новгор. 'щегольски одеваться' [61] можно выделить префикс *ба* и *хвалить*. М. Фасмер предлагает несколько объяснений *бахвáл*, *бахвáлиться*: 1) от *баять* и *хвалить* вслед за Ильинским; 2) менее удачной признается им мысль о контаминации **baxati* 'хвастать' и *xvaliti* у Бернекера; 3) им выделяется *ба* — «межд.?» «Ср. *бахмур*» [62]. И, наконец, иркут. *бахряк*, вар. *бухрáк* 'о здоровом, полном ребенке, подростке' [63] (< *ба-* и *хряк*).

Особо остановимся на свердл. *батресúть* 'накрапывать (о дожде)'. «Не было у нас всю весну дождя, так вот *батресит*, капли две» [64]. Слово еще не этимологизировалось. Кажется, что в нем тоже можно выделить префикс *ба-* и глагол *трясúть* (итератив к **trę̨sti*?); *е*<*я* в безударном положении? Ср. блр. *протрéсывать* 'выранивать из чего-либо' [65]. При этом любопытно блр. диал. *батрасаванка* 'битье, побои'. «Кажды дзень у суседа *батрасаванка*. Кажа, што зарабляюць дзецi» [66]. Это образование от **батрасавать* (< *ба-трасавать*; к **trę̨sti* 'трясти').

Префикс *ба-* есть также в сербохорватском языке: ср. *ба̀срљав* 'неуверенный, нерешительный', *ба̀срљати* 1) 'шататься без дела, бродить', 2) 'шататься, идти пошатываясь, спотыкаясь' [67] при *ср̀љати* 'стремглав нестись, падать', 'катиться' [68]; *бат̏гати се* 1) 'ковылять, спотыкаться', 2) 'барахтаться'; 3) 'брыкаться, лягаться, дрыгать ногами' [69] при *тр̏гати* 'рвать, обрывать', перен. 'дергать, стрелять (о боли)' [70].

Любопытно также выделение варианта префикса *ба—бе* в таких словах, как ряз. *беклеманиться* (без удар.) 'выздоравливать' [71] (ср. *оклематься* 'выздороветь'), сев.-двин. *бекряш* 'прозвище крепкого здорового человека' [72] (ср. *кряж* 'крепыш', 'здоровяк' [73]); вариант *бо*, например, в твер. осташ. *подботы́льник* то же, что *подпоты́льник*, 'жемчужное шитье в кокошнике, закрывающее затылок' [74].

Итак, мы рассмотрели примеры с префиксом **ba-* в русском и частично в двух других славянских языках.

Выделенный в слове *бáтруга* корень *труга* можно, как нам кажется, связать со слав. **tru(ǫ)dъ* в значениях 'работа, усталость,

---

[61] *Филин* 2, с. 152.
[62] *Фасмер* I, с. 136.
[63] Иркут. словарь I, 59.
[64] *Филин* 2, с. 147.
[65] *Носович*, с. 531.
[66] *Лявончык Н. М.* Жменька матчыных слоў. — В кн.: Народнае слова. Мiнск, 1976, с. 137.
[67] *Толстой*³, с. 26.
[68] Там же, с. 565.
[69] Там же, с. 27.
[70] Там же, с. 593—594.
[71] *Филин* 2, с. 207.
[72] Там же.
[73] *Даль*² II, с. 208.
[74] Доп. к Опыту, с. 186.

тяжесть, болезнь', которое восходит к и.-е. **treu-*, далее к **ter-* 'тереть', 'давить, прижимать' [75] (вслед за Брюкнером мы считаем, что нельзя отделять слав. **trudъ* 'труд' от **trǫdъ* 'болезнь' и что *u* и *ǫ* — дублеты [76]. Ср. лат. *laborare* 1. 'страдать', 2. 'трудиться' [77]).

Так, др.-рус. *трудъ= тръдъ* значит: 'труд, работа', 'боль', 'скорбь, горе', 'болезнь, недуг': «Аз же ꙗко мятежь Ефремови, ꙗко остень домꙋ Іюдинꙋ, и вѣсть Ефремъ трꙋ̂д свои и Іюда болѣзнь свою (νόσον) [78]; волог. *трудиться* — 'мучиться долго, страдать в болезни, маяться перед смертью, бороться перед кончиною, лежать в агонии' [79], а также *тру́дный* — 'тяжкий, удручающий', 'мудреный, недостижимый'; 'удрученный, отягченный' [80], *труд* црк. стар. 'болезнь, боль, боля́, бо́лесть, хворь, хворость, хвороба, недуг, недужина, немощь или не́мочь, немогута́, скорбь, хиль, хили́на, вообще нездоровье'. *Водный труд, водяная, водянка*. «*Труд* — более говорится о длительных затяжных болезнях» [81].

Мы привлекли эти примеры, подтверждающие наличие значения у слав. **tru(ǫ)dъ* 'болезнь, недуг', для того, чтобы объяснить значение слова *ба́труга* 'крутая сторона муравейника, обросшая мохом и обращенная на север'. В качестве семантической параллели приведем рус. диал. пинеж., мезен. *чихи́рица*, 'лишайник на лиственных деревьях, usnea barbata', которое Фасмер объясняет так: «Возможно, первоначально «болезнь» и связано с предыдущим?» (т. е. с *чихи́ра* псков. 'изможденный больной человек', которое этимологизируется Фасмером как *чи* 'ли' и *хи́рый* 'хилый') [82].

Возможно, слово *ба́труга* значило сначала 'болезнь', затем 'мох, лишайник', а потом уже 'крутая сторона муравейника, поросшая мхом и обращенная на север'.

Теперь обратимся к словам *ба́тружить* 'налегать, наседать, давить, нагнетать, слегаясь, напр., о снеге', *ба́тружной* 'обильный снегом, снежный; *ба́тружье* 'снега на ветвях деревьев, под тяжестью которых они прогибаются'.

Эти образования свидетельствуют о наличии у *ба́труга* (мы предполагаем это) кроме значения 'болезнь' еще и 'тяжесть, гнет' → 'тяжелый снег'.

Что касается формы выделенного в *ба́труга* корня *труга*, то можно предположить, что это диалектный вариант слова *труда* (где *г* — гиперкорректное?; — ср. новосиб. *утру́га* 'усталость' [83], или же, что менее вероятно, *-g-* древний расширитель, присоединенный к и.-е. **treu-* 'тереть', 'давить').

---

75 *Pokorny*, S. 1095, 1073.
76 *Brückner*, с. 575.
77 Эту семантическую параллель приводит В. И. Даль (*Даль*³ IV, стб. 852).
78 *Срезневский* III, стб. 1007—1009.
79 *Даль*³ IV, стб. 852.
80 Там же.
81 Там же, стб. 853.
82 *Фасмер* IV, с. 368.
83 Новосиб. словарь, с. 560.

чипóр

В «Опыте областного великорусского словаря» приводится любопытное слово, которое еще не подвергалось этимологическому анализу, — калуж. *чипóр* в значении 'мокрый снег с ветром' [84]. Даль включил это слово в Словарь с той же географической пометой, определив значение следующим образом: 'лепень, хижа, мокрый снег хлопьями' [85].

Для установления этимологии слова обратимся к синонимичным названиям мокрого снега (снега с дождем) в русском языке, это: вят. *грязь* [86], обск. *пáдера* [87], нижегор., волог. *кáлега* [88], клин. *дребедéнь*, *дребедúха* [89], *дрябня́* [90], *дряпня́*, *дряпýха* [91], *лéпень* [92], клин. *залепúха* [93], *лепня́* [94], ср.-урал. *липýшка* [95], *дря(е)згá* [96], *хáлепа* [97].

Если исходить из того, что мокрый снег с ветром (а именно так определено значение в «Опыте») липнет, хлещет, цепляется, дерет (ср. такие названия мокрого снега как *пáдера*, *липýшка*), то слово *чипóр* можно проэтимологизировать как *чип-ор* и возвести к глаголу *чипáть* (*чепать*). В. И. Даль так толкует *чепáть* что, *чипать* псков. юж., зап.: 'зацеплять, цепляться за что, задевать, трогать' [98]. Онеж. *чúпать* значит 'чесать лен или шерсть' (в других местностях говорят *щипать*) [99], колым. *чúпать* — 'жарить, катать, лупить, быстро есть, быстро идти или ехать': «Так и *чипат*, и *чипат* по дороге' [100]; обск. *почипáть* — 'пощипать, пощекотать' [101], петрозав. олон. *вы́чипать* — 'ободрать' «Медведь *вы́чипал* корову» [102]; укр. *ціпáти* — 'трогать', *ціпáтися* = *ціплятися*, *ціпкий* 'прилипчивый' [103].

В «Этимологическом словаре славянских языков» этот глагол помещен под праформой * *apati*, которая рассматривается как экспрессивное образование, однородное с **capati*, **xapati* [104].

---

[84] Опыт, с. 258.
[85] *Даль*³ IV, 1343.
[86] *Васнецов*, с. 54.
[87] Словарь Оби III, с. 5.
[88] *Даль*² II. с. 77.
[89] Записано мною у уроженки б. Клинского уезда Московской губ. Исправниковой М. А.
[90] *Даль*³ II, стб. 7222.
[91] *Даль*³ I, стб. 1238.
[92] *Даль*³ II, стб. 639.
[93] Записано мною.
[94] *Даль*³ II, стб. 722.
[95] Сл. Сред. Урала II, с. 97.
[96] *Даль*³ I, стб. 1237.
[97] *Даль*³ IV, стб. 1163.
[98] *Даль*² IV, с. 589.
[99] *Подвысоцкий*, с. 189.
[100] *Богораз*, с. 157.
[101] Словарь Оби. Доп. ч. II, с. 117.
[102] *Филин* 6, с. 57.
[103] *Гринченко* IV, с. 465.
[104] ЭССЯ IV, с. 16—18.

С точки зрения семантики можно сравнить с *чипóр* ʽмокрый снег с ветром' болг. диал. *дирýга* ʽград', ʽливневый дождь из тучи, занимающей часть неба и быстро перемещающейся от ветра' [105] (от **dьrati*).

С тем же суф. *-ор* образовано и новгор. название шиповника *чипорáс*, *чипоры́га* [106], от глагола *чи(е)пать* (ср. укр. *чипýга* раст. = *Дереза*, Caragana frutescens [107]). Вариантом к суф. *-ор* может быть *-ур* в образованном от того же глагола *чепать* вят. *чепýрник* ʽмелкий густой кустарник, чаща' (т. е. «цепкая растительность») [108]. Ср. также у Фасмера: «*чепы́га* ʽчаща' (Чехов), *чапы́ж* то же (ИОРЯС I, 332), *чапы́жник* — растение «Caragana frutescens» (Мельников). Возможно, от *чепáть*» [109].

Однако не следует исключать возможности иного объяснения слова *чипóр*.

Такие синонимы *чипóр*, *как дребедéнь*, *дребедúха*, *дрязгá*, указывают на возможность объяснения мокрого снега как чего-то мелкого, дробного (каких-либо частиц, осколков, мусора). Так слово *дребедéнь* связывается Фасмером с *дребезг* (*дрéбезг* ʽчерепок, осколок', сюда же болг. *дреб* ʽотходы шерсти', *дрéбен* ʽмелкий', в.-луж. *drjebjeńca* ʽкрошка'. С другой ступенью гласного: *дробь*) [110].

Слово *дрязг* имеет в русских диалектах значение ʽмусор, отбросы' [111] при *дрязгá* ʽмокрый снег, снег с дождем; слякоть'. Ввиду изложенного выше мы можем проэтимологизировать *чипóр* и как *чи-пор* (**če-porъ*), где *če*-приставка, а *-пор* связано с **pъriti* / **pyriti*. Ср. в.-луж. *čapor*, *čaper* ʽхлам, старье', субстантивированное прилагательное *чепр̈на* ж. ʽплохая, негодная старая глиняная посуда', также *чпр̈ња* ʽдрянь, мелочь', что связывается с **čepъriti*, **čepyriti*, **čepiriti*, **čeperiti* [112].

чúчмаря

Укр. *чúчмаря* ʽмелкий дождик' [113], насколько нам известно, не рассматривалось в этимологических исследованиях.

Нам кажется, что это слово можно расчленить на *чи- чмаря*, выделив в нем экспрессивную приставку *чи-* (<**če-*).

Первоначально, вероятно, приставочный элемент *чи-* имел негативную окраску: ср. укр. *чимáлий* ʽпорядочный, довольно большой, значительный' [114], *чимáло* ʽпорядочно, довольно много,

---

105 *Гъбюв П. К.* Материал за българския речник. От С. Конопчие (Чирпанско). — Сб НУ, 1893, LX, с. 229.
106 *Даль*² IV, с. 605.
107 *Гринченко* IV, с. 463.
108 *Фасмер* IV, с. 333.
109 Там же, с. 334.
110 *Фасмер* I, с. 536.
111 *Филин* 8, с. 228.
112 ЭССЯ 4, с. 60.
113 *Гринченко* IV, 465.
114 Указ. соч., 462.

значительно', русск. новосиб. *чи́квас* 'плохой квас'. «*Чиквас* — плохой квас, один *чиквас* остался у меня, это не квас, а квасишка, плохой, я тот разлила, а гущу не подлила» [115].

С течением времени эта негативная окраска утратилась. Ср. русск. твер., нижегор. *чихва́литься* 'хвалиться, бахвалить, тщеславиться' [116]. Фасмер объясняет это слово: «Из *чи-* 'ли' и *хвалиться*» [117]; волог., новгор. *чихво́стить кого* 'бить, колотить, сечь' М. Фасмер объясняет: «из *чи-* 'ли' и *хвостить*» [118].

Далее он приводит *чибурда́* 'невкусная жидкость' донск. (Миртов): «Из *чи* 'ли' и *бурда*» [119]; *чиверга́* 'торопыга, суета', *чиверзи́ть* 'суетиться, егозить, метаться', псков., тверск. (Даль): «От *чи* 'ли' и *-верга́ть*, *-вергнуть*» [120]; *чихи́ра* 'изможденный больной человек' псков. (Даль): От *чи* 'ли' и *хи́рый* 'хилый' [121]; *чихо́лка*, *чи́хор* 'чуб, вихор': «Сравнивают с *холка*, *хохол*. . .» [122].

К этому можно добавить еще волог., симб., казан. *чичва́риться* 'чуфариться, спесивиться, гордиться' [123], вероятно: < *чичва́риться*; новосиб. *чимара* 'возлюбленный'. См. *мара*. «*Чимара* он мой, *чимара* или мара» [124].

Итак, после выделения приставочного элемента *чи-* мы имеем образование *чмаря* < **čьmar'a*; сопоставим *чичмаря* с олон. пудожск. *кочмара́* 'туман, вредный для полей', в «Дополнении к Опыту областного великорусского словаря» слово дается как *кочкара*, однако в примере, на наш взгляд, правильно: *кочмара*: «Посевы хорошо вышли, да *кочмара* пала» [125]. Такое исправление вполне допустимо, если учесть, что в «Дополнении к Опыту областного великорусского словаря» очень много серьезных опечаток.

Слово *кочмара* может быть проэтимологизировано как *кочмара*, а *-чмара* идентифицировано с укр. *-чмаря* 'мелкий дождь' (далее ← **čь-* экспрессивная приставка и **mara*, восходящее к и.-е. **mer-* 'блестеть, мелькать, сверкать, искриться'; ср. укр. *mryj* 'туманный, пасмурный, удушливый', *mríju*, *mríty* 'мерцать, смеркаться, становиться туманным' [126]).

Значения 'туман' и 'мелкий дождь' вполне сочетаемы; ср. родственные образования укр. *мряка* 'густой туман с мелким дождем' [127], 'мрак, темень, туман', 'густой мелкий дождь' [128]; *мрячити* моросить', безл. *мрячи́ть* 'стоит туманная, с мелким дождем,

---

115 Новосиб. словарь, с. 586.
116 *Даль*³ IV, стб. 1352.
117 *Фасмер* IV, с. 368.
118 Там же.
119 *Фасмер* IV, с. 358.
120 *Фасмер* IV, 358.
121 Указ. соч., с. 368.
122 Там же.
123 *Даль*² IV, с. 609.
124 Новосиб. словарь, с. 586.
125 Дополнение к Опыту, с. 91.
126 *Pokorny*, S. 733.
127 *Гринченко* II, 451.
128 *Білецкий-Носенко*, с. 230.

погода' [129], рус. диал. *пóморок* 'пасмурная погода', псков., твер., осташ. *пóморочь* 'темнота от набежавших туч'; 'бессознательное состояние человека, столбняк' [130] и твер. *пáморок* 'мелкий частый дождь в виде тумана' [131], ср. еще *марáкóсить*, *маркосúть* [132], *меркасúть*, *меркосúть* [133] — всё 'идти (о мелком дожде)'; ср. также укр. *мгúчка* 'мелкий дождь' [134].

А. С. Львов

ИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ

19. К этимологии слов с основой *моск-от'-*

В словарях русского языка XIX в. мы находим статью: «*Москоть* ж. собир. Так называется вообще краски, селитра, купорос, нефть и пр. Торговать москотью» [1]. Со временем заглавное слово этой словарной статьи видоизменилось: «*Москатель*, *-и*, ж. собир. Некоторые химические вещества (краски, клей, масла и др.) как предмет торговли»[2].

Слово *москоть* признается заимствованным либо из греческого μόσχος > μόσκος, известного, в частности, и в значении 'мускус' [3]; либо из голландского *muskaat* или немецкого *Muskat*(*e*) [4].

Возведение *москоть* к греческому μόσχος > μόσκος следует признать недоразумением, потому что греч. [o] в словах, заимствованных устным путем, последовательно передается через *оу* [*u*], ср. *артоусъ* 'освященный хлеб' — ἄρτος; *моускоусъ* — μόσκος < μόσχος; *пароусъ* — φᾶρος; *оуксоусъ* — ὄξος [5] и т. п. Кроме того, необъясненным остается и замена греч. конечного ς в славянском на [*т*'], не говоря уже о семантических затруднениях (см. ниже).

Таким же необоснованным является признание слова *москоть* заимствованным из голландского *muskaat* или нем. *Muskat*(*e*), так как звук [u] при заимствовании не подвергся бы изменению.

---

[129] *Гринченко* II, 451.
[130] Доп. к Опыту, с. 198.
[131] Доп. к Опыту, с. 172.
[132] *Даль*[3] II, стб. 779.
[133] Указ. соч., стб. 837.
[134] *Гринченко* II, с. 414.

[1] Словарь Академии Российской, ч. III. СПб., 1814, с. 861; Словарь церковнославянского и русского языка, т. II. Изд. 2. СПб., 1867, с. 681; *Даль*[3] II, стб. 913.
[2] *Ушаков* II, с. 264; ССРЛЯ 6, стб. 1285.
[3] *Miklosich*, S. 202; *Преображенский* I, с. 559.
[4] *Фасмер* II, с. 661.
[5] *Фасмер М. Р.* Греко-славянские этюды, III. СПб., 1909, с. 4, 35, 131, 144, 208; *Селищев А. М.* Старославянский язык, ч. I. М., 1951, с. 119; *Бернштейн С. Б.* Балто-славянская общность. — В кн.: Славянская филология, I. М., 1958, с. 53 и след.

(Правда, у Срезневского *мошкатъ* со ссылкой на «Хождение за три моря» Афанасия Никитина по сп. XVI в. [6]) Заимствование из голландского языка могло совершиться не ранее XVII—XVIII вв. Однако слово *москоть* употреблено в берестяной грамоте № 413, датируемой (стратиграфически, чему не противоречат и палеографические данные) началом XV в., причем в значении, не связанном с голл. *muskaat*. В берестяной грамоте № 413 некто Семен (оть смона) обращается с челобитьем к попу Ивану: цо бы еси моего *москотьѧ* . . . пересмотреле дадбы хорь не попортиль [7].

Москотьѧ — род. п. ед. ч. от *москотье*, т. е. от собирательной формы, образовавшейся присоединением суф. *-ьје* к *москот'* — так же, как *бисерье* от *бисьръ*, *былье* от *былѣ*, *зелье* от *зель*, *перье* от *перо* и т. д. При этом *москотье* обозначает вещи, которые может попортить моль (слово *хорь* известно и в значении 'моль', 'тля' [8]).

В памятниках старорусской письменности к москотинным товарам, помимо химических веществ, относили много других предметов. Приведем несколько примеров (в основном из картотеки ДРС): А Ивашкова. . . *москотинного* товарꙋ две коробки а в них. . . сто мошон женских. н҃ мешечков шолковых. . . (1648 г.) [9]; . . . *москотинного* товарꙋ две коробки а в них. . . и҃ї киндяков уских н҃ козырей бархатных [10]; явил товару. . . 33 чюлки и рукавицы вязаные (1634 г.) [11]; въ ту же коробью положена мошна вязаная. . . да мошна шитая. . . (1657 г.) [12]; куплено в *москотильном* ряду голубцу (голубая медная краска) ѳунт. чем крашены въ комедииных полатахъ. . . (1673 г.) [13]; куплено. . . въ *москотильномъ* ряду 15 фунтов клею. . . (1687 г.) [14] и т. п.

Мошна, *мошня* — это сумка (дамская), вид кошелька. Мошну носили на поясе или на цепочке, ср.: поясъ верхней. . . на немъ же мошна. . . [15]; я же даю за дочерью. . . приданного. . . чепочка серебряная. . . на той чепочки мошня низаная (1692 г.) [16].

---

[6] Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. М.—Л., 1948, с. 21 и сл.

[7] *Арциховский А. В.*, *Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1962—1976 годов. М., 1978, с. 15, 17—19. В грамоте № 413 употреблено только ь; *ц* вм. *ч* и *ц*; характерный для новгородской письменности перфект с неясным окончанием *-е*: *еси. . . пересмотреле*; ср. еще: *въдале есмь* (берест. гр. № 19); *еси приходиле* (берест. гр. № 105) и т. д.; *дадбы* по описке вм. *дабы*.

[8] *Даль*[3] IV, стб. 1225.

[9] Таможенные книги Успенского Тихвинского монастыря. — Рукопись ЛОИИ, ф. 132, оп. 2, л. 50.

[10] Там же, л. 50 об.

[11] Таможенные книги Московского государства XVII в., т. 1. М.—Л., с. 123.

[12] Роспись всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти боярина Никиты Ивановича Романова. . . — В кн.: Чтения ОИДР, кн. 3, отд. 1. М., 1887, с. 79.

[13] Московский театр при царях Алексее и Петре. — В кн.: Чтения ОИДР, кн. 2, отд. 1. М., 1914, с. 30.

[14] Дополнения к Актам историческим, т. XII. СПб., 1872, с. 318.

[15] *Забелин И.* Домашний быт русских царей в XVI—XVII ст., ч. II. М., 1915, с. 786.

[16] Акты Московского уезда XVII в. — Рукопись ЛОИИ, карт. № 79.

Заметим, что мошны, чулки, рукавицы вязались обычно из шерстяной нити, их прежде всего портила моль.

Таким образом, из приведенных данных видно, что к москотинным товарам относились как изделия из шерсти, различных тканей, кожи (ср. мошна ременная (1654 г.) [17], так и краска, клей и т. п.

В памятниках зафиксированы следующие производные от основы *москот'-*: *москотье*, *москотинныи*, *москотильныи*. Последняя форма из *москотинный* в результате диссимиляции *н'н* > > *л'н* [18]; на базе последней позже появились *москотельный*, *москательный* по аналогии с такими прилагательными, как *растительный*, *дательный* и т. п. и образовалось новое существительное *москотиль*, *москотель*, ср.: А прiѣдетъ новгородецъ на Ругодивъ съ воскомъ или съ бѣлкою или *москотилемъ* (1481 г.) [19]. Следует отметить существование формы *москотина*, от основы которой образовано прилагательное *москотинный*, а также фамилия *Москотиневъ*, ср.: Iванъ *Москотиневъ* челом бьет [20]; существительное *москотинникъ* образовано от основы прилагательного, ср.: на суде были дворьскои Ермола да Сурень *москотинникъ* да Боракъ Кожевникъ (до 1470 г.) [21]. Глагольные формы не встретились.

Таким образом, в процессе естественного словообразовательного процесса оформились *москоть*, *москотье*, *москотина*, *москотинныи*, *москотинникъ*. Помимо этого, в результате утраты ощущения живой основы возникли слова *москотильный*, *москотельный*, *москотиль*, *москотель*, свидетельствующие о том, что первичная основа стала немотивированной.

Но и основа *москот'-*, по всем данным, производная, такого же типа образование, как *вѣхъть* 'мочалка, тряпка' (первоначально 'связанный пучок травы') от *вѣха* 'трава, растение' [22], ср.: *вѣхоть* соломы далъ (1228 г. — Ипат. лет., л. 301 об.) [23]; вьспотивсѧ ѡтерь сѧ *вѣхтемь* (1071 г. — Ипат. лет., л. 65 об.) [24]. Суф. *-ъть* имеет соответствие в балтийских языках: *-utis*, ср. др.-прус. *nagutis*, лит. уменьш. *nagũtis* и слав. **nogъtь*; ст.-слав. тръхъть или тръхътъ minutum, чеш. *trochet* 'крошка', лит. *trupùtis* 'крошка' от *trùpinti* 'крошить' [25]. Таким же образом *москоть* < **mosk-ъtь*. Образование прилагательного от основы

[17] Акты Астраханской воеводской избы XVII в. — Рукопись ЛОИИ, ф. 178, № 2922.

[18] *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. Изд. 4. М., 1907, с. 109.

[19] *Срезневский* II, стб. 176.

[20] Грамотки XVII—нач. XVIII в. М., 1969, с. 154.

[21] РИБ, т. 32. Пг., 1915, с. 35.

[22] *Филин* 4, с. 208 и след.

[23] ПСРЛ, т. II, с. 912.

[24] Там же, с. 166.

[25] *Meillet.* Études², p. 288; *Trautmann* BSW, S. 192; *Trautmann R.* Die altpreussischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1906, S. 451; *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves, t. IV. Paris, 1974, p. 699 e. a.

москотин-а свидетельствует, что основа *москот'* — уже в XIV—XV вв. была немотивированной. Вообще образования типа *вѣхъть*, *москъть*, *тръхъть* и т. д. относятся к древнейшим [26]. По-видимому, суф. *-ъtь* < *-utis* первоначально был с уменьшительным значением, о чем можно судить по тексту Л XII, 59, где сказано: не імаши ізити отътждѣ (т. е. из темницы — *А. Л.*) дондеже і послѣдьни *трьхоть* въздаси (Зогр. л. 183). Это явно перевод лат. non exies inde, donec etiam novissimum minutum reddas; в греческом. . . τὸ ἔσχατον λεπτὸν ἀποδῷς. Греч. λεπτον не переводили.

Первичное значение основы *моск-* ныне не ясно, но употребление слова *москотье* в берестяной грамоте № 413 позволяет предполагать, что этим словом обозначались вязаные из шерсти и, может быть, суконные изделия. В этом случае *моск-* восходит к и.-е. **mezg- / mesk-* 'вязать, плести', ср. лит. *mezgù*, *mègsti* 'вязать, плести'; *mãzgas*, лтш. *mazgę* 'узел', лит. *makstýti* (*ks* < *sk*) 'плести', др.-в.-нем. *mâsca*, англосакс. *mōes*, др.-исл. *mǫskvi* 'петля' и т. д. Сюда же под вопросом относят рус. *мазгарь* 'паук' [27]. *Мазгарь*, вполне возможно, из *мозгарь* — либо по межслоговой ассимиляции, либо под влиянием аканья. По происхождению неславянский, суф. *-арь* употребляется с древних пор, ср. *гръньчарь*, *знахарь*, *лѣсарь* и др. *Мозгарь* 'плетельщик' (о пауке). Рядом в том же значении фиксируется *мизгирь*, которое должно быть из *мезгырь* или *мѣзгырь* по типу: *водырь*, *поводырь*, *косырь* и т. п. После перехода *гы* > *ги е* в первом слоге по ассимиляции стал звучать как *i*, что неоднократно отмечалось многими исследователями [28].

Торговля москотинным товаром на Руси была сильно развита. Так, по ведомости о составе посадских людей города Чебоксар в 1721 г. «купецких и мастеровых» значилось более 330, из которых 92 либо «сидит за москотинным товаром в лавке», либо «ездит с москотинным товаром в разные уезды» [29]. Как мы показали выше, уже в XVI в. состав москотинного товара был весьма разнообразен, так что удельный вес вязаных вещей мог быть незначительным. Возможно, этот факт повлиял на деэтимологизацию основы *москот'-*.

20. *Шупашкар* (*Šubaškar*)

Приведенное слово является чувашским названием города Чебоксары. В известном словаре Н. И. Ашмарина оно приведено в трех вариантах: *Шапашкар*, *Шопашкар*, *Шупашкар* [30], из которых

---

[26] *Фасмер* I, с. 308.

[27] *Pokorny*, S. 746; *Fraenkel*, S. 426 e. a.; *Trautmann* BSW, S. 172 e. a.

[28] *Zubatý*. Etymologien. — AfslPh, 1893, XV, S. 479; *Berneker* II, S. 28; *Trautmann* BSW, S. 172; *Фасмер* II, с. 558, 619 и след.

[29] *Димитриев В. Д.* Документы по истории г. Чебоксар XVII—XVIII вв. — Учен. зап. НИИ языка, литературы и экономики, вып. XXI. Чебоксары, 1962, с. 289—306.

[30] *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка, вып. XVII. Чебоксары, 1950, с. 126, 224.

написание и произношение слова с начальным *ша-* представляется более древним. В чувашском языке [*a*] в начальном слоге, лабиализуясь, перешло в верховом наречии в [*o*], а в низовых наречиях в [*u*][31]. Этот фонетический процесс бесспорно фиксируется с XV в.[32] Н. Ф. Катанов полагает, что этот процесс отражен в эпиграфических памятниках Поволжья XIII—XIV вв., писанных арабским алфавитом[33].

Слово *Шапашкар* относится к образованиям типа: *Сыктывкар*, *Кудымкар*, *Шурышкар*, *чашкар* и т. п., в которых *-кар* обозначает 'город', 'селение', 'место'. На языке коми *Сыктыв-* название р. Сысола, *кар-* 'город', мар. *шурыш-* 'болото', *чашкар* 'чащоба', т. е. 'место, плотно заросшее кустарником'. Элемент *-кар* в указанных значениях широко употребляется в качестве самостоятельного слова в финно-угорских, особенно пермских, языках[34]. Некоторые ученые признают слово *кар* иранизмом, иранизмы в финно-угорских языках фиксируются в значительном количестве[35]. Чувашский язык не знает слова *кар* в указанных значениях, в нем употребляются соответственно *хула*, *хола* из др.-тюрк. *qala* 'город'; *ял* 'селение, деревня' из др.-тюрк. *aγïl*, первоначально 'загон для скота'[36]. *Кар* в чувашском изредка встречается в составе топонимических названий, в основном на территории, близкой к горномарийскому району Марийской АССР, вроде: *моркар*, *шашкар* и некоторых др., которые не воспринимаются как сложные слова и их этимоны местным жителям неясны.

Элемент *шапаш-* рассматриваемого слова также находит соответствие в марийском *шова́ш* 'бурак, маленькая кадушка для пива'[37], *ша́ваш* 'кадушка, долбленка'[38], последнее И. Рамстедт отметил также в горномарийском в значении 'большая посудина для хранения белья и одежды'[39]. В верховом наречии чувашского языка зафиксировано *шопашка* 'долбленая кадка из цельного дерева, в которой хранятся белье и одежда'[40]; в низовом наречии, а также в части верхового — этого слова не знают и вместо него в том же значении употребляют *çӳnçe*, имеющее генетические соответствия в ряде других тюркских языков[41]. Слово *шопашка* таких

[31] *Егоров В. Г.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, ч. 1. Чебоксары, 1954, с. 159 и след.
[32] *Benzing I.* Einführung in das Studium der altaischen Philologie und Türkologie. Wiesbaden, 1953, S. 127.
[33] *Катанов Н. Ф.* Чувашские слова в булгарских и татарских памятниках. Казань, 1920, с. 7, 13.
[34] *Лыткин — Гуляев*, с. 116 и сл.
[35] *Лыткин В. И.* О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках. — Изв. ОЛЯ, 1951, т. X, вып. 4, с. 385—392; *Он же.* Пермско-иранские языковые контакты. — ВЯ, 1975, № 3, с. 84—97; *Joki A. I.* Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen. Helsinki, 1973.
[36] Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 410 и 18; *Егоров*, с. 303 и 352.
[37] Марийско-русский словарь. М., 1956, с. 711.
[38] Там же, с. 687.
[39] *Ramstedt J.* Bergtscheremissische Sprachstudien. Helsingfors, 1902, S. 223.
[40] *Ашмарин Н. И.* Указ. соч., т. XVII, с. 224.
[41] *Егоров*, с. 223.

генетических соответствий в других тюркских языках не имеет. М. Рясянен утверждает, что луговые марийцы город Чебоксары называют *Šovakš eŋer* [42]. До Рясянена об этом же писал Н. И. Золотницкий: «луговые черемисы называют город Чебоксары *Шабакшинэрь* [43] (вм. *Шабакш инэрь* — 'кадка+речка' = 'кадка с речки' (?) — *А. Л.*). Поскольку, как заметил Рамстедт, горные марийцы тот же город называют *Шавашар* [44], то ясно, что в горномарийском с ранних пор развивалась спирантизация, взрывные либо заменялись плавными, либо выпадали, поэтому *Шапашкар* дало *Шавашар*.

Судя по приведенным данным, название города Чебоксары — *Шапашкар* является марийским словом. Чуваши, или булгары, поселились в северных лесных районах, в том числе, надо полагать, и в Шапашкаре, после 1236 г. (в этом году пало Булгарское государство) [45]. По археологическим данным Шапашкар как город существует со второй половины XIII в., или, по крайней мере, не позднее начала XIV в. [46] Первоначально это могло быть небольшое марийское селение, где жители занимались изготовлением кадушек. Позднее, в XIV—XVI вв. Шапашкар стал городом с развитым ремеслом, в частности, с широко развитым изготовлением деревянных изделий как долбленых, так и клепаных, точеных и т. д.[47] «В раннем комплексе чебоксарской керамики. . . в определенной степени сочетаются черты как финно-угорского, так и булгарского керамического производства» [48], — пишут археологи. Этот факт явно свидетельствует о том, что в городе жили и марийцы и чуваши; позже чуваши ассимилировали марийцев.

Н. Я. Марр считал, что *Шупашкар* значило «город шупашей», т. е. чувашей [49]. К этой этимологии присоединился В. Г. Егоров. Известно, что марийцы чувашей называют *суаз*, а это последнее, по мнению В. Г. Егорова, марийцы могли произносить и *шуваш*, откуда и *чаваш* [50]. При этом автор не отрицает того факта, что первоначально Шупашкар был марийским селением. Как же так: своему селению марийцы дали чувашское название? Как мы отметили выше, первоначальное название селения могло быть только *Шапашкар*. А это исключает фонетическое сближение *суаз* и *шапакша* или *шавакша*.

---

42 *Räsänen M.* Die tchuwassischen Lehnwörter im tscheremissischen. Helsinki, 1920, S. 267.
43 *Золотницкий Н. И.* Корневой чувашско-русский словарь. Казань, 1875, с. 258.
44 *Ramstedt J.* Op. cit., S. 124.
45 *Карягин Ф. А.* Перепесенные названия и их связь с историей заселения Чувашской АССР. — В кн.: Ономастика Поволжья, 2. Горький, 1971, с. 190 и след.; *Краснов Ю. Л.*, *Каховский В. Ф.* Средневековые Чебоксары. М., 1978, с. 160 и след.
46 *Краснов Ю. А.*, *Каховский В. Ф.* Указ. соч., с. 10—22, 156.
47 Там же, с. 104—128.
48 Там же, с. 162.
49 *Марр Н. Я.* Чуваши-яфетиды на Волге. Чебоксары, 1925, с. 70.
50 *Егоров В. Г.* Современный чувашский литературный язык. . ., с. 20.

По Е. Г. Корнилову, Шубашкар представлял собой булгарскую крепость, что якобы видно из состава слова *шубаши* < др.-тюрк. *sü baši* 'военачальник' и *кар* 'город', 'крепость', 'укрепление' [51]. При этом автор не объясняет, почему с булгарским, по его мнению, словом *шубаши* соединено финно-угорское *кар*. В чувашском языке 'войско' обозначается не *sü* (оно известно в основном в восточнотюркских языках), а *çар* < др.-тюрк. *čerig* < др.-инд. *kṣatrika-*, получившего почти общетюркское распространение [52]. Переход *r* > *ç* мы наблюдаем в *arïk* > *ӳçĕ* 'горький', отпадение же конечного *g* в чувашском достаточно известно. Следовательно, в чувашском языке древнетюркское *sü baši* передается как *çар пуçĕ* < **s'ar baši*. Это значит, что *шубаши* не могло войти в русский язык из булгарского языка. В Хрестоматии С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, откуда взял Корнилов слово *шубаши*, последнее — из сочинения И. С. Пересветова «Сказание о Махмет салтане», написанное в XVI в., где читаем: Да послал (Махмет салтан) по городом. . . паши вѣрныя і кадык, і шубаші, і амини (изд. 2, с. 249). Совершенно ясно, что в этом тексте *шубаши* — турецкое слово. Как название какого-то турецкого начальника употребил слово *шубашь* и Афанасий Никитин [53]; в виде *субаша*, *шубаша*, как заимствование из турецкого языка, слово известно в разных значениях в сербохорватском, болгарском, албанском [54].

Г. Ф. Одинцов

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКИХ НАЗВАНИЙ БОЕВЫХ НОЖЕЙ

Эта статья построена на ограниченном материале письменных памятников XI—XVII вв.: в ней не рассматриваются сущ. *кинжалъ* и созвучные с ним слова, уже описанные нами [1]. О.-слав. *ножь* (ср. ст.-слав. ножь, болг. *нож*, макед. *нож*, с.-хорв. *нôж*, род. п. *нóжа*, словен. *nòž*, род. п. *nóža*, чеш. *nůž*, словац. *nôž*, польск. *nóż*, род. п. *noża*, в.-луж., н.-луж. *nož*, укр. *ніж*, род. п. *ножа*, блр. *нож*) неотделимо от *заноза*, *вонзить*, *пронзить* и возводится к **nozi̯os*; далее сближается с греч. νύσσω, атт. νύττω 'колю', буд. вр. νύξω, ирл. *ness* 'рана' (< **nekso-*) [2]. Его семан-

[51] *Корнилов Г. Е.* Почему по-русски Чебоксары, по-чувашски Шубашкар? — В кн.: Ономастика Поволжья, 2, с. 165 и след.
[52] Древнетюркский словарь, с. 144; *Егоров*, с. 203.
[53] Хождение за три моря Афанасия Никитина, с. 51.
[54] *Skok* III, с. 355.

[1] *Одинцов Г. Ф.* Из истории формирования и развития системы старорусских названий кинжалов и шпаг. (*Кинжалъ* и созвучные с ним слова в системе русских оружейных терминов) (рукопись).
[2] *Фасмер* III, с. 80.

тика — 'острое (режущее) орудие, используемое в труде, быту, на охоте и в военном деле'. Рассмотрим его преимущественно как название оружия.

Др.-рус. *ножь* встречается уже в «Изборнике 1076 г.»: бѣсовьскъ то ѥсть ножь (μάχαιρα) на ны обостренъ, л. 72 [3].

В памятниках книжно-славянских др.-рус. *ножь* обозначает то 'нож, в том числе боевой' («сн҃ъ твои Леѡнъ нож (μαχαίριον) при бедрѣ носить, хотѧ тѧ оубити». Хрон. Г. Амарт. XI в., сп. XIV в.) [4], то 'меч', судя по заменам *мечь* на *ножь* в текстах, передающих один и тот же эпизод: 1) ркоша . . . поразимь мечемь и порази ѥдинъ нѣкыи ѿ нихъ раба старѣишины жьрьчьска и ѿрѣза ѥмоу оухо десноѥ ѿвѣщав же Іс҃ рче (так! — *Г. О.*) оставите до сего, и косну || въ оухо ѥго и исцѣли [5]; 2) рѣше . . . оударимь ножемь. и оудари ѥдинъ нѣкы' ѿ нихъ ар'хїереѡва раба, и ѿрѣза ѥмоу оухо десноѥ. ѿвещав же Іс҃ъ. ре҄. ѡставите до сего. и косноувь вь оухо ѥго исцѣли и [6].

Ножь на месте *мечь* имеем и в Остром. евангелии: Извлѣче ножь свои и оударь раба архиереова и оурѣза ѥмоу оухо. XI в. [7] Эти колебания в выборе слова понятны: в греч. подлиннике словоформе *ножь* вин. п. соответствует словоформа μάχαιραν. А др.-греч. μάχαιρα многозначно: 1) 'жертвенный нож'; 2) 'короткая сабля или кинжал'; 3) 'меч' [8]; ср. ср.-греч. μάχαιρα 'sword', т. е. 'меч; шпага, сабля; рапира' [9]. Греч. μάχαιρα переводилось и словосочетанием *копиѥ четверѫмоострое*, словами *мечь*, *ороужиѥ* в Хронике Георгия Амартола.

Как видим, довольно широкая семантика греч. μάχαιρα обусловливала употребление в переводах др.-рус. *ножь* с более широкой, чем современная нам, семантикой.

Такое употребление слова *ножь* как военного термина является наиболее древним и имеет за пределами языковых явлений свои причины. Меч возник, вероятно, вследствие удлинения ножа с целью увеличения его режущей части для расширения площади рассечения при нанесении удара [10]. Первые бронзовые мечи были не длиннее 70 см. Не случайно «в виде пережитка меровингской эпохи . . . на Руси в X в. встречался иногда скрамасакс — боль-

---

[3] Изборник 1076 года. М., 1965, с. 293, 714.

[4] *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Пг., 1920, с. 525; т. III. Л., 1930, с. 119 — Греч. μαχαίριον переводится в этой хронике только словом *ножь*.

[5] Евангелие XIII в. Рукоп. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Fn. I. 9, л. 131—131 об.

[6] Евангелие XIV в. Рукоп. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Fn. I. 109, л. 232.

[7] *Срезневский* II, стб. 463.

[8] *Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь, т. II. М., 1957, с. 1056.

[9] *Sophocles E. A.* Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods. Boston, 1870, p. 737.

[10] *Бобчева Л.* Въоръжението в нашите земи през късно римско време. — В кн.: Военно-исторически сборник. Год. XXVI, 1957, № 2, с. 38.

шой боевой нож, являвшийся типичным оружием франков» [11]. Определяя *scramasax* как 'долгий однолезвийный нож', оружиевед Гавро Шкриванич подчеркивает, что «такой нож употреблялся на Руси еще в X веке» [12]. Большой рубящий нож типа скрамасакса вполне мог быть у древних славян «суррогатом меча и сабли» [13]. Таким образом, толкование др.-рус. *ножь* как 'culter, gladius' [14] имеет глубокий смысл.

Следует отметить, что на наиболее древний вид ножа указывает книжное словосочетание *нож(ь) каменъ* (и *ножы каменны*): въ оно же вре́мѧ ре́че гь Iсꙋсꙋ, сътвори себѣ ножа ка́менны [15] ѿ камы́ка тве́рда и̂ сѣдъ ѡбрѣжи сн͠ы Iи͠левы, в'торо́е. и̂ сътвори Iсꙋсъ себѣ ножа камены остры (Iисус Навин, гл. 5) [16]. Синоним этого составного термина — книжн. арх. *каменъ изощренъ*: и̂ вꙁемши семфо́ра, камень несѣкомъ иꙁощренъ. и обрѣꙁа. . . [17].

Другие книжные обозначения ножа — *процепъ* σμίλη 'culter' (Жит. Февр. Мин. чет. iюн., XVI в. ~ XV в.) [18], *рѣзальникъ* 'нож' (Iо. екз. Бог. 367, по сп. до 1200 г.; Жит Онуфр. Мин. чет. iюн. 161. XVI в. ~ XV в.) [19]. *Рѣзальникъ* в обоих случаях не указывает на воинский нож, но, по-видимому, могло на него указывать, судя по семантической мотивированности при словообразовании (**rězadlьnikъ* — **rězadlьnъ(jь)* — от **rězadlo* 'то, чем режут', **rězadlo* — от *rězati*) и по лексическому значению однокоренного с ним сущ. *рѣзательница* 'меч' [20]. По словарям, *rěza(d)lьnikъ* ни в одном из славянских языков не вытеснил сущ. *nožь*, и можно думать, что утверждение термина *nožь* в ущерб слову *rěza(d)lьnikъ* произошло еще в праславянском, так что приведенное ц.-слав. *рѣзальникъ* — слово пассивного словарного запаса уже в XIII—XV вв., мужской род которого вполне мог быть обусловлен грамматическим родом слова *nožь*, и тогда *rěza(d)lьnikъ* могло обозначать лишь частную разновидность ножа, предназначенную преимущественно для резания, а не прокалывания. Еще более редким и явно архаичным было др.-рус. ц.-слав. *стрѣкатель* 'острие, оружие' (Панд. Ант. XI в., и. 245) [21], производное от *стрѣкати* 'ко-

---

[11] *Арциховский А. В.* Оружие. — В кн.: История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1948, с. 422.

[12] *Шкриванић Г. А.* Оружје у средњовековној Србији, Босни и Дубровнику, Београд, 1957, с. 64 и 79.

[13] Acta archaeologica Universitatis Lodziensis, 1954, N 3. Lódź, с. 120.

[14] *Срезневский* II, стб. 463.

[15] В «Библии», изданной в Москве в 1663 г. (Iисус Навин, гл. 5, стб. 1), на этом месте *ножы каменны*.

[16] Библиа. Издал Иван Федоров. Острог, 1581.

[17] Там же. Исход, гл. 4, стб. 2.

[18] *Срезневский* II, стб. 1605: Вземъ процепъ, коснуся.

[19] *Срезневский* III, стб. 217. Второй контекст: Ꙗко же врачь рѣзальникъ свои на очiю.

[20] *Дьяченко Г. М.* Полный церковнославянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М., 1900, с. 564.

[21] *Срезневский* III, стб. 567.

лоть', 'жалить', 'вырезать', ср. сущ. *стрѣкало* 'бодец', 'стрекало', 'орудие пытки', 'врачебный нож' [22].

Церковнославянские обозначения ножа как оружия не сыграли существенной роли в развитии рассматриваемой нами тематической группы слов; все они в XVII в. исчезают; мы не обнаружили их даже в азбуковниках XVII в., в которых книжная лексика вообще представлена достаточно широко.

Переходя к употреблению слова *ножь* в народно-литературных памятниках письменности, подчеркнем, что из них никак невозможно вывести семантическое определение этого термина 'нож, меч', данное И. И. Срезневским и совершенно оправданное, если говорить только о книжно-славянских памятниках письменности с присущей им архаичностью языка.

Дело в том, что в памятниках народно-литературных семантика 'gladius' при употреблении в них слова *ножь* не выявляется; даже тогда, когда словом *меч* обозначается, казалось бы, всякое холодное коляще-рубящее оружие, слова́ *мечь* и *ножь* ни в коем случае не отождествляются. Например, в «Летописи Авраамки» (ПСРЛ XVI, с. 66) в записи под 1330 г. сообщается, что татары «овых мечи иссекоша, а иных ножи изрезаша». Мечами здесь названы сабли [23], но несмотря на такую вольность, летописец не счел возможным обозначить словом *меч* и понятие 'нож', употребив сущ. *нож* рядом с сущ. *меч*. Сказанное о семантически более узком употреблении древнерусского *ножь* за пределами книжно-церковной письменности подтверждается тем, что в «Словнике староукраїнської мови XIV—XV ст.» (т. 2. Київ, 1978, с. 56—57), базирующемся преимущественно на материале деловых и народно-литературных памятников, слово *ножь* определяется однозначно как 'ніж' и иллюстрируется вполне соответствующими этому примерами.

В летописных текстах *ножь* не всегда 'оружие, специально изготовленное для военных целей'. Так, в записи под 1015 г.: поваръ же Глѣбовъ именемь Торчинъ вынезъ ножь зарѣза Глѣба (Лавр. лет., ок. 1377 г., л. 46 об.) [24] — возможно, речь идет о ноже кухонном [25]. Однако в записи под 1022 г., где сообщается о поединке: (Мстиславъ) вынзе ножь [и] зарѣза Редедю (Лавр. лет., л. 50) [26], *ножь* — 'воинское оружие' («кинжал милосердия misericordia, которым пользовались в подобных случаях западноевропейские рыцари» [27]). Как название холодного оружия фигурирует слово *ножь* и в записи под 1238 г.: козлѧне *ж* (жители

---

[22] Там же.
[23] *Рабинович М. Г.* Вооружение новгородского войска. — Изв. АН СССР, серия истории и философии, 1946, № 6, с. 557.
[24] ПСРЛ I. М.—Л., 1962, с. 135.
[25] *Рабинович М. Г.* Из истории русского оружия XI—XV вв. — Труды Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия, I. М.—Л., 1947, с. 70.
[26] ПСРЛ I, с. 147.
[27] *Рабинович М. Г.* Из истории русского оружия. . ., с. 70.

г. Козельска. — *Г. О.*) ножы рѣзахꙋсѧ с ними (татарами. — *Г. О.*) (Лавр. лет., л. 245 об.) [28].

Здесь мы сталкиваемся с любопытным употреблением термина *ножь* как названия весьма важного оружия характерного (древне)-русского рукопашного боя [29]. Чистой случайностью следует признать то, что в памятнике лишь XVII в., а не более раннем встречается слово *ножь* как название незаменимого оружия разведчиков: И захватиша (казаки. — *Г. О.*) у двух татар платами гортани их, чтоб не крычали, и заколоша их ножем. (Сказ. пов. об Азовск. вз., 70—80 гг. XVII в., с. 101—102. — Картотека ДРС). Нож упоминается и как оружие мести женщин: (1128 г.) нѣколи же єму (Рогволоду. — *Г. О.*) пришедшю к неи. (к Рогнеде. — *Г. О.*) и оуснувшю. хотѣ и зарѣзати ножемь. (Лавр. лет., л. 99 об.) [30]. Возможно, *ножь* в двух последних контекстах указывает на обоюдоострое небольшое холодное оружие типа кинжала, ср. составной др.-рус. термин *ножь обоюдоуостръ* [31].

На *ножь* как на название оружия указывают и фигуральные его употребления: 1) Не пріидохъ вложити миръ, но рать и ножь (Послание Іосифа к Нифонту. 1493 г. — РИБ VI. 1880, стб. 834), 2) (1097 г.) вверже[нъ] в ны ножь (Слова Владимира Мономаха о начале усобиц между древнерусскими князьями. — Лав. лет., л. 88 об.) [32]. Ср. известное и в наши дни выражение *они на ножах* — 'враги' [33].

К составным терминам, включающим в себя сущ. *ножь* 'воинское оружие', относятся прежде всего *великъ ножъ* и *ножъ долгои* [34]: Романець извлекъ великъ ножь и удари в ребра святаго (князя Михаила Тверского. — *Г. О.*) (Моск. летоп. свод к. XV в., л. 215) [35]; Да Муртоза бакшей ограбилъ Осташкова сына Рязанцова, а взялъ саблю, а цѣна ей полтретьятцать алтынъ, да сорокъ стрѣлъ . . . да ножъ долгой, да калпакъ (Посольство вел. кн. Ивана Васильевича. 1496 г. — Сб. РИО XII. СПб., 1884, с. 230). Конечно, долгий нож может быть и кухонным, но в данных употреблениях это исключается. Ср. пословицу: Не все те повара, у кого ножи долгие, *живодеры*, *разбойники* [36].

---

[28] ПСРЛ I, с. 522.

[29] О характере русского рукопашного боя в древности см.: *Никитский А. И.* Военный быт в Новгороде XI—XV столетий. — Русская старина, 1870, т. I, с. 182—186.

[30] ПСРЛ I, стб. 300.

[31] Житие и чудеса святого Николая Мирликийского. СПб., 1881, с. 43. XI в., сп. XIV в. — Картотека ДРС.

[32] ПСРЛ I, с. 262.

[33] *Даль*² III, с. 553.

[34] Ср. «Боевым ножом считается в современных трудах такой, длина клинка которого составляет не менее 20 см». — Acta archaeol. . ., с. 68; «Возможно, к боевым ножам следует отнести некоторые ножи длиной свыше 20 см». — *Кирпичников А. Н.* Русское оружие ближнего боя (X—XIII вв.). Дис. на соискание учен. степ. канд. ист. наук. Л., 1963, с. 280.

[35] ПСРЛ XXV. М., 1949, с. 165.

[36] *Даль*² III, с 553. Представленный выше материал заставляет усомниться в категоричности следующего утверждения: «Ножи нельзя причислить

Любопытно составное наименование *ножь турскои, саблею*, — по-видимому, речь идет либо о ятагане, либо о подобии ятагана (само слово *ятаган, атаган* в памятниках XI—XVIII вв. не обнаружено): Ножь стальнои турскои, саблею, съ доломъ съ кованымъ; на тылѣ 2 долика, а с обѣ стороны въ дву мѣстѣхъ по 2 долика наведены золотомъ; черенъ кость волчья бѣла. Ор. Бор. Ѳед. Год. 1589 г., 31 [37].

Другие составные наименования: *нож оправнои* (а грабежемъ . . . оборвали съ насъ . . . ножи оправные и плети. Челобитная атамана Н. Васильева. 1658 г. — Дон. д. V, с. 360. — Картотека ДРС); *ножъ подсаадашнои* (и *подсаидачнои*. — Кн. переп. Соловецк. м.-ря и Анзерской пустыни. 1711 г.) [38]: ножъ по*д*саадаш'но*и* б*ꙋ*ла*т* красно*и*, по ѻбѣимъ стѡ|ронамъ врѕывано ѕолото черенъ бѣло*и* рыбе*и* з*ꙋб* | а в немъ врѕывано ѕолото. . . Кн. описная 1687 г. Оружейной палаты [39]; *нож с опояскою* (проданы Тимофѣевские ножи с опояскою да нагавиче*н*ка, взя*т*о 2 а*л*тына. Прих.-расх. кн. Волокол. № 3, л. 25. 1579—80 гг. — Картотека ДРС); *нож срядной*, — по толкованию авторов публикации, «нож, входивший в полный набор одежды ратника, т. е. входивший в состав сряда» [40] (Турал взял . . . 2 портища добрых. . . да нож немецской срядной, 2 кожи телятинных. Да сын его. . . взял саблю добрую. 1638 г.) [41]. Ср. *срядный* 'нарядный, богато одетый, празднично убранный' — твер., арханг. (мезен.), кашин., валд., кунгур., ростовск., костр., шенкур. (Картотека БАС), так что словосочетание *срядный нож* могло указывать на ценный, богато инкрустированный золотом и драгоценными камнями нож. Ср. упоминание о *нарядном*, т. е. 'украшенном драгоценностями', *ножике* в следующем контексте: велѣ^л^ дѣла^ти^ к гдрвꙋ | наря^д^номꙋ ножикꙋ к но^ж^намъ ѕолоты^м^ | с каме^н^емъ к поцепо^ч^ки два наконе^ч^ни^ч^ка ѕолотые чека^н^ные (1623 г. Книга приходная золотым делам. — ЦГАДА, ф. 396, оп. II, № 1024, л. 91 об.). Но и при толковании *срядный=нарядный* речь идет об оружии, т. к. не было смысла отделывать нож драгоценностями,

---

к оружию, хотя бы и массовому. Летопись только в показание неслыханной ожесточенности боя при осаде татарами Козельска говорит: «Козляне же ножи резахуся с ними». В таком бою шла в ход вся домашняя утварь». (*Арциховский А. В.* Русское оружие X—XIII вв. — Доклады и сообщения ист. фак-та МГУ, 1946, вып. 4, с. 4—5). Близок к этому взгляду и А. Н. Кирпичников (Русское оружие ближнего боя. . ., с. 280). Противоположная точка зрения высказана в трудах: *Рабинович М. Г.* Из истории русского оружия IX—XV вв.. . ., с. 89—90; *Ледяева С. Д.* Русская военная лексика XI—XIII вв. (по материалам летописей). М., 1955. Дис. на соискание учен. степ. канд. филолог. наук, с. 36; *Шкриванић Г. А.* Op. cit., с. 64.

[37] *Срезневский* II, стб. 464.

[38] Рукоп. Ленинград. отдел. Ин-та истории АН СССР, колл. 2. Актовые книги, № 154, л. 191 об.

[39] Рукопись ЦГАДА, ф. 396, оп. II, ч. 2, д. № 936, л. 165.

[40] Русско-монгольские отношения в 1636—1654 гг. М., 1974, с. 430, Терминологический словарь.

[41] Там же, с. 106.

чтобы использовать его в столярном или поварском деле. Будем поэтому считать, что в контекстах типа: два ножа, одинъ рыбей зубъ, булатенъ, а другой сандаленъ, булатенъ же, окованъ золотомъ (1489 г. — Сб. РИО, т. 35, СПб., 1882, с. 33) — говорится об оружии. Среди воинских ножей упоминаются *нож бухарскои, турецкои* (Столбцы Оружейн. пал. 1680-е годы) [42], *кизылбашскои* (= *персидский. — Г. О.*) (Кн. описная 1687 г. Оружейной палаты) [43], *ножи польские* (Оп. имущ. гетмана Самойловича. 1690 г.) [44] и *русские* (ДАИ X, 1682—87 гг. 345. — Картотека ДРС).

Проникновение в русский язык кумыкского *кинжал* (с последней четверти XVI в.) несколько сузило употребление о.-слав. *нож*. Так, в памятниках письменности XVII в. мы не обнаружили словосочетания *обоюдоострый нож*, встречающегося в памятнике XIV в. Однако активность военного термина *нож* на протяжении всего XVII в. значительно более велика, чем термина *кинжалъ*. Например, в Описной книге 1687 г. Оружейной палаты при четком противопоставлении боевых ножей кинжалам описано 8 ножей и 2 «желѣзца (т. е. клинка) ножевых» и лишь один кинжал! [45].

Попытку связать с историей термина *кинжал* судьбу слова *засапожникъ*, обнаруженного лишь в одном древнерусском памятнике письменности — «Слове о полку Игореве» (тіи бо бес щитовъ съ засапожникы кликомъ плъкы побѣждаютъ), — предприняла В. Л. Виноградова: «Можно предполагать, что засапожники, употребленные в «Слове», являлись прототипами кинжалов. В редакциях XVII в. «Задонщины» вместе с другим оружием упоминаются кинжалы: «а на собѣ злаченые доспѣхи, а шеломы черкаские, а щиты московские, а сулицы немѣцкие, а кинжалы фрясткие» . . . Термин «кинжал» обнаруживается в письменности только с XVI в.» [46] При этом как важный аргумент расценивается факт неупотребительности др.-рус. *засапожникъ* за пределами «Слова о полку Игореве».

Так как приведенные контексты из «Слова» и «Задонщины» ничего общего между собой не имеют, то такое сближение двух терминов, употребленных в них, настораживает. Судить о семантике др.-рус. *засапожникъ* по единственному употреблению, конечно, трудно. Сущ. м. рода *засапожникъ* возникло скорее всего на базе словосочетания *засапожный ножь*, как субстантивация прилагательного, что и подтверждается диалектными данными: *засапо́жник*, м. 'короткий нож, который кладется за голенище сапога' (сиб., 1847; новг., арх., олон.) [47], 'охотничий нож, носимый в сумочке, пришитой к голенищу' (Заволжск. г., Макар. у Ниже-

---

[42] Рукопись ЦГАДА, ф. 396, оп. I, ч. 32, № 52127, л. 20 и 29.
[43] Рукопись ЦГАДА, ф. 396, оп. II, ч. 2, № 936, л. 165.
[44] Русская историческая библиотека, т. VIII. СПб., 1884, стб. 1053.
[45] Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. II, ч. 2, № 936, л. 165—167.
[46] *Виноградова В. Л.* Сравнительный анализ «Слова о полку Игореве» и «Задонщины». Дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук. М., 1954, с. 205.
[47] *Филин* II, с. [illegible]9.

гор. г.) [48]. В Словаре церковнославянского и русского языка, составленном II Отделением Академии наук, *засапожник* с пометой *стар.* и со ссылкой на «Слово о полку Игореве» толкуется как 'засапожный нож' (т. II, с. 111; 1867 г. — Картотека БАС). У И. И. Срезневского (I, 946) *засапожникъ* остается без толкования, Г. Е. Кочин же определяет: 'кинжал', но ставит вопросительный знак [49]. Утверждая, что «засапожники . . . были, вероятно, кинжалами», А. В. Арциховский все же подчеркивает: «. . . но облик этих кинжалов неизвестен» [50].

С точки зрения истории материальной культуры, сомнительно, чтобы засапожник был прототипом кинжала — таковым был восточный вид оружия [51].

Представляется правомерным толкование др.-рус. *засапожникъ* как 'нож, носимый за голенищем сапога (род оружия)' [52].

Слово известно не только в говорах, но и в художественной литературе (В. И. Даль. «Рогатина»; М. Н. Загоскин. «Аскольдова могила», ч. I, 1; А. К. Толстой. «Князь Серебряный», гл. 20).

С историей слова *кинжал* можно связывать судьбу семантически близких ему ст.-рус. *сторчень*, *сторчь*, *торчь*. Первое из них засвидетельствовано в 1607 г.: *сто*^{р}*це*^{н} — storzen || stortzen punnier — сторчень — poniard (т. е. 'кинжал') [53]. Запись 'сторцен» с *ц* вместо ожидаемого *ч* отражает типичное псковское цоканье.

В других славянских языках это исконное слово как будто неизвестно; и возможно, перед нами ст.-рус. спонтанное новообразование, возникшее с помощью суф. *-ень* от глаг. **сторчити*, ср. укр. *сторчити* 'ставить торчком', словац. *strčit'* 'толковать, совать', н.-луж. *starcaś* 'толкать', словен. *strčiti* 'колоть' (!), болг. *стърча́* 'торчать наружу', приводимые М. Фасмером (III, с. 769) при объяснении им наречия рус. *сторчь* 'стоймя, торчком', укр. *сторч* 'вверх ногами'. Ср. также укр. *сторча́к* 'тычок; удар кулаком' [54].

Родственный со *сторчень* термин *сторчь* противопоставлен в контексте слову *кордъ* 'короткий меч' и также, по-видимому, обозна-

---

[48] *Шейн П.* Дополнения и заметки к Толковому словарю В. И. Даля. — Сб. ОРЯС, 1973, X, № 8, с. 36.

[49] *Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937, с. 123.

[50] История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1948, с. 429.

[51] *Селимов А. А.* Кинжал. — Русская речь, 1970, № 4, с. 89—91.

[52] СлРЯ XI—XVII вв. 5, с. 293. В Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве» В. Л. Виноградовой (вып. 2. Л., 1967, с. 108) слово *засапожникъ* дано без толкования, но с цитированием приведенного нами высказывания А. В. Арциховского.

[53] Tonnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607. Copenhagen, vol. I, 1961, p. 56; v. II, 1970, p. 39.

[54] *Білецький-Носенко*, с. 342. Группа др.-рус. слов с суф. **-ень*, представленная в исследовании Ж. Ж. Варбот «Древнерусское именное словообразование» (М., 1969) — «*печень* (к *печи*), *сяжень*, *сажень* 'мера длины' (к *-сягати*, *-сягнути* 'достать, коснуться'), *студень* ж. р. 'холод' (к *студити* 'охлаждать', но м. б. от *студеный* 'холодный')», — может быть пополнена еще одним словом.

чает ‘холодное оружие, подобное кинжалу’: Сентября въ 29 день . . . пришли на посольский дворъ многіе нѣмцы и . . . пословъ ограбили, оставили въ однѣхъ рубашкахъ, и поясы сняли и пищалми, и корды, и *сторчми* къ послом *примѣривали* (1569 г. Статейн. список И. М. Воронцова) [55]. Ср. фразу «учалъ ко всякому къ грудемъ *шпагою примѣривать*» (Рус. — шведс. д. I. 1634—1648 гг., с. 11—12. — Картотека ДРС).

Того же корня и значения еще одно родственное со *сторчень* слово — сущ. ж. р. *торчь*: в статейных списках 1591 г. сообщается о «поминках» (подарках) от польского короля Сигизмунда и говорится, что посол Станислав Родиминский «ударил челомъ» «жеребецъ турецкои темногнѣдъ съ сѣдломъ и со всѣмъ конскимъ нарядомъ, а на сѣдлѣ торчь въ ножнахъ, наконечникъ золоченъ». Подобный же подарок сделал Станислав Кирвацкий: «жеребецъ сѣръ съ сѣдломъ турскимъ и со всѣмъ конскимъ приборомъ, а на сѣдлѣ торчь обдѣлана серебромъ», — тогда как Адам Суходольский подарил «конь сѣръ съ сѣдломъ и со всѣмъ конскимъ нарядомъ, а на сѣдлѣ мечь обдѣланъ» [56]. Здесь *торчь* указывает на холодное оружие, подобное мечу, но не одинаковое с ним. *Торчь* оба раза упоминается как название дорогого, обделанного либо золотом, либо серебром подарка, даваемого вместе с турецким жеребцом — весьма ценной лощадью (во втором случае — с жеребцом под турецким седлом). *Мечь* же обозначает менее ценный подарок (не сказано, чтобы он был позолочен или посеребрен), преподнесенный в комплекте с менее ценным (не турецким) седлом и конем. *Торчь* здесь — ‘холодное оружие; возможно, длинный кинжал’.

В отличие от *сторчень* и *сторчь*, засвидетельствованных на Западе, слово *торчь* было известно шире; оно встречается, например, в памятнике восточной ориентации (шахъ далъ торчь булатную съ каменьемъ. 1615 г. [57]), а также в общерусском (московском, хотя, по представленной в нем оружейной терминологии, не без польского влияния) памятнике письменности: А на другихъ полатахъ. . . у стѣны устроити стоячихъ столбѣхъ гвозди, на чем класти сабли, палаши, мултаны, кандеры, мечи, // тѣсаки, торчи, рогатины. . . 1621 г.[58] И все же чаще оно обнаруживается в памятниках, отражающих русско-польские связи; ср. помимо двух приведенных в Статейных списках 1591 г. употреблений этого слова еще два употребления в Статейном списке русских послов по вопросу о заключении мира с Польшей (1615—16 гг.; рукоп. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, F. IV. 101, л. 908 об. и 912 об.): 1) в дол^{г}ехъ на пане Гасе^{в}скомъ. . . всякие рꙋ^{х}ляди ј иѕ

---

[55] Сб. РИО. 1910, 129, с. 168.

[56] Древности Российского государства. Отделение III. Броня, оружие, кареты и конская сбруя. М., 1853, с. 67.

[57] Труды Восточного отделения императорского Русского Археологического общества, т. XXI. СПб., 1892, с. 301.

[58] *Радишевский О. М.* Устав ратных, пушечных и других дел. Издан под смотрением В. Г. Рубана, ч. II. СПб., 1781, с. 6.

ѿ|рꙋже^п^но^і^ полаты сабе^л^ ѻправныхъ| ї ноже^і^ ї то^р^че^і^ ї щито^в^; 2) сабе^л^ оправны^х^ ї ноже^і^ |ї то^р^че^і^ ї ла^т^ ї шапо^к^.

В Словаре церковнославянского и русского языка (т. IV, СПб., 1847, с. 609) *торчь* толкуется как стар. ʻдеревко, на которое насаживалось копьеʼ [59], ср. укр. *торч*, ж. ʻрод огорожи: палки из хвороста, укрепленные вертикальноʼ [60]; однако в приведенных нами контекстах *торчь* означает не ʻдревкоʼ, а ʻвид холодного оружия, близкого к кинжалуʼ.

Приведены все контексты, в которых удалось обнаружить слова *сторчень* ʻкинжалʼ и *сторчь*, *торчь*. Все эти употребления (кстати, чаще всего в памятниках западной ориентации) охватывают период с 1569 г. по 1621 г., т. е. время вхождения и утверждения заимствования *кинжалъ* с Востока. Очевидно, в то время оружие типа кинжала приобрело определенную актуальность. Более жизнеспособным оказалось слово *кинжалъ*, вытеснившее сущ. *сторчень*, *сторчь*, *торчь* из употребления, так что лишь одно из них — *торчь* (по-видимому, не случайно обнаруженное нами в большем, чем *сторчень* и *сторчь*, количестве контекстов) — еще встречается за пределами названного временнóго отрезка, т. е. после 1621 г., но уже только в азбуковниках XVII в., вплоть до конца столетия: а̂ сѐ ймена орꙋжицꙋ, иже бывáетъ при бедрѣ. ѩко же бꙋдíй, тор҅чь, кортъ, йли сúмъ подобнаѧ. Словарь кон. XVII в., л. 11 об.[61] Более позднее исчезновение из языка слова *торчь* по сравнению с другими родственными терминами следует связывать с тем, что и появилось оно в памятниках письменности раньше слова *сторчень* и не намного позже слова *сторчь* и что оно лучше их

---

[59] Аналогично: на яблочке человѣкъ, въ правой рукѣ на торчи (на палке. — *Г. О.*) молотокъ (1613 г. Чт. ОИДР 1882, кн. 1, стб. 10).

[60] *Гринченко* IV, с. 277.

[61] Рукоп. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Q. XVI. 6. В этой же рукописи нам встретилось слово *тарча* с пояснением «щитъ воинской» (л. 164 об.). Ср. точно такие же, как в данной рукописи, употребление слова *торчь* и толкование сущ. *тарча* в другом азбуковнике XVII в. (Рукоп. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Q. XVI. 4; соответственно л. 47 об. и 252).

Как видим, в самих старорусских памятниках словá *торчь* и *тарча* семантически четко различаются, в противовес тому, как они толкуются у некоторых исследователей в XX в., например: «*торч* — щит с рукою и кинжалом» (Оружейная палата. Путеводитель. Сост. Ю. В. Арсеньев и В. К. Трутовский. М., 1911, с. 322); «У русских был в употреблении и конный щит — торчь или тарчь, . . .единственный образец которого находится в Оружейной палате» (*Надеждин Н. А*. Московская Оружейная палата. СПб. — М., 1902, с. 41—42). Между тем *торч* и *тарча* отличаются друг от друга также и генетически. В отличие от исконного слав. *торчь*, сущ. *тарча* мы сближаем в польск. *tarcza* ʻscutum equitum quod brevius estʼ (ʻщит для коняʼ. — *Knapski G.* (Cnapiusz). Thesaurus polono-latino-graecus), далее с нем. *Tartsche*, ж. р. ʻщитʼ, ср.-в.-нем. *tartsche*, н.-нем. *tartze*, *tartzge* то же, которые из франц. *targe* от ср.-лат. *targa* ʻщитʼ (*Grimm* XI/I, 1. Teil. S. 146—147). Путаница в толковании ст.-рус. *торчь* и *тарча* в новое время и даже готовность некоторых авторов отождествлять их семантически — лучшее свидетельство окончательного исчезновения этих слов из языка как живых лексических единиц.

было освоено в языке, хотя все же оказалось вытесненным в XVII в. словом *кинжалъ*. Сказанное делает более вероятным предположение о сравнительно позднем спонтанном новообразовании ст.-рус. *сторчень* (а не о древнем диалектном его происхождении).

У Срезневского (I, стб. 189) приведено без толкования с некоторым сомнением слово *б8деи*? — На царскомъ мѣстѣ (султанъ) не сидѣль, и съ саадакомъ и съ саблею и съ будями у него не стояли. Дела Турецк. (Кар. ИГР IX т.). Андреи Ищеинъ кинулся къ царю Турскому съ будѣемъ (в др. сп. — *съ ножемъ*). т. ж.

В СлРЯ XI—XVII вв. (в. 1, с. 345) этот термин представлен в двух вариантах — *будѣи* и *буди*, м. — и толкуется как 'кинжал'. Материал Срезневского здесь уточняется: Кар. ИГР IX, прим. 348. XVI в. — и дана еще одна иллюстрация: [Король взял] саблю булатну, окованy серебромъ, да ножъ булатенъ, черенъ яшмовой, ножны серебрены, да буди наведенъ весь золотомъ. Ст. сп. послов, 60. 1564 г.

В обоих словарях термин дан в извлечениях из памятников XVI в. Обращение к рукописным материалам дает возможность утверждать, что сущ. *будѣи* было употребительно и в XVII в.: Н ѡ^{ж} полево^{и} б8ла^{т} красно^{и} . . . Б8дѣ^{и} б8ла^{т} сине^{и}. . . на но^{ж}на^{х} хо*з* че*р*нъ. . . // ножикъ б8лать красно*и*. 1639 г.[62]. В этом контексте, как и в двух предыдущих, интересующий нас термин сближается со словом *нож* (и *ножикъ*). По-видимому, *будѣи* (и *буди*) имело значение 'оружие, близкое к ножу (возможно, определенный тип кинжала, но, строго говоря, не тот, что обозначался словом *кинжалъ*)'.

К *буди* и *будѣи* добавим варианты *б8́дїи* и *б8дї́й*, встретившиеся нам в азбуковниках XVII в. (контекст и выходные данные см. выше). Многовариантность и колебания в ударении свидетельствуют о нестабильности термина. После записи, относящейся к 1639 г., он встречается лишь как глосса, а в XVIII в. и позднée совершенно не отмечается.

Исчезновение термина вызвано было тем, что «различного рода ножи . . . сошли с вооружения еще в XVII столетии»[63]; а также тем, что слово *кинжалъ* становится все более активным в XVII в.

Будѣи (*буди*, *б8дїи*) — тюркизм. Ср. др.-тюрк. *bögdä* 'кинжал'[64], азерб. *bügde*, казах. *buida* 'кокандский нож' и т. д. У Г. Дёрфера тюркск. **buɣda* < перс. *buǧdā* 'вид ножа'[65].

Не отмеченное в русской исторической лексикографии нового времени слово *бичáгъ*^{та} с пояснением: *ножъ* (где *та* = «татарский») — встречается в русских азбуковниках XVII в. (рукописи ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, шифры: *Q*. XVI. 4, л. 47; *Q*. XVI. 8, л. 25 — без ударения; *Q*. XVI. 6, л. 29: *бича*^{г} и т. д.).

---

[62] Роспись Оружейной казны царя Михаила Федоровича. Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 3, № 2948, л. 6—7.

[63] *Денисова М. М.*, *Портнов М. Э.*, *Денисов Е. Н.* Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI—XIX вв. М., 1953, с. 36.

[64] Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 116.

[65] *Doerfer G.* Die türkischen und mongolischen Elemente im Neupersischen. Bd. II. Wiesbaden, 1965, S. 294—295.

Слово восходит к тюркскому источнику, наряду с рус. диал. (терск.) *бича́к* 'нож' [66], укр. *бича́к* 'нож с небольшим черенком' (угор.) [67], польск. устар. *biczak* 'вид ножа' [68], словац. *bičak* [69], болг. *бичакчия* 'мастер, изготовляющий ножи', др.-серб. *bičak* 'нож' [70], с.-хорв. *bičag*, *bičah* [71], венг. *bicsak*, *bicska* 'вид ножа: Klappmesser, Schappmesser' [72], алб. *bitschák* [73], *bidžak* 'нож' [74].

Ср. др.-тюрк. *bičäk*, *bïčaq* 'нож', азерб. *бычаг*, алт. *бычак*, башк. *бысаҡ*, казах. *пышаҡ*, каракалп. *пышаҡ* и *пшаҡ*, карач.— балкар., кирг. *бычак*, кумык. *бичакъ*, нов.-уйгур. *пичаҡ*, ногайск. *пышак*, татар. *пычак*, тув. *бижек*, тур. *biçak* (*-gi*), туркм. *пычак*, узб. *пичоҡ*, хакас. *пычах*, чув. *пĕчĕк*, якут. *bïsaχ* — все со знач. 'нож'. Кроме того, отмечены телеут., шорск. и крым.-татар. *пычак*, сартовск., таранч. *пичак* 'нож'.

Г. Дёрфер приводит следующие заимствования из тюркск. языков: тибет. *pi-č'aq* 'большой нож палача', араб. *biğaq*, перс. *pīčāq* 'нож', также *bačak* 'род оружия или режущего инструмента', 'род какого-то оружия' [75].

Пути проникновения этого тюркск. термина в разные европейские языки различны; указывают, что в польский он проник из турецкого [76], в словацкий — из венгерского (в венгерский — из тюркского источника) [77]; возможно, через венгерский же, подобно словацкому, пришло *бичак* в украинский: имеется лишь у Гринченко и притом с пометой «Угор».

При установлении источника заимствования ст.-рус. слова *бичагъ* вряд ли есть смысл отрывать его от рус. диал. *бича́к*, относительно которого Е. Н. Шипова не указывает конкретного тюркс. источника [78].

Из приведенных тюркских огласовок термина кумык. *бичакъ* фонетически ближе всего к ст.-рус. *бичаг* и диал. *бича́к*, отмеченному к тому же лишь в Терской области, т. е. в регионе, близком к кумыкскому.

Звонкое *г* в ст.-рус. *бичагъ* на месте тюркского *к* отражает озвончение *к* > *г*, имевшее место уже на тюркской почве, в частности в данном случае в суф. *-ак* [79], ср. кирг. *бычак* 'нож' — *ит бычагы* 'обломок ножа' [80].

---

66 *Филин* 1, с. 303.
67 *Гринченко* I, с. 59.
68 Варшавский словарь I, с. 146; Linde I, с. 99.
69 *Peciar Št.* Slovník slovenského jazyka. Bratislava, 1959, с. 91.
70 *Lokotsch K.* Etymologisches Wörterbuch. . ., S. 31.
71 *Skok* I, с. 145.
72 *Halász E.* Magyar-német szótár, I. Budapest, 1957, с. 214.
73 *Skok* I, с. 145.
74 *Doerfer G.* Op. cit., S. 427.
75 Там же.
76 Варшавский словарь I, с. 146.
77 *Doerfer G.* Op. cit., S. 427.
78 *Шипова Е. Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976, с. 82.
79 В тюркском отглагольном существительном *biçak* 'нож' выделяется корень *biç-* 'резать' и суф. *-ak*. — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of the Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972, p. 293.
80 *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М., 1965, с. 173.

В свое время Н. К. Дмитриев, а вслед за ним А. А. Селимов (см. сноску 51) установили кумыкский источник русского *кинжал*(ъ). Время проникновения заимствования *кинжал* — последняя четверть XVI в. — практически совпадает или соприкасается со временем проникновения слова *бичагъ*. Возможно, кумыки иногда называли кинжал словом *бичакъ* — общим названием ножа как такового, в том числе и боевого. Еще более вероятно, что кумыкск. *қинжал* и *бичакъ* могли употребляться и вместе при обозначении кинжала, как, например, в каракалпакском — *қанжар пышақ* 'кинжал', при наличии *пышақ* 'нож' [81]. Так вместе с одной и той же вещью стали проникать в русский язык сразу два заимствования: одно специфическое, активное, преобладающее у самих кумыков при обозначении кинжала, а другое, как название с более широкой семантикой, — было менее активным при конкретном обозначении данного вида оружия.

Глосса *бичагъ*, по-видимому, имела значение '(преимущественно) б о е в о й нож'; иначе непонятно столь широкое проникновение тюркизма в разные языки мира [82].

В Сл.РЯ XI—XVII вв. (в. 1, с. 59) приводится редкое сущ. *ачира* с толкованием 'холодное оружие (кинжал, ятаган)': Да около цесаря шли протазанщиковъ и драбантовъ съ ачирами человѣкъ со сто (Рим. имп. д. III, 984. 1658 г.). Вероятно, «ачиры» несли только драбанты (почетные телохранители), протазанщики же были вооружены протазанами. Ср. близкий к приведенному контекст (из того же памятника и с той же датировкой!): А по переходом и у полатныхъ дверей стояло съ восмьдесять человѣкъ протозанщиковъ съ протозаны и драбанты съ ачирами.

---

[81] Каракалпакско-русский словарь. М., 1958, с. 542.

[82] В свете такого уточнения семантики ст.-рус. *бичагъ* любопытно донское *бишáк* 'крупная сельдь', об этимологии которого М. Фасмер пишет: «Неясно» (*Фасмер* I, с. 170), считая, по-видимому, невероятным сближение, сделанное А. В. Миртовым: «Бишак — крупная селедка. Ср.: бешеная рыба» (*Миртов А. В.* Донской словарь. Ростов-на-Дону, 1929, стб. 22). Вряд ли нужно полностью исключать влияние слов *бешеная*, *бешенка*; однако свой окончательный облик сущ. *бишак* вполне могло приобрести под действием названия б о е в о г о и потому достаточно длинного ножа *бичак*, причем изменение *бичак* > *бишак* можно объяснить отражением ногайского *пышак* 'нож'. Ср. название типа *сабля* (о рыбе), а с другой стороны — *селедка* 'небольшой меч (тесак)'; «Сначала они [будочники] увещевали разойтись, потом пригрозили холодным оружием — тесаками, или, по московскому выражению, селедками» (*И. Ф. Горбунов.* Из Московского захолустья, 2. Цит. по кн.: Словарь современного русского литературного языка, т. 11, стб. 597); далее — диал. смолен. *селедéц* 1) 'селедка'; 2) 'тесак полицейского' (*Добровольский*, с. 824). Важно также, что рус. *бишак* Alosa kessleri pontica 'черноморско-азовская проходная сельдь' отмечено именно на юге, притом только как донское (см.: *Линберг Г. У.* и *Герд А. С.* Словарь названий пресноводных рыб СССР на языках народов СССР европейских стран. Л., 1972, с. 69, 70). В Словаре русских народных говоров, издаваемом АН СССР, *бишак* не представлено.

В связи с предпринимаемой нами попыткой сближения диалектных названий разновидности рыбы — *бишáк* — и ножа — *бичáк* — приводим нем. *Messerfisch* 'карп, имеющий форму ножа' (*Grimm*, VI, 2129). На это нем. *Messerfisch* обратил мое внимание О. Н. Трубачев.

(Римск. имп. д. III, 990, 1658 г. — Картотека ДРС). — Здесь уже упомянуто колюще-режущее оружие («протозаны»), так что интересующее нас слово не должно непременно означать таковое: наряду с протазанами у почетной охраны скорее был другой тип оружия, что могло быть вызвано соображениями парадно-декоративного характера. И поскольку протазан не просто оружие, а главным образом оружие почетного конвоя, то к парадному типу оружия в соответствии с обоими контекстами было бы наиболее естественно отнести и ачиры, не являвшиеся, возможно, ножами.

По-видимому, есть смысл связывать ст.-рус. *ачиръ* м. р. (такая начальная форма, а не *ачира* ж. р., нам кажется наиболее вероятной) с калм. *очр*, *очър* [83] устар. 'скипетр, жезл', монг. *очир* 'символ могущества' [84] и с др.-тюрк. *vačir* (из санскр. *vajra*) 1) 'алмаз'; 2) рел. 'жезл, скипетр (магический атрибут божества)' [85].

Начальное *о* калм. и монг. слов могло измениться в процессе заимствования на *а* в условиях аканья; при допущении заимствования из др.-тюрк. *vačir* начальное *va-* перешло в русском в *а* по аналогии с *атаман* из *ватаман* [86].

Наименьшая вероятность калмыцкого источника обусловлена фонетически. Специально о переходе тюркского начального *ва-* в *а* в слове *атаман*, аналогию с которым мы здесь проводим, писал неоднократно И. Г. Добродомов [87].

Из всех рассмотренных в статье названий лишь *нож*(*ь*) употреблялось в памятниках письменности разных жанров, было многозначным, дало немало составных образований и производных — др.-рус. уменьш. *ножиць* (Георг. Ам. Увар. 169) [88], ст.-рус. *ножикъ*, иногда семантически тождественное слову *ножь* (ножикъ кизылбаш'скои б8латнои. . | . . . цена том8 нож8 дватцати р8блев. Кн. описная Оруж. пал. 1687 г.) [89], *ножны* (Лет. Льв. 127) [90], *ножевои* (1646 г. Опись царск. оруж. казны) [91], *ножевник*, профессия [92] и т. д. Неудивительно, что слово *нож*(*ь*) оказалось самым жизнеспособным из всех рассмотренных здесь обозначений холодного оружия, сохранившись по сию пору, хотя и не в качестве оружейного термина, тогда как остальные термины либо исчезли, либо сохранились лишь в отдельных народных говорах.

---

[83] Калмыцко-русский словарь. Под ред. Б. Д. Муниева. М., 1977, с. 407.

[84] Монгольско-русский словарь. Под общ. ред. А. Лувсандэндэва. М., 1957, с. 312.

[85] Древнетюркский словарь, с. 631. На др.-тюрк. *vačir* любезно обратил внимание автора статьи И. Г. Добродомов, давший также несколько других ценных советов.

[86] *Фасмер* I, с. 95.

[87] *Добродомов И. Г.* Атаман и гетман. — Русская речь, 1972, № 5, с. 110—114; *Он же.* Акцентологическая характеристика булгаризмов в славянских языках. — Советская тюркология, 1979, № 5, с. 13.

[88] *Срезневский* II, стб. 463.

[89] Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. II, ч. 2, № 936, л. 165 об.

[90] *Кочин Г. Е.* Указ. соч., с. 208.

[91] *Арсеньев Ю. В.* К истории древностей Оружейной палаты. М., 1902, с. 5.

[92] *Кочин Г. Е.* Указ соч., с. 208.

Утрата активности всех рассмотренных названий оружия и даже исчезновение большинства их объясняется тем, что, как выше отмечалось, в XVII в. само оружие, ими обозначавшееся, стало употребляться все более редко.

Появление целого ряда названий боевых ножей в последней трети XVI — начале XVII в. и всплеск активности всей этой тематической группы слов в памятниках письменности 60-х годов XVI в. — 30—40-х годов XVII в., по-видимому, отражает время массового и активного использования весьма еще несовершенного ручного огнестрельного оружия в Московском государстве — оружия очень громоздкого, еще недостаточно обособленного от артиллерии (свидетельство тому — двузначность слов *пищаль*, *тюфякъ* и даже *пушка*, обозначавших именно в ту пору как ручное оружие, так и артиллерийское оружие.) При наличии такого громоздкого и несовершенного оружия, требовавшего специальной подставки для точного поражения цели, подставки, которую в условиях боя далеко не всегда возможно было использовать (и потому огонь из таких пищалей был приблизительным), пехотинец вынужден был дополнительно вооружаться армейским ножом или небольшим тесаком, исполнявшими функции «кинжала милосердия» при настижении противника, раненного с определенного расстояния пищалью. При таком массивном огнестрельном оружии сабли как дополнительный вид вооружения чрезмерно сковывали подвижность пехотинца. С усовершенствованием ручного огнестрельного оружия и распространением в Московском государстве пистолетов в первой трети XVII в., с одной стороны, а к концу XVII — началу XVIII в. штыков — с другой, необходимость в боевых ножах все больше отпадает, и применение этого вида оружия резко сокращается, что и получило отражение в истории рассмотренной группы слов.

В. Н. Топоров

ИЗ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ II (1—3)

Предлагаемые здесь этимологические опыты продолжают серию предыдущих исследований [1], ставящих перед собою цель не только этимологически объяснить данное неясное (или не вполне ясное) слово в том или ином языке, но и наметить его связи с соответствующими словами других индоевропейских языков, остававшиеся до сих пор не отмеченными или не доказанными с достаточной надежностью именно из-за того, что общий индоевропейский источник в каждом из сохранивших его языков обретал

---

[1] Ср.: *Топоров В. Н.* Из индоевропейской этимологии (I, 1—4). — В кн.: Структурно-типологические исследования в области славянских языков. М., 1973, с. 140—154.

разную систему связей и, следовательно, по-разному мотивировался семантически. Таким образом, исходное положение более или менее одинаково: сохранение достаточно близкого формального сходства при существенных расхождениях в значении. В задачу, преследуемую в этих заметках, входит прежде всего указание тех ключевых ситуаций (узлов), в которых происходили семантические сдвиги («переключения»), и характера (направления) этих элементарных сдвигов с тем, чтобы восстановить, хотя бы в общем виде, схему семантического развития данной индоевропейской лексемы. Этим заданием определяется краткость этих заметок [2] и их преимущественная апелляция к исходному индоевропейскому уровню, с точки зрения которого и оценивается, как правило, последующая семантическая эволюция.

1. Ведийское *vañkú-*

Это редкое ведийское слово составляет не столько даже этимологическую, сколько экзегетическую проблему, хотя и этимология его остается, строго говоря, не выясненной до сих пор [3]. Слово *vañkú-* отмечено только в «Ригведе» и всего пять раз: I, 51, 11 (дважды); 114, 4; V, 45, 6; VIII, 1, 11. Трижды оно определяет коней богов (Индры и Ваты). Ср. *índro vañkū́ vañkutárā́ dhi tiṣṭhati.* I, 51, 11, где говорится о том, что Индра садится на двух коней (самого слова «конь» в тексте нет), ха-

---

[2] Замечание о краткости важно в том отношении, что существует бесспорная зависимость между объемом этимологической истории слова, измеряемым числом элементарных изменений «звукового» и «смыслового» состояния (включая и так называемые «нулевые» изменения, когда в данном слове самом по себе изменений не происходит, но меняется связанное с этим словом актуальное окружение, что и вызывает автоматическое «передвижение» данного слова, точнее — некоторых его составляющих, в другой, с точки зрения эволюции — следующий, статус), и объемом описания этой этимологической истории слова. Указанная связь не может быть сведена исключительно к механической зависимости (по формуле «многое о многом»): она всегда указывает определенные параметры этимологической сложности слова, каждый из которых непременно должен быть прокомментирован в описании, и, следовательно, на искомой глубине помогает установить дифференцированное соотношение объекта исследования и его описания, в котором (в описании) проступает некая структура, не зависящая от произвола исследователя (так сказать, от его «внешней» воли), но только от самого исследуемого объекта. Результат этимологического анализа, формулируемый обычно в таком виде, как «слово *k* языка A этимологически связано со словом *l* языка B, и оба они восходят к слову *m* языка C», находит адекватное отражение в подобных формулах (и здесь уже только от установки исследователя зависит дать этот результат предельно кратко в виде формулы соответствия или in extenso), но этимология слова как таковая не может быть сведена к этим формулам. Она сама как бы берет исследователя в свои руки и заставляет его описывать себя ровно с той степенью подробности, которая характеризует ее самое в разрезе ее исторического развития.

[3] Положение дел точнее всего отражается словами — «ein nicht einmütig übersetztes, wohl zur Sippe von *vañcati* gehöriges Epitheton», см. *Mayrhofer*. Lief. 19, S. 124.

рактеризуемых свойством, обозначаемым в положительной (*vaṅkú-*) и в сравнительной (*vaṅkutára-*) степени, а также: *v a ṅ k ū́ vā́tasya parṇínā*. VIII, 1, 11, о крылатых (конях) Ваты, также описываемых как *vaṅkú-*. Эти три случая были оценены как наиболее простые и надежные при установлении значения слова *vaṅkú-*. Найденное (вернее, подобранное по принципу правдоподобия, во всяком случае непротиворечивости) значение — 'летящий' ('fliegende' в переводах Гельднера)[4], 'быстрый' ('rapide' в переводе Рену) — было перенесено и в другие места. При этом оказалось, что и там при допущении такого толкования получается более или менее осмысленный текст. Так, стихи из гимна Рудре I, 114, 4 a—b:

tveṣáṃ vayáṃ rudráṃ yajñasā́dhaṃ
v a ṅ k ú ṃ kavím ávase ní hvayāmahe —

Гельднер перевел как «Wir rufen den funkelnden Rudra, den Opfererfüller, den f l i e g e n d e n (?) Seher zur Gnade herab» (ср. «le poète volant» в переводе Рену)[5], а стихи из гимна Всем Богам V, 45, 6:

étā dhíyaṃ kṛṇávāmā sakhāyó
. . . .
yáyā vaṇíg v a ṅ k ú r āpā púrīṣam —

он перевел как «Wohlan! Wir wollen das Gebet verrichten, ihr Freunde . . . durch das der f l i e g e n d e Kaufmann denn Quell erlangte». И даже образ «летающего» купца, по мнению Гельднера, получил подтверждение (правда, косвенное) в свете двух других мест из «Ригведы» (I, 112, 11 и VI, 4, 6 c—d)[6].

Тем не менее, перевод *vaṅkú-* как 'летящий' или 'быстрый', — безобидный в одних случаях и грозящий серьезным искажением смысла текста и порождением фантомных образов в других случаях, — п р и н ц и п и а л ь н о неверен. Помимо ряда других соображений, которые прояснятся позже, достаточно сослаться уже на основного комментатора «Ригведы» Саяну, который не только н и г д е не говорит о мотиве полета, летания, но и намечает — в конечном счете — путь к правильному толкованию приведенных мест и даже к верной этимологии. Ср. к I, 51, 11: v a ṅ k ū v a ṅ k u t a r ā atiśayena kuṭilaṃ gacchantāv aśvau. . . yad vā v a ṅ k u t a r ā atiśayena vakraṃ gacchati rathe v a ṅ k ū vakragamanaśīlāv aśvau, т. е. «*vaṅkū vaṅkutarā* [значит:] очень криво

---

[4] Это значение, конечно, подкреплялось и известным образом летящих небесных коней, и обозначением их как *parṇín-* 'крылатые' (от *parṇá-* 'крыло').

[5] П а р я щ и й мыслью поэт также принадлежит к числу стандартных образов, как и «летучий» стих, «слетающая» с небес поэзия и т. п.

[6] Подробный разбор толкований мест, в которых употребляется *vaṅku-*, и новые предложения по этому вопросу см.: *Elizarenkova T.*, *Toporov V.* Vedic *vaṅkú-*. — In: Felicitation Volume in Honour of prof. L. Sternbach. Delhi, 1981.

движущаяся пара коней . . . или же *vaṅkutarā* [значит :] он очень криво движется на колеснице; *vaṅkū* [значит :] пара коней, которым свойствен кривой ход (или: обладающих природой движения по кривой)» [7]; к VIII, 1, 11: vaṅkū vakragāminau, т. е. «*vaṅkū* — двое криводвижущихся'; к I, 114, 4: vaṅkuṃ kuṭilagantāram, т. е. «*vaṅkuṃ* [означает] движущегося не прямо». Что касается V, 45, 6, то в связи с этим местом Саяна рассказывает в пояснение легенду о певце Какшиванте, который, подобно купцу, за малое деяние желая получить многое, пробирался через лес, ища воды. Естественно, что и здесь нет даже призрака «летающего» купца. Зато из объяснений, данных Саяной вед. *vaṅkú-*, следуют два важных, связанных друг с другом заключения, имеющих прямое отношение и к значению слова, и к его этимологии. Речь идет о мотиве движения нестандартного типа (непрямом, кривом и т. п.) и о связи этого действия с элементом *vakrá-*, 'согнутый', 'искривленный', 'согбенный', 'скрученный'; 'кривой', 'косой', 'косвенный'; 'окольный', 'уклончивый', 'извилистый', представляющим собой Adj., связанный с глаголом *vañc-* 'итти криво', 'пошатываться' ('wanken', ср. нем. *wanken* и др.), который восходит к комплексу **va-n-k-* (: *vaṅkú-*).

Хотя определение значения слова по его этимологии нельзя считать вполне корректным (впрочем, строго говоря, здесь это и не предлагается), существуют условия, в которых обращение к этимологии не только не возбраняется, но, напротив, является весьма целесообразным. В частности, такая апелляция к этимологии уместна и полезна в тех случаях, когда количество контекстов данного слова и сам их характер ограничен и не дает возможности определить значение слова с достаточной надежностью, но ставит исследователя перед неминуемым выбором одной из возможностей. Чтобы облегчить себе этот выбор, и обращаются к этимологическим данным, включая соответственно и внешние сравнения. Если этимологическое решение надежно и, к тому же, существуют убедительные типологические параллели к семантической мотивировке данного слова, то выбор значения слова заметно упрощается. Вед. *vaṅkú-* как раз и является таким случаем.

Анализ уместно начать не с самых простых случаев, как это обычно делалось, а, напротив, с более сложного — с использования *vaṅkú-* в мифопоэтической сфере. Здесь прежде всего привлекает к себе внимание образ Рудры, обозначенного как *vaṅkúm kavím*, т. е. поэт, обладающий свойством *vaṅkú-*. В свое время была продемонстрирована целая серия общих характеристик, объединяющих Рудру с Аполлоном [8]:

---

[7] См.: Ṛgveda-Saṁhita with the Commentary of Sāyaṇāchārya, V. I—V. Poona, 1966.

[8] См.: *Grégoire H.* (avec la collaboration de R. Goosens et de M. Matthieu). Asklépios, Apollon Smintheus et Rudra. Études sur le dieu à la taupe et le dieu au rat dans la Grèce et dans l'Inde. — Académie Royale de Belgique. Classe des Lettres et des Sciences morales et politiques. Mémoires. 1949, t. XLV, p. 148, ср. также p. 127 и след.

Рудра (стрелы) — болезни	Аполлон (стрелы) — болезни
Исцелитель	Исцелитель
Животное Рудры (через его сына Ганешу) — мышь	Животное Аполлона — мышь (ср. Ἀπόλλων Σμινθεύς)
Животное Рудры — крот	Животное Аполлона (через его сына Асклепия) — крот
Сын Рудры Ганеша — бог поэзии	Аполлон — бог поэзии

и т. п.

В этом же ряду было проницательно указано (R. Goosens' ом) соответствие между обозначением Рудры как *vaṅkú-* и эпитетом Аполлона Λοξίας 'искривленный', 'извилистый', 'запутанный' (в своих вещаниях), отмеченным у трагиков (Эсхил, Софокл и др.). Некогда это слово относилось и к обозначению непрямой, вихляющей походки, как у крота, или мыши [9]; ср.: λοξο-βάτης 'идущий косо', 'с косой походкой', λοξο-πορέω — о движении по косой линии, λοξο-τρόχις 'идущий кривыми путями' (также и 'вещающий туманно, неясно', например, о Кассандре [10]), а также λοξός, объединяющее в себе значения 'косой', 'наклонный' и 'запутанный', 'туманный' (в частности, в связи с ответами, ср. λοξὰ ἀποκρίνεσθαι). Есть все основания предполагать, что и вед. *vaṅkú-* находилось в аналогичном семантическом поле и, следовательно, означало не 'летающий', 'летящий' (как у Гельднера) или 'быстрый' (как у Рену) и т. п., а что-то вроде 'изворотливый', 'увертливый', 'ловкий', 'оборотистый' и т. д. как актуализация другого мифологически отмеченного полюса, связанного с у к л о н е н и е м о т п р я м о т ы (т. е. ловкость vice versa неловкость; нечто более эффективное, чем прямота, vice versa нечто менее эффективное, чем прямота).

Этимологические связи вед. *vaṅkú-*, описываемые обычно весьма неполно, в достаточной степени подтверждают высказанное выше семантическое предположение. Кроме ближайших внутренних параллелей, уже упоминавшихся (ср. отмеченный уже в «Атхарваведе» и «Ваджасанеи-Самхите» глагол *vañc-*, связанный с авест. *vašyete* 'wogt', или вед. *vakrá-*) или еще не упоминавшихся, но заслуживающих этого (ср. др.-инд. — только в «Ригведе» — *vákva-*, *vákvan-*, fem. *vákvar-ī*, нечто вроде 'кружащееся', 'колышащееся', 'неспокойное' [11] из **vn̥k- / : vaṅk-/*, или же др.-инд. *vaṅkara-* 'изгиб реки', 'лука', *vaṅka-* то же и особенно обозначение ребра — *vā́ṅkri-* [12] и др.) [13], — особого внимания заслужи-

---

[9] Ср., в частности, λοξὰ βαίνειν, о крабе (*Babrius*, 109,1); λοξοβάτης καρκίνος (Batrachomyomache, 295); λοξὸς ὄφις (*Callim.* Epigr., 26) и т. п.

[10] Ср. признание другой пророчицы: *А я иду — за мной беда*, | *Н е п р я м о и н е к о с о* ...

[11] Сюда же, конечно, и авест. *vašta-* 'искривленный', лат. (*con*)*vexus*, ср.-ирл. *feccaid* 'нагибается', 'кланяется' и др.

[12] Это образование интересно тем, что к идее кривизны отсылает не только инфигированный корень *vaṅk-*, но и суф. *-ri-*, с которым связаны любопытные модификации значения. Г. Нейман (KZ, 1958, Bd. 75, S. 88) отмечает присутствие *-ri-* в словах, передающих нечто искривленное, часто — в че-

вают балтийские факты, реализующие обе разновидности индоевропейского корня **ue-n-k-* и **ue-n-g-* [14], которые постулируются уже для самого раннего состояния, но, возможно, обнаружимы и в индийских языках (речь идет о том, что наряду с др.-инд. *vañk-*, *vañc-* отмечена, правда, только в «Дхатупатхе» и у грамматиков, форма с исходом на звонкий, а именно — *vaṅg-* 'идти', 'хромать' (!), ср. пали *vaṅgati*, то же в «Дхатупатхе» [15].

Балтийские факты, сопоставляемые ниже с др.-инд. *vañkú-* и связанными с ним другими индо-арийскими лексемами, тем важнее, что они образуют густую сеть связанных друг с другом форм, представляющих все возможные варианты вокализма и разные типы основ. Здесь достаточно ограничиться лишь основными параллелями, имеющими преимущественное отношение к семантике вед. *vañkú-*. Ср. лит. *vinklùs* 'ловкий', 'проворный', 'гибкий'; 'увертливый' (ср. *vinklioti* 'спутать', 'запутать' и т. п. [16]), *vinkrùs*, то же [17]; *vingrùs* 'извилистый', 'изворотливый'; 'замысловатый', 'затейливый', 'мудреный' (в том числе и о речи, о словах, ср. выше о др.-греч. λόξιας) , *vingrùmas*, *vingris* 'увертка', 'уловка', *vingrybė*, *vingùs* 'извилистый', 'изогнутый', 'сплетенный'; 'пронырливый', 'изворотливый', 'ловкий', *vìngis* 'изгиб', 'извив', 'извилина', 'излучина', 'зигзаг' и т. п. (ср. *vingiúoti* 'искривляться', 'извиваться' и т. п.) [18]; *vangùs* 'вялый', 'медленный', 'ленивый', *vangùmas*; *vángstytis* 'увертываться', 'увиливать', 'избегать' (ср. *vángstytis duóti atsākymą*, об увиливании от ответа, при др.-греч. λοξὰ ἀποκρίνεσθαι); *véngti* 'избегать', 'уклоняться', 'увиливать' (*véngti atsākymo* 'уклоняться от ответа'), *iš-véngti*, *venginė́ti*, *vengìmas* 'увиливание', 'уклонение', *vengė́jas*

ловеческом теле («Körperteil, an dem eine Krümmung sichtbar ist» или «Teil, der sich krümmt»).

[13] Вероятно, сюда же нужно отнести др.-инд. *vákṣa-* 'грудь' (: осет. ирон. *wæχsk-* 'плечо', сак. *hūṣa* 'какая-то часть тела', из **vaḫša-*, **uḫša-*), *vakṣáṇā* 'грудь', 'брюхо', 'вымя' и т. п. См.: *Mayrhofer*. Lief. 19, S. 121—124, 127.

[14] См.: *Pokorny* I, S. 1134—1135, 1148—1149; *Fraenkel*, S. 1256 и др. В связи с элементом *-n-* см. также: *Kuiper F. B. J.* Die indogermanischen Nasalpräsentia. Amsterdam, 1937, S. 142.

[15] Ср.: *Turner R. L.* A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages. Fasc. IX. London, 1966, p. 652—653. Разумеется, при анализе *vañkú-* необходимо помнить и о др.-инд. *vañka-* 'согнутый', 'искривленный'; 'изгиб реки', которое, по мнению Тэрнера (№ 11191), подверглось влиянию близких по звуковому составу слов из неарийских языков и связывалось, как и *vañkú-* в народной этимологии с *vakrá-*. К *vañka-* восходят пали *vañka-*, пракр. *vaṁka-*, цыг. *bango*, ория *bāṅka*, бихари *bā̃*, майтх. *bā̃k*, хинди *bā̃k* и другие новоиндийские формы. Ср. также Turner № 11192: **vañka-²*, обозначающее дефектность и № 11193: *vañkara-* 'искривленный', 'берег реки', ср. бходж. *bā̃kar*.

[16] При сравнении с *vinklùs* особенно ярко выступает идея отступления от п о р я д к а как обычного статуса.

[17] Ср. др.-инд. *vā́ñkri-*, но *vañkú-*, т. е. *-r-*: *-u-* при их объединении в лит. *vink-rù-s*.

[18] Ср. *vingurỹs*, *vingulỹs* 'угорь' при более обычном *ungurỹs*.

'избегающий', 'увиливающий' и др. Эти литовские слова поддержаны надежными примерами и из других балтийских языков. Ср. прусск. *wīngriskan* 'изворотливость', 'хитрость' (нем. 'List') или латышские «куронизмы» *viñgrs* 'упругий', 'крепкий', 'свежий', *vingrums* 'упругость', *viñgruôt* 'заниматься гимнастикой', *vingrinâties* 'упражняться' [19] и особенно (имея в виду семантику) *viñguɼuôtiês* 'медленно, неловко, неумело идти', 'извиваться', 'тратить попусту время', 'быть раздерганным' и т. п.; *vengre* 'Ranke' (ср. нем. *rank* 'гибкий', 'стройный'); *vanga* 'Henkel an Gefäßen', 'Schlinge', 'Fessel(n)', 'Band' (Mühlenbach—Endzelin, s. v.) [20] и ряд других форм [21]. Этот круг примеров, естественно, может быть расширен и далее (ср. гот. *un-wāhs* 'безупречный', др.-англ. *wōh* 'кривой', 'перевернутый', др.-сак. *wāh* 'зло'; др.-исл. *vā* 'Winkel', 'Unheil' и т. п.). Тем не менее, уже приведенные примеры дают основание для реконструкции общей семантической схемы, внутри которой получает свое оправдание и объяснение вед. *vañkú-* (как и связанные с ним слова), и исходного смысла и.-е. **u̯enk- / *u̯onk-* — отклонение от некоего нормального («прямого») состояния в результате неумения, отсутствия возможностей (так сказать, «недотягивания» до нормы), или, напротив, в результате «перекрытия» нормы (ее превосхождения), открывающего некие сверхвозможности. Отсюда сочетание положительных и отрицательных смыслов у продолжателей и.-е. **u̯enk- *u̯onk-*, их экспрессивность (во всяком случае не нейтральность). Этим элементом кодировались понятия, относящиеся прежде всего к сфере движения и состояния субъекта этого движения. Особого внимания заслуживают также случаи употребления этого комплекса в связи с обозначением особого, нестандартного, «непрямого» модуса мысли и речи (слова) [22]. Ведийские примеры употребления *vañkú-* фиксируют укорененность этого слова и в сфере действия (дела), и в сфере речи и мысли. Более того, вед.

---

19 Круг значений в этих латышских словах предполагает в качестве исходного смысла что-то вроде 'гибкий', 'ловкий' (откуда — 'упругий', 'сильный', 'цепкий'), т. е. п о л о ж и т е л ь н о е (с усилением) отклонение от нормы — прямоты как устойчивого состояния по отношению к кривизне и к гибкости.

20 Ср. лит. *āt-vanga* 'отдых', 'покой' при *vangùs* 'ленивый' или прусск. *wangan* 'конец', *wangint* 'кончать'.

21 См.: *Fraenkel*, S. 1195, 1223, 1256—1257. Существенно, что балтийские языки сохраняют видимо, и безынфиксные формы, ср. лтш. *vaîgs* 'щека' (: нем. *Wange*,др.-в.-нем. *wanga*) и др. Не исключено, что и этимологически неясное лит. *vókas* 'веко', 'конверт' (ср. рус. *вѣко* и др.) может рассматриваться как вариант того же корня без инфикса (в таком случае речь могла бы идти о таких значениях, как 'сгиб', 'покрытие', 'завеса' и т. п.). В этом отношении, конечно, очень показательны и такие иранские формы, как согд. *yw'nk* 'articulation', выводимая из **vi-vanka-* или осет. дигор. *iuong*, *iong*, 'сочленение', ирон. *ong* (см.: *Benveniste E.* Études sur la langue ossète. Paris, 1959, p. 15).

22 Наряду (см. выше) с таким же модусом в сфере д е л а (движение).

vaṅkú- задает единство той сферы, в которой оно выступает, или, другими словами, свидетельствует о единстве связываемого с ним значения, независимо от условий употребления слова. Соответственно сказанному должны быть внесены коррективы и в толкование (и перевод) тех мест «Ригведы», где встречается это слово. Вед. *vaṅkú-* как эпитет коней Индры и Ваты уместнее всего, видимо, передать, как 'ловкий', 'верткий', 'увертливый', 'оборотистый' и т. п. (ср. рус. *вёрткий*, *увёртливый* и т. п. — от *вертéть* как обозначения непрямого, кругового или частично-кругового (по дуге) движения). В V, 45, 6 «летающего купца» вполне можно заменить на «купца, идущего извилистым путем» [23]. Как эпитет поэта (см. I, 114, 4: о Рудре) *vaṅkú-* также следует понимать как 'извилистый', 'с извилистой (речью)', 'витиеватый', собственно говоря, как 'владеющий поэтической речью', поскольку она по определению 'непрямая'. В настоящее время становится ясным, что изощренная перепутанность, «извилистость» (своего рода «кривизна»), зашифрованность были вполне осознанным принципом архаичной поэтической речи, что снова отсылает нас к особой теме «непрямого» модуса речи древних индоевропейских поэтов типа индийских *kavi* [24] или латинских *vātes* (ср. посмертно опубликованные работы Ф. де Соссюра по поэтике). Эта поэтическая «кривизна» (*vaṅkú-*) намного пережила индоевропейскую эпоху. Достаточно напомнить о так называемом *vakrokti* (буквально — 'изогнутое выражение', обозначение двусмысленной речи: *vakra-* & *ukti-*, ср. *vāc* 'речь', 'слово') [25],

---

[23] Иначе говоря, кривым путем. В свое время Кейпер, допускавший для *vaṅkú-* подобное значение, полагал, что это слово могло бы объясняться заимствованием из неарийского источника. См. *Kuiper F. B. J.* Proto-Munda Words in Sanskrit. Amsterdam, 1948, p. 87.

[24] Интересно (в свете поэтических ассоциаций вед. *vaṅkú-*) упоминание *Uśana Kāvya*, певца-провидца, в I, 51, 11, т. е. именно там, где отмечено и слово *vaṅkú-*.

[25] Обращает на себя внимание исключительная близость друг к другу форм, к которым восходят, с одной стороны, *vakrá-*, *vaṅkú-*, а с другой, *vāc* (*vákti*), т. е. соответственно: **u̯ok-* (:**u̯o-n-k*) и **u̯ok*$^{u̯}$ (:*u̯ek*$^{u̯}$*-*). При этом, видимо, существовали и verba dicendi с инфиксом — **u̯e-n-k*$^{u̯}$*-*: **u̯o-n-k*$^{u̯}$*-*, ср. тох. А *waṅk-* 'болтать' (о котором см.: *van Windekens A. J.* Le Tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. V. 1. La phonétique et le vocabulaire. Louvain, 1976, p. 544—545) или рус. *вя́кать* (? — если только это не экспрессивная форма со смягчением, ср. другой тип эмфазы — *вавáкать*), которые в таком случае образовывали бы инфигированный ряд к др.-инд. *vāc* (Nom. Sg. *vāk*: *vákti*), авест. *vaxš-*, лат. *vōx* (: *vocō*), др.-греч. ἔπος, кипрск. Ϝέπος и т. п. Соотношение **u̯ok-*: **u̯ok*$^{u̯}$: или **u̯ek-*: **u̯ek*$^{u̯}$*-* как раз фиксировало бы отклонение от нормы, одновременно являясь базой для таких figura etymologica, как образы «извилистого слова» (*vaṅkú-* & *vāk*: *vákti*) или «шатающегося, колеблющегося, хромающего слова-речи» (ср. лат. *vacillō* & *vōr*). К *vakra-ukti-* ср. также *an-ukta-* 'несказанное' (при термине ирландской средневековой поэтики *anocht*, обозначающем неправильные формы, которых нужно остерегаться в поэтических текстах).

термине, обозначающем затейливый (непрямой), даже вычурный оборот речи в поэзии и встречающемся во всех основных древнеиндийских трактатах по поэтике [26]. Существенно, что здесь выступает слово того же корня, что и *vañkú-*.

2. Др.-греч. μάκαρ, μακάριος и др.

Разбираемые древнегреческие слова — μάκαρ, μᾰκάριος 'блаженный', 'счастливый', 'благоденствующий', 'богатый', μᾰκᾰρία 'блаженство', 'счастье' и целый ряд производных (в том числе verb. denom. μακαρίζω, известный уже в «Одиссее») — принадлежат весьма важному кругу понятий с далекоидущими мифопоэтическими ассоциациями [27], но остаются этимологически совершенно не ясными. Во всяком случае оба новейших этимологических словаря единодушны относительно этих слов: «Ohne Etymologie», «Pas d'étymologie» [28], причем в этом приговоре отчетлив признак некоей безнадежности, резиньяции (Noli me tangere. . .). И, в самом деле, в предлагавшихся объяснениях этих слов настолько игнорировался динамический аспект семантики, т. е. определение той ситуации, в которой может формироваться понятие «блаженство», что отрезались все возможности обнаружения подступов к семантическим поискам. Между тем, блаженство, как и святость, не есть оценка некоего состояния по шкале «хорошо — плохо», но само это состояние. Обретение этого статуса всегда связано с переходом в него из какого-то другого состояния и отмечающей этот переход процедурой. Поэтому внимание исследователя должно направляться на установление некоего внеязыкового факта, который мог иметь отношение к семантической мотивировке слова. В данном случае уместно обращение к типологическим параллелям, которые уточняют возможности выбора вариантов семантического развития. Но перед этим целесообразно сказать о некоторых осо-

---

[26] К связи идеи «кривого», «извилистого» с поэтом-жрецом, очевидной для Ἀπόλλων Λοξίας, ср. многочисленные примеры «искривления», деформации поэтического слова (например, у ирландских филидов), а также обозначения жреца-прорицателя, поэта по признаку кривизны. Здесь, пожалуй, следует назвать один из наиболее ярких образов. Древние литовские жрецы-поэты носили имя *Krìvis*, *Kriváitis*, от Adj. *krìvas* 'кривой' (ср. *kreívas*). Атрибутом этого жреца была искривленная палица — *krivùlis*. Первый литовский *Krìvis* по имени Лиздейко был именно прорицателем, вещателем судеб и поэтом. Ср. также «кривых» поэтов — слепцов.

[27] См.: *De Heer*. Μάκαρ, εὐδαίμων, ὄλβιος, εὐτυχής. Amsterdam, 1969, а также: *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936, с. 142 и след., 392 и след.; *Она же*. Миф и литература древности. М., 1978, с. 39, 537.

[28] См.: *Frisk*, II, 162—163; *Chantraine* III, p. 659. Связь с μακρός отстаивали Курциус, Фик, Прельвиц (см. *Boisacq*, s. v.); о древнеегипетском источнике др.-греч. μάκαρ писали Краппе (Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes, 1940, t. 14 (66), p. 245) и Хеммердингер (Glotta, 1968, Bd. 46, S. 240).

бенностях др.-греч. μάκαρ, μακάριος, которые, не будучи латентными, тем не менее, обычно не находят прямого отражения в словарных определениях значения этих слов. Можно напомнить, что μάκαρ и μακάριος относятся прежде всего к б о г а м, но (вопреки О. М. Фрейденберг) уже у Гомера эта лексема м о ж е т употребляться и по отношению к л ю д я м (ср., например: ὦ μάκαρ 'Ατρεΐδη. Il. III, 182 — с характерным продолжением: μοιρηγενές ὀλβιόδαιμον; или же ἀνδρὸς μάκαρος, а также в обращениях типа ὦ μακάριε, аналогично δαιμόνιε), но таким, которые снисканы богами, обласканы или находятся под их защитой и покровительством (ср. показательный контекст — Гесиод. «Труды и дни» 159—160) и, следовательно, в чем-то существенном сопричастны божественному началу. Высшая степень этого начала свойственна богам (θεοί, οὐράνιοι) [29], прежде всего Зевсу, к которому обращаются μακάρων μακάρτατε Ζεῦ! (Эсхил), но оно может быть и на земле, у людей (χθόνιοι) и, наконец, у подземных обитателей или насельников Островов блаженных (ср. Μακάρων νῆσοι. Hes.[30]), лежащих на краю земли, далеко за морем, т. е. у покойных, в царстве смерти. Последнее объясняет употребление этого Adj. в связи с покойниками [31]. Поскольку нет особой нужды объяснять, почему покойники трактовались как блаженные [32], сейчас уместно отвлечься ради одной типологической параллели, в которой «разыгрывается» та же тема высшей жизненной силы, новой жизни, бессмертия как результата преодоления смерти, прохождения через нее. Сразу нужно сделать оговорку: приводимая параллель представляет обряд э л е м е н т а р н о г о типа, ценный прежде всего своей, так сказать «инструментальной» конкретностью, которая, собственно, и дает возможность новой ориентации в поисках семантической мотивировки понятия того блаженства, которое объединяет богов и покойников и противопоставляет их людям обычного стандартного статуса. Ценность этой параллели заключается еще и в том, что в ней выступает персонифицированный образ смерти ради новой жизни, чье имя является заимствованием из греческого, а именно *Макарка*.

Речь идет об обрядах вызывания дождя, недавно описанных и прокомментированных вкратце в связи с темой др.-греч. μάκαρ, μακάριος [33]. В Полесье в этих обрядах отмеченную роль

---

[29] Ср. у Гомера οἱ μάκαρες — о богах.

[30] Этим именем назывался и город О а с и с в Древнем Египте.

[31] Подобное употребление открывает, видимо, доступ к пониманию такого выражения, как βάλλ' ἐς Μακαρίαν; ср. *Куда М а к а р телят не гонял*. К образу страны Макарии ср. также образ Св. Макария, который, судя по его житию, живет на к р а ю земли или должен простоять три года в з е м л е.

[32] Достаточно сослаться на обширную литературу (см. прежде всего: *De Heer*. Op. cit.) или на такие диагностически важные случаи, когда, например, значения 'умереть' и 'стать богом (или героем)' передаются одним и тем же словом.

[33] См.: *Толстые С. М.* и *Н. И.* Заметки по славянскому язычеству. 2. Вызывание дождя в Полесье. — В кн.: Славянский и балканский

играет бросание («сеяние») в колодец зернышек м а к а - видуна, освященного на Маковей. При этом воду к о л о т я т (или мешают) киечками, палицей, приговаривая: «М а к а р к а, сыночек, вылезь из в о д ы, разлей слезы по святой земле!» (несомненна звуковая ориентация *мак*: *Макарка*, под которую подводится и содержательная интерпретация). Сходная процедура отмечена в обряде голошения по утопленнику, когда в колодец также сыплют мак и женщины «голосяць як пу пукойнику»: «М а - к а р к о утопиўса, М а к а р к о утопиўса. . .». Ранее было показано, что в подобных обрядах можно видеть отражение основного мифа в одном из узловых мотивов наказания Громовержцем своего младшего сына [34] путем его расчленения, размельчения, растирания и бросания в воду, в результате чего достигается желанное состояние (в данном случае — плодоносящий дождь; ср. в загадке о маке: «упал на землю мертвым, встал живым»). Имя этого сына в поздней традиции и в одной из версий — *Макарка*, *Макар*, и оно, очевидно, связано с маком, который, между прочим, в русской загадочной традиции описывается как *Макар Макарович* [35]. Мифопоэтическая связь мака с Макаром несомненна и естественно предположить, что символика вегетативного образа мака (огонь×вода; смерть, кровь и т. п.) подхвачена и антропоморфным соответствием мака — Макаром. Но в контексте др.-греч. μάκαρ и под. в центре внимания оказывается не мак, а *Макар*, *Макарка*, имя персонажа с богатыми мифопоэтическими ассоциациями [36], о которых в свое время писала О. М. Фрейденберг, и даже не само это имя и стоящий за ним персонаж, а те с о с т а в л я ю щ и е, которые определяют и его форму, и его содержание. Конкретно речь идет о соотнесении Макара с темой м о к р о г о, м о к р о т ы и самого имени персонажа с его греческим источником — Μακάριος.

В ритуале вызывания дождя, имеющем целью восстановить и увеличить жизненную силу (плодородие), особенно очевидна связь Макара с в о д о й в колодце (ср. мифологический мотив колодца с водой жизни) и через нее с чаемой небесной водой — дождем. Отсюда и вторичное, мифопоэтическое по характеру, сопряжение имени *Макар* с *мокрый*, опирающееся прежде всего на семантическую мотивировку этих элементов в обряде. Введение в этот контекст вегетативного символа (мак) позволяет

фольклор. М., 1978, с. 101 и след.; ср. также *Топоров В. Н.* Др.-греч. μάκαρ, μακάριος и под. (Marginalia к статьям о маке и вызывании дождя). — В кн.: Balcano-Balto-Slavica. Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы. М.: 1979, с. 39—46.

34 Характерно, что в ряде случаев мак в колодец бросают именно маленькие дети.

35 Ср. другой вариант той же мифологемы, где речь идет о попавшем в беду, исчезнувшем, утонувшем *Семене*, ср. *семя*, *семена* — аналогично *Макар*: *мак*.

36 Ср.: *Я тебя туда спроважу, куда Макар телят не гонял*; — *На бедного Макара все шишки валятся*;—*Макара двy-раз не женят*; — *Таким Макаром* и т. п.

сразу же определить исходную мифологему **воды и огня**, в частности, в ее уточненном варианте — мировой огонь среди первородных вод, в их центре. Этот вариант (ср.: *Макарка в воде*, *мак в воде*, *огонь в воде* и т. п.) реализуется в огромном количестве ритуальных действ (например, во время купальских праздников или навроза), в специализированных мифопоэтических образах (ср. *трезубец Посейдона* или *Нептуна*, *лотос* и т. п.), в особых текстах (ср. прения огня с водой) и т. д. В этой перспективе Макарка может быть понят как персонифицированный образ, в котором снимается оппозиция огонь-вода [37]. Макарка брошен в воду и должен умереть (подобно огню в воде) с тем, чтобы возродиться. Его связь с водой (мокрое) и огнем находит аналогию в образах *Мокрой* и *Огненной Марии*, *Марины*, *Макрины* [38] или *Мокрой Марии* (*Макрины*) и *Огненного Ильи* как родителей младшего сына в основном мифе [39].

Поскольку *Макарка* связан с **водой и смертью** (ср.: вода смерти, забвения, мертвая вода vice versa вода жизни, живая вода, родимая вода; по Макарке плачут как по покойнику и т. п.), понимаемой как переход к иной, высшей, блаженной жизни (мертвая вода → живая вода), и поскольку рус. *Макар* восходит к др.-греч. Μαχάριος [40], из которого оно и было заимствовано, — возникает соблазн попытаться объяснить и апеллятивное μάχαρ, μαχάριος в аналогичном контексте, т. е. через семантику некоего водного действа, прохождения через состояние «мокрости» (род помазания). Хорошо известно, что сам статус **блаженства**, как и вообще посвященности, сакральной отмеченности, в самых разных традициях связывается с прохождением через особый

---

[37] Сто́ит напомнить, что огонь и вода (молния и дождь) суть те орудия, которыми Громовержец поражает своего противника, в частности, младшего сына.

[38] Ср.: *Коли на **Макрину мокро**, то страда ненастная* (19 июля); ***Макрина мокра***, и осень ***мокра***... и т. п., а также *Макрину делать*, о купании в засуху баб и девок в одежде с целью вызвать дождь. Характерно, что *Макарий* участвует в наговаривании на воду в заговоре, приведенном у Блока («Поэзия заговоров и заклинаний». — В кн.: *Блок А.* Собр. соч., т. 5. М.—Л., 1962, с. 53), там же и *Марья*.

[39] Персонифицированные образы «мокроты» могут быть продолжены. Ср.: *в день **Мокия мокро**, и все лето **мокрое*** (11 мая) и др. Если идти еще дальше, то восстанавливается схема *Перун* (громовержец) — **Перынь* (его жена, имя которой подтверждается, в частности, балтийскими, германскими, древнеиндийскими данными) при **Мокр-* (*Макар*, *Мокий* и т. п.) — *Мокрина* (*Макрина*), *Мокошь* и т. п. с тем же распределением ролей. Ср. др.-рус. *Мокрошь*, *Мокрешь*, название Водолея. Ср. также балканский ареал топонимов типа *Макреш* (**Makr-ešь*), *Макрешане*, Μάχρυσι, Μαχρύσια, о которых см.: *Duridanov I.* Die Hydronymie des Vardarsystems als Geschichtsquelle. Köln — Wien, 1975, 132, 195, 201, 361; *Он же.* Принципы установления славянских топонимических ареалов на Балканском полуострове. — В кн.: Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980, с. 41—42.

[40] Имя Μάχαρ, Μαχαρεύς носили сын Гелия и Роды (Il. 24, 544); сын Эола; один из спутников Одиссея; лапиф на свадьбе Пирифоя.

водный обряд — освящение водой[41]. Особенно интересно, что иногда наряду с крещением водой и получением благодати через покаяние отмечается и крещение огнем (и Духом Святым), ср. Мф. 3, 11—12, чему соответствует и двойная гибель мира (как и противника Громовержца в основном мифе) — от воды и от огня (ἐκπύρωσις καὶ κατακλυσμός, ср. 2 Петр. 3, 5—7)[42]. В этом контексте, вероятно, не покажется странной (и тем более семантически не мотивированной) связь др.-греч. μάκαρ с лексемами, обозначающими мокрое, влажное (иногда — грязное: вода × земля)[43] и восходящими к и.-е. **măk-*, **măk-r-*, **măk-n-*, которое отражено с достаточной полнотой в разных индоевропейских языках, занимавших компактную зону между Балтийским и Средиземным морями, от юго-восточной Прибалтики до Балкан (включая предков армян)[44]. Ср. слав. **mokrъ* (:**močiti*, **makati*, **mok-nǫ-ti*, ср.

---

[41] Ср. о крещении водой и Духом Святым — Мф. 3, 11, 16; Мк. I, 8, 10; Лк. 3, 16; Ио. I, 26, 31, 33 и др. Согласно святоотеческой традиции в таком крещении водою и Духом человек вступает на путь спасения и получает при этом блаженство — «сугубую благодать» — «благодать через воду» и «благодать Духа» (Св. Кирилл Иерусал. Catech. IV). Характерно, что и благодать Духа, сошедшая на апостолов в день Пятидесятницы, уподобляется излиянию «духовной воды» (Catech. XVII, 14).

[42] Ср. соответственно — святая вода (само и.-е. **k'u̯en-to-* сохраняет еще связи с водной субстанцией) и святой огонь. Уместно предположить, учитывая обильные типологические параллели, что эта последняя была исходной, что опять возвращает нас к двуединому мотиву воды и огня.

[43] К связи μάκαρ с водой ср. Острова блаженных, название оазиса и т. п. Ср. и более широкий «водный» контекст смерти — похоронная ладья (или корабль), перевоз покойника через реку или море и т. п.

[44] Следы этого корня известны, видимо, и в древней Италии. См. *Makra*, Μάκρα,, название реки впадающей в Лигурийское море и отделяющей Этрурию от Лигурии. Нельзя пройти мимо и наименования некоторых островов, получивших (хотя и вторично) название *Macaria*, Μακαρία за их особое плодородие (ср. Лесбос, Родос, Кипр; на последнем есть и город того же имени). В Мессении этим именем называли долину по течению реки Памис (Strab. 8, 361); около Марафона был источник Μακαρία, названный, как считалось, в честь дочери Геракла Макарии, выступающей (правда, безымянно) в «Гераклидах» Еврипида. Эта безымянность получает целесообразное объяснение: «Имя Макария (блаженная) в V в. до н. э. уже получило значение «покойница» (Роде Psyche 283). Понятно, что при жизни дочь Геракла так называться не могла. Это имя ей было дано лишь после смерти. Вероятно, дело происходило так: когда дочь Геракла была поражена жертвенным ножом, ее тело внезапно исчезло, а на том месте, где ее кровь коснулась земли, появился источник. Тогда старшая жрица объявила, что ее богиня приняла убитую к себе как свою «сопрестольницу», что она отныне — героиня и наречена «Макарией», как и источник. Все это рассказывал Демофонт в третьем акте. Так как действие потеряно, то имя Макария и не сохранилось в тексте Еврипида, но сохранилось в списке действующих лиц. При этом объяснении понятно, почему на картине Аполлодора дочь Геракла имени не имела: художник не мог дать живой деве то имя, которое она получила лишь после смерти» (см.: *Анненский И. Ф.* Алтарь милосердия. — В кн.: Еврипид. Драмы, т. II. М., 1917, с. 23). Хотя У. фон Виламовиц-Мёллендорф заключал, что образ Макарии выдуман Еврипидом (De Eurip. Heraclidis IX), в этом образе реализуются глубинные мотивы мифа — смерть как жертва (причем добровольная, а не по жребию, как предлагает Иолай) ради спасения других: *О нет, оставь, старик. Я не хочу | Быть жертвою по жребию; иль этим | Стя-*

**Mok-ošь* и др.); лит. *makõnė* 'грязь', 'слякоть' (: *mak-ēti* 'брести по грязи', 'топтать грязь', *mak-ẽnti*, *mak-óti*, *mak-noti*), *maknà* 'болотистое, сырое место', *maknýnė*, *maklýnė* и т. п.; лтш. *mākônis* (: *màk-tiês*), *makņa* и т. п. (ср. местные и водные названия типа прусск. *Macruten*, 1411—1419, лтш. *Makari*, лит. *Makaraĩ* и под., остающиеся не всегда ясными, и многочисленные названия типа лит. *Makýs*, лтш. *Maka*, *Makana*, *Makale* и т. п.; алб. *makë* 'пленка на жидкости'; арм. *mōr* 'грязь', 'трясина' (< **măk-ri-*). Если предлагаемый круг сопоставлений действительно связан с μάκαρ, то это слово, рассматривавшееся как изолированный пережиток гетероклитического склонения (древнее имя среднего рода, ставшее прилагательным архаичного типа)[45], не только подкрепляется точными соответствиями в виде форм с элементом -*r*- (ср- слав. *mok-rъ* или арм. *mōr*), но и как бы достраивается (в индоевропейском масштабе) до полной (недефектной) гетероклизы — **mak-r-* : **mak-n-*. Такого рода реконструкция источника др.-греч. μάκαρ в свою очередь отбрасывает луч света назад, расширяя возможность увеличения круга слов, относящихся к выявленному ядру — **măk-*. В частности, -αρ- в μάκαρ позволяет обратиться к балтийским глагольным образованиям на -*ar*-, -*al*- типа лит. *màkaruoti*, *màkaluoti* 'месить', 'смешивать'; 'махать', 'болтать'; 'бить', 'колотить'; 'брести' ('идти с трудом'), которые в свою очередь этимологически связаны с лит. *makóti* 'брести через грязь' ('месить грязь'). Тем самым, кажется, устанавливается связь между и.-е. **măk-* 'мокрый', 'мочить' и **māk-* 'месить', 'мять', 'давить' (Pokorny I, S. 698; ср. лтш. *màkt*, лат. *maccare* < **māc-āre* и др.)[46], даже 'бить', что заставляет вспом-

---

жала бы любовь я? Если ж душу | Вы примете мою и умереть | Дадите мне за них по вольной воле, | Без всякого насилья, — я готова. . . — Можно напомнить, что Канарские острова, к западу от Африки, славившиеся своей красотой и изобилием, назывались αἱ τῶν μακάρων νῆσοι или — в латинском варианте — *Fortunātae insulae*. Разумеется, нужно не забывать и о других отражениях элемента **mak-* в очерченном ареале (ср., напр., Μάκεστος, *Macestus*, левый приток Риндака в Мисии, при Μάκιστος, *Macistus* в Элиде / если это не то же, что μήκιστος 'длиннейший' / и др.).

[45] *Benveniste E.* Origines de la formation des noms en indo-européen. Paris, 1935, p. 18; *Schwyzer E.* Griechische Grammatik, Bd. 1. München, 1939, S. 519 и др. Ср. уже: *Brugmann K.* — IF, 1905, Bd. 18, S. 434.

[46] Из форм с аналогичным элементом -*r*- ср. лат. *māceria*, *māceries*, о стене (собств. — 'вылепленное из глины', 'глинобитная стена'). Латинское слово исключительно интересно в том отношении, что оно входит в единый круг лексем, отсылающих как к мотиву мокрого, размокшего (и.-е. **măk-/r-/*), так и к мотиву размягченного, ослабевшего, измученного, худого, чахлого, «вытянутого» (и.-е. **māk'-*:**mək'-*, **mək'rós* /!/, см. Pokorny I, S. 699). Ср. лат. *mācerātio* 'вы-, размачивание', напр., *calcis*. Vitruv.), но и умерщвление (*carnis*) при *mācero* 'делать мягким', 'ослаблять', 'мучить', 'изводить', *macēsco* 'худеть', 'чахнуть', 'истощаться' (:*mācerēsco* 'размягчаться'). Тем самым как бы перебрасывается мостик между двумя разными индоевропейскими корнями, что вынуждает — в известной мере — обратить внимание и на такие рефлексы и.-е. **mək'rós*, как др.-греч. μακρός (ср. μᾶκος, μῆκος; ср. Μακεδόνες: μακεδνός 'стройный'), лат. *macer* 'худой' (: *maceō*, *maciēs*), др.-исл. *magr*, др.-в.-нем. *magar*, нем. *mager* 'худой', авест. *mas-* 'длинный', может быть, хетт. *maklanteš* 'худой' и т. д.

нить еще об одном мотиве упоминавшегося ритуала. В обряде вызывания дождя (как и в ряде других ритуалов этого типа) воду мешают, бьют, колотят (иногда то же делается с персонажем, связанным с водой; ср. «разорение» других ритуальных объектов типа купальской куклы, Костромы, Масленицы и т. п.). Наличие соответствующих смыслов в балт. *mak-*, *mak-ar-*, *mak-al-* (ср. лит. *makāras* 'большая палка') дает, во-первых, возможность для предположения о возможном отражении сходной ситуации в балтийской традиции [47], и во-вторых, помогает расширить круг соответствий за счет ряда славянских слов, которые до сих пор в этой связи не рассматривались. В частности, существен учет таких слов, как рус. диал. *макнуть* 'ударить', 'гвоздануть' при более обычном — 'опускать (погружать) в жидкость', 'потоплять (и снова вытаскивать)'. Сам мифолого-лингвистический мотив битья объекта, обозначаемого комплексом **mak-(-r-)*, апеллирует к разным полюсам — к битью Макара (ср.: *На бедного Макара все шишки валятся*) и его вегетативному варианту (битье — растирание мака в макитре), с одной стороны, и к мотиву поражения (удара) [48] Громовержцем младшего сына (в трансформации — *Макарка*) или жены (*Мокошь*, в реконструкции), — с другой стороны. Следовательно, и в балто-славянской традиции в связи с тем же элементом **mak-*, **mak-r-* : **mok-* : **mok-r-* возникает мотив смерти (имплицируемый мотивом удара, поражения). При этом смерть понимается не как абсолютный конец и не как онтологический просчет, несовершенство. Наоборот, она лишь этап перехода к особой полноте и интенсивности жизненного начала, к своего рода блаженству (μάκαρ). Отсюда и тождества: умереть=стать блаженным (μάκαρ, -ιος), богом (ср. хеттскую традицию или веспасиановское — перед смертью — *Ut puto deus fio.* Sueton. Vespas. 23) или как бог, т. е. возвращение к идее, лежащей в основе древнегреческого слова.

Предлагаемая здесь семантическая мотивировка др.-греч. μάκαρ, μακάριος и характер распределения рефлексов и.-е. *măk-r-* в древнегреческом и остальных языках (прежде всего в балтийских и славянских) вполне объясняют и само древнегреческое слово и

(ср. известный алтайский мифопоэтический мотив битья, в результате которого герой становится очень худым / или, наоборот, расплющенным, т. е. толстым/, но и очень длинным, высоким).

[47] Ср. хотя бы такие любопытные контексты, как лит. *Makarái į vandenį ir pasinérė*, т. е. примерно «Скользь (или: бултых! — *makarái*, Interj.) в воду и нырнул» — при *mākaras* 'подвижный, бойкий человек', 'непоседа', 'тот, кто болтается, мешает' (ср. *mākalas* 'болтень', 'мешалка', и т. п.), *makaráila*, *mākaris* (ср.: *Ko tù čia mākarioji kaip koks mākaris*), *mākariuoti*, возможно, и *makāryti*, что ставит под серьезное сомнение традиционную этимологию некоторых из этих слов. К связи таких смыслов, как 'бить', 'колотить' и т. п., с обозначением чего-то непоседливого, прыткого, юркого, ср. рус. *шибкий* (: *шибáть*), *бóйкий* (: *бить*) и т. п.

[48] Ср. *таким Макаром*, т. е. 'таким образом'. В обоих случаях просвечивает идея удара (ср. выше о *макнуть*, а также *разить*: *об-раз*).

семантическую филиацию продолжателей и.-е. **măk-r-* в отдельных языках. Становится правдоподобным понимание др.-греч. μάκαρ, μακάριος как своего рода по-мазанника, т. е. того, кто прошел соответствующий обряд. Внутренняя форма слов для *помазанника*, как правило, отсылает к обозначению соответствующего действия и вещества — *мазать*, *мазь*. Ср. др.-греч. χριστός, т. е. 'Помазанник': χρίω (ср. ἔλαιον χρίω τινά в новозаветной традиции, продолжающей в этом отношении библейскую); лат. *ūnctus* : *ung(u)o* : *unguentum* (*unctio*)[49]; нем. *Gesalbte* : *salben* : *Salbe*; франц. *oint* : *oindre* (*onction*) : *oing*; англ. *anointed* : *anoint* : *anointment* и т. д. Отсюда предположение о том, что и.-е. **măk-r-* (μάκαρ, *mokrъ* и т. п.) есть не что иное, как обозначение особого состояния — свойства, вызываемого приложением действия, кодируемого элементом **măk-*, к некоему объекту. Более конкретно речь могла бы идти о битье, давлении, перемешивании и т. д., т. е. о действии, в результате которого твердая и имеющая форму (упорядоченная) субстанция превращается в мягкую, аморфную, кашеобразную, мокрую (ср. характерную связь значений в этимологическом ряду рус. *мáзать*: др.-греч. μάσσω/μεμαγμένος/ 'давлю', 'мешаю', 'мажу', ср. μαγίς 'месиво', 'тесто': лтш. *muôzêt* 'много и жадно есть'; 'колотить'; 'дурачить'[50], 'мучить'). Принятие этой семантической мотивировки объясняло бы, почему с понятиями собственно мокрого, сырого в древнегреческом связывались слова других корней (ἰκμάς, ὑγρός, νότιος и т. п.). Впрочем, сама изолированность μάκαρ, μακάριος в древнегреческом языке несомненна[51]. Возможно, что круг этимологической родни этих слов мог бы быть расширен и еще более[52].

---

[49] Ср. *uncta aqua* как обозначение грязной воды.

[50] Сочетание этих смыслов точно (и, видимо, не случайно) описывает самые характерные черты шутовского персонажа из италийской ателланы, обжору, дурачка и труса, которого постоянно бьют, толстого Маккуса (лат. *Mac/c/us*). Уже давно было показано (см. *Dieterich A.* Pulcinella. 1897, S. 90), что это слово обозначает бобовую кашу (размягченное, смешанное, полужидкое) и что оно связано с итал. *maccaroni* как персонификацией национальной еды (ср. *Джованни Маккарони* как мучное блюдо) и шута, глупости. См.: *Фрейденберг О. М.* Указ. соч., с. 175—176). Ср. также «макаронический» язык, стих и т. п. как образы хаотического смешения разъятых частей. Языковая форма *Mac(c)us*, *maccaroni* в конечном счете, видимо, отсылает нас к продолжениям того же самого и.-е. **măk-r-*: **măk-*. Следовательно, и италийские факты входят в игру разбираемых мотивов. Более того, они помогают обратным образом вернуться к др.-греч. μάκαρ- ср. Μακκώ, имя тупой женщины (Suid.), не отделимой от *Maccus'a*; μακκοάω 'быть тупоумным' (ср. к внутренней форме — (*на*)*битый дурак*); μακέλη 'кирка' и под. (ср. *било*), с которым, возможно, связаны лит. *makāras*, о палке, дубине, и не вполне ясное арм. *markeł* 'кирка' (ср. *Frisk* II, s. 163—164) и др.

[51] Показательно, что μάκαρες применительно к покойным в прозе отмечено лишь один раз — у Платона. В этом смысле такое употребление слова можно считать признаком поэтического языка.

[52] В другом месте (Указ. соч., с. 44—46) была высказана гипотеза о лингвистической и культурно-исторической возможности привлечения к разбиравшимся здесь фактам названия фантастического животного (обычно гибридной природы) — др.-инд. *mákara-*. В разных формах это слово

3. **Spart-* в индоевропейских языках

Ареал распространения этого элемента очень показателен: **spart-* засвидетельствовано в центрально-европейской зоне (балтийский, латинский, фракийский), в южной зоне индоевропейских языков (древнегреческий, хеттский) и на крайнем востоке (тохарский). Тем не менее до сих пор соответствующие факты остаются разрозненными. В сколько-нибудь полном виде они н и к о г д а не были собраны. Более того, то, что было предметом анализа, разъединялось и связывалось с р а з н ы м и источниками [53]. В результате — серьезное искажение существенного фрагмента индоевропейского словаря, из-за которого остается в тени интересный вариант развития семантики. Выявить его в общих чертах — цель этой заметки.

Наиболее нейтральные (и, так сказать, семантически «немые») факты, практически всегда игнорируемые, доставляет фракийский язык. Речь идет прежде всего о Nom. propr. разных исторических лиц, засвидетельствованных в разные хронологические периоды (с V в. до н. э. вплоть до римской эпохи) и в разных ареалах (Фракия, Рим, Боспор Киммерийский, Египет) и, наконец, выступающих в более или менее различающихся между собой формах: Σπάρταχος, *Spartacus*, Σπαρτοχος, Σπαραδόχος, Σπόρδοχος и др.[54]. Не менее показательны и топонимические данные. Показательно сообщение Стефана Византийского: Σπάρταχος πόλις Θρᾴκης ... τὸ ἐθνικὸν Σπαρτάκιος ἢ καὶ Σπάρταχος (583, 11),

---

отражено в очень широком ареале, подвергшемся влиянию индийской культуры (от Пянджикента, Хотана, Монголии до Юго-Восточной Азии), ср. наряду с новоинд. *makar*, *magar* и др. х.-сак. *magara-*, *mara-*, тох. AB *mātār*, монг. *matar*, маньчж. *madari*, сантали *mańgar* и т. п. Существенно, что сколько-нибудь правдоподобный туземный (доиндо-арийский) источник пока не известен. Вместе с тем некоторые ведущие черты макары (вода, плодородие, жизненная сила, счастье) отсылают к уже разобранным выше мотивам. Макарка в воде, в глубине колодца, конечно, живо перекликается с макарой в океане. Сам океан называется «жилищем макары» (ср.: *evaṁ hi khanatāṃ teṣāṃ samudraṃ makarālayam. . .* «пока таким образом они выкапывали океан, жилище макары,. . .» (Mahābh. III, 105, 23). Во всяком случае эта тема требует возвращения к себе.

[53] Так, древнегреческие и балтийские факты разводятся по двум разным корням — **sper-* 'вертеть', 'вращать', 'крутить', 'плести' и **sp(h)er-1* 'дергать', 'топтать (ногами)', 'биться', 'быстро двигаться' (см. *Pokorny* I. S. 991—993); данные же других языков игнорируются вовсе.

[54] Ср. единичные формы типа *Spartico*, *Isparticus*, Σπάρτυχος и др. Собрание данных см.: *Detschew D.* Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957, s. v. (Дечев же сопоставляет фракийское слово с др.-греч. σπείρω, σπάρτον; ранние соотнесения с лат. *sparus*, *-um* 'копье', др.-в.-нем. *sper* и др. полностью исключены); *Velkov V.*, *Fol A.* Les Thraces en Egypte greco-romaine. — Studia Thracica, 1977, 4, p. 60—61. Формы на -δοχος, -τοχος отражают на себе влияние других династических одрисских имен типа Αμαδοχος, Σάδοχος и др. В них видят иногда иранский элемент. См.: *Vlahov K.* Sind die Wortteile -ΔΟΚΟΣ, -ΤΟΚΟΣ u. ä., die in zweistämmigen PN auftreten, thrakisch? — Živa Antika, 1966, XV, S. 305—319; *Idem.* Areale und ethnogenetische Distribution der thrakischen Personennamen. — Studia Balcanica, 1971, V, S. 195—196.

из которого можно сделать вывод, что город был назван по имени его основателя (нулевой тип словопроизводства). Как топоним Σπάρταχος входит в ряд других местных названий того же корня: ср. Σπάρτωλος (город в Боттии, область Македонии на правом берегу Аксия; ср. соответствующий этникон Σπαρτώλοι) и, как можно думать, фракийские (или общие с ними) по происхождению названия типа Σπάρτη κώμη, Σπάρτον ὄρος (Steph. Byz. 583, 15)[55]. Разумеется, определить изнутри значение элемента *Spart-* в этих случаях трудно и в целом приходится констатировать лишь то, что имя было значимо (т. е. семантическая мотивировка была актуальной для тех, кто пользовался этим именем), во-первых, и что семантика его была положительной, во-вторых. О последнем косвенно свидетельствуют другие имена боспорских и одрисских правителей, поддающиеся этимологизации (ср. Σπάρτοκος καὶ Παιρισάδης, где второе имя объясняется как иранское сложное слово — 'обеспечивающий изобилие' и, видимо, синонимично — см. ниже — первому имени). В самой яркой и практически единственной характеристике вождя рабов Спартака о нем говорится как об οὐ μόνον φρόνημα μέγα καὶ ῥώμην ἔχων (Plut. Crass. 8, 3), т. е. подчеркивается сила, мощь, крепость — именно те свойства, которые кодируются (см. далее) корнем **spart-*.

Другой полюс образуют балтийские факты, которые при совершенно ясной и тождественной фракийским примерам форме очень полно выявляют семантику, связываемую в балтийских языках с элементом *spart-*. Достаточно напомнить лишь о части примеров: лит. *spartùs* 'обильный', 'плодородный' (особенно в старых источниках, ср. словари Руига, Руига-Мильке, Нессельмана, Куршата); 'быстрый', 'скорый', 'живой', 'интенсивный', 'энергичный', 'деятельный'; *spartà* 'скорость', 'быстрота', 'темп', 'живость', *spar̃tis* '(быстрый) темп', *spartùmas* 'быстрота', 'энергичность' и т. п., *spartuõlis* (*spartuõliškas*, *spartuoliškùmas*), *spartė́ti* 'ускоряться', 'становиться быстрее, живее, интенсивнее', *spar̃tinti* 'ускорять' и т. п.; лтш. *spars* 'сила', 'размах' (из **sparts?*; ср., однако, *sparuôties* 'усердствовать', 'проявлять рвение', ориентирующееся уже на *spar-*, а не на *spart-*[56]; прусск. *sparts* как перевод нем. *mächtig* (K III, 55,17) и *sehr* (K III, 67, 14: *sparts labban* 'sehr gut'); *spartin* 'сила' (K III, 33, 5), *spartisku* (*en stessei spartisku* «an der stercke» K III, 53, 28), *spartint* 'усиливать' и др.[57]. Прусские примеры в отношении семантики объединяются с латышскими и архаичным слоем в литовском (кстати, фиксируемым в Прусской Литве). Сама иерархия смыслов в лит. *spart-* также приводит к выводу о том, что с этим элементом связывалось значение обилия и силы как проявления плодородия, спорости, некоего жизненного избытка.

---

[55] Подробный анализ см. в статье автора: фрак. Σπάρταχος в индоевропейском контексте (в сборнике, посвященном Ф. Безлаю).

[56] То же относится и к *sparīgs* 'напористый', 'энергичный', 'ревностный', 'сильный' *sparība* и т. п.

[57] См.: *Fraenkel*, S. 861—862.

Смысловой слой, связанный с обозначением быстроты, скорости, несомненно, вторичен. Он легко объясняется в свете такой параллели, как слав. **sporъ* 'спорый', обозначающий как 'обильный', 'сильный', 'зрелый', так и собственно 'спорый', 'скорый' и т. д. Поэтому есть основания считать, что и фрак. Σπαρτ- передавало тот же круг значений, что и балт. *spart-* в его архаическом слое. Кстати, фракийско-балтийские параллели в связи с элементом *spart-* имеют продолжение и на топонимическом уровне: уже отмечавшееся Σπάρτη κώμη точно соответствует лит. *Spartų kaímas*[58] в обоих своих членах и теоретически может быть возведено к и.-е. **Spart-* & **k'ŏ(i)mā* (ср. др.-греч. κεῖμαι 'лежу', с одной стороны, и лтш. *ciems*, гот. *haims*, др.-исл. *heimr*, ср.-ирл. *cóim*, *cóem* и т. п.[59], — с другой).

И общие соображения о структуре индоевропейского корня, и конкретные данные предполагают понимание *-t-* как расширения корня. Этимологический контекст комплекса **spar-t-* получает существенное расширение при обращении к формам без этого *-t-*. Здесь достаточно остановиться вкратце на двух совокупностях фактов, значительно расширяющих семантическую основу дальнейших разысканий. Во-первых, заслуживают внимания такие балтийские примеры, как лит. *sparùs* 'пружинистый', 'упругий', 'гибкий', 'бойкий', 'живой'; 'бережливый'; *spãras* 'стропило', 'подпорка', 'стойка', 'опора' (: *spìrti* 'подпирать', но и 'пружинить' и т. д.). Во-вторых, нельзя игнорировать богатую семантическую историю слав. **sporъ*, о которой можно судить хотя бы по тому «разбросу» значений, который свидетельствуется конкретными славянскими языками. Ср. словен. *spór* 'обильный', 'питательный', с.-хорв. *спȍр* 'медлительный' (←'неповоротливый' ←'тучный'), 'длительный'; чеш. *sporý* 'крепкий', 'коренастый', 'сжатый', 'насыщенный', 'плодородный'; 'бережливый' (ср. *spořiti* 'сберегать'); 'емкий'; словац. *sporý* 'щедрый', 'обильный', н.-луж. *spóry* то же, но и 'бережливый', в.-луж. *spory*, польск. *spory*; рус. *спóрый* 'удачный', 'выгодный', 'успешный'; 'быстрый', укр. *спóрий* 'быстрый', 'успешный', 'объемистый' и т. п.[60]. И внутренняя реконструкция семантики праслав. **sporъ*, и данные внешнего сравнения (ср. лат. *pro-sperus*, др.-инд. *sphāra* и т. д.)[61] приводят к выводу, что элемент **spor-* был связан с по-

---

[58] Ср.: Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas. II dalys. Vilnius, 1976, c. 286. Ср. также лит. *Spartas*, озеро, о котором см.: Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas. Vilnius, 1963, c. 153; *Vanagas A.* Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius, 1970, p. 50.

[59] Оба элемента сочетания **Spart-* & **k'ŏim-* обнаруживают семантическую близость: и тот и другой корень могут обозначать некий материальный избыток, приплод, достояние; ср. лит. *keimarỹs*, *keimerỹs* 'сросшиеся вместе плоды', 'двойчатки', 'спорыш' (кстати, слово *спорыш* содержит тот же элемент, что и **spar-t-*, см. ниже), с одной стороны, и др.-греч. κειμήλιον 'достояние', 'ценность', 'сокровище', 'имущество', — с другой.

[60] Сюда же, конечно, относятся и такие имена, как болг. *спор* 'прибыль', 'урожай', блр. *спор* 'успех', 'прибыль' и т. п.

[61] Ю. Покорный (I, S. 983) связывает этот круг слов с и.-е. **sp(h)ē(i)-* : **spī-*: **sphē-*, а также **sphə-ro-*, которое ошибочно отделено от **sp(h)er-*

нятием полноты, набухания-распухания, прибыли, избытка, а также обозначал и сам символ избытка в его вещественном (вегетативном) и персонифицированном воплощении. Ср. слав. **sporyšь*, **spor-yn-* и под.: рус. *спорышка*, *спорышок* 'двойчатка ореха', *Спорыш*, *спорышенчик*, блр. *спарына* 'двойное зерно', *Спарыш* и т. д. как обозначение мифопоэтического и ритуального персонажа (Nom. propr.), духа обилия, избытка, урожая, выступающего в песнях жнивного цикла[62]. Очень важно то обстоятельство, что эта же лексема обозначает и р а с т е н и е, значение которого мотивируется как 'обильное', 'многоплодное', ср. словен. *sporìš* 'Verbena officinalis', с.-хорв. *спо̏риш* 'тысячелистник' (но и *спо̏р*!); чеш. *spořiš*, словац. *sporýš*, польск. *sporzysz* и т. д.; рус. *спорыш* 'Polygonum aviculare', укр. *спо́риш* и т. д. Наличие растения с такой семантикой его названия обусловило и то, что само это растение стало одним из выразительных символов многоплодности, избытка (кстати, именно мотив ч р е з м е р н о с т и объясняет и случаи «ухудшения» семантики слова)[63]. Беспорность триадической схемы типа слав. **sporyšь* 'зрелость', 'обилие': **Sporyšь*, персонифицированный избыток: **sporyšь*, растение — символ плодородия[64], делает оправданным поиск т р е т ь е г о (вегетативного) члена и к фракийской паре **spart-* : Σπάρταχος. Его косвенное отражение можно видеть в др.-греч. σπάρτος 'дрок', 'шильная трава', 'Spartium junceum', используемая для п л е т е н и я корзин и в и т ь я веревок; ср. также σπάρτη, но и σπάρτον 'альфа или эспарто' (многолетняя трава, также употребляющаяся для плетения), 'жгут из дрока', 'веревка', 'канат'; σπάρτιον 'веревка из дрока' и т. п. Этимология этих слов до сих пор оставалась неизвестной[65]. В предлагаемом здесь контексте эти греческие слова (позже они были заимствованы в латинский, где образовали целую словообразовательную семью: *spartum* 'шильник', *spartārius* 'изобилующий альфой', *sparteus* 'изготовленный

'попирать', 'пружинить(ся)', 'бросать' (ср. нем. *schnellen* 'бросать'; 'пружинить', 'подскакивать' при *schnell* 'быстрый', 'спорый', а также эти же значения в лит. *spart-*, см. выше).

[62] Ср.: *Ай хадзiў С п а р ы ш з канца вулiцы ў канец...* или: *А наш пригонятый, | Белый, кудреватый, | По полю ходит | Да жней пригоняет... | Спасибо, с п о р ы ш е н ч и к, | Что по полю ходил...* и т. п. Между прочим подобные тексты распевались и после первой брачной ночи, которая и сама нередко уподобляется жатве. Отсюда и другие возможности толкования слов *спорыш*, *спорышенчик*. Ср. также соответствующий глагол со значением 'умножить', 'прибавить' (укр. *С п о р и, Боже, хлiба-соли i всього доволi*; рус. *С п о р и, Боже, мучица, а водицы и сама п р и с п о р ю*; или белорусское обращение к Спорышу с просьбой *п р ы с п о р ы ц ь i ў домi, i ў полi, i ў клецi, i ў печы*).

[63] Ср. рус. *спорышбнок* 'уродливое яичко', 'выносок', 'запороток' и т. п.

[64] Ср. фрагментарно близкие типы: **por-* 'сила', 'зрелость': *Поревит* (*Poreuithus* в латинской записи, ср. др.-греч. Πόρος, старейшее / «сверхзрелое»/ божество); **jar-*: *Ярила*, *Яровит* : *яровое*; лтш. *jumis* : *Jumis*; др.-инд. *bhaga-* : *Bhaga-* и т. п.

[65] Ср.: «Pas de rapprochements hors du grec» (*Chantraine* IV, p. 1033); Die übrigen Sprachen helfen „nicht weiter» (*Frisk* II, S. 758—759); см. также *Boisacq* s. v.

из альфы', *sparteolus* 'пожарный', т. е. снабженный веревками из альфы, *spartea* 'подошва из альфы' и др.) могут быть сопоставлены как с реконструируемым фрак. **spart-*, так и с балтийскими словами этого же корня. Значения σπάρτος, σπάρτον также отсылают к идее плодородия и обилия жизненных сил. Дело в том, что д р о к (σπάρτος) во многих традициях выступает как яркий символ производительной силы (впрочем, известна и иная символическая интерпретация дрока, — ср. «La Ginestra o il fiore del deserto» Леопарди), что очевидно уже и на языковом уровне. Ср. рус. *дрок*, растение 'Genista', 'Linum flavum', 'Chelidonium majus' и т. п. (также ф а л для подъема снасти, реи) и *дрок* 'ярение', 'неистовство' [66], *дрóка* 'нега', 'ласка', 'холение' и т. п.[67], *дрочить* в разных значениях. Нужно подчеркнуть, что растения с длинными стеблями, кистями, используемые для плетения и витья (к ним как раз и принадлежит дрок — σπάρτος), нередко выступают в мифопоэтическом сознании как символы умножения, увеличения, укрепления, как образы возрастающего изобилия. Иногда и сами продукты плетения и витья (корзины, веревки, сети и т. п.) трактуются в том же ключе [68], ср. такие маркированные образы плетеной верви или нити, как *Catena aurea* или *Sūtrātman* и т. п.[69]

В связи с темой растения для плетения и витья, а также переплетенности, перепутанности и т. д. уместно сделать два важных и до сих пор не отмеченных «подключения» к истории и.-е. **spart-*. Во - п е р в ы х, речь идет о таких тохарских фактах, как тох. *A spartu* 'клок волос', 'локон', 'завиток', 'кудрявые волосы' [70], 'бахрома'; 'затейливый', 'вычурный', существительное, связанное с соответствующим глаголом и восходящее, согласно ван Виндекенсу, к и.-е. **sportu̯o-s*, Nom. Sg. (к которому в свою очередь восходят и тох. B *spertte* 'поведение', и ст.-лит. *spartas* 'связь') — от *spārtw-*, *sparcw-* 'скручивать', 'сгибать', 'скатывать' [71]. Се-

[66] Ср.: *Весной на скотину нападает д р о к* (см. Словарь русских народных говоров, вып. 8, 1972, с. 198).

[67] Ср.: *Я у матушки в д р о к е сердешной* (там же, с. 198) или: *Жил-был я у батюшки единый сын; во д р о к у ш к е был у матушки, и во люби был у батюшки. Охвоч-то я был, молодец, гулять-разгуливать. . .* (Ф. Сологуб. — «Ванька-ключник и паж Жеан» — по материалам народных песен о Ваньке-ключнике).

[68] Естественно, лат. *sporta* 'корзина', 'плетенка' или лит. *spar̃tas* 'Band' относятся к анализируемому здесь комплексу.

[69] Ср.: *Eliade M.* Spiritual Thread, *Sūtrātman, Catena Aurea.* — In: Festgabe für Herman Lommel. Wiesbaden, 1960, S. 47—56.

[70] Ср. выше о к у д р е в а т о м Спорыше.

[71] См.: *Poucha P.* Thesaurus linguae tocharicae dialecti A. Praha, 1955, p. 385 (*spartu* 'cirrus', 'cincinnus'); *van Windekens A. J.* Op. cit., p. 436—438. Сам глагол тох. A *spārtw-*, *sparcw-*, *spārt-*, тох. B *spārtt-*, *sport(t)-*, *ṣpyārt-*, **ṣpārt(t)-* 'вращаться', 'поворачиваться', 'вести себя'; 'оказываться' (тох. A) и т. п. (ср. тох. A *spārtweñc*, Conj. act., *spārtwlune*, *swārtwlune*, Subst. deverb., *spārtwā*, Praet. act., *saspārtu*, Partic. praet. caus. и др.; тох. B *spārttau*, Conj. act., *spārtallñe*, Subst. deverb., *paspārttau*. Partic. praet., *ṣpyārta*, Praet. act caus., *peṣpirttu*, Partic. praet. caus., *spertte*, Subst., *eṣpirtatte*, Adj. privat.), для кото-

мантическая мотивировка тохарского слова — то, что изогнуто, скручено, свито, сплетено (переплетено), как и — другой вариант — в лат. *sporta* 'плетенка'. Во-вторых, в указанном контексте обретает новые возможности объяснения и название Спарты — Σπάρτη[72], суть которых, говоря в общем, состоит в приближении к предложению У. фон Виламовиц-Мёллендорфа считать, что название Спарты было дано «nach dem Riedgrass des Eurotas» [73] или «nach den Binsen des Eurotas». Это сближение названия Спарты с названием растения, не вызвавшее никакого доверия у современников [74], сейчас может быть подкреплено некоторыми существенными аргументами. Прежде всего можно указать на наличие целого ряда подобных топонимов и гидронимов типа фрак. Σπάρτη κώμη, или Σπάρτον ὄρος, или лит. *Spartaĩ*, *Spar̃tas*, распространенных в меридиональном поясе от Балтики до Балкан. Кроме того, стоит подчеркнуть обычность, естественность и распространенность такого принципа называния и семантической мотивировки местных и водных названий. Эти предпосылки позволяют выдвинуть гипотезу, суть которой сводится

рого ван Виндекенс полагает в качестве исходного значение 'tourner' (и соответственно всю семантическую эволюцию рассматривает по аналогии с и.-е **u̯ert-*, ср. др.-инд. *vr̥t-* и т. п.), связывается этим исследователем с такими рефлексами и.-е **sper-*, **sper-t-*, как др.-греч. σπεῖρα, σπάρτη, σπάρτον, ст.-лит. *spartas* (ср. также: Orbis, 1970, t. 19, p. 440 и след.). Однако при определении исходного значения глагола нужно помнить, что элемент *-w-* отсылает к именному элементу *-u-* (тох. А *sparcw-*, строго говоря, предполагает **spart-eu-*); следовательно, важно знать исходное значение самого имени (Subst., Adj.). Вообще «разброс» значений в глаголах с элементом *spart-* по разным индоевропейским языкам несравненно шире и рельефнее, чем в соответствующих существительных или прилагательных.

72 Уже в классической древности Σπάρτη сопоставлялось (но только в виде сугубой шутки) с др.-греч. σπάρτον, σπάρτιον, см.: Kratinos frg. 110 K I. 49 у Poll. X, 186 и Aristoph. Av. 815 f. Ср.: Schol. Eustath. Il. 294, 33; Od. 1394, 52.

73 См.: *Wilamowitz-Möllendorf U. van.* Die Ilias und Homer, S. 337; ср.: Idem Pindar, S. 323.

74 Отрадно, что Шантрен счел возможным (правда, без каких-либо разъяснений) назвать это сближение «plus plausible», чем более или менее традиционное соотнесение с др.-греч. σπείρω. См.: *Chantraine* IV, p. 1033. Ср. ядро семантической мотивировки уже в словах спартанки Елены из одноименной трагедии Еврипида: Σὲ γὰρ ἐκάλεσα, σὲ δὲ κατόμοσα,| τὸν ὑδρόεντα δόνακι χλωρὸν | Εὐρώταν, θανόντος. . . «Тебя призываю я с клятвой | Тебя, в тростниках зеленых | Еврот мой студеноструйный. . .» (348—350). Впрочем, в более широкой перспективе эта мотивировка, пожалуй, не исключала бы и связь указанных слов с др.-греч. σπείρω 'сеять' и т. п., ср. особенно σπαρτός 'посеянный', Σπαρτός, о «спартах», выросших из посеянных Кадмом зубов дракона (ср. в «Вакханках»: *Теперь же я из дому, пожалуй, выгнан | с позором буду я, — великий Кадм, | Тот Кадм, что здесь, посеяв род фиванцев, | Такую жатву дивную собрал. . .*, ср.: . . . ὃ τὸ Θηβαίων γένος | ἔσπειρα κἀξήμησα κάλλιστον θέρος (1314—1315), что отсылает к кругу слав. **spor-* и т. п., акцентирующему скорее результат сеянья, чем само сеянье (в таком случае соотношение **sper-*: **spor-* могло бы интерпретироваться в терминах действия и его результата, начала и конца единого действия — получения приплода, урожая). О σπαρτός см.: Paus. IX 10, 1; Apollod. III, 4,3—5; Plat. Tim. 42d.

к тому, что элементом Σπαρτ- некогда могла обозначаться р е к а (ср. мифопоэтический образ реки как переплетения потоков, свивания струй), протекающая у города и известная как Εὐρώτας. Это древнегреческое название реки может, видимо, толковаться как сочетание εὐ-, 'хорошо' и глагольного корня ρω-, связанного как с семантикой силы, здоровья (ср. ῥώννυμι 'усиливать', 'напрягаться', 'быть здоровым'), так и с семантикой бурного, быстрого движения (ср. ῥώομαι 'быстро двигаться', 'стремиться' и т. п.). В обоих случаях Εὐρώτας через свои значения («исполненная большой силы, энергии» или «бурно, быстро текущая» река) соотносился бы с лексемами корня *spart-, обозначающими, например, в балтийских языках, и силу, энергию, и быстроту, скорость. Уместно напомнить, что Эврот отличается исключительной прихотливостью и бурностью своего течения (начинаясь на склоне горы Βόρεον, он вскоре скрывается под землю, вновь выходя наружу в Скиритидской области; по течению Эврота — много порогов и водопадов). Тем самым Εὐρώτας и Σπάρτη могли бы толковаться как синонимы, как взаимный перевод друг друга. В этих условиях естественно думать, что этимологически и словообразовательно ясное для греков название Εὐρώτας могло быть к а л ь к о й ставшего непрозрачным для более позднего населения названия Σπάρτη. Следовательно, топоним Σπάρτη, предполагающий соответствующий гидроним, должен был принадлежать архаическому слою греческого языка, живая связь с которым была уже порвана, или, вернее, некоему общему для Южной Греции и Фракии субстрату [75]. Этот последний вариант решения пока не отличим практически от варианта заимствования из фракийского или какого-нибудь третьего языка в древнегреческий. То же, конечно, относится и к σπάρτος, σπάρτον и т. п.[76].

И в заключение — еще об одном члене семьи лексем с элементом *spart- в индоевропейских языках, а именно о хеттском глаголе (I, 1*b*) *išpart-* 'hochkommen'; 'bestehen bleiben'; 'entkommen', 'sich retten'; 'heil davonkommen', ср. также *piran arḫa išpart-* 'vor jem. davonkommen'; *šarā išpart-* 'aufspringen'; 'aufstehen'; 'entstehen'; 'zur Regierung kommen' [77]. Хотя многие частные детали, войти в рассмотрение которых здесь не удастся, остаются пока в тени, можно с уверенностью сказать, что глагол *išpart-* надежно включается в проанализированный круг слов. Семантическая мотивировка таких значений, как 'подниматься вверх', 'занимать высокое положение', 'прийти к власти', выступающих

---

[75] Ср. отсутствие древнегреческих вариантов типа *σφαρτ, σφορτ (и.-е. **sp/h/er-*) при σπυρίς 'плетеная корзина', но ионийск. σφυρίς (иногда через σπυρίς и этрусское посредничество объясняют и лат. *sporta*) или же σπαίρω 'дергаться', 'метаться', но σφυρόν 'лодыжка', 'пята' и т. п.

[76] См.: *Топоров В. Н.* Др.-греч. Σπάρτη и фрак. *spart-*. — Симпозиум «Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика. История. Археология». 2—4 декабря 1980 г. М., 1980, с. 55—59.

[77] См.: *Friedrich*, S. 90. К естественному хеттскому анлауту на *i-* ср. аналогичную форму фракийского Nom. propr. *Isparticus* (CIL 10, 1974).

в более или менее отчетливых контекстах хеттской «табели о рангах», и — тем более — таких, как 'преодолевать', 'выдерживать', 'освобождаться', 'уйти здоровым (невредимым)', предполагает указание некоего положительного полюса, связанного с возрастанием силы (социальной) или сохранением ее (физически), выведением ее из-под угрозы, из состояния опасности (идея «сбережения», ср. лит. *sparùs* или чеш. *sporý* в значении 'бережливый'), т. е. как раз то, что так рельефно представлено в рефлексах балт. *spart-* и слав. *spor-* [78]. Некоторые хеттские фрагменты, в которых встречается *išpart-*, могли бы быть идеально переведены на литовский или прусский при помощи глагольных форм с корнем *spart-*.

Вяч. Вс. Иванов

К ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ МИГРАЦИОННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ТЕРМИНОВ

1. Лик. *teteri* 'город' : урарт. *patari* 'город' : этеокипр. *matori* 'город'

Найденная в 1973 г. ликийско-греческо-арамейская трехъязычная надпись удостоверяет значение лик. *teteri* 'город', выступающего (в строке 13-ой надписи) в качестве эквивалента греч. ἡ πόλις [1], а также (в строке 31) в целостном сочетании *teteri Arñnas* 'город Арна' [2] (при Ξάνθιοι в греческом тексте надписи), ср. в других ликийских надписях: m̃m̃eti *teteri* 'город основывается' (TL 44a, 14; 65, 21); kumezeini: *teteri* 'чтобы город освятил' (TL 65, 12); kumeze:iti *teteri*: Isñt[e] 'город Исинды освятит'

---

[78] В качестве типологической параллели, объединяющей глагольные значения в хеттском и литовском с семантикой зрелости, силы, избытка, ср.: *спешить* ('быстро идти', 'торопиться', ср. лит. *spar̃tinti*) — *успевать* (в частности, 'успешно продвигаться', 'иметь успех' и т. п., ср. хетт. *išpart-*) — *поспевать*, *спелый* (т. е. находящийся в силе, в состоянии зрелости, изобилия, ср. лит. *spartùs* и др.).

[1] *Laroche E.* L'inscription lycienne. — In: Fouilles de Xanthos, t. 5, Paris, 1979, p. 58, 59, 63, 66, 67, 80, 109, 112 (n. 1), 121.

[2] Предполагается, что ликийское название города Ксанфа *Arñna* восходит к древнему малоазиатскому топониму *Arinna* (ср. *Laroche E.* Op. cit., p. 62, n. 6, 103, n. 6). Слово происходит из хаттского, где, судя по гетерографическому написанию TÚL-*na*=*Arinna*, оно имело значение 'источник', что позволяет допустить его генетическую связь не только с хуррит. *arinni-* 'источник' (возможное хаттское заимствование), но и с восточно-кавказским названием источника, архаическая форма которого сохранилась в удин. *ор-эин* (см.: Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. Под ред. Б. Б. Муркелинского. М., 1971, с. 189). После начального *ar-* (видимо, древний префикс именного класса вещей) в хаттской и хурритской форме исчезла согласная, соответствующая восточно-кавказской геминированной аффрикате **cc*.

(там же, 21); me-pibiyeti prñnezi se-*tteri* 'дадут домовое хозяйство и город' (TL 149, 4), se-*tetteri* 'и город' (там же, 18; полная форма при редукции гласного первого слога в предшествующем употреблении; редуцированная основа представлена также и в производном прилагательном *ttaraha* 'городских' в трехъязычной надписи, строка 14). Лик. *teteri* < **tatari* представляется возможным считать достаточно древним хурритским заимствованием, в котором начальный смычный первого слога благодаря регрессивной ассимиляции уподобился смычному второго слога. Исходная хурритская форма представлена в урарт. *patari/e* 'город' [3], интерпретируемом как [*pāt-arə*][4]. Нестабильность первого согласного, как и наличие слова в ареале распространения хурритских наречий, непосредственно примыкающих к Ликии, подтверждается формой (ana) *matori*, соответствующей греч. (ἡ) πόλις в этеокипрско-греческой билингве, архаический кипрский язык которой определяется как близкий к хурритскому [5]. Сходство последнего (суффиксального) морфа слова с фрак. *bria* 'город', сопоставляемым с тох. A *ri*, B *riye* 'город' [6], скорее всего, является случайным, как и кажущаяся близость суффикса в лик. *teteri* и лик. *wedri* 'страна' < лув. **wadna* [7].

2. Лув. *kumm-iya-*, лик. *kuma-* 'священный': хурр. *Kuma/inni*: урарт. *Qumenu*

Лув. *kumm-ai/-iya-* 'священный', значение которого установлено благодаря анализу клинописных и иероглифических лувийских текстов, имело продолжение в лик. *kuma-* с тем же значением, от которого образованы удостоверяемые трехъязычной надписью производные *kumehi*, мн. ч. *kumaha* 'священный'; *kumaza-* 'жрец', *kumez(e)i-* 'приносить жертву, совершать жертвоприношение, освящать', *kumeziyẽ* 'святилище' [8]. Предполагается, что древний малоазиатский топоним времени новохеттского царства *Kumanni* (отождествляемый с *Comana Cappadociae* античной эпохи), являвшийся культовым центром хурритской богини Хебат (жены Бога Грозы Тешуба), был производным от той же основы и имел перво-

---

[3] *Меликишвили Г. А.* Урартские клинообразные надписи. М., 1960, с. 403; *Мещанинов И. И.* Аннотированный словарь урартского (биайнского) языка. Л., 1978, с. 240—241.

[4] *Diakonoff I. M.* Hurrisch und Urartäisch. München, 1971, S. 62, 66, 67.

[5] *Джаукян Г. Б.* К интерпретации этеокипрско-греческой билингвы. — Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка, 1976, № 2; *Харсекин А. И.* Этеокипрские надписи. — В кн.: Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976, с. 255, 260; *Дьяконов И. М.* Хурритский язык и другие субстратные языки Малой Азии. — В кн.: Древние языки Малой Азии. Сб. ст. под ред. И. М. Дьяконова и В. В. Иванова. М., 1980 (далее — ДЯМА), с. 105.

[6] *Бенвенист Э.* Тохарский и индоевропейский. — В кн.: Тохарские языки. Под ред. В. В. Иванова. М., 1959, с. 103, 156; *Нерознак В. П.* Палеобалканские языки. М., 1978, с. 43 (с дальнейшей библиографией).

[7] *Laroche E.* Op. cit., p. 67.

[8] Там же, с. 58, 59, 63—65, 70, 72, 86, 96—98, 108—110, 120.

начальное значение 'священный (город)' [9]. В таком случае в *Kumanni* выделяется хурритский суффигированный артикль *-nni*, что позволяет сопоставить это малоазиатское обозначение культового центра с хурр. *Kummi-ni-(m)*, выступающим в оригинале хурритской поэмы «Песнь об Уликумми» (KUB XLV 61 Vs. II 15) в качестве обозначения постоянного местопребывания главного соперника Уликумми — хурритского Бога Грозы Тешуба (Teššob); в хеттском переводе поэмы использована форма без артикля *Kummiya*, совпадающая с лув. *kumiya-*. Хурр. *Kummi-ni-* тождественно урарт. *Qumenu* — центру культа урартского бога Тейшеба (Teišəbā). Как имена богов, так и название их культового центра возводятся к общехуррито-урартскому; суф. *-n-* в урарт. *Qumenu* выделяется в качестве редкого архаизма [10]. По-видимому, урарт. *Qume-n* имело ту же первоначальную структуру и семантику, что и хурр. *Kummi-ni*. Урарт. *Qumaḫa* (античная Κομμαγ-ηνή с тем же суф. *-n-*) скорее всего следует сопоставить с малоазиатским культовым центром *Kumaḫi* (I Bo T I 38) и с лик. *kumehi-*. Наконец, хурритский текст «Песни об Улликумми» позволяет подтвердить давно высказанное предположение, по которому самое имя героя поэмы содержит ту же основу *-kummi* в качестве второго элемента [11]. На основании засвидетельствованного в этом тексте сочетания *Kummi-ni-m ull(u)-ul-eš* 'Кумми (Священный город) должен быть разрушен (?)' для имени *Ulli-kummi* восстанавливается исходное значение 'разрушитель (?) Кумми' [12] или 'разрушитель Священного города' — 'святотатец'. В свете этих гипотез не исключена и связь с той же группой хуррито-урартских сакрально-мифологических терминов и исходной основы имени отца Улликумми бога Кумарби (хурр. *Kumar-we* 'относящийся к Kumar-')[12], в хурритской теогонии связанного с Тешубом и ему противопоставленного. Заимствование в лувийско-ликийский основы, в хуррито-урартском представленной лишь в архаичных именах мифологического характера, следует датировать достаточно ранним временем.

---

[9] *Laroche E.* Op. cit., p. 109, n. 42 (там же типологические параллели, подобные семит. *Qadeš*). Относительно хурритского культа в этом городе ср.: *Gurney O.* Some aspects of Hittite religion. Oxford, 1977, p. 16—17.

[10] *Diakonoff I. M.* Op. cit., S. 62—63, Anm. 68, S. 68.

[11] *Güterbock H. G.* Kymarbi. Mythen vom churritischen Kronos, Zürich — New York, 1946, p. 95.

[12] *Salvini M.* Sui testi mitologici in lingua hirrica. — In: Studi Micenei ed egeo-anatolici, fasc. XVIII. Roma, 1977, p. 84—85. Значение хурр.-урарт. *ull(u)-* остается неясным.

[13] *Diakonoff I. M.* Op. cit., S. 27, 63. Ср., однако, попытки объяснения этого имени из месопотамского топонима *Kumara* (*Forrer E. O.* Eine Geschichte des Götterkönigtums aus dem Hethiterreiche. —In: Annuaire de IPhHOS, IV. Brussels, 1936, p. 702) или из сирийского топонима, упомянутого в египетских источниках (*Astour M. C.* Semitic elements in the Kumarbi myth. — Journal of Near Eastern Studies, 1968, v. 27, p. 172—177).

3. Хаттские музыкальные термины в древневосточных языках

Хатт. *zinar*, употребляющееся в составе сложных слов, обозначающих музыкальные инструменты [14], было заимствовано в аккадский в форме *zannaru*, в частности, в качестве обозначения инструмента богини Иштар—лиры [15]. В хеттском хаттское заимствование *ippi-zinar* используется в значении 'небольшая лира' [16]. Этимологию слова удается выяснить благодаря его тождеству адыгейск. *Iэпэ-пщын* 'лира, арфа', кабард. *Iэпэ пшынэ* 'горская балалайка' (буквально: 'пальцев струнный инструмент, ручная гармонь' [17]). В адыгейском уже в 40-х гг. нашего века, когда язык описывал Н. Ф. Яковлев, это сложное слово вышло из употребления, но для середины XIX в. удостоверяется значение 'лира, арфа' [18]. Первая половина сочетания представляет собой общеадыгское название 'пальца', образованное путем словосложения: *$\dot{q}$a-p^h-a* (< *$\dot{q}$a* 'рука'+*p^{h}a* 'передняя сторона, нос, начало') [19], что соответствует убых. *q̇a* : *p'á* 'рука' [20] (в абхазском первая часть сложения другая: *а-на-пы* 'рука', абазин. *на-пIы*).

В хаттской и хеттской клинописи начальный ларингальный, соответствующий начальному адыгейск., кабард. *I* < *$\dot{q}$, не передавался, как и в хатт. *yae* 'зло' (в сочетании *yae i-ma-lḫi-b* 'зла ему не кладите', ср. кабард. *е мыщIэ* 'не делающий зла'), родственном о.-адыг. **q̇aya* (кабард. *Iей* 'злой, плохой', где древний начальный согласный на письме не передается или отсутствует). Хеттское написание *ippi* (с учетом характерной для хеттского передачи глухого **p* сдвоенным *-pp-* и *e* > *i*) поэтому может точно соответствовать **ʔepe*. Хатт. *zinar* во второй половине сочетания может фонетически соответствовать о.-адыг. **Pč^{h}'эпа*, кабард. *пшынэ* 'гармоника' (с возможным падежным окончанием *-р*), абхаз. (*а*)*-пхъь-*(*рца*) 'скрипка', где, судя по убых. t°anə́ 'любой музыкальный инструмент' и общедагестанскому названию инструмента с начальным **šw-* (авар. *швантIихх* 'свирель' и т. п.), начальный губной согласный (как и в родственном нахском слове: чечен. *пондар* 'горская балалайка') может быть либо древним префиксом, либо результатом позднейшего развития, вызванного

---

14 *Каменхубер А.* Хаттский язык. — В кн.: ДЯМА, с. 33, 48, 96.

15 *Landsberger B.* Materialen zum sumerischen Lexikon, Bd. VI. Rom, 1958, S. 119, 123, 142.

16 *Laroche E.* Études de vocabulaire V. — Revue hittite et asianique, 1955, v. XIII, fasc. 57, p. 73; *Gurney O.* Op. cit., p. 34 (см. там же табл. VII и VIII — хеттские изображения музыкантов с лирами в руках).

17 *Яковлев Н. Ф.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.—Л., 1948, с. 162 (примеч. 1), 163, 210—211.

18 *Люлье Л.* Словарь русско-черкесский или адигский. Одесса, 1846, с. 2, 100, ср. с. 192 (*пшине* 'скрипка').

19 *Kuipers A. H.* A dictionary of Proto-Circassian roots, Lisse, Netherlands, The Peter de Ridder Press, 1975, p. 10, 11, 65. Здесь и далее для общеадыгского даются реконструкции, принятые в этом издании, хотя именно хаттские факты могут помочь уточнить восстановление.

20 *Vogt H.* Dictionnaire de la langue oubykh. Oslo, 1963, p. 166 (слово № 1433).

ранней делабиализацией начального комплекса [21], в хаттском уже осуществившейся. В качестве параллели можно привести развитие в анлауте адыгейск. *пчыхIэ*, кабард. *пшыхь* 'вечер' (при нерегулярности звукового соответствия и неясности связи с адыгейск. *пщIыхI*, кабард. *пIшIы-хI* 'сон' [22]), абхаз. *апхъь-ара* 'ночевать' (при *пхъы-дз* 'сон'), бацб. *псарло* 'вечер' при форме без начального *p-* в убых. *š⁰эwа* 'ночь' [23], вейнах. *суйре*, *сайре* 'вечер', сопоставляемой с хурр. *Šeri* 'Вечер, Ночь' [24] (как один из быков Тешуба) и с древним заимствованием (возможно из хурритского, если не из другого восточно-кавказского диалекта) в грузино-зан. **ser*: др.-груз. *seri* 'ужин' < 'вечер', *ser-oba* 'вечеря', мегрел. *seri* 'ночь', *o-sare* 'ночная рубаха' [25] (вероятный миграционный термин, охватывающий весь кавказский ареал, включая хурритский).

Кроме небольшой лиры *ippi-zinar* (согласно предлагаемой этимологии, 'ручной' или 'пальцевой' лиры) в хеттских текстах упоминается *ḫun-zinar*, соответствующее логограмме GIŠᵈINANNA. GAL 'большой инструмент богини Иштар — большая лира', ᴳᴵˢAN.NÎN.GAL, где шумерограмма GAL 'большой' связывается с хеттскими изображениями большой лиры, покоящейся на земле и служащей для игры на ней одновременно двух музыкантов (в отличие от небольших «ручных» лир, которые несут играющие на них музыканты во время шествий) [26]. Это делает оправданным сопоставление хатт. *ḫun-zinar* с адыгейск. *пшинéшхуэ* 'арфа' [27]

---

[21] Ср.: *Trubetzkoy N.* Zur Vorgeschichte der ostkaukasischen Sprachen. — In: Mélanges de linguistique et de philologie offerts a J. van Ginneken. Paris, 1937, S. 174.

[22] *Kuipers A. H.* Op. cit., p. 37. Ср. к фонетическим соответствиям во всей этой группе слов: *Абдоков А. И.* К вопросу о генетическом родстве абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков. Нальчик. 1976, с. 46—47, 53, 56, 57, 59, 63 (в тексте статьи принята упрощенная система транслитерации абхазских слов, использованная в этой книге). Название сна представляет особый интерес ввиду возможности его сопоставления с хетт. *tešḫa-*, *zašḫi*/*zḫi* 'сон', в котором можно предполагать хаттское заимствование: *Иванов В. В.* Из истории индоевропейской лексики клинописного хеттского языка. — В кн.: Переднеазиатский сборник. Вопросы хеттологии и хурритологии. М., 1961, с. 301—305. Форма без начального губного согласного представлена в убых. *c⁰á* 'сон', авар. *тлIъ-ижи*, *ма-тлIъу*, лакск. *макI*, нахск. *гъ-āн*.

[23] Фонетически сходное убых. *š⁰á* 'море', *š⁰áš⁰* 'озеро' родственно урарт. *suə* 'озеро, море', даг. **c'w-*, ср.: *Дьяконов И. М.* Указ. соч., с. 34. Относительно возможного сопоставления с (заимствованным) арм. *cov* 'море, озеро' и картв. **ṭb-* 'озеро' см.: *Иванов В. В.* Использование для этимологических исследований сочетаний однокоренных слов в поэзии на древних индоевропейских языках. — В кн.: Этимология 1967. М., 1969, с. 53—55.

[24] *Дьяконов И. М.* Хуррито-урартский и восточно-кавказские языки. — В кн.: Древний Восток, 3. Ереван, 1978, с. 34.

[25] *Иванов В. В.* О некоторых переднеазиатских параллелях к картвельским лексемам. — В кн.: Лингвистический сборник АН Груз. ССР. Тбилиси, 1979, с. 117—119.

[26] *Gurney O.* Op. cit., p. 11; *Duchesne-Guillemin M.* La théorie babylonienne des métaboles musicales. — Revue de musicologie, 1969, v. 55, p. 11.

[27] *Люлье Л.* Указ. соч., 2. — Сохраняю написание этого источника.

(буквально 'лира, арфа большая'), где в качестве последнего элемента выступает прилагательное *шхо* 'большой', постпозиция которого определяется современным порядком слов, обязательным в адыгейском, как и в кабардинском: ср. кабард. *унэ-шхуэ* 'большой дом', в нартовском эпосе часто в значении 'главная комната', *лIы-жьы-фIы-шхуэ-р* 'великий хороший старик', *-шхуэ* как суффикс оценочного значения прилагательных, возводимый к тому же о.-адыг. *$\check{S}x^{o}a$* 'большой' [28].

В тех случаях, когда хаттские сложные слова удается отождествлять с соответствующими кабардинскими сочетаниями, где вторым элементом является прилагательное, порядок слов в них обратный, как и в хатт. *ḫun-zinar*: адыгейск. *пшинéшхӯо*, ср. хатт. *išta-razzil* 'темная земля' (в билингве соответствует хетт. *dankuwai takni* [29]): кабард. *щIы фIыцIэри* 'землю черную' (повторяется в ряде фольклорных текстов), где хатт. *išta-* 'темный' соответствует кабард. *цIэ* в *фIы-цIэ* 'черный', адыг. *шəы-цIы*, абхаз. *айква-цIва*, убых. *-ǯ'a* 'черный' при лезг. *чIулав*, *ми-чIи* 'темный' (ср. то же фонетическое соответствие хатт. *-št-*: кабард. *-цI-* в хатт. *-šteraḫ* 'одежда': кабард. *цIырхъ* 'редкая ткань', убых. *ǯ'a-* 'одежда, одеваться'; хатт. *Eštan* 'Бог Солнца': кабард. *цIу* 'блестящий'), тогда как хатт. (*a-*)*razzil* 'земля' (с древним префиксом *ar-* [30]) родственно авар. (гидск. диал.) *ра-тлIъ* 'земля', кабард. *щIы* (ср. такое же фонетическое соответствие хатт. *-zil-*: кабард. *щI-* в хатт. *zilat* 'престол': кабард. *щIэт* 'подставка', хатт. *wapizil* 'ливень': кабард. *уф*(*эн*)*щIын* 'мочить дождем'). Препозиция атрибута для хаттского подтверждается и сочетаниями типа *titaḫ-zilat* 'большой престол' (переводится хетт. *šalli* GIŠŠÚ. A в билингве), где хатт. *titaḫ* соответствует кабард. *дыдэ* 'совершенный, полный' (обычно в постпозиции), а также хатт.

---

[28] Фонетические соответствия допускают и возможность восстановления *$\check{C}x^{o}a$*, см.: *Kuipers A. H.* Op. cit., p. 63. Морфа сопоставлялась и с убых. *-sx°ə* : *na-sx°ə́* 'мать жены, теща'; *t°ə-sx°ə́* 'отец жены, тесть', см.: *Meszaros J. von.* Die Päkhy-Sprache (The Oriental Institute of the University of Chicago, № 9). Chicago, 1934, S. 314; ср. *Vogt H.* Op. cit., 152, 196 (№ 1172, 1941). Но в соответствующих абхазских словах *ан-хуа* 'теща', *аб-хуа* 'тесть' выделяется та же морфа в форме *-хуа*, отождествляемая с *хуа-* в абхаз. *ихуахуоу* 'кривой', см.: *Марр Н. Я.* Абхазско-русский словарь. Л., 1926, № 139ª; *Он же.* Яфетическое происхождение абхазских терминов родства.— В кн.: *Марр Н. Я.* О языке и истории абхазов. М.—Л., 1938, с. 36—37. (и редакционное примечание к этому месту). Принятие связи всех перечисленных слов друг с другом могло бы привести и к сопоставлению с кабард. *пшынэ пхэнж* (буквально 'кривая, перевернутая гармонь', инструмент старого образца, служивший для исполнения национального танца къафэ. — *Яковлев Н. Ф.* Указ. соч., с. 166, 211). Однако фонетические трудности, препятствующие сведению воедино всех этих форм, делают это последнее сопоставление скорее альтернативным по отношению к предложенному адыгейскому.

[29] *Schuster H.-S.* Die hattisch-hethitischen bilinguen. I. Einleitung, Texte und Kommentar, t. I. Leiden, 1974, S. 68—69, 108.

[30] По-видимому, функция префикса та же, что и в хатт. *ar-inna* 'источник', см. выше, сн. 1.

izzi-ištan 'благой Бог Солнца', *b-izzi-wašḫap* 'благие боги', где хатт. *izzi* 'благой' сопоставимо с кабард. *фIы* 'добрый', адыгейск. *шIу* (ср. то же фонетическое соответствие хатт. *-zz-*: кабард. *фI* в хатт. *izzibina* 'кислый': кабард. *фIэIу* 'кислый'). След более древней препозиции атрибута в северо-западно-кавказском сохранен в изолированных словосложениях типа рассмотренного выше адыгейск. *Iэпэ́-пщын* 'лира', а также в отдельных архаичных словосочетаниях типа убых. *sárma q̇a : ṗá* 'моя левая рука', абхаз. *арма напы*, абаз. *арма напIы* 'левая рука' [31]. Следовательно, в хатт. *ḫun-zinar* отражен порядок элементов, более архаичный, чем в родственном адыгейском слове.

Относящееся к числу таких же названий музыкальных инструментов, из хаттского проникших в хеттский, хатт. *mukar* представляет собой редкий случай такого обозначения специального обрядового предмета, которое может быть отождествлено с соответствующим археологическим памятником. Поскольку, судя по хеттским употреблениям этого заимствованного слова, оно одновременно обозначало и цитру, и часть снаряжения повозки [32], кажется бесспорным, что соответствующий предмет изображен на одном из наверший — украшений, найденных в могиле комплекса Хорозтепе на севере Малой Азии (по традиционной датировке — последняя четверть III тыс. до н. э., по пересмотренной хронологии Меллаарта — начало III тыс. до н. э.). Навершие из бронзы высотой в 33 см. изображает цитру, по каждой из сторон украшенную четырьмя бычьими рогами; наверху изображена птица [33], что может иметь то же символическое значение, что и другие изображения птиц на космических символах. На основании сравнения с предметами из закавказских погребений II тыс. до н. э. и других аналогий подобные навершия признаются многими учеными украшениями для повозок, помещавшихся в гробницы (и возможно специально для этого строившихся) [34]. Характер подобных изображений, обычно считающихся хаттскими («протохеттскими»), несколько необычен для древнеанатолийской традиции и по гипотезе археологов и историков может говорить о таких прямых контактах с Кавказом, которые хорошо соотносятся с лингвистическими данными, позволяющими видеть в хаттском языке весьма архаичного представителя северо-западно-кавказской семьи.

---

[31] *Mészáros J. von.* Op. cit., S. 55; *Генко А. Н.* Абазинский язык. М., 1955, с. 126—127 (в перевод словосочетания в книге вкралась ошибка).

[32] *Gurney O. R.* Op. cit., p. 35.

[33] *Bittel K.* Les hittites. Paris, 1976, p. 43. fig. 25.

[34] *Lloyd S.* Early Highland peoples of Anatolia (Library of the early civilisations). London, 1967; *Mellaart J.* Excavations at Haçilar. Edinburgh, The British Institute of archeology at Ankara, 1970, v. 1; *Ortmann W.* Zu den «Standarten» aus Alaça Hüyük. — Istanbuler Mitteilungen, 17; Tübingen, Deutsches Archäologisches Institut, Abt. Istanbul, 1967, S. 34—54; *Hausler A.* Musik und Tanz in der Ur- und Frühgeschichte des Kaukasus. — Das Altertum, 1979, Bd. 25, № 3, S. 174.

4. Проблема древнего миграционного евразийского термина для 'зерна'

К числу слов, общих для хаттского и хурритского [35], относится название зерна: хатт. *kait*, хурр. *kate*, заимствованное (вероятно из хурритского, как и два выше рассмотренных ликийских слова) в ликийский [36]. В случае, если хаттская форма (в которой, как и в хурритской, по условиям клинописной передачи неясно различие между глухими и звонкими) могла дать (может быть, и вследствие вторичного озвончения) слово с двумя звонкими согласными, с хатт. *kait* 'зерно' в качестве миграционного термина вторичного происхождения можно было бы сравнить и прус. *gaydis* 'пшеница' [37] (при неясности соотношения с прус. *geits* 'хлеб' и родственными словами). Значительно больший интерес, чем это гадательное заимствование, в любом случае являющееся вторичным, представляет возможность древней связи хурр. *kate* 'зерно' и и.-е. **Had*-, восстановленного в качестве праязыкового термина на основании сопоставления лат. *ador* 'вид зерна, подсушенного и размолотого для обрядового использования': хетт. *ḫat*- 'подсушивать (зерно)' [38]. Поскольку для хаттского характерны чередования типа *k*/*ḫ*, с фонетической, как и с семантической точки зрения, сопоставление представляется вполне возможным. Но его праязыковый характер заставляет отнести его ко времени, значительно более раннему, чем все рассмотренные выше культурные связи, точно датируемые определенным историческим временем. Поскольку в этом случае речь идет о термине, возводимом к периоду, относительно недалеко отстоящему от начала земледелия и неолитической революции, представляется необходимым отметить, что наряду с западно-евразийским термином в юго-восточно-азиатском ареале, представляющем второй центр раннего неолитического земледелия [39], засвидетельствован полностью аналогичный термин: вьетнам. *hạt* 'зерно, семя, косточка' (*hạt gạo* 'рисовое зерно', *hạt sen* 'зерна лотоса' и т. п.), ср. сантальск. *ata* 'жарить (зерно)', делающее вероятным общеавстро-азиатский характер слова, дальнейшее исследование ко-

---

[35] См. наиболее полный их список (включающий и название источника, см. выше, сн. 1): *Haas V.* Рец. на кн.: *H.-S. Schuster.* Die hattisch-hethitischen Bilinguen. — WZKM, 1976, Bd. 68, S. 203.

[36] *Иванов В. В.* Разыскания в области анатолийского языкознания. 4. Лик. χθθα из хурр. *kate* 'зерно'. — В кн.: Этимология 1976. М., 1978, с. 158—159.

[37] См. об этом слове: *Топоров В. Н.* Прусский язык. Е—Н. М., 1979.

[38] *Watkins C.* Latin *ador*, Hittite *ḫat*- again. — In: Indo-European Studies, II. Cambridge, Mass., 1975; *Oettinger N.* Die Stammbildung des hethitischen Verbums. Nürnberg, 1979, S. 408—409; *Tischler* 2, S. 214.

[39] *Чеснов Я. В.* Доместикация риса и этногенез народов Восточной Азии. М., 1973; *Он же.* Юго-Восточная Азия — древний культурный центр. — Вопросы истории, 1973, № 1. Пользуюсь случаем принести благодарность Ю. К. Лекомцеву за помощь в исследовании австро-азиатских языковых данных.

торого может представить интерес для выяснения лингвистического аспекта соотношения двух основных центров неолитической революции в Евразии.

5. Возможный евразийский миграционный термин для обозначения 'меди', 'кинжала из меди или оловянистой бронзы'

Как уже приходилось отмечать, ввиду вероятности связи изготовления орудий из оловянистой бронзы в западном ареале неолитической революции — на Древнем Ближнем Востоке и и в юго-восточно-азиатском ареале, шумер. [*ŋiři*] 'кинжал' оказывается возможным связать с тибет. *gri* 'нож', бирм. *kre* 'медь' [40] и другими миграционными терминами, связанными с этим словом, которое «заимствовалось и вновь заимствовалось по всей Азии» [41]. В частности, сопоставление шумерского слова с обще-лоло-бирманской формой **grəy* [2] 'медь' уточняется благодаря сближению между собой акха *gɯi*, лису *jì*, лаху *kî*, позволяющему удостоверить праязыковую реконструкцию [42]. С точкой зрения, согласно которой металлургия протоиндских центров культуры была соединительным звеном между западно-азиатским и юго-восточно-азиатским ареалами, согласуется возможность истолкования связи др.-инд. *mleccha* 'сплав меди с оловом; люди с бронзовым цветом лица' > 'туземное (неиндо-арийское) население Индии' и шумер. *Meluḫḫa* (или *Melaḫḫa*) 'название области протоиндской культуры', используется также в сочетании *urudu Meluḫḫa* 'медь области протоиндской культуры'; в шумерском эпосе говорится, что металл этой страны — это сплав меди с оловом.

6. Хетт. *tiyarit* 'колесная повозка': о.-драв. **tera* 'повозка'

В хеттских текстах наряду с терминами для 'колеса' и 'повозки' индоевропейского происхождения засвидетельствовано слово *tiyarit* 'колесная повозка', находящее соответствие в о.-драв. **tera* (согласно дешифровке Ю. В. Кнорозова, слово представлено и в протоиндийских надписях). Как по соображениям историко-культурного характера (изобретение колесных повозок датируется временем не ранее 4 тыс. до н. э.), так и по причине отсутствия слова в других ностратических языках, возведение к общеностра-

---

[40] *Иванов В. В.* История металлов на Древнем Ближнем Востоке в свете лингвистики. — Историко-филологический журнал АН Армянской ССР, 1976, № 4, с. 76; *Он же.* Древнебалканский и общеиндоевропейский текст мифа о герое-убийце пса и евразийские параллели. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., 1977, с. 203—205.

[41] *Miller R. A.* Рец. на кн.: *R. Burling.* Proto-Lolo-Burmese. — Indo-Iranian Journal, 1970, v. XII, N 2, p. 155, n. 11.

[42] *Thurhood G.* Lisu and Proto-Lolo-Burmese. — Acta Orientalia Hafniensia, 1977, v. XXXVIII, 1977, p. 147—207.

тическому исключается. Вероятным представляется (как и по отношению к терминам, связанным с металлургией бронзы, которая была необходимой предпосылкой для изготовления колесных повозок) направление заимствования с востока на запад. По археологическим данным протоиндская культура в III тыс. до н. э. была одной из основных областей распространения колесных повозок. Представляется возможным, что один из их видов мог получить специальное название общедравидского (или прадравидского) происхождения. Не исключено, что при заимствовании в хеттский (или субстратный малоазиатский язык, откуда миграционный термин был заимствован в хеттский), слово получило более суженное значение (в хеттском оно противопоставлялось слову *ḫuluganni*, имевшему специальное значение, связанное с царским ритуалом).

7. Австро-азиатский источник тох. A *oṅkaläm*, B *oṅkolmo* 'слон'

В предшествующей публикации [43] было высказано предположение, что тохарское название слона, существенное и для объяснения некоторых сибирских названий мамонта, представляет собой одно из недостававших ранее промежуточных звеньев, связывающих восточноевропейские (в частности, славянские и балтийские) названия слона с центральноазиатскими типа тибет. *glaŋ*.

В настоящее время оказывается возможным указать более точный источник заимствования. Недавно установлено, что др.-кит. **ng(r)a* > *ya* 'хобот слона, зуб' восходит к австро-азиатскому названию слона, слоновой кости, представленному в прото-мыонгском (бахнар.) **ngo'la* 'хобот слона', вьетнам. *ngà* 'слоновая кость', прото-тайском **nga* [44]. Праформа **ngo'la* 'хобот слона' несомненно является источником для тох. *A. oṅkaläm*, В *oṅkolmo* 'слон', что делает несомненным наличие контактов пратохарского с одним из австроазиатских языков или же с каким-либо промежуточным языком (им в данном случае не может быть ни тибетский, ни древнекитайский, где исходная австроазиатская форма подверглась более существенному преобразованию).

---

[43] *Иванов В. В.* Названия слона в языках Евразии. — Этимология 1975. М., 1977.

[44] *Norman J., Tsu-lin Mei.* The Austroasiatics in Ancient Couth China. Some lexical evidence. — Monumenta Serica, november 1978, v. XXXII (1976), p. 288—292.

В. Н. Топоров

Marginalia К СЕМАНТИКЕ ТРОИЧНОСТИ

В статье «К семантике троичности (слав. **trizna* и др.), появившейся в «Этимологии 1977» (М., 1979, с. 3—20), в связи со слав. **trizna* указывались примеры трехчастной жертвы в разных индоевропейских традициях (типа италийской *suovetaurilia*, о жертвоприношении свиньи, барана и быка). Но нигде, однако, не были приведены примеры названий такой тройной жертвы, обозначаемые корнем **tri-* 'три', которые были бы точной в этом отношении параллелью к предполагаемому значению слав. **trizna*. Сейчас можно указать такую параллель. Речь идет о древнегреческом тройном жертвоприношении (κριός, ταῦρος, κάπρος, т. е. баран, бык, свинья (мужская особь); ср. упоминание этой триады в «Одиссее» XI, 131), называвшемся τριττύα или τριττύς и посвящавшемся как Посейдону (разнообразно связанному с идеей троичности: он сам — хозяин «третьего» царства; по Гомеру, он «младший» брат Зевса, т. е. функционально «третий»; от жены Амфитриты (ср. -τριτ-) он родил Тритона (Τρίτων) и т. п.), так и некоторым другим божествам. К этой теме ср. теперь: *Puhvel J.* Victimal hierarchies in Indo-European animal sacrifice. — American Journal of Philology, 1978, v. 99, p. 354—362, особенно 362.

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Słownik prasłowiański, t. III (*davьnъ — dobьrati*). Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1979. 332 с.

Начатую в 1974 г. публикацию «Праславянского словаря» продолжил настоящий том III этого словаря, вышедший через три года после II тома. В рецензируемом ныне томе заключается часть славянской лексики на *D*, которое настоящим томом не кончается.

Словарь, будучи близок по некоторым своим основным задачам нашему издаваемому параллельно «Этимологическому словарю славянских языков», постоянно привлекает наше внимание. Предыдущие два тома «Праславянского словаря» также отрецензированы нами в ежегоднике «Этимология».

Новый том открывается дополнительным списком источников и литературы, после которого помещено продолжение «Очерка праславянского словообразования» — дальнейшее обозрение моделей именного словообразования, его проблематики и литературы, в данном случае — производных с суффиксом *-ęt-*. Отметим, что в очерке относятся сюда традиционно русские уменьшительные личные имена типа *Володя*, *Ваня*, *Коля*, *Петя*, хотя уже их акцентологическая характеристика принципиально отличает их от имен на *-ęt-*, как известно, несущих старое ударение на суффиксе. В связи с этими производными автор одинаково привлекает как балтийские имена на *-ēna-*, так и славянские nomina originis на *-ěn-inъ*, — проблема, которую мы предполагаем подробно рассмотреть в другом месте.

Но главный интерес вызывает сам словарь, лексика славянских языков в праславянской реконструкции, подаваемая в настоящем III томе значительно более экстенсивно, чем в рассмотренных нами ранее первых двух томах. Нас не может при этом, естественно, не интересовать самым острым образом опыт трактовки праславянской лексики в «Праславянском словаре» в сравнении с нашим собственным опытом в «Этимологическом словаре славянских языков». Необходимо отметить сейчас исключительно широкий охват лексики в «Праславянском словаре». Например, в рассматриваемом отрезке алфавита (*davьnъ — dobьrati*) «Праславянский словарь» включает слова *debeliti*, *debelьcь*, *debel'akъ*, *debel'astъ*, *debel'ucha*, *debel'uchъ*, *debel'uša*, *deračь*, *deravъ*, *derępati*, *derikoža*, *dernatъ*, *dernika*, *dernina*, *dernovišče* (с пометой «Prasłowiańskość niepewna)», *dernovitъ*, *dernovъka*, *dernovьcь*, *dernъka*, *dernъkъ*, *dernьje*, *dernьskъ*, *dern'akъ*, *dern'ь*, *dervakъ*, *dervatъ* (здесь же помещены несколько особые *dervitъ*, *dervistъ*, с общим заключением: «Prasłowiańskość poszczególnych postaci niepewna»), *dervę*, *dervęga*, *dervěněti*, *dervěnica*, *dervěnikъ*, *dervěnъka*, *dervěnьcь*, *derьcь* и многие другие (список можно продолжить), которые отсутствуют в Этимологическом словаре славянских языков (сравни-

мый отрезок алфавита на *D* опубликован в выпусках 4 и 5 последнего). Причина, похоже, заключена в несколько более жесткой концепции (о четких критериях здесь говорить не всегда легко) праславянской лексико-словообразовательной реконструкции в ЭССЯ сравнительно с новым томом ПС (предыдущие тома последнего лексически заметно беднее). Разумеется, речь идет как правило о производных и о производных от производных, ср. *dernovišče*, *dernovitъ*, о субстантивациях прилагательных *dervěnica*, *dervěnikъ*, *dervěnъka*, *dervěnьcь*, т. е. скорее о фактах словообразования, чем лексики. Иногда речь идет о явных фактах грамматики, например ПС имеет как словарную позицию причастие *derǫt'ь*, *derǫt'a* (так! следовало дать *derǫt'i*, ж. р.), *derǫt'e* 'дерущий, рвущий, -ая, -ее', что принципиально не практикуется в ЭССЯ. Откровенная ставка на избыточное отражение славянской лексики в III томе ПС, конечно, делает его содержание более богатым как с р а в н и т е л ь н о г о словаря славянских языков, но проблема праславянской лексической реконструкции продолжает стоять перед нами. Насколько при этом мы продвигаемся в решении этой проблемы? Все дело в том, как мы ее понимаем: видим ли мы при этом свою задачу в том, чтобы транспонировать фонетически большинство исконнославянских слов и их производных в праславянские формы или все-таки надо искать критерии отбора. Вопрос это трудный, трудность его показывает именно сравнение ПС и ЭССЯ. Автор настоящей рецензии понимает условность многих конкретных решений относительно праславянской принадлежности слов также в ЭССЯ.

В этой краткой рецензии мы вынуждены почти не касаться частных вопросов формально-фонетической реконструкции, хотя и здесь почти неизбежны расхождения между ПС и тем, как это сделано у нас. Более интересны, конечно, случаи, когда формально-фонетическое связано со словообразовательно-лексическим и с определимыми моментами относительной хронологии. Яркие примеры здесь назвать нелегко. Конечно, мы еще решительнее, чем ПС (с. 95), готовы забраковать реконструкцию **dežela* (по сути — формальную транспозицию соответствующего словенского слова) и даже *dr̥̄žalь*, *dr̥̄žal'a*, поскольку кажется предпочтительнее говорить здесь о праслав. **dьržava*. Сомнительна праславянская древность реконструкции *děduga*, *děduganъ* (с. 117; следуя ПС, мы приводим все эти формы без звездочек, в отличие от нашей практики); реконструкция праслав. *dětinьnь* (с. 168—169) избыточна словообразовательно: дважды фигурирующий в ней адъективный формант с *-n-* позволяет отнести по крайней мере второе *-n-* к моменту забвения первичной адъективности *dětinъ*, т. е. к позднему периоду.

Необходимо отметить, что в настоящем III томе мы имеем дело с исключительно тщательным и добросовестным лексикографическим трудом. Особенно ценно, что пропуски соответствий по отдельным славянским языкам внутри словарных статей относятся скорее к исключениям. Бесспорно, выход нового тома является успехом большой работы целого коллектива кабинета праславянского языка Института славяноведения Польской академии наук. Не так уж много встретили мы ошибок или неточностей в анализе словообразования. Здесь можно назвать лишь единичные поправки, например рус. *дикова́тый* (в ПС, с. 205, почему-то: «dial.») определяется как производное от глагола *дикова́ть*; ясно, что на самом деле это прилагательное от прилагательного: *дикий* → *диковатый*.

Источники ПС постоянно расширяются, ср. ранее не отмечавшееся обращение к рукописным картотекам (с. 53: картотека ст.-польск. словаря). Установка на полноту, однако, не означает отсутствия пропусков. Так, в ПС, в свою очередь, нет словарных статей **derbati*, **derča*, **dervišče*, **dervosěkъ*, **dervotočь*, **děgati*, **děkovati* (*sę*), **děloga* / **dětologa*, **dělǫtъka*, **diža*, **dobresti*, **dobrilo/la/lъ*. Укажем лишь на древнесловообразовательный и этимологический характер части этих случаев, включенных в ЭССЯ.

Что касается этимологий, то спорить с ПС означало бы спорить с традицией, а эта задача уже выходит за рамки небольшой рецензии. Ограничимся поэтому одним—двумя замечаниями. Афг. *l* в слове *lēwar* не может свидетельствовать против диалектного характера перехода *d*>*l* в лат. *lēvir* (см. ПС, с. 180, s. v. *děverь*), потому что переход др.-иран. *d*>*l* как раз характерен для афганского языка. Напоследок — одно наблюдение не столько по этимологии и реконструкции, сколько по уточненной идентификации формы слова в древнем тексте. На с. 172 ПС содержит позицию *dětь* 2. *děti* m. 'mówca, orator' (?). Wyraz niepewny. Tylko w strus. *дѣти* pl.: ни соусѣди, ни дѣти, ни срдоболи οὔτε γείτων, οὔτε ῥήτωρ, οὔτε συγγενής. — Не должны ли мы, опираясь на греческую параллель (ῥήτωρ), читать это место Златоструя в единственной цитате у Срезневского (I, 794—795) скорее как *вѣти(и)*?

О. Н. Трубачев

Udolph J. Studien zu slavischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen. Ein Beitrag zur Frage nach der Urheimat der Slaven. Heidelberg, 1979, 640 с., 119 карт (= Beiträge zur Namenforschung. Neue Folge. Beiheft 17)

Пафос рецензируемой работы и вся ее суть — в ее подзаголовке: «Материал к вопросу о прародине славян». Эта внушительная книга в 640 страниц офсетной печати представляет собой диссертацию молодого геттингенского лингвиста Юргена Удольфа, с которым автор настоящей рецензии имел случай познакомиться лично во время своего краткого пребывания в Геттингене в мае 1977 г. Ю. Удольф показывал мне многие из своих карт славянской гидронимии; он был очень увлечен исследованием и сказал: «Мне кажется, я нашел прародину славян». Я постоянно вспоминал эту гордую фразу потом, когда читал вышедшую из печати книгу. Книга Удольфа — большое и в целом очень тщательно выполненное исследование. Для его подготовки автор проделал поистине титаническую собирательскую работу. Достаточно сказать, что для этого он просмотрел и расписал на карточки примерно 4.500 (!) монографий и журнальных статей (Udolph J. Op cit.,

Einleitung, S. 52). Свыше сотни тематических карт Удольфа — это целый атлас древней славянской гидронимии. Вся работа в целом носит на себе печать добросовестности и большого трудолюбия и как бы демонстрирует нам, что есть на свете der deutsche Fleiβ (истинно немецкое прилежание). Важно и другое: книга немецкого лингвиста Удольфа проникнута бережным отношением ко всему славянскому, к его месту в древней лингвистической Европе, наконец, к славянским этимологическим ресурсам, и если у Удольфа и обнаруживается какая-то тенденция в трактовке лингвистического материала (о чем мы еще будем говорить), то это тенденция скорее прославянская. В целом, предваряя лингвистическую оценку книги, мы можем назвать труд Удольфа одним из заметных нынешних проявлений славяно-германской взаимности.

Избранная автором тема бесспорно актуальна, особенно сейчас, перед IX Международным съездом славистов 1983 г. в Киеве, в программе которого этногенез славян займет подобающее место. Изучение древней славянской гидронимии и гидрологической терминологии в их географии и становлении — один из важнейших путей к решению проблем лингвистического этногенеза, а следовательно, и этногенеза славян в целом.

Из краткого упоминания Удольфа мы узнаем, что в печати находится также книга его учителя — профессора Геттингенского университета В. П. Шмида — «Urheimat und Ausbreitung der Slaven». Нельзя не счесть любопытным того факта, что в наши дни учитель и ученик почти одновременно и не опасаясь дублирования работают над книгами о прародине славян. Новая работа Удольфа дает повод для самых различных размышлений. То изобилие фактического материала, которое представлено в ней nec plus ultra, не только ведет к решению проблем, но и ставит новые проблемы, надо сказать, более созвучные нашему времени и современной науке, обнаруживает, естественно, не только успехи, но и слабости автора и разработки самих проблем в науке. Потому что нигде методологические недостатки не проявляются так четко, как при обильном и тщательно собранном материале.

К собиранию материала и вообще к исследованию проблемы прародины славян Удольф приступил во всеоружии теоретической концепции, которая впервые была разработана Г. Краэ, а затем претерпела существенные изменения в работах В. П. Шмида. Эта концепция излагается во введении к книге (Einleitung, S. 45 и сл.) и в вышедшей почти одновременно с книгой статье, суммирующей результаты того же исследования (Udolph J. Zum Stand der Diskussion um die Urheimat der Slaven. — Beiträge zur Namenforschung, Bd. 14, 1979, Heft 1, S. 1 и сл.). Как известно, Г. Краэ в ряде работ выдвинул идею древнеевропейской гидронимии, охватывающей большую часть индоевропейских языков Европы, включая балтийский, но почти не захватывающей славянский. Древнеевропейская гидронимия была, по мысли Краэ, диалектно не дифференцирована и отличалась такой архаической особенностью, как производность от апеллативов с «водным» значением ('вода', 'река', 'болото', 'источник', 'ручей'). В. П. Шмид расширил рамки этой концепции, поставив знак равенства между древнеевропейским и индоевропейским, и, кроме того, постулировал наличие эпицентра древнеевропейской гидронимии в балтийском. Удольф, не ставя перед собой самостоятельных задач в плане индоевропеистики, весьма трезво взялся за пересмотр сла-

вистического аспекта проблемы. Вслед за Э. Дикенманом он адресует специалистам по балто-славянским отношениям серьезный упрек, что они никак не использовали тезис Краэ о границе древнеевропейской гидронимии как одновременной границе между балтийским и славянским. В связи с этим Удольф четко формулирует «некоторые нерешенные вопросы», прояснению которых должен содействовать анализ материала в его собственном исследовании: 1. Существовала ли балто-славянская языковая общность? 2. Действительно ли славянский лишь в малой степени был причастен к древнеевропейской гидронимии? 3. Как объяснить допущение, что предки славян вплоть до начала новой эры сидели на небольшом пространстве за карпатской дугой, в пользу чего свидетельствует факт незначительной славянской диалектной дифференциации? 4. Если действителен постулат маленькой славянской прародины, то вызывают удивление сильно колеблющиеся утверждения относительно расселения праславян «между Эльбой и Вислой», «по Одеру и Висле», «на Украине» (Einleitung, S. 50).

В общем одобряя «метод исключения» как критерий поисков прародины славян, Удольф критикует предшествующие исследования, занимавшиеся выяснением мест, где н е ж и л и славяне (балтийские, финноугорские, иранские территории), а не прямым ответом на вопрос, г д е с л а в я н е ж и л и. Для решения этой задачи Удольф поставил цель выявить район наибольшего скопления чисто славянских гидронимов от чисто славянских водных апеллативов указанного выше характера. Постулат бессубстратности этой чисто славянской гидронимической области, если и не провозглашается четко, все же витает в работе (ср. факт апробации метода исключения), вплоть до того, что неохотное допущение автором в конце работы некоторого дославянского субстрата «также в Галиции» (с. 613 книги) воспринимается читателем с недоверием как некий диссонанс. Сам Удольф это признает, говоря там по этому поводу: «Тем самым мы отходим от принципа обязательно объяснять спорные гидронимы Галиции только с помощью славянского. . .» (там же).

Удольф отобрал около 80 водных апеллативных терминов и рассмотрел в серии очерков применение их в гидронимии разных славянских стран с тем, чтобы выявить скопление или центр распространения соответствующих древних названий: **barъ* / **bara*, **bolto*, **br̥log-*, **chъrp-* / **chorp-*, **ezer-* / **ezor-*, **glěnъ*, **glina*, **gnil(a)*, **gnojь*, **gręzь* / **grǫzъ*, **ilъ*, **jьzvorъ*, **kalъ*, **luža*, **močěrъ*, **moč-(d)l-*, **molka*, **more*, **oko* / **okъno*, **orztok-*, **ponik-*, **potokъ*, **rěka* и многие другие. Последовательно рассматриваются апеллативы, охватывающие все славянские языки; только восточно- и западнославянские языки; восточно- и южнославянские языки; западно- и южнославянские; только западнославянские языки; восточнославянские; южнославянские.

Забегая вперед, выделим главное: автор высказывает в итоге уверенность, что ему удалось с помощью исследования славянских апеллативов и гидронимов определить древнейшие места обитания — прародину славян и что эта прародина помещалась на северных склонах Карпат, приблизительно между Закопане на западе и Буковиной на востоке, занимая площадь 300 км в широтном направлении и 50—150 км — в меридиональном (с. 619, 623 книги Удольфа). Именно здесь наиболее полно представлены в гидронимии апеллативные основы различных славянских языков и другие древние осо-

бенности (с. 619—620). Следовательно, основной аргумент автора — «скопление (Häufung, Konzentration) в Галиции». Однако присмотримся к тому, как вообще он оперирует понятием скопления.

Автор довольно прямолинейно представляет себе связь между «Wasserwörter» и природным ландшафтом. Например на с. 306, говоря о гидронимах с основой *voda*, он делает наблюдение: «Скопление названий в Южной России связано с географическими особенностями этой области». Спрашивается, к а к именно связано; ведь речь идет о степях, которые никогда не были скоплением водных источников. Однако автор проходит мимо этого кажущегося противоречия. Особенно роковым оказался для Удольфа случай с припятскими болотами. Отмечая обилие славянских гидронимов от слова **bolto* (с. 77, ср. и карту на с. 78), он приходит, как ему кажется, к некоторым поразительным (überraschend) результатам: «Так, необходимо в первую очередь отметить, что, хотя район Припяти и затронут названиями, в основе которых лежит **bolto*, его отнюдь нельзя считать центром, в то время как, собственно говоря, следовало ожидать, чтобы в этом исключительно болотистом районе названия вроде *Болото* и производных от него встречались чаще». Совсем не обязательно, ответим мы, даже наоборот. Дело в том, что номинация в языке вообще и в ономастике (гидронимии, топонимии и т. д.) в частности основана на маркированности (а не банальности!) обозначаемого, а есть ли что-либо менее маркированное в Припятском Полесье, чем его повсеместные болота? Очень жаль, что автор рецензируемой ономастической работы упустил из виду важный закон о т н о с и т е л ь н о й н е г а т и в н о с т и т о п о н и м и и, обоснованный В. А. Никоновым. Не будем касаться теории прародины славян в этом районе, который Удольф, как ему кажется, предъявил здесь неопровержимый контраргумент, обратимся к самой сути концентрации древних славянских гидронимов и прежде всего — в северном Прикарпатье (Галиция), которой Удольф придает решающее значение в определении прародины славян. На первый взгляд кажется, что так оно и должно быть: в древнейшей области обитания славян нужно — по прямолинейной логике — ожидать больше всего древних славянских названий. Но это только на первый взгляд; логика языкового и топонимического развития проявляется как раз в том, что о д н о т и п н ы е н а з в а н и я (а Удольф оперирует именно однотипными названиями!) н е м о г у т б ы т ь м н о г о ч и с л е н н ы м и в р а й о н е в о з н и к н о в е н и я и п е р в о н а ч а л ь н о г о р а с п р о с т р а н е н и я, н о к о л и ч е с т в о и х р е з к о в о з р а с т а е т в з о н е в т о р и ч н о й э к с п а н с и и. Насколько мне известно, на эту закономерность впервые обратил у нас внимание также В. А. Никонов. Исследование Удольфа весьма проигрывает в своих диагностических выводах оттого, что автор, увлеченный масштабами и количеством собранного материала, пренебрег описанными важными общими закономерностями, уже выработанными нашей наукой. Приведенные нами критерии (скорее качественной, чем количественной) оценки ономастического материала весьма осложнили бы Удольфу и любому другому на его месте поиски прародины славян.

Конкретные наблюдения автора над распространением гидронимов и его карты сохраняют всю свою научную ценность. В самом деле, в районе северного Прикарпатья объективно фиксируется скопление славянских гидронимов от древних водных терминов. Но чем оно в принципе отличается

от нередко столь же внушительных скоплений, например, часто отмечаемых самим же автором в Лужице и особенно — на западе центральной Польши? Можно согласиться с автором в том, что в последних двух (и других аналогичных им) случаях скопления явились результатом вторичной колонизации, но ведь это непосредственно подводит — в свете сказанного выше — к аналогичному выводу о северном Прикарпатье (исторической Галиции). Концентрация водных названий от слав. **rěka* не только в Галиции, но и в Словении/Хорватии, а также в Македонии и южной Болгарии (см. карту 26) могла бы навести на мысль, что все это однородные ситуации, иными словами, что Галиция — это тоже одна из зон славянской колонизации, по ряду признаков — колонизации старой. Автор, пожалуй, прав, признавая более тесную, чем это делалось традиционно, связь славян с горами, хребтами и водоразделами (с. 624), но не следует для этого преуменьшать знание праславянами болотистого ландшафта, как это он делает несколько легковесно там же. Противоречивость авторской концепции галицийской прародины славян как области максимального скопления чисто славянской гидронимии обнаруживается в тех уступках, которые Удольф вынужден сделать, допуская все-таки дославянский субстрат и в этой области (с. 613) и одновременно квалифицируя эти случаи (названия Isła, Obava, Opaka, Opor, Orava, Pielica, Rada, San, Sawa, Solučka, Strvjaž, Stryj, Wiar, Wisznia, см. с. 632 и сл.) как древнеевропейскую гидронимию. Сам автор, однако, упускает разницу между терминами, которые он попеременно прилагает к этим элементам — «vorslavische Schicht» и «Kontinuität». Таким образом, остается неясным, считать ли праславянский прямым продолжением носителей древнеевропейской гидронимии или он только наслоился на зону ее распространения. Наличие неславянского субстрата в карпатской гидронимии в любом случае несомненно (ср. также: Bednarczuk L. Zagadnienie przedsłowiańskiej hydronimii Karpat. — Rocznik naukowo-dydaktyczny WSP w Krakowie. Prace językoznawcze II, 1973, с. 19 и сл.). Но прежде чем мы закончим свое обсуждение проблемы прародины, необходимо коснуться, пожалуй, важнейшей проблемы — древнего диалектного членения. Складывается впечатление, что взгляды автора в этом вопросе несколько устарели.

Изучая наличие гидронимов с праформой **jьzrojь* (польск. *zdrój* 'источник'), Удольф приходит к выводу, что и апеллатив, и производные от него гидронимы характерны для польского, откуда следует решительное заключение, что это образование едва ли можно отнести к праславянскому (с. 464). Распространение лишь на части славянской территории является в глазах автора препятствием для признания слова (и названия) праславянским (ср. с. 519, 538). Говоря о древних диалектных различиях в южнославянском, он имеет в виду только судьбу фонетических сочетаний *dj*, *tj* и как причину различной трактовки называет раздельную миграцию на Балканский полуостров (с. 629).

Однако вот уже скоро двадцать лет, как наука о праславянском языке работает с понятием праславянского лексического диалектизма (ср. концепции и практику подготовки «Этимологического словаря славянских языков» в Москве и «Праславянского словаря» в Кракове). К нашему удивлению, в большой работе Удольфа нет ни слова о праславянских лексических диалектизмах (один из них, например, — **jьzrojь*, старое производное от гла-

гола **jьzrinǫti*). Судя по его трактовкам примеров, он смешивает понятия праславянского и общеславянского. Еще Ф. де Соссюр указывал, что интенсивные изменения не обязательно являются следствием миграции. Небольшие размеры искомой территории славянской прародины («первичной ячейки» — Keimzelle) Удольф тесно связывает с первоначальной бездиалектностью праславянского, но это не только не доказано, больше того, — теперь все более делается очевидной справедливость обратного — теории диалектной сложности праславянского. Такие разные ученые, как Ф. де Соссюр и В. Порциг, согласно указывали, что небольшая территория не значит бездиалектная. Диалекты праславянского языка существовали всегда, а не с первых веков н. э. При этом истинно древние лексические диалектизмы, конечно, показательнее, чем, разумеется, вторичные рефлексы *dj*, *tj*.

Поскольку Удольф считает себя последователем Г. Краэ, полезно напомнить одно высказывание Краэ (сохраним его в оригинале для удобства немецких читателей): «. . . ja — man wird sich an die Vorstellung gewöhnen müssen, daβ der Reichtum und die Vielfalt an Dialekten, welche der alteuropäische Mutterboden hervorgebracht hat, einst viel gröβer waren als die zu Schriftlichkeit gelangten oder gar zu Literatursprachen herangewachsenen und daher noch in unmittelbarer Überlieferung vorliegenden Idiome es ahnen laβen» (Krahe H. Sprachliche Aufgliederung und Sprachbewegungen in Alteuropa. Wiesbaden, 1959, S. 21 (=Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz. Jg. 1959, № 1).

И теперь о понятии и термине «прародина». Хотя, как видим, ученые еще пишут наперебой книги о прародине славян, это понятие все больше становится данью традиции, а не аргументом современной науки. Реальна ли «чисто» славянская гидронимическая область (она же прародина славян)? Нет, не реальна, и об этом свидетельствуют критически тесно сдвигающиеся неславянские гидронимические ареалы, они же говорят и о недостаточности «метода исключения». Стерильно чистое (бессубстратное) этнолингвистическое пространство — исключительное явление, и к этому типологическому аргументу надо отнестись с вниманием. Следовательно, практически повсюду мы должны считаться с вероятием дославянского субстрата, с проницаемостью и незамкнутостью древней славянской территории, с динамичностью праславянского ареала (В. Поляк), с сосуществованием разных племен на праславянской территории (В. Хенсель: «kohabitacja»). Думается, что изложенное понятие древней славянской этнолингвистической территории адекватнее, чем традиционное понятие прародины, обремененное биологическими ассоциациями как бы одномоментности, одноактности и единства места «рождения» славян от праиндоевропейцев, чего, конечно, в действительности не было. То, что самые мощные собрания фактических материалов с целью выявления прародины славян приводят к скромному обнаружению еще одного скопления гидронимов, должно служить для нас сигналом, что заниматься надлежит не поисками прародины, а всем современным комплексом вопросов лингвистического (и общего) этногенеза славян.

В работе Удольфа, естественно, большое место занимают вопросы этимологии и словообразования гидронимов, важнейшие для изучения лингвистического этногенеза. Не все этимологии, принимаемые или выдвигаемые автором, могут удовлетворить рецензента, что вполне понятно. Здесь для

краткости я остановлюсь только на случаях, которые являются, по моему мнению, очевидными, и на явных ошибках автора. Удольф ошибается, относя к числу продолжений праслав. **molka* 'сырое, болотистое место, низина' также гидроним *Молочная*, *Молочные Воды*, бассейн Азовского моря (с. 210); это название достоверно производно от рус., укр. *молоко* < праслав. **melko*. Разбирая названия с основой **ponik-*, автор крайне неточно характеризует форму *Паникли*, *Поникли* как случай с *-l-* epentheticum (с. 241), поскольку условием появления *-l-* эпентетического может быть только сильное смягчение предшествующего лабиального согласного, а в *Поникли* нет ни лабиального согласного, ни смягчения, а есть только суффикс *-(ъ)l-*. Невероятна попытка исконнославянской этимологии названия **Dunajь* / **Dunavъ* (с. 367), искусственно отрывающая этот гидроним от других его европейских вариантов. Еще менее вероятно толкование названий с основой **zanoga* как производных от корня **zan-* с суффиксом *-oga* (с. 422 и сл.). Одной ссылки на встречающиеся в топонимии и гидронимии названия с основой **ot(ъ)noga* достаточно, чтобы сохранить за старым и прозрачным членением **za-noga* полное право на существование. В разряд производных с суффиксом *-va* попадают у автора *sla-va*, *slo-vo* (членение авторское, с. 540), тогда как здесь можно говорить только о корне *slov-*, *slav-*. Для нас осталось неясным, как автор представляет себе апофонию **gnojь* : **gniti*, если он считает *-j-* в **gnojь* суффиксом (с. 546). Едва ли можно признать удачным отнесение названия *Magura* к исконнославянским на *-r-* суффиксальное (с. 547). Румынский плюральный суффикс *-eşti* не связан прямо со славянским *-išče*, *-išča*, вопреки мнению автора (с. 569). Не лучше ли отнести чешское местное название *Brabec* (в Южной Моравии) к чеш. диал. *brabec*, вариант к *vrabec* 'воробей', чем сближать его с прикарпатским гидронимом *Барбара*, как делает Удольф (с. 601)? Особенно отчаянные усилия применяет автор, доказывая славянское происхождение названия *Бескиды* (с. 605), но результат крайне неправдоподобен: **be(z)-(s)kyd-* 'ohne Spalt, ohne Schlucht'. Самоочевиднейшему тождеству античного *Δόκλεα* / серб. *Дукља* и карпатского *Дукля*, из которых первое ранее объяснено из иллир. **dōkl-*, на основании чего затем оттуда же объяснено и второе, Удольф противопоставляет очень сомнительную попытку славянской этимологии, привлекая группу слов якобы с корнем **duk-*, которые скорее выглядят как культурные заимствования (с. 608).

Напротив, сближение гидронима *Стрвяж*, польск. *Strwiąż* с лит. *srovingas* 'быстрый (о течении)' (автор, с. 616, вслед за В. П. Шмидом) можно отметить как полезное. Заслуживает внимания интерпретация гидронима *Опор* как восходящего к «древнеевропейскому» **Aparos*, с суффиксом *-ar-* от **ap-* 'вода, река', наряду с *Опака* < *Apakā (с. 617). Продолжение поисков балтийских соответствий в глубь карпатского ареала в принципе целесообразно, только не стоит противопоставлять их во что бы то ни стало иллирийским связям, как это делает автор (с. 617). Можно напомнить случай, когда иллирийские и балтийские связи интересным образом перекликаются или как бы нейтрализуются к югу от Припяти, ср. гидроним *Церем* < **serm-*, видимо, к лит. *Sérmas*, но ср. также иллирийские *Sirmium*, серб. *Срем*. Полезно обратить внимание на заключение автора о том, что существование особой балто-славянской промежуточной ступени не подтверждается (с. 637).

Итог работы Удольфа лучше всего можно охарактеризовать его же собственными заключительными словами (с. 640): «Даже если воспринимать

скептически некоторую или значительную часть результатов этой работы, все-таки придется констатировать, что капитальное исследование гидронимов имеет немаловажное значение для ранней истории и доистории. То, что благодаря этому теории, долгое время считавшиеся действительными (возникновение на древнеевропейской основе балтийского, но не славянского и т. п.), теперь нуждаются в пересмотре, по моему мнению, только повышает ценность ономастики для вопросов такого рода».

О. Н. Трубачев

Georgakas Demetrius J. **Ichtyological terms for the sturgeon and etymology of the international terms Botargo, Caviar and congeners (A linguistic, philological and culture-historical study). Pragmateiai tes Akademias Athenon, Tomos 43. Athens 1978 (330 с. + карты)**

Эта публикация Афинской академии наук представляет важный шаг вперед в научном исследовании истории рыболовства в Черном и Каспийском морях на материале свидетельств различных названий осетровых рыб и разных смежных терминов. Автор, профессор университета штата Северная Дакота (США), имеющий также длинный список публикаций, в том числе интересные работы по славяно-греческим языковым связям, посвятил свою книгу подробному разбору ихтиологических терминов, имеющихся в греческом, латинском и славянских языках. Во введении Георгакас констатирует (с. 83—88): «Высшая цель исследования культуры (в оригинале — anthropology. — Прим. перев.) — достичь полного познания фактов и более глубокого понимания процессов истории человеческой культуры. . . В числе самых ранних видов деятельности человека, направленных на обеспечение его жизни, были охота и рыболовство. Начало рыболовства восходит к эпохе примерно за 12.000 лет до н. э., т. е. незадолго до появления смешанного сельского хозяйства как в Северо-Западной Европе, так и в Юго-Западной Азии. Разумеется, и рыболовство, и охота сохранились в числе занятий человека и тогда, когда его сельскохозяйственная деятельность оттеснила их на второстепенное место».

Согласно Георгакасу, рыба играла важную роль в греческом кулинарном искусстве с XIII по VIII в. до н. э. Она поставлялась с Эгейского моря, с Босфора, с Черного и Азовского морей. Одним из главных по потреблению среди рыб был осетр. При этом лов осетра и соответствующая терминология сближали народы в Евразии. Автор констатирует следующее о рыболовстве в Причерноморье: «Рыболовство в Черном море (Euxeinos Pontos) предваряло греческую колонизацию его побережий. Эта точка зрения, основанная на данных древних греческих авторов, документируется и подтверждается результатами советских археологических исследований ранних греческих поселений в Северном Причерноморье. Рыбные богатства этих мест как будто были хорошо известны в эллинском мире начиная с расцвета греческой колонизации (V—IV в. до н. э.). Хотя сообщения Гекатея (VI в. до н. э.) о рыбах Черного моря не дошли до нас, Геродот (V в. до н. э.) сохранил для нас ценный материал о богатстве рыбой и о великих реках, впадающих в Черное море с севера и северо-запада. . .» (с. 86).

Помимо исторических данных, Георгакас дает в своем исследовании обзор географического распределения видов рыб на картах на с. 102, 104 и 106 (последняя из них, к сожалению, напечатана в перевернутом виде).

Главный и самый важный раздел монографии Георгакаса — это ее этимологическая часть (с. 109—287). Начиная с греческих, латинских и других названий осетра, автор дает для них очень интересные, новые объяснения. Одно из них — это, например, на первый взгляд удивительное, предлагаемое им словопроизводство греч. βερζίτικον 'Huso huso maeoticus' (с. 124—125). Согласно автору, эта рыба «ввозилась в императорский город Константинополь оттуда, где сейчас Украина. Эта импортная осетрина — τάριχος X—XII вв. — не имеет ничего общего с названием племени Βερζιται тремя столетиями раньше. Я рассматриваю τὸ βερζίτικον как субстантивированную форму среднего рода из первоначального выражения βερζίτικον ὀψάριν или βερζίτικον οξυρυχιν» (с. 124).

Что касается первоисточника названия βερζίτικον, Георгакас производит его от вост.-слав. *бѣлуга* (= укр. *білуга*) с переходом *g*>*dz* по славянской палатализации перед *i* (автор по ошибке называет эту палатализацию второй, а не первой и реконструирует праслав. **bèl-* с простым *e* вместо ятя или *e* долгого) и заменой первоначального *b* на *v*: «С утратой безударного мы получаем *veldzitikon*, а далее — со среднегреческой и новогреческой заменой *-ldz-*>*-rdz-* — βερζίτικον» (с. 125).

Только человек с большой изобретательностью и детальным знанием славянской и греческой фонологии, как Георгакас, мог рискнуть на подобную этимологию. Единственную трудность здесь представляет суффикс *-itikon*. Автор не выдвигает в этом отношении никакой гипотезы, констатируя только в целом, что «предполагаемая форма **beludzitikon* должна быть передачей какого-то местного восточнославянского производного от *белуга*». Была ли это уменьшительная форма **beluzika* (=незасвидетельствованное, хотя и возможное, укр. **білужиця*) или **beluzitika* (=укр. **білужитиця*?), вопрос остается открытым для дальнейшего исследования. [1]

Некоторые славянские названия происходят из греческого. Так, например, укр., рус. *хамса* 'Engraulis encrasicholus' происходит из греч. χαμψια мн. ч., которое произносится также как χαμψα и, с дальнейшей ассимиляцией — χαμβζα (с. 272—273).

Самой запутанной и трудной представляется этимология укр., русск. *кавьяр* 'черная икра'. Георгакас производит его из греческой формы, «сохранившейся в понтийском греческом в виде χαβιάριν» (с. 250). По его мнению, это сокращение из *ταριχαβιαριν (с. 253). По моему мнению, эту этимологию

---

[1] В этот вопрос может быть внесена полная ясность уже сейчас. Византийско-греческое название рыбы, вылавливаемой в Меотиде — βερζίτικον (X—XII в.), наиболее вероятно истолковано как производное прилагательное с греческим суффиксом -ιτικον от названия страны Βαρζήλτ или Βερζιλία, локализуемой в северном Дагестане и связываемой с хазарами. См., вслед за Маркवартом: *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. II. Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen. 2. Aufl. Berlin, 1958, S. 89; *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962, с. 130 (о стране Берсилии). Таким образом, βερζίτικον этимологизируется как берсильская, или хазарская (рыба). — Прим. перев.

следует считать наиболее убедительной, остроумной и окончательной, поскольку ничего лучше не предложено [2].

Рецензируемая книга Георгакаса — это не только солидная, стройная и богато документированная исследовательская работа по этимологии и происхождению ряда ихтиологических терминов греческого и других языков. В действительности это исследование широкого методологического плана, направленное на сочетание данных языкознания с фактами истории культуры индоевропейских народов. В нем объединены стремления ученого исследовать не только историю языка, но и реалии, лежащие в основе названий, иначе говоря, метод «слов и вещей» применен к предмету исследования.

В этом отношении 7-ая часть книги, озаглавленная «Взгляд на этимологию и историю культуры» (с. 279—287), имеет особое значение как для лингвистов, так и для историков культуры. Автор отстаивает точку зрения, согласно которой этимология — это сфера применения наиболее серьезной науки, которая не имеет ничего общего с любительской, или народной этимологией, которая, как известно, «предшествовала подлинному исследованию на протяжении тысячелетий» (с. 279) и, как всякое хобби, приводила «к фантастическим объяснениям единственно ради публикации» (с. 282). Согласно мнению Георгакаса, «приемлемая этимология должна удовлетворять одновременно трем аспектам слова или трем группам правил: фонологической и морфологической форме, семантическому содержанию слова и культурному компоненту (или внешнему миру реальностей, по Якову Малькелю); этот последний имеет три отличительных признака: а) словарный пласт, культурный контакт; b) географическое распределение лингвистического признака; с) языковые уровни: ученый или письменный язык — народный или разговорный язык. Так достигается реконструкция истории слова» (с. 284).

Автор кончает свои общетеоретические рассуждения красноречивыми словами: «. . .работа по этимологии — это серьезное, трудоемкое и сложное дело» (с. 287). Несомненно, своей последней книгой Георгакас продемонстрировал такую работу наилучшим образом.

Я. Б. Рудницкий * (Оттава)
Перев. с англ. *О. Н. Трубачев*

---

[2] И автор книги, и рецензент заблуждаются. Необходимо учитывать толкование Семереньи, который объясняет русск. диал. *кавьяр*, тур. *xavjar* с помощью осет. *kæf* 'рыба' и цыг. *jaro* 'яйцо', точнее — какой-то иранской формы, близкой последнему. «Но нет сомнения в том, что *кавьяр* в конечном счете иранское сложное слово и значит оно «рыбье яйцо» (*Семереньи О.* Славянская этимология на индоевропейском фоне. — ВЯ, 1967, № 4, с. 24—25). — Прим. перев.

* *Rudnyćkyj J. B.*, 1982 г.

***Jurišić Blaž*. Rječnik govora otoka Vrgade. Usporeden s nekim čakavskim i zapadnoštokavskim govorima. II dio. Rječnik. Zagreb, 1973; Čakavisch-deutsches Lexikon. Teil I. Von Mate Hraste und Petar Šimunović. Unter Mitarbeit und Redaktion von Reinhold Olesch. Slavistische Forschungen 25/I. Böhlau Verlag. Köln — Wien, 1979[1]**

Чакавский диалект, один из трех основных диалектов сербохорватского языка, охватывает Истрию, Хорватское Приморье и все острова далматинского побережья [2]. Небольшие вкрапления чакавского диалекта наблюдаются в штокавско-икавской области в Сене и Жумбераке. В XVII в. в эпоху турецкого нашествия усилились миграции населения, что привело к появлению штокавского элемента в отдельных точках исконно чакавской территории (на о. Паг, Маслиница на о. Шолта, Сумартин на о. Брач, Сучурай на о. Хвар, Рачиште на о. Корчула). В пределах чакавского диалекта, некогда образовывавшего единство в фонетике, морфологии, лексике, синтаксисе, существуют небольшие местные различия, по которым в самом общем виде чакавскую область делят на две части: северо-западную и юго-восточную. Письменная традиция чакавского диалекта восходит к началу XII в. (Baščanska ploča). Вся литература, вышедшая из Истрии, Хорватского Приморья и чакавской Далмации с XII по XVII в., написана на чакавском или преимущественно чакавском диалекте. Исследования, посвященные чакавскому диалекту, в большинстве своем представляют описания говоров с небольшими списками диалектных слов. «Большой недостаток лингвистики, — пишет известный исследователь чакавского диалекта М. Храсте, — состоит в том, что у нас нет еще ни одного словаря чакавского диалекта, за исключением незначительного списка слов в монографиях об отдельных говорах» [3]. Этот существенный пробел, если не в полной, то в значительной степени, восполняют опубликованные в недавнее время два словаря, один из которых содержит лексику маленького о. Вргада(с населением в 500 человек), а другой — представляет лексику всей средней Далмации. Словарь о. Вргада (на 8 тыс. слов) являет собой результат пятидесятилетней собирательской деятельности Б. Юришича, сделавшего первую запись в 1908 г., а последнюю в 1960 г. Б. Юришича интересует лексика живого языка частично в сопоставлении с данными чакавского и западноштокавского диалектов. Выходу в свет словаря предшествовала публикация очерка фонетики, морфологии говора о. Вргада. Издание «Чакавско-немецкого словаря» осуществлено Славистическим институтом Кёльнского университета совместно с Институтом языка при Югославянской Академии науки и искусства. Начало этого большого лексикографического труда связано с именем М. Храсте, им проделана основная работа по сбору лексического материала. После кончины М. Храсте работу над чакавским словарем продолжил его ученик П. Шимунович. Оба автора за основу взяли лексику родного говора (дер. Брусье на о. Хвар

---

[1] Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность Н. И. Толстому за любезно предоставленную возможность ознакомиться с названными словарями чакавского диалекта.

[2] *Hraste M.* Čakavski dijalekt. — В кн.: Enciklopedija Jugoslavije, t. 4: *Hil.-Jugos.* Zagreb, 1959, с. 506—508.

[3] Там же.

и дер. Драчевица на о. Брач), и далее эта основная часть была расширена и дополнена материалами из других населенных пунктов о. Хвар и Брач; в обследуемую территорию были включены также о. Вис, Шолта и ряд островов между Омишем и Трогиром. Завершающий этап работы, связанный с обработкой лексического материала и подготовкой его к печати, проходил под руководством Р. Олеша. Авторы не ограничиваются приведением лишь собственных записей, в словарь активно включаются материалы из работ, уже опубликованных по чакавскому диалекту. К словарю приложены библиография по чакавскому диалекту и составленное П. Шимуновичем краткое описание фонетики, морфологии, синтаксиса.

Оба словаря, следуя разным принципам в подаче материала, представляют лексику чакавского диалекта не дифференцированно, что очень важно а в полном объеме. Б. Юришич сопровождает заглавное слово подробным перечислением словоформ и сообщает некоторые сведения о представленности лексемы в Словаре Югославянской Академии и Загребском словаре. Слова объясняются кратко и далеко не во всех случаях. «Чакавско-немецкий словарь» построен по принципу двуязычного словаря с подробным, четким толкованием значений и богатым иллюстративным материалом. Словари привлекают ономастический материал о. Вргада, Хвар, Брач и Вис, названия населенных пунктов, этнонимы, гидронимы, названия земель и городов.

Издание названных словарей можно считать знаменательным явлением славянской лексикографии уже потому, что они преодолевают разрозненность, фрагментарность представлений о словарном составе чакавского диалекта и впервые дают в распоряжение исследователя довольно полное, богатое собрание чакавской лексики. Периферийное, островное положение при отсутствии сколько-нибудь значительных миграций до XVII в. определили непрерывность исторического развития и некоторую автономность чакавского диалекта, сохранение в его структуре архаичных черт. Именно в силу своей архаичности чакавский диалект дает много ценного и поучительного материала не только для истории сербохорватского языка, особенно развития его акцентных отношений, но и для решения этногенетической проблемы формирования южнославянской языковой группы. Лексика чакавского диалекта еще ждет своего изучения и оценки с самых разных сторон и точек зрения. Оставляя в стороне разные аспекты в исследовании чакавской лексики, мы попытаемся дать оценку названным выше словарям и показать их значение для решения одной важной проблемы реконструкции праславянского словаря и связанной с ней проблемы реконструкции диалектной карты праславянского языка. Идея автономности, самостоятельности праславянских состояний лексики славянских языков и диалектов [4] ориентирует на воссоздание первоначального состава чакавского словаря, на выявление его основного ядра, специфических особенностей, отличий путем последовательного снятия более поздних хронологических наслоений. Самый верхний, значительный по количеству слой лексики составляют заимствования преимущественно романского происхождения, что вполне понятно и объяснимо, если учесть, что Далмация и примыкающие к ней острова исторически находились

---

[4] *Трубачев О. Н.* О праславянских лексических диалектизмах сербо-лужицких языков. — В кн.: Сербо-лужицкий лингвистический сборник. М., 1963, с. 152.

в сфере романского влияния. Нижний, архаичный слой включает праславянские образования, разные по структуре, хронологической отнесенности, направлению внешних связей. Нас интересует в первую очередь праславянское наследие чакавского диалекта, и в рамках настоящей рецензии мы лишь кратко коснемся тех проблем, которые встают при исследовании архаичных явлений чакавской лексики, представляемой указанными выше словарями.

При восстановлении праславянского лексического фонда южнославянских языков один из лингвогеографических аспектов исследования связан с выявлением лексической общности диалектов северо-западного региона — чакавского, кайкавского, щчакавского, западноштокавского. В значительной степени лексическое сходство этих диалектов обусловлено причинами генетического характера, но какая-то часть общих явлений сложилась на новой родине в условиях активных междиалектных связей. В лексико-семантических связях диалектов западной части южнославянских языков особое место занимают чакавско-кайкавские отношения. Изучение названных выше словарей показывает, что заслуживают внимания и выделения отдельные явления из области чакавско-словенских лексических связей. Остановимся на некоторых из них:

чак. *brazgȍtina* 'рубец, шрам' (Хвар) и словен. *brazgotína* то же (Pleteršnik I, 52), производные от *brazda* (< **borzda*) с общим фонетическим переходом *zd*>*zg* [5];

чак. *čȅdan* 'простой, скромный' (Хвар), хорв.-кайк. *čȅdan* 'скромный' (с XVIII в.) [6] и словен. *čę́den* 'чистый, скромный', 'невинный' < **čerdьnъjь* [7];

чак. *gȃja* 'узкая полоса земли' (Хвар) и словен. *gáj* в одном из значений 'часть пашни' (Pleteršnik I, 206) при общеслав. **gajь* 'лес', 'роща' [8];

чак. *gnȉda* 'маленький кусочек, чуть-чуть' (Хвар), *gnȉdica* то же (Брач) и словен. *gnída* 'немножко, чуточку' (Pleteršnik I, 222), для которых Ф. Безлай находит соответствия в северногерманских языках: норв. диал. *gnita* 'маленький кусочек', дат. диал. *gnit* 'кусочек' и т. п. [9];

чак. *gȏlta* анат. 'челюстная кость' (Вис, Комижа) и словен. *gólta* = *gȏlt* 'кадык' (Pleteršnik I, 229);

чак. *golužȁt se*, *golužȍn se* сов. в. 'оголиться' (Вис) и словен. *golúzniti* 'сбрасывать кожу' (Pleteršnik I, 230), которые, по Скоку, развились из *gologuz-* [10];

чак. *kolobȍr*, *kolobārȁ* 'световой круг', 'венец вокруг головы' (Хвар), 'круги, тени под глазами' (Брач), хорв.-кайк. *kolobȃr* (Белостенец, Жумберак; с XVI в.) и словен. *kolobar* 'круг; венец вокруг луны или солнца', 'круглая шайба', 'цикл' (Pleteršnik I, 425) с не совсем ясными этимологическими связями [11];

---

[5] *Skok* I, с. 203—204; s. v. *brázda*; RJA I, 613: *brȁzgȏt*, *brȁzgotina* (с XVI в.) со ссылками на Вранчича, Стулли, Белостенца.
[6] См.: Słownik prasłowiański, II, с. 191.
[7] ЭССЯ 4, с. 63—64.
[8] ЭССЯ 6, с. 85—86.
[9] *Bezlaj F.* Eseji, s. 115.
[10] *Skok I*, с. 582: s. v. *gȏ* [2].
[11] По одной из этимологических версий представляет сложение *kolo* + *bar*, последняя часть возводится к гнезду с слав. **berǫ* в его индоевропейском

чак. *prȕdan* 'нужный' (Врграда), *prudȉt* 'использовать' (Црес), *prúditi* то же (с XV в. Вук, Приморье) и словен. *prud* = *prìd*, *prída* 'нужда, польза, выгода' (Pleteršnik II, 301). Появление не сводимых друг к другу огласовок *u* и *i*, если последнее не из *y*, можно объяснить лишь сближением этимологически разных основ, одна из которых (*prud*), как думает Скок, обязана влиянию роман. *prōde*, лат. *prōsum*, *prōdesse* 'быть полезным', а другая *prid* сложилась на основе сочетания приставки *pri-* и корня *dē-*[12];

чак. *prȉsliga* (Врграда), *prīslȉga* (Хвар) 'седловина' и словен. *preslegast* 'имеющий пропуск, пробел' (Pleteršnik II, 274), ср. также кашуб. *preslaga* 'луг, заходящий клином в поле', рус. диал. *переслега* 'брак в пряже' < **per-sъ-leg-/log-*;

чак. *tiṅȁti* (Врграда) и словен. *tinjati* 'тлеть, слабо гореть' (ю.-в. Штирия)[13].

Даже из этой небольшой подборки примеров видно, что рассматриваемые словари содержат богатый материал для наблюдений и размышлений о региональных явлениях в области лексики. В ряде случаев чакавский диалект является единственным источником сведений о словах, утраченных или слабо засвидетельствованных другими славянскими языками. Примером такого праславянского диалектизма, ограниченного по преимуществу чакавской областью, может служить слово *sprȕča* 'мот' (Брач, Драчевица). Вместе с гл. *sprȕčit*, *sprùčiti*, *sprȕčim* 'растратить, сорить деньгами', отмеченными Скоком для о. Хвар и Брач, оно, по всей видимости, может считаться отражением и.-е. основы **(s)preu-k*, представляемой в балтийских языках лтш. *sprukt* (*sprùku*, *spruku*) 'отступать, ускользать, убегать', *spruksts* 'то, что подвижно; прыгун'. Вариант этой основы с расширителем *-g* в рус. *прыгать*[14]. Словари чакавского диалекта вводят в научный обиход новые факты лексики, которые дополняют и расширяют представления о географии слова и вместе с тем углубляют базу этимологических исследований. Так, чак. *brūn*, *brūnȁ* 'прыщ, волдырь, гнойник, оспа', мед. 'утолщение, опухоль от укуса' (Брач, Хвар), сопоставленное с рус. диал. *брунь* 'колос, метелка овса или проса', 'сосульки, в которые смерзается шерсть на лошадиной морде в морозную погоду'[15], дает основание для реконструкции праслав. **brunь* в качестве основы, производящей для **brunьka*[16]. Чак. *čičȁti* 'дуть' (Врграда) вместе с с.-хорв. *чич* 'сильная стужа, холод', *čȉć* 'иней' расширяет круг слов, родственных рус. диал. *чичер* 'холодный ветер с из-

---

значении 'нести, вести'. См.: *Варбот Ж. Ж.* К соотношению славянской этимологии и праславянской морфонологии (в истолковании сложных слов). — В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 117—118.

12 *Skok* III, с. 60; *Miklosich*, S. 44. Следует, видимо, признать несостоятельным сближение *prud* с др.-в.-нем. *fruot(i)* (< **prōt*) 'благоразумие, ум', по причине глубоких различий в корневом вокализме, см. *Miklosich*, S. 266.

13 *Skok* II, с. 472.

14 *Pokorny* I, s. 995; *Fraenkel*, S. 883; *Skok* III, с. 426; RJA XVI, 67, с. 139: с пометой: na Braču.

15 Новосиб. словарь, с. 44.

16 ЭССЯ 3, с. 47; Słownik prasłowiański I, с. 387.

моросью и дождем; осенний дождь с холодным ветром' [17]. Интересным архаизмом является чак. *brēčäk*, *brȩ̄ška* 'оплодотворенное яйцо' (Брач). В словаре Югославянской Академии с.-хорв. *brěče*, *brěča* f. pl. 'vinacea' и *bräče*, *brâčâ* то же [18] приводятся со ссылками на словари прошлого века (Вук, Белла, Стулли) и указанием на возможность заимствования лат. *brace*, *bracium* 'hordeum aqua maceratum, ex quo fit cerevisia'. Чак. *brȩ̄čak* с несколько видоизмененным значением 'оплодотворенное (т. е. мутное, с осадком) яйцо' является фактом живого языка и, судя по значению, не заимствовано, а исконно и родственно слав. **brěča* / **brěčьka* (ср. словен. *bréča* 'древесный сок', ст.-чеш. *břečka* 'медовое сусло', словац. *brečka* 'жидкое, кашеобразное вещество, нечистая жидкость', 'бурда' и т. п.) [19]. Чак. *brüdati se* (ср. *brüdati se ȕ mōru* 'стоять в воде долго, пока кожа не сморщится'), *nabrüdati se* 'сморщиться в воде' (Вргада), нигде более не представленное, Б. Юришич, вслед за Вондраком, сближает с лит. *brýdau*, *brýdoti* 'стоять в воде'. В таком случае чакавский диалектизм соотносится с слав. **bresti* / *broditi* и отражает ту линию лексико-семантического развития, которая сближает его с балтийскими языками.

Словари чакавского диалекта содержат интересные образования с архаичными приставками *ko-*; *če-*, *še-*. Примером сложения с приставкой *ko-* (+ *motati*) может служить гл. *okomotät*, *okomotôn* сов. в. 'завернуть, обернуть' (Брач, Драчевица), *okomotäti* = *omotati* то же (Вргада), неизвестный другим словарям в форме **komotati*, без первой приставки *o-*<*ob-*. Старое образование с приставкой *če-* представляет чак. *čepȉžit se*, *čepȉžin se* несов. в. 'упираться' (Хвар, Врисник), нигде более не отмеченное на южнославянской территории. Судя по употреблению этого глагола во фразе Pãhaj vȉtra *se čepȉži* nãvar gronȩ̄ na ventãńu (Порыв ветра упирается в ветки, выступающие за крону дерева), значение 'упираться' является не прямым, а вторичным, соотносительным в плане семантической деривации с основным значением 'ком, нечто круглое', представляемым рус. *пыж* 'ком; карапуз', блр. *пыжык* 'толстый блин из кислого теста' [20], словац. *piga* 'округлая, обструганная деревянная палка, употребляемая в игре' [21]. Праслав. **če-pyžiti* объединяет чакавское слово с рус. диал. *чепыжиться* 'рядиться, щегольски одеваться', 'чваниться', 'величаться'. [22] Два других образования с приставкой *še-* частично известны штокавскому диалекту. Это — чакавское отглагольное *šavardālo* 'неприметный, неказистый человек' (Брач, Вис) при шток. *шевр̏дало* 'ненадежный человек', *шевр̏дати* 'увиливать, уклоняться от работы' < *še* + *vrdati* [23]; чак. *ševrƚäti* 'спотыкаться, бродить' (Вргаде) при шток. *švȑljati* соотносительно с гл. *вр̏љати* 'бросать', 'слоняться, шататься' < **xvъrliti* / **xvъrl'ati*. [24]

[17] ЭССЯ 4, с. 110.
[18] RJA I, с. 621, 574.
[19] ЭССЯ 3, с. 15.
[20] *Шаталава Л. Ф.* Беларускае дыялектнае слова. Мінск, 1975, с. 146.
[21] *Buffa F.* Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava, 1953, с. 195.
[22] ЭССЯ 4, с. 58. Słownik prasłowiański I, с. 142.
[23] *Skok* III, с. 390.
[24] ЭССЯ 8, с. 135.

Рассматриваемые словари содержат немало собственно чакавских слов, которые построены по известным словообразовательным моделям и имеют интересную структуру. Для примера укажем следующие случаи:

spȑga 'сухая доска', соотносительное с гл. *spȑžit*, *spȑžin* 'сжечь', 'высушить, выжарить' (Брач) < **prъg-* / *pražiti* 'frigere' [25];

svȏrź м. р. 'шкварки', родственное слав. **vergti* [26];

svrīž м. р. 'царапина, шрам, укол' (Брач, Драчевица) и соотносительное с ним *svrižǟt*, *svrižȏn* сов. в. 'царапать, марать' (там же) содержат основу **verg-*, представляемую, по данным словаря Скока, только хорв.-серб. *vrijȅža* (Вук; екав. Бачка), *vreža* 'стебель, дыня' [27];

sprūgǟ, *sprūjǟ* 'копье, пика' (Брач), производное от *pruga* 'полоса, линия';

prȗgoj, *prȗgja* м. р. 'силки для птиц' (Хвар, Врисник) при общеслав. **prǫglo* [28];

tūšć, *tūšća* м. р. 'растение с толстыми листьями, прикладываемое к ране' (Вргада), ср. прил. *tȕst* 'толстый';

pȍtuka 'порча, причиняемая давлением, сжатием' (Брач, Драчевица), родств. **telkti*;

pīšćǟk, *pišćakǟ* 'источник' (Брач), *pišćᵒǟk* то же и 'трубчатый панцырь морских моллюсков', 'прививка на лозе' (Вргада) от гл. **piskati* при шток. *pȉštet* 'маленький источник' (Герцеговина), *pištȍljina* то же (Космет) и т. п. [29]

В словарях чакавского диалекта в живом, активном употреблении находим слова, которые по другим лексикографическим источникам считаются устаревшими, утраченными или слабо засвидетельствованными. По данным словаря Югославянской Академии, слово *pritač*, исходное для общеупотребительного *priča*, принадлежит старому языку и чакавскому диалекту [30]. Словари чакавского диалекта подтверждают существование этого слова: *prītǟč*, *prītǟčica* 'рассказ, сказка' (Хвар, Вргада). Для гл. *mititi* 'минуть, пройти', засвидетельствованного лишь несколькими примерами в Словаре Югославянской Академии [31], находим подтверждение в рассматриваемых словарях: *mītȉti* 'пройти мимо' (Вргада), *mītȉt*, *mītin* сов. в. 'исчезнуть', 'пройти (о времени)' (Брач, Драчевица). Это, видимо, старый глагол, родственный ст.-слав. митѣ 'попеременно', болг. *на́мито* 'поперек, косо' и далее лтш. *mitêt* 'изменять' и т. д. [32]

Ценность словарей чакавского диалекта определяется еще и тем, что диалектные материалы помогают понять значение слов, отмеченных единичными примерами. Для раскрытия значения с.-хорв. *poprutac*, *popruca*, которое в Словаре Югославянской Академии приводится как неясное со ссылкой на хорватскую народную песню (Da uhitiš vile nadanojle i digneš joj krilo i uzglavje, iza glave *popruce* od zlata) [33], очень важно чак.

---

[25] *Skok* III, с. 63.
[26] RJA XVIII, 72, с. 432: *svȓž* 'ветка' (Витезович, Белостенец, Ямбрешич).
[27] *Skok* III, с. 628.
[28] Там же, с. 31.
[29] *Skok* II, с. 664.
[30] RJA XII, с. 51.
[31] RJA VI, с. 777.
[32] *Фасмер* II, с. 628; *Skok* III, 291; s. v. *smast*.
[33] RJA X, с. 824.

poprũtnica 'хворост, прутья' (Хвар) с несомненной корневой частью **prǫt*-> *prut* 'virga'[34]. Далее можно отметить интересные в семантическом отношении чак. *razorĩt se* 'светает' (Брач), *oblõk* 'лужа' (Брач), *pot* 'зной' (Брач), *kũžeļ* 'водоворот' (Вргада)[35], тождественное, видимо, слав. **kǫželь* 'часть прялки' (в плане семантической взаимосвязи ср. с.-хорв. *kȍlovrat* 'самопрялка' и 'водоворот').

Приведенные нами примеры имеют целью показать ту несомненную пользу, которую может получить от чтения новых словарей чакавского диалекта не только исследователь сербохорватского языка, но и славист, интересующийся разными аспектами развития праславянского языка. Можно с уверенностью сказать, что оба словаря прочно войдут в научный обиход и станут надежным лексикографическим источником при исследовании вопросов исторического словообразования, акцентологии, семантики. Названные словари создают прочную основу для дальнейших поисков новых этимологических решений и реконструкции диалектного состава праславянского лексического фонда.

Л. В. Куркина

***Гордеев Ф. И.* Этимологический словарь марийского языка, т. I (А—Б). Под ред. И. С. Галкина. Йошкар-Ола, 1979, 255 с.**

В 1979 г. вышел из печати первый том «Этимологического словаря марийского языка» (далее — ЭСМЯ), создаваемого Ф. И. Гордеевым, известным специалистом по ономастике и истории заимствований в марийской лексике.

Принципы построения ЭСМЯ кратко изложены в вводных разделах (с. 6—29). По типу словарь определяется самим автором «как сравнительно-исторический справочник с учетом достижений современной марийской лингвистики, финно-угроведения, а также тюркологии, иранистики, славяноведения и балтистики» (с. 7—8).

Словарная статья открывается обычно словом лугово-восточного марийского литературного языка. Поэтому марийская часть в словаре оформляется в соответствии с правилами современной марийской графики и орфографии. Этим же нормам подчинено написание диалектной лексики, в том числе и узких внелитературных слов (с указанием во всех возможных случаях границ их распространения — в одном или нескольких говорах того или иного марийского наречия). Сюда же относятся и окказионализмы, привлекаемые в немалом количестве из произведений марийской художественной литературы, а также редкие лексемы, зафиксированные в памятниках письменности прошлых столетий.

Сравнительно-сопоставительные материалы даются в основном с сохранением графики и орфографии используемых источников, но некоторые буквенные обозначения заменяются в ЭСМЯ знаками кириллицы или латиницы, «более или менее сходными по функции» (с. 9). Совершенно очевидно, что на подобные графические замены автор вынужден был пойти по техни-

[34] *Skok* III, с. 36—37: s. v. *prѐtati*.
[35] RJA V, с. 844; с XVI в., со ссылкой на словарь Белостенца и пометой «неясно».

ческим соображениям, т. е. из-за типографских трудностей. Тем более во «Введении. . .» следовало ему обсудить детали этого обстоятельства с тем, чтобы систему транслитерации привести в строгое соответствие с первичными графическими и транскрипционными обозначениями из цитируемых источников. В ЭСМЯ не показан отдельно и порядок букв марийского алфавита. По-видимому, частично этим объясняются отдельные случаи транскрипционного разнобоя в подаче лексических соответствий и параллелей из различных языков (см., например, *шиjoki* (?) — с. 104, *берян* вм. *берянь* — с. 214, *enek* вм. *ének* — с. 30, *erni* вм. *érni* — с. 133, *kövecs* (?) — с. 159, *edelny* вм. *edény* — с. 162 и т. д.) и нарушения алфавитного порядка заглавных статей в корпусе словаря (см., например, на с. 34, 37, 39, 41, 46, 47, 49, 56, 57, 78, 83, 88, 108, 109, 112, 114, 119, 124, 133, 137, 145, 152, 163, 165, 166, 169, 170, 171, 176, 203, 204, 212, 215, 218, 220, 229, 232 и др.).

Говоря далее о структуре словарных статей, автор указывает, что «этимоны» воспроизводятся им «только в двух планах: в общемарийской или домарийской, нередко в поволжской, булгарской (древнечувашской), позднесарматской (доосетинской)» (с. 9) праформах (?).

В отдельных словарных статьях приводятся «данные о заимствованиях финно-угорскими языками из других языков и заимствованиях из финно-угорских языков» (с. 9). Но такую информацию в пределах этимологического словаря одного финно-угорского (в данном случае — марийского) языка нельзя не признать избыточной. См. схему некоторых словарных статей: *äбрäкäй* 'уборная' < татар. > удм. (с. 33); *азу*, *азау* 'клык, коренной зуб', удм. *азау* 'тж' < татар. (с. 57); *але* 'или; пока, еще; част. *-ка*' < татар. (< перс.) > манс., хант. (с. 86); *аньык* 'запас' < татар. > морд. (с. 119); *арлан* 'хомяк' < татар. > удм., морд. (с. 146); *ать*: *ать-два* 'раз, два' < рус. < венг. (с. 166); *ахальньык* 'парень, заигрывающий с девицами', чуваш. *аххальник* 'то же' < рус. (с. 170); *Бекешев* — фамилия. *Пекеш* — мужское имя < рус. — апеллятив *бекеша* < венг. (с. 212) и т. п.

После реконструированной праформы заглавного марийского слова, как правило, приводятся финно-угорские соответствия, а в случае заимствования — параллели из других языков, откуда то или иное слово могло проникнуть в марийский. При этом Ф. И. Гордеев не скрывает своего увлечения «лексическими схождениями как внутри восточнофинно-угорских языков, так и между марийским и другими языками Восточной Европы» (с. 8). Последние автор рассматривает «как материал для дальнейших этимологических разысканий» (там же). Но, по-видимому, этимологический словарь одного языка все же не совсем подходящая арена для проведения столь широких поисков. См., например, содержание отдельных статей подобного рода: *ä* (с. 30), *ава* (с. 35—36), *авыраш* (с. 43), *агар* II (с. 44—45), *ази* (с. 56), *азырен* (с. 58), *-ак* (с. 66—67), *ака* I (с. 67), *ал* II (с. 76), *äр* II (с. 125), *ара* I (с. 127—128), *арака* IV (с. 130), *аранга* (с. 132), *араш* II ((с. 133—134), *арва* I (с. 135), *артам* (с. 150—151), *Ахманов* (с. 171), *ахал* (с. 170), *Арян*I (с. 156) и др.

Еще более широкими оказываются поиски Ф. И. Гордеева в области изучения собственных имен, которые, между прочим, заняли добрую половину реестра слов первого тома ЭСМЯ. И особенно много спорного и неясного допущено в топонимических штудиях. См., например, статьи: *Ака* II (с. 67), *Аккаин* (с. 69), *-ан* (с. 102—106), *-анга* (с. 109—110), *Анда* (с. 112), *Ар* V

(с. 126—127), *Арзамакша* (с. 142—143), *Арзамаска* (с. 143), *-ас* I (с. 156—157), *-ать* II (с. 166—167), *-аш* (с. 174—175), *-бай* (с. 185—186), *Бакалда* (с. 188), *-бал* (с. 190—191), *-бан* (с. 196—197), *-бар* (с. 198), *-бат* (с. 203—204), *Башкири* (с. 208), *-беж* (с. 210—211), *-бель* (с. 213—214), *-бирь* (с. 218—219), *-бой* (с. 223—224), *-буй* (с. 235—236), *Быргында* (с. 253) и пр.

В определении состава словника (заглавной части) ЭСМЯ допущено противоречие. С одной стороны, автор заявляет, что «Словарь. . . охватывает лишь наиболее употребительные корневые слова» (с. 8). А с другой, — всего лишь несколькими строками ниже подчеркивает, что реестр слов ЭСМЯ представляет «все четыре диалекта. . . В нем даны также слова, бытующие как в разговорной речи, в отдельных говорах горного, северо-западного, лугового и восточного диалектов, так и в произведениях художественной литературы, не зафиксированные составителями двуязычных словарей» (там же).

Концепция ЭСМЯ по сути дела опирается на классификацию (и подробную рубрикацию), которую осуществил Ф. И. Гордеев в отношении словарного запаса марийского языка. В марийской лексике автор выделяет следующие пласты и группы слов (с сохранением их названий в формулировках Ф. И. Гордеева):

1) финно-угорский (в марийском словарном фонде автор насчитывает более 800 корней слов финно-угорского происхождения);

2) иранский: а) древнесарматские проникновения; б) позднесарматские заимствования, близкие к доосетинским формам;

3) тюркский: а) древнечувашские заимствования, или булгаризмы, в ряде случаев совпадающие с теми же в удмуртском и венгерском языках; б) чувашизмы, характерные только для отдельных диалектов и говоров марийского языка; в) собственно чувашские заимствования в горном диалекте, соответствующие эквиваленты которых в луговом и восточном наречиях представлены как татаризмы; г) иранизмы, проникшие в марийский язык через чувашское посредство; д) чувашско-марийские слова с неясной этимологией; е) общая лексика чувашского языка и марийских говоров, обусловленная татарским влиянием; ж) ложные чувашизмы, или марийские заимствования в чувашском языке; з) общая лексика марийского и чувашского языков, образовавшаяся под русским влиянием; и) татаризмы, характерные для всех диалектов марийского языка; й) татарские заимствования, встречающиеся в отдельных наречиях или говорах; к) общая древняя лексика для марийского, татарского и иранских языков, или сомнительные этимологии;

4) русские заимствования: а) вошедшие через булгарское посредничество; б) проникшие как татаризмы; в) собственно русские заимствования;

5) восточноевропейские лексические параллели: а) весьма близкие к балтийским языкам; б) общие для уральских и тюркских языков; в) общие для уральских, иранских и тюркских языков;

6) собственно марийская лексика, сложившаяся под действием внутренних законов развития отдельных систем (с. 6—7).

Первый том ЭСМЯ снабжен большими списками сокращений: литературы; языков и диалектов; географических наименований; рукописных источников (с. 10—29). Однако алфавитный список названий, напр., в разделе «Литература» (с. 10—18) доведен лишь до буквы «Д». Бóльшую же

часть литературы автор собирается поместить «в последующем томе» (с. 10). Таким образом, читатель первого тома ЭСМЯ пока лишен возможности обращаться в необходимых случаях к тем источникам, которые до издания следующих томов словаря остаются зашифрованными в пределах тех или иных статей первого тома. И в то же время в объявленном по алфавиту списке литературы, конечно, осталось немало т. н. избыточных позиций, на которые не последовало ни одной ссылки в статьях первого тома ЭСМЯ. Примерно так же обстоит дело с другими списками сокращений.

Таковы, — в том виде, как их декларирует Ф. И. Гордеев в «Предисловии» и «Введении. . .» (с. 6—29), — концепция ЭСМЯ и принципы его составления. Следует отметить, что вводные разделы к словарю написаны наспех, изложены с очевидными лакунами. Так, автор даже не упомянул, что в разрабатываемый им словарь, наряду с апеллятивной лексикой, включается (причем без видимых ограничений) и ономастическая лексика. Не указано, что в первом томе ЭСМЯ в специально отведенных заглавных статьях рассматривается этимология топоформантов, см., напр.: *-аж* — топоформант в составе названий мест на территории распространения и былого пребывания финно-угорских народов (с. 52); *-ал* IV — топоформант, выступающий в составе названий мест на территории расселения или былого пребывания восточных финно-угров (с. 77—78); другие примеры этимологизации тополексем и топоформантов см. выше. Не указано, что в реестр слов ЭСМЯ очёнь широко (фактически без попытки их отбора для этимологизации) включаются т. н. новейшие заимствования — преимущественно интернационализмы типа *абажур*, *абонемент*, *абонент*, *абсурд*, *аббревиатура*, *авеню*, *авторитет*, *агент*, *агентура*, *агрегат*, *агрессор*, *адвокат*, *академик*, *аккумулятор*, *акробат*, *актёр*, *актив*, *акушер*, *акцент*, *алмаз*, *алфавит*, *амбразура*, *ампула*, *амфитеатр*, *анапест*, *ансамбль*, *антициклон*, *антоним*, *антракт*, *антрекот*, *аппарат*, *аппендицит*, *арена*, *арматура*, *артикль*, *арфа*, *архаизм*, *архив*, *атлет*, *атом*, *аттестат*, *аферист*, *афиша*, *афоризм*, *багаж*, *баланс*, *балет*, *банкет*, *барометр*, *баскетбол*, *библиотека*, *бильярд*, *бинокль*, *биолог*, *биплан*, *бисквит*, *бифштекс*, *блиндаж*, *блокада*, *блокнот*, *блюминг*, *бойкот*, *бокал*, *брассистка*, *брикет*, *бром*, *буги-буги*, *бульдог*, *бульвар*, *бульон*, *бургомистр*, *бурмастер*, *бутерброд*, *буфер*, *буфет*, *бухгалтер*, *бюджет*, *бюллетень*, *бюрократ*, *бюст* и многие др. В заглавной части ЭСМЯ иногда встречаются и грамматические формы, см., напр.: *-ай* I — суф. вокативной формы (с. 59), *-ан* V — усилит.-побудит. частица, выступающая в императивных формах глаголов: *толжо* 'пусть идет' — *толжан* 'пусть же идет', *пу* 'дай' — *пуан* 'дай-ка' (с. 106—107), *-аныш* I < суф. *-ан* и *-ыш* (с. 119), *-аш* II — суф. имен существительных, указывающий на назначение предмета (с. 175) и т. д. Заметим, что материал такого рода все же является объектом рассмотрения исторической грамматики (морфологии), а не этимологического словаря.

В словнике ЭСМЯ в большом количестве находим антропонимы, топонимы, этнонимы и т. п., являющиеся принадлежностью русского, иногда татарского, а не марийского ономастикона. См., например: *Азаново* — официальное (следовательно, русское! — А. Ф.) название мар. деревни *Мишкансола* (с. 55), *Акашево* (Большое и Малое) — русск. деревни в. . . МАССР. Наименование дано по имени основателя селения (выходцы из центральных частей России) (с. 68—69), *Алеево* — офиц. назв. мар. деревни *Алисола*

(с. 86), *Аленкино* — офиц. назв. мар. деревни *Йокнур*. Наименование дано по антропониму. . . Аленкин. . ., д. *Аленкино* в Псковской губ. (с. 86), *Альбинский* (с. 95), *Анненское* — назв. озера (с. 116), *Антропово* — второе назв. мар. д. Яндемирово (с. 118), *Арбаш* — татар. село (с. 134), *Атюлово* — офиц. назв. мар. д. *Пÿнгельмычаш* (с. 166), *Афанасково* II — офиц. назв. мар. д. *Опанассола* (с. 169), *Ахмылово* — офиц. назв. села *Коротни* (с. 172), *Бабье* болото — топоним (с. 183), *Болотное* — офиц. назв. мар. д. *Лопаш* (с. 226), *Болотная* — офиц. назв. мар. д. *Купсола* (с. 226), *булгар* — назв. древних чувашей (с. 240), *Булычев* — широко распространенная среди русских Марийского края фамилия (с. 241), *буртас* — назв. добулгарского (дочувашского) волжского фин.-угор. племени, близкородственного, по др.-рус. памятникам (! ?), мордве (с. 245), *Бутырки* — д. со смешанным населением (мари и русские) (с. 247), *Бутылченки* — офиц. назв. мар. д. *Куэр* починга (с. 247), *Бываенки* — офиц. назв. обрусевшей мар. д. *Кугенерь* (с. 250), *Быковка* — офиц. назв. обрусевшей мар. д. Нижний *Кокшан* (с. 251) и многие др.

В ЭСМЯ включены для этимологической обработки фамилии русских, см., например: *Амосов* (с. 101), *Архипов* (с. 153), *Бабин*, *Бабич* (с. 183), *Белоусов* (с. 212), *Белянин* (с. 213), *Бельский* (с. 214), *Блинов* (с. 221), *Бобров* (с. 222), *Брагин* (с. 230), *Будённый* (с. 234), *Булыгин* (с. 241), *Бутылкин* (с. 247), *Бушуев* (с. 249) и многие др.

В словник ЭСМЯ перенесен из русского языка целый ряд зоонимов, как, напр.: *Амазонка* (с. 96—97) — кличка коровы, *Барбос* (с. 199), *Барсук* (с. 200), *Бобик* (с. 221), *Булька* (с. 241) — клички собак, *Болван* (с. 225), *Борец* (с. 228), *Букет* (с. 238), *Бурый* (с. 246) — клички лошадей, *Бычок* (с. 255) — кличка теленка, а также слово для подзывания телят и др., прозвищ и псевдонимов, напр.: *Басяк* (с. 203), *Батрак* (с. 204), *Бледный* (с. 221), *Боцман* (с. 229) и пр., хрематонимов типа «*Аврора*» — название крейсера (с. 40), «*Аграрник*» (с. 47), акронимов, создаваемых в русском языке способом аббревиации, напр.: *БАМ* — Байкало-Амурская магистраль (с. 196) и т. п.

Едва ли возможно объяснить степень нагрузки в заглавной части ЭСМЯ окказионализмами типа *брандбакен* (с. 231), *ахтунг* (с. 172), *айновонер* (с. 64) и некоторых других, имеющих в произведении того или иного марийского автора, возможно, лишь одно-, максимум двухразовое употребление. Впрочем, одно перечисление подобных избыточных позиций в словнике ЭСМЯ могло бы занять куда больше места.

Концепция Ф. И. Гордеева в целом поддержана редактором И. С. Галкиным и рецензентом первого тома ЭСМЯ П. Аристэ. Так, И. С. Галкин считает, что «если словник этимологического словаря не ограничен какими-нибудь рамками, а широко охватывает словарный состав языка, то в нем отражается многогранная культура народа, его многовековая история и связи его с другими народами» (От редактора. — ЭСМЯ, с. 3). П. Аристэ в свою очередь отмечает, что в ЭСМЯ «включены не только слова марийских (лугово-восточного и горного) литературных языков, диалектизмы, редкие или ныне уже исчезнувшие лексемы, зафиксированные в памятниках письменности, но и употребительная в языке ономастика» (От рецензента. — ЭСМЯ, с. 5). Включение всех этих слоев лексики в словарь П. Аристэ считает совершенно правильным, «ибо все они представляют такой же научный интерес для изу-

чения истории народа, говорящего на данном языке, как и словарь повседневной речи. Поэтому возражения против включения ономастики носят непринципиальный характер, в основном это ссылки на непомерное разрастание словаря» (там же). Трудно в связи с изложенным воздержаться от замечания, что заявления редактора и рецензента выглядят здесь не более и не менее как попытка отвести от автора неизбежную критику именно за то, что ЭСМЯ «не ограничен какими-нибудь рамками» (И. С. Галкин) и что заглавная часть словаря загромождена столь неинформативным «для изучения истории народа» (П. Аристэ) материалом, который в целом ряде случаев даже не является составной частью марийской лексики.

Редактор ЭСМЯ отметил и негативные стороны первого тома. По мнению И. С. Галкина, «автор иногда слишком увлекается иноязычным влиянием — балтийским, иранским, тюркским, русским — вплоть до слов ономатопоэтического происхождения, которые нередко могут оказаться случайными совпадениями, а не заимствованиями» (с. 3). В рубрике «От редактора» И. С. Галкин критически рассматривает «некоторые сомнительные моменты». В целом мы разделяем критику редактора, изложенную им на с. 4—5 словаря.

Источником вост.-мар. *брӓзгӓ* 'кляузник' (с. 231) в ЭСМЯ считается татар. язык (пример не приводится). Но, по-видимому, следует исходить из рус. (диал.) *брязга* 'вздорный, ворчливый человек; брюзга; сплетник, болтун' (Филин 3, с. 227) с закономерной для восточно-марийского наречия ассимиляцией гласных по палатальной гармонии.

Компонент *ар-* в *арвий* 'свежий, трезвый ум' (с. 126), 'здоровая, свежая сила ума' (с. 136) автор возводит к татар., башк. *äр*, кирг. *ар* 'совесть, стыд'. Между тем его следует возводить к другому татар. слову: *ару* 'чистый, опрятный; приличный; хороший, здоровый' (Татарско-русский словарь. М., Изд. «Советская энциклопедия», 1966, с. 41, далее — ТРС), которое в мар. языке представлено и вне композита: *ару* 'чистый, чистоплотный' (с. 152). А татар. *эр* 'стыд, самолюбие; упрёк, укоризна, укор' (ТРС, с. 731) является другим заимствованием в мар. языке, освоенным без фонетических и семантических изменений, на что указано и в ЭСМЯ: *äр* I 'совесть; стыд; самолюбие; упрёк, укоризна, укор' (с. 125).

Мало вероятно, чтобы рус. диал. *булька* 'водяной пузырь' было заимствовано в мар. язык для обозначения клички собаки: *Булька* (с. 241). Скорее источником последнего является соответствующий русский зооним — ср. название популярного рассказа Л. Н. Толстого «Булька».

Невероятно, чтобы компонент *ать-* в рус. эмфатическом *ать-два* происходил из венг. *egy* 'один' (с. 166).

Мар. *ак* 'цена, достоинство; стоимость, ценность' автор, возражая Х. Паасонену, считавшему это слово татаризмом в марийской лексике, отнёс к числу булгарских заимствований. С этой поправкой, однако, трудно согласиться. Во-первых, у этого слова (по своему происхождению — арабизма) в памятниках древнетюркской письменности VII—XIII вв. не зафиксировано значение «цена» (см.: ДТС, с. 198: *ḤAQ* 'право, обязанность, долг'). Следовательно, это слово получило дальнейшее семантическое развитие уже на почве татарского языка (см.: ТРС, с. 731: *хак* I 'правда, истина; право'; III 'плата, оплата, вознаграждение; ценность, стоимость, оценка'; *хак биру* 'оценивать, давать цену'). Во-вторых, чуваш. *хак* 'цена' совпадает с татарским фонетически (одновременно имея с ним и семантическую близость).

Все эти моменты свидетельствуют о том, что чуваш. *хак* 'цена' — относительно новое слово, пришедшее в чувашский язык через татарское посредство, а мар. *ак* является татарским заимствованием (с. 66).

Финно-угорское происхождение *Рязани* (< *Рäзä* + *-ань*) автор пытается доказать примерами из финского языка: *räisy* 'сырость' и *räiske* 'брызги' (с. 105). Известно, однако, что по природе своей эти слова являются ономатопоэтическими, не имеющими финно-угорских соответствий (см. SKES, с. 909: räiskää; с. 919: räyskätä).

К числу сомнительных и ненадежных нужно отнести также следующие этимологии: *аракш* (с. 130), *араш* (с. 133), *арыптыш* (с. 155), *Арян* I (с. 156), *ас* III (с. 157), *ахал* (с. 170), *бӱльше* (с. 249) и некоторые др.

В ЭСМЯ не до конца проведена идентификация словарного материала. Иногда одна и та же лексема, бытующая в разной диалектной среде или же зафиксированная с какими-нибудь графическими особенностями в письменных памятниках, выносится в заглавную часть разных словарных статей. См., напр.: *äвлäки* 'дом, куда собирается молодежь на посиделки для игр или на вечеринку в отсутствие старших' (с. 39) и *аулаки* 'тж' (с. 168). Не в одном гнезде даны в ЭСМЯ *ава*, *аба*, *äвä*, *äбä*, 'мать' (с. 35) и *абаг* 'тж' (с. 30). Между тем перед нами одна и та же лексема: *ава* или, в зависимости от типа диалекта, *äвä*, *аба*, *äбä*. Написание же *абаг*, извлеченное Ф. И. Гордеевым из книги Г. Ф. Миллера «Описание живущих в Казанской губ. языческих народов. . .» (СПб., 1791, с. 84), представляет собой не какой-нибудь «ласкательный вариант *абагай* (*авагай*)» (ЭСМЯ, с. 30), но, как я уже имел случай отметить в связи с обсуждением написания другого мар. слова (см.: Феоктистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. Ранний период. М., 1976, с. 88), транслитерацию русскими буквами первоначального написания по правилам немецкой орфографии мар. *Abah* 'Mutter' из предшествующего издания указанного сочинения Г. Ф. Миллера (см.: Sammlung Russischer Geschichte. SPb., 1759, Bd III, S. 386). Таким образом, мар. *абаг* 1791 г. =*Abah* 1759 г., которое отражает фонетическое [*aba*] 'мать' точно так же, как, напр., в орфографических нем. *Dreh*, *floh*, *gedieh* и др. отражаются фонетические [*drē*] 'вращение; поворот; махинация', [*flō*] 'бежал, убегал', [*gədī*] '(хорошо) развивался; имел успех' и т. д. И в других написаниях, заимствованных из русского перевода книги Г. Ф. Миллера, в конце мар. слов употребляется буква *г* для транслитерации латинского *h* из немецкого издания. См. еще в ЭСМЯ: *алаша* 'мерин' (с. 82) и отдельно *алашаг* 'тж' при татар. *алашаг* 'мерин'. Не ясно, — недоумевает автор, появление *г* в конце мар. и татар. слов (с. 82). Комментарий к последнему замечанию автора уже не требуется.

Отдельные словарные статьи перегружены избыточной информацией. Если, напр., антропоним *Амир* действительно «широко употребительное среди старшего поколения восточных марп мужское имя» (с. 100), то для чего еще приводится в статье узкий географический паспорт этого слова, ограниченный всего лишь одним населенным пунктом — д. М. Вожж.? См. то же в статьях: *Амос* (с. 101), *Анай*, *Анакай* (с. 108), *Арсай* (с. 149) и др. Перегрузка или избыточность может создаваться и за счет длинных цитаций, не соотносящихся непосредственно с фонетико-семантической стороной этимологизируемых словарных единиц (см., напр., на с. 173: *ача* II). В других же статьях информация к истории слов оказывается явно недостаточной.

Это относится к случаям, когда этимологизируемое слово объявляется заимствованием, напр., из татар. языка, а иллюстративные примеры приводятся из других тюркских языков, кроме татарского. См., например статьи: *амапаш* II (с. 98), *ағыртараш* (с. 123), *Аштук* (с. 177), *адыркан* (с. 51) и некоторые др.

В ЭСМЯ уделяется внимание пересылкам, отсылочным статьям и т. п. Количество такого материала в принципе можно было увеличить, однако не перегружая его такими сведениями, которые потом неизбежно будут повторены в идентичных статьях, лишь с другим анлаутом тех же заглавных слов. Пример отсылочной статьи с перегрузкой: *бреня* Г (Кроковский: Еруслан. ЧРС 1883) 'бревно'. Заимств. из рус. яз.: *бревно*, *берно* (Шан. Н., т. 1, в. 2, с. 191), см. *пырня* (с. 231). Пример нормальной отсылки: *амыт* Г см. *омыта* (с. 102) и т. д.

Некоторые предложенные в словаре сокращения цитируемых источников получились чрезмерно пространными. См., например: *анят* Л, В, *ян* 1783 г. (СЯЧ. — Эрм. собр. № 216. ПБ им. С.-Щ.), *анят* 1840 г. (Шегр. А. М. — Эрм. собр. ф. 94, оп. I, ед. хр. 232 АЛО АН СССР), *äньäт* СЗ (д. Кукшары Жилем.: МДЭ — 54, № 43, с. 15) . . . (с. 120) и пр.

Из допущенных орфографических ошибок и описок отметим: *генетив* (сс. 31, 106, 156 и др.) вм. *генитив*; *ар-* IV (с. 126) вм. *-ар*, *похититель* (с. 83) вм. *изготовитель*, *Паль* (с. 31) вм. *Палль*, *мятно* (с. 38) вм. *пятно*, *снадь* (с. 175) вм. *снедь*, *околодка* (с. 95 и др.) вм. *околотка*.

Отсутствие строгого единообразия трактовки материала и крайности в принципах его отбора для включения в реестр этимологизируемых единиц относятся к общим недостаткам рецензируемого тома ЭСМЯ, в котором сделана не совсем удачная попытка сочетать научно-исследовательскую работу академического плана с научно-популярной.

Работа над многотомным «Этимологическим словарем марийского языка» только началась. Впереди — труд автора еще не на один год и не на один том. В заключение хочется пожелать Ф. И. Гордееву, взявшему на себя трудную миссию создания единолично полного этимологического словаря одного из финно-угорских языков, в бо́льшей мере опираться на всё уже достигнутое в марийской и финно-угорской, а также в индоевропейской и тюркской исторической лексикологии.

А. И. Феоктистов

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Абаев	*Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка, I—III—. М.—Л., 1958—1979—.
Барсов	Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым, I—II. М., 1872—1882.
БД	Българска диалектология, I—IX—. София, 1962—.
БЕР	Български етимологичен речник. Съставили Георгиев Вл., Гълъбов Ив., Заимов Й., Илчев Ст., I—XVIII—. София, 1962—1979—.
Білецький-Носенко	*Білецький-Носенко П.* Словник української мови. Київ, 1966.
Богораз	*Богораз В. Г.* Областной словарь колымского русского наречия. Сб. ОРЯС, 1901, т. 68, № 4.
Варшавский словарь	*Karłowicz I., Kryński A., Neidżwiedzki W.* Słownik języka polskiego, I—VIII. 1904—1927 (1952—1953).
Васнецов	*Васнецов Н. М.* Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1907.
Геров	*Геров Н.* Рѣчникъ на блъгарскый языкъ, I—V. Пловдивъ, 1895—1904 (София, 1975—1978); VI — *Т. Панчевъ.* Допълнение на блъгарские рѣчникъ отъ Н. Геровъ. Пловдивъ, 1908 (София, 1978).
Гринченко	*Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка, I—IV. Киев, 1907—1909.
Даль [2]	*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. 2-е изд. М., 1880—1882 (1955).
Даль [3]	*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. 3-е изд. М., 1903—1909.
Добровольский	*Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
Доп(олнение) к Опыту	Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
Егоров	*Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
Иванова. Подмоск.	*Иванова А. Ф.* Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.
Иркут. словарь	Иркутский областной словарь. Редактор-составитель Бобряков Н. А. I—III. Иркутск, 1973—1979.
Камчат. словарь	Словарь русского камчатского наречия. Редакционная коллегия: Браславец К. М., Иванова Ф. П., Попова Н. В., Шатунова Л. В. Хабаровск, 1977.
Картотека БАС	Картотека Словаря современного русского литературного языка (Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР).
Картотека ДРС	Картотека Словаря русского языка XI—XVII в. (Институт русского языка АН СССР, Москва).
Куликовский	*Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.
Лыткин-Гуляев	*Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны	Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны. А—К. — Беларуская мова і мовазнаўства. Мінск, 1975—1976, вып. III—IV.
Младенов	*Младенов С.* Етимологически и правописен речник на български книжовен език. София, 1941.
Нар. лекс.	Народная лексіка. Мінск, 1977.
Новосиб. словарь	Словарь русских говоров Новосибирской области. Под редакцией Фёдорова А. И. Новосибирск, 1979.

Опыт	Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
Подвысоцкий	*Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб, 1885.
Преображенский	*Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка, I—II. М., 1910—1914. Окончание в кн.: Труды ИРЯ, I. М., 1949.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей. 1—15. М., 1962—1965.
Расторгуев	*Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Материалы для истории словарного состава говоров. Мінск, 1974.
Словарь Калининской области	*Кириллова Т. В.*, *Бондарчук Н. С.*, *Куликова В. П.*, *Белова А. А.* Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972.
Словарь Оби	Словарь. русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, I—III. Томск, 1964, 1965, 1967. Дополнение I ч. — 1975, II ч. — 1976.
СлРЯ XI—XVII вв.	Словарь русского языка XI—XVII вв. Составители: Бахилина Н. Б., Богатова Г. А., Прокопович Е. Н. и др. Главный редактор Бархударов С. Г. 1—7—. М., 1975—1980—.
Сл. Сред. Урала	Словарь русских говоров Среднего Урала, I—II—. Свердловск, 1964, 1971—.
Смоленск. словарь	Словарь смоленских говоров. Под редакцией Ивановой А. И. I—. Смоленск, 1974—.
Срезневский	*Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка, I—III. СПб., 1893—1903.
ССРЛЯ	Словарь современного русского литературного языка, 1—17, М.—Л., 1950—1968.
Толстой [3]	*Толстой И. И.* Сербско-хорватско-русский словарь. Изд. 3, М., 1970.
Ушаков	Толковый словарь русского языка. Под редакцией Д. Н. Ушакова. I—IV. М., 1935—1940.
Фасмер	*Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения Трубачева О. Н. I—IV. М., 1964—1973.
Филин	Словарь русских народных говоров. Под редакцией Филина Ф. П. I—XVI—. Л., 1966—1980—.
ЭССЯ	Этимологический словарь славянских языков. Под ред. Трубачева О. Н. 1—7—. М., 1974—1980—.
Bartoš	*Bartoš Fr.* Dialektologický slovník moravský. (=Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo 6). Praha, 1906.
Berneker	*Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. *A — morъ*. Heidelberg, 1908—1913.
Bezlaj. Eseji	*Bezlaj F.* Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.
Boisacq	*Boisacq E.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Heidelberg, 1907.
Bosworth—Toller	*Bosworth J.*, *Toller T. N.* An Anglo-Saxon dictionary. Oxford, 1898.
Brückner	*Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927 (1970).
Buck	*Buck C. D.* Dictionary of selected synonyms in the principal indo-european languages. Chicago, 1949.
Duden	Duden. Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Bearbeitet von Günther Drosdowski, Paul Grebe und weiteren Mitarbeitern der Dudenredaktion. (Duden. Bd. 7.) Mannheim—Wien—Zürich, 1963.
Ernout—Meillet [3]	*Ernout A.*, *Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine, I—II. 3 éd. Paris, 1951.

Falk—Torp [2]	*Falk H.* und *Torp A.* Norwegisch-dänisches etymologisches Wörterbuch, I—II. 2. Aufl. Heidelberg, 1960.
Fleuriot	*Fleuriot L.* Dictionnaire des gloses en vieux Bréton. Paris, 1964.
Fraenkel	*Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch, 1—18. Heidelberg—Göttingen, 1955.
Frank—van Wijk	*Frank J.* Etymologisch woordenbock der Nederlandsche taal. 3. Aufl. von N. van Wijk. s'-Gravenhage, 1949.
Friedrich	*Friedrich I.* Hethitisches Wörterbuch, I—IV. Heidelberg, 1952—1954.
Frisk	*Frisk Hj.* Griechisches etymologisches Wörterbuch, 1—22—. Heidelberg, 1954—1970—.
Grimm DW	*Grimm J.* und *Grimm W.* Deutsches Wörterbuch, 1—16. Leipzig, 1971.
Hellqvist	*Hellqvist E.* Svensk etymologisk ordbok. Lund, 1948.
Henry	*Henry V.* Lexique étymologique des termes les plus usuels du Bréton moderne. Paris, 1900.
Holub—Kopečný	*Holub J.*, *Kopečný F.* Etimologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.
Chantraine	*Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots, 1—2. Paris, 1968.
Jóhannesson	*Jóhannesson A.* Isländisches etymologisches Wörterbuch, 1—5. Bern, 1951—1954.
Jungmann	*Jungmann J.* Slovník česko-německý, I—V. Praha, 1835—1839.
Klein	*Klein E.* A comprehensive etymological dictionary of the English language, I—II. Amsterdam, 1966—1967.
Kluge—Mitzka[21]	*Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. (20. Aufl. bearb. von W. Mitzka). 21. unveränd. Aufl. Berlin, 1975.
Kott	*Kott F. Št.* Česko-německý slovník, I—VII. Praha, 1878—1893.
Linde	*Linde S.* Słownik języka polskiego, I—VI. Lwów, 1854—1860.
Lorentz Pomor.	*Lorentz Fr.* Pomoranisches Wörterbuch, I—IV. Berlin, 1958—1975.
Lorentz Sl. Wb.	*Lorentz Fr.* Slovinzisches Wörterbuch, I—II. St. Petersburg, 1908, 1912.
Machek [1]	*Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
Machek [2]	*Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968, 1971.
Mayrhofer	*Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindisches, 1—29—. Heidelberg, 1953—1979—.
Meillet. Études	*Meillet A.* Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, 1—2. Paris, 1902—1905.
Meyer	*Meyer G.* Etymologisches Wörterbuch der albanischen Sprache. Straβburg, 1891.
Meyer-Lübke [3]	*Meyer-Lübke W.* Romanisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl. Heidelberg, 1935.
Miklosich	*Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
Miklosich LP	*Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1886.
Mühlenbach—Endzelin	*Mūlenbach K.* Latviešu valodas vārdnīca, red. J. Endzelīns, I—XLV. Riga, 1923—1932.
Niedermann—Senn—Brender—Salys	*Niedermann M.*, *Senn A.*, *Brender F.*, *Salys A.* Wörterbuch der litauischen Schriftsprache, I—V. Heidelberg, 1932—1967.

Onions	The Oxford dictionary of English etymology. Ed. by C. T. Onions. With the assistance of G. W. S. Friedrichsen and R. W. Burchfield. Oxford, 1966.
Pleteršnik	*Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar, I—II. Ljubljana, 1894—1895 (1974).
Pokorny	*Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I—II. Bern, 1949—1959.
RJA	Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I—XXIII. Zagreb, 1880—1976.
Sadnik-Aitzetmüller. Handwörterbuch	*Sadnik L.*, *Aitzetmüller R.* Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.
Schade	*Schade O.* Altdeutsches Wörterbuch. Halle, 1872—1882.
Schuster-Šewc	*Schuster-Šewc H.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. 1—6—. Bautzen, 1978—1980—.
Skeat	*Skeat W.* Etymological dictionary of the English language. Oxford, 1956.
SKES	Suomen kielen etymologinen sanakirja, I—V. Helsinki, 1955—1975.
Skok	*Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I—IV. Zagreb, 1971—1974.
Słownik prasłowiański	Słownik prasłowiański. I—III—. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1974—1979—.
SSJ	Slovník slovenského jazyka. Vyd. Slovenskej Akademie vied. Ved. redaktor dr. Peciar Š., I—VI. Bratislava, 1959—1968.
Tischler	*Tischler J.* Hethitisches etymologisches Glossar, 1—2—. Innsbruck, 1977—1978—.
Trautmann BSW	*Trautmann R.* Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.
Vasmer	*Vasmer M.* Russisches etymologisches Wörterbuch, I—III. Heidelberg, 1953—1958.
de Vries	*de Vries J.* Altnordisches etymologisches Wörterbuch, 1—12. Leiden, 1957—1961.
de Vries. Etym. Woordenboek	de Vries J. Nederlands etymologisch Woordenboek. Leiden, 1971.
БЕз	Български език
ВЯ	Вопросы языкознания
ЖСт	Живая Старина
Изв. АН СССР	Известия Академии наук СССР
МЈ	Македонски јазик
РФВ	Русский Филологический Вестник
СбНУ	Сборник за народни умотворения, наука и книжнина
СбОРЯС	Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности имп. Академии наук
СбРИО	Сборник Русского исторического общества
AfslPh	Archiv für slavische Philologie
BBCS	The Buletin of the Board of Celtic Studies
CIL	Corpus inscriptionum Latinarum
IF	Indogermanische Forschungen
KZ	Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begründet von A. Kuhn
LB	Linguistique Balkanique
NTS	Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap
SOr	Slavia Orientalis
SR	Slavistična Revija
ZfslPh	Zeitschrift für slavische Philologie

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

абаз.	абазинский
абхаз.	абхазский
авар.	аварский
авест.	авестийский
адыг.	адыгский
адыгейск.	адыгейский
азерб.	азербайджанский
алб.	албанский
алт.	алтайский
америк.	американский
англосакс.	англосаксонский
араб.	арабский
арм.	армянский
арханг.	архангельский
афг.	афганский
балт.	балтийский
бахнар.	бахнарский
бацб.	бацбийский
башк.	башкирский
бирм.	бирманский
блр.	белорусский
болг.	болгарский
бритт.	бриттский
бходж.	бходжпури
вед.	ведийский
вейнах.	вейнахский
венг.	венгерский
в.-луж.	верхнелужицкий
волж.	волжский
волог.	вологодский
ворон.	воронежский
вост.-слав.	восточнославянский
вьетнам.	вьетнамский
вят.	вятский
гагауз.	гагаузский
галльск.	галльский
герм.	германский
гидск.	гидский
голл.	голландский
гот.	готский
греч.	греческий
даг.	дагестанский
дакийск.	дакийский
дакомиз.	дакомизийский
дат.	датский
дигор.	дигорский
донск.	донской
др.-англ.	древнеанглийский
др.-брет.	древнебретонский
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
др.-греч.	древнегреческий
др.-инд.	древнеиндийский
др.-исл.	древнеисландский
др.-иран.	древнеиранский
др.-ирл.	древнеирландский
др.-кит.	древнекитайский
др.-норв.	древненорвежский
др.-перс.	древнеперсидский
др.-польск.	древнепольский
др.-прус.	древнепрусский
др.-рус.	древнерусский
др.-сакс.	древнесаксонский
др.-серб.	древнесербский
др.-тюрк.	древнетюркский
др.-фризск.	древнефризский
др.-чеш.	древнечешский
енис.	енисейский
жемайт.	жемайтский
забайкал.	забайкальский
зан.	занский
и.-е.	индоевропейский
иллир.	иллирийский
иран.	иранский
иркут.	иркутский
ирон.	иронский
исп.	испанский
истрорум.	истрорумынский
итал.	итальянский
кабард.	кабардинский
кадн.	кадниковский
казан.	казанский
калин.	калининский
калм.	калмыкский
калуж.	калужский
каракалп.	каракалпакский
карп.	карпатский
картв.	картвельский
катал.	каталонский
кашуб.	кашубский
кашуб. словин.	кашубско-словинский
кимр.	кимрский
кипр.	кипрский
кирг.	киргизский
клин.	клинский
колым.	колымский
корн.	корнуэльский
костр.	костромской
куйбыш.	куйбышевский
кумык.	кумыкский
кунгур.	кунгурский
кург.	курганский
курск.	курский
лакск.	лакский
лат.	латинский
лезг.	лезгинский
лик.	ликийский
лит.	литовский
лтш.	латышский
лув.	лувийский
ляш.	ляшский
майтх.	майтхили
макед.	македонский
манс.	мансийский
маньч.	маньчжурский
мар.	марийский

мегрел.	мегрельский
мезен.	мезенский
монг.	монгольский
морав.	моравский
морд.	мордовский
моск.	московский
нахск.	нахский
н.-брет.	новобретонский
н.-в.-нем.	нововерхненемецкий
н.-греч.	новогреческий
нем.	немецкий
нижегор.	нижегородский
н.-луж.	нижнелужицкий
н.-нем.	нижненемецкий
новгор.	новгородский
новосиб.	новосибирский
новоуйгур.	новоуйгурский
ногайск.	ногайский
норв.	норвежский
о.-адыг.	общеадыгский
обск.	обский
о.-драв.	общедравидский
олон.	олонецкий
онеж.	онежский
осет.	осетинский
осташ.	осташковский
о.-тюрк.	общетюркский
пенз.	пензенский
перм.	пермский
перс.	персидский
петрозав.	петрозаводский
пинеж.	пинежский
полаб.	полабский
полесск.	полесский
польск.	польский
помор.	поморский
португ.	португальский
пракр.	пракрит
праслав.	праславянский
прованс.	провансальский
прус.	прусский
псков.	псковский
пудож.	пудожский
родоп.	родопский
роман.	романский
рум.	румынский
рус.	русский
рус.-цслав.	русский церковнославянский
ряз.	рязанский
сак.	сакский
санталык.	санталыкский
свердл.	свердловский
сев.-двин.	севернодвинский
северск.	северский
севск.	севский
серб.	сербский
серб.-цслав.	сербский церковнославянский
сиб.	сибирский
симб.	симбирский
скиф.	скифский
скр.	санскрит
слав.	славянский
словац.	словацкий
словен.	словенский
словин.	словинский
смол.	смоленский
ср.-в.-нем.	средневерхненемецкий
ср.-ирл.	среднеирландский
ср.-лат.	среднелатинский
ср.-н.-нем.	средненижненемецкий
ср.-урал.	среднеуральский
ст.-болг.	староболгарский
ст.-лит.	старолитовский
ст.-польск.	старопольский
ст.-рус.	старорусский
ст.-слав.	старославянский
ст.-чеш.	старочешский
с.-хорв.	сербохорватский
тадж.	таджикский
тамб.	тамбовский
таранч.	таранчинский
татар.	татарский
твер.	тверской
телеут.	телеутский
тибет.	тибетский
тихв.	тихвинский
тобол.	тобольский
тох.	тохарский
тув.	тувинский
тур.	турецкий
туркм.	туркменский
тюрк.	тюркский
убых.	убыхский
удм.	удмуртский
узб.	узбекский
уйгур.	уйгурский
укр.	украинский
урал.	уральский
урарт.	урартский
фин.-угор.	финно-угорский
фрак.	фракийский
франц.	французский
хакас.	хакасский
хант.	хантыйский
хатт.	хаттский
хетт.	хеттский
хорв.	хорватский
хорв.-кайк.	хорватско-кайкавский
х.-сак.	хотаносакский
хурр.	хурритский
ц.-слав.	церковнославянский
цыг.	цыганский
чакав.	чакавский
чечен.	чеченский
чеш.	чешский
чуваш.	чувашский
шенкур.	шенкурский
шумер.	шумерский
этеокипр.	этеокипрский
якут.	якутский
яросл.	ярославский

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ